О. И. ШКАРАТАН

X

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РАБОЧЕГО КЛАССА СССР

(ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

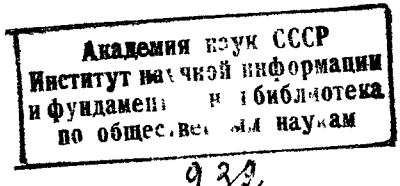
ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ» · МОСКВА · 1970

4к 2-й экз

32 С 4
Ш 66

Пр.

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
СОЦИАЛЬНО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ



HD
8072

Академия наук СССР
Институт научной информации
и фундаментальная библиотека
по общественным наукам

932
71

1-6-4
2 БЗ 36 70

ВВЕДЕНИЕ

Социальная структура общества в целом или каждого из его компонентов является важнейшим объектом исторического и социологического анализа. Можно сказать, что изучение динамики социальной структуры — общая «зона» истории и социологии. Более того, эта область научного знания равноправно входит и в систему экономических наук.

Специалисты различных общественных наук исследуют данный объект с разных сторон. Изучая, например, социальную структуру рабочего класса, экономисты выясняют прежде всего характер экономических отношений между социальными группами рабочего класса, складывающихся в процессе производства. Социологи стремятся к созданию специальной теории внутриклассовой структуры, охватывающей основные стороны жизнедеятельности класса — экономическую, социально-политическую и духовную. Историки особое внимание уделяют сравнительно-историческому исследованию социальной структуры рабочего класса, конкретному анализу изменений в нем, вызванных всем ходом социально-экономического и научно-технического прогресса социалистического общества.

В литературе, как правило, наблюдается стремление ограничить подход к изучению социальных структур «ви́дением», присущим предмету соответствующей научной дисциплины. Однако для выявления основных тенденций социальных изменений в обществе необходимо комплексно рассмотреть изучаемый объект, в нашем случае советский рабочий класс. Подобная попытка и предпринята в предлагаемой читателю монографии, представляющей собой опыт историко-социологического исследования.

Задача, которую поставил перед собой автор, сво-

дится к раскрытию динамики социальной структуры рабочего класса СССР за 1917—1967 гг. как части исторических изменений во всем советском обществе.

При этом нам представлялось необходимым проверить следующие основные положения:

1. Процесс построения общества без классов сопровождается глубокими структурными изменениями самих классовых общностей, все более утрачивающих специфически классовые черты и приобретающих свойства, которые составляют основу для формирования в перспективе общества ассоциированных коммунистических работников.

2. Границы рабочего класса как ведущей силы социалистического общества расширяются, вбирая в себя обширные слои работников нефизического труда, в том числе технической интеллигенции.

3. Рабочий класс как в переходный период от капитализма к социализму, так и в ходе дальнейшего общественного развития по пути к коммунизму, будучи сплочен общностью отношений к средствам производства, ведущей ролью в общественной организации труда, единством источников основных средств существования, в то же время является многосторонне дифференцированной социальной общностью.

4. Внутриклассовая структура является производной не только от типа социальной структуры общества, но и от этапа развития социальных отношений. В различные исторические периоды основные факторы, обусловливавшие образование слоев внутри рабочего класса, менялись в связи с переменами в социальной структуре общества.

5. Социальная структура как общества в целом, так и отдельных классов в пределах одной и той же формации отличается стадиальной устойчивостью, связанной с уровнем развития экономических и социальных отношений в данном обществе.

Подобный замысел требует органического сочетания разработки специальной социологической теории внутриклассовой структуры с конкретно-историческим описанием эмпирического материала, сочетания генетического и структурного методов исследования. Структурный метод здесь обеспечивает выявление основных элементов структуры, типов связей между ними; генетический ме-

тод дает возможность установить на основе реконструкции прошлого динамику структуры и индивидуализирующие пространственно-временные черты статистически регистрируемого социального процесса.

Естественно, что изучение изменений в социальном облике классов, в их структуре должно опираться не на хронологически-описательный, а на стадиальный подход, который в социально-историческом исследовании позволяет отвлечься от деталей, вызванных действием временных, случайных факторов, внутренне не присущих природе социальных отношений на данном этапе развития общества.

Конечно, в такой работе неизбежны конспективность изложения ряда проблем, отсутствие сколько-нибудь подробного описания конкретно-исторических ситуаций. Более того, на данном этапе разработки темы основное внимание приходится сосредоточить на характеристике основных слоев и групп в рабочем классе в разные периоды нашей отечественной истории, на определении их специфических свойств, исчислении их удельного веса. Между тем всестороннее изучение внутриклассовой структуры требует углубленного анализа самих взаимоотношений, взаимосвязей ее элементов, т. е. групп, слоев рабочего класса. Эту задачу предстоит еще разрешить.

Необходимо также учесть, что дореволюционная Россия была страной с многоукладной экономикой. Это сказывалось на всей системе социальных отношений, в том числе и внутриклассовых. Десятилетия потребовались на то, чтобы выровнять уровни социального развития различных республик и районов страны. В этих условиях социальная структура рабочего класса, социальные границы рабочего класса были неоднозначными. В данном исследовании пришлось ограничиться рассмотрением того типа отношений, который был присущ по преимуществу зонам с развитым капитализмом (до революции) и соответственно шедшим после революции впереди в социальном развитии, в формировании социалистических отношений. Недоучет этого обстоятельства до сих пор порождает немало споров в научных кругах (в частности, по вопросу о границах рабочего класса). Методологическая и эмпирическая разработка данных проблем возможна лишь на основе широких всесоюзных историко-социологических исследований по единой программе.

Большие трудности в изучении социальной структуры нашего общества связаны и с недостаточной разработанностью таких вопросов, как структура производственных отношений, взаимосвязь разделения труда и отношений собственности, и некоторых других.

В работе использованы материалы переписей населения, переписей рабочих и служащих, учетов профессионального состава, заработной платы и стажа работников народного хозяйства, материалы текущей государственной статистики; документы из государственных архивов и текущих архивов ведомств; материалы ряда конкретно-социологических исследований, которыми руководил автор.

Автор выражает глубокую признательность Л. Е. Анкудиновой, В. З. Дробижеву, А. Г. Здравомыслову, Л. С. Бляхману, В. Е. Полетаеву, В. А. Ядову, которые взяли на себя труд ознакомиться с рукописью книги и чьи дружеские советы помогли при ее подготовке к печати.

Автор от всей души благодарит коллектив Межинститутской социологической лаборатории Института этнографии Академии наук СССР и Ленинградского финансово-экономического института, всех товарищей, участвовавших в тех социологических исследованиях, материалы которых использованы в книге.

Особая признательность и благодарность моим неизменным помощникам и товарищам И. В. Рябиковой и Г. Ф. Галкиной.

* * *

Советские ученые всегда исходили из совершенно четких указаний основоположников марксизма-ленинизма о первостепенном значении социальной структуры рабочего класса в решении задач построения нового общества, в выборе конкретных форм социалистического строительства.

Состояние социальной структуры рабочего класса в известной мере определяло темпы и методы вовлечения в русло социалистического строительства непролетарских слоев трудящихся (прежде всего крестьянства); оно оказывало влияние на формирование авангарда рабочего класса — Коммунистической партии, а также в

значительной степени на уровень трудовой и политической активности рабочих масс.

Коммунистическая партия, В. И. Ленин тщательнейшим образом учитывали социальную структуру рабочего класса при постановке и решении крупнейших народнохозяйственных и политических задач. Характерны в этом отношении письма В. И. Ленина в ЦК «Об условиях приема новых членов в партию», датированные мартом 1922 г. Ставя в них вопрос об укреплении партии, об увеличении в ней действительно пролетарских элементов, В. И. Ленин тесно увязывает решение этой насущнейшей в условиях того времени проблемы с реальной обстановкой на фабриках и заводах, с изменившимся за годы империалистической и гражданской войн социальным составом рабочих.

«Нет сомнения, — писал он, — что наша партия теперь по большинству своего состава недостаточно пролетарская... Со времени войны фабрично-заводские рабочие в России стали гораздо менее пролетарскими по составу, чем прежде... С другой стороны, так же несомненно, что партия наша теперь является менее политически воспитанной в общем и среднем (если взять уровень громадного большинства ее членов), чем необходимо для действительно пролетарского руководства в такой трудный момент, особенно при громадном преобладании крестьянства... Из всего этого я делаю вывод, подкрепленный в моих глазах еще тем, что белогвардейцы вполне сознательно учитывают непролетарский состав нашей партии, — вывод, что мы должны значительно увеличить сроки кандидатского стажа... Если не закрывать себе глаза на действительность, то надо признать, что в настоящее время пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него» [1].

Уже одного этого отрывка из ленинского письма достаточно, чтобы видеть, как тщательно вождь революции

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 19—20; см. также т. 43, стр. 42; т. 44, стр. 10, 103—109; т. 45, стр. 17—21.

учитывал структуру рабочего класса при решении важнейших политических проблем, в том числе вопроса о темпах и методах социалистического строительства, о формах работы партии с массами и о взаимоотношениях внутри самой партии.

Задача конкретного изучения состава и структуры рабочего класса в дооктябрьский и в послеоктябрьский периоды была впервые поставлена в докладе А. М. Панкратовой на 1-й Всесоюзной конференции историков-марксистов, открывшейся в декабре 1928 г.[2]

Весной 1929 г. органы статистики труда ВЦСПС провели выборочную перепись рабочих и служащих. Она оказала большое влияние на научную разработку проблем структуры рабочего класса. Это обнаружилось уже в статье А. М. Панкратовой «Проблема изучения истории пролетариата», опубликованной в 1930 г. в первом номере журнала «История пролетариата СССР» и представлявшей собой переработанный доклад на конференции историков-марксистов. Автор подчеркнула мысль о том, что состав рабочего класса — существенный фактор социалистического строительства. «В условиях диктатуры пролетариата, — говорится в статье, — от социального состава зависит успешный и быстрый темп осуществления задач пролетарской диктатуры, наличие в рабочей среде условий для проникновения в нее чуждых и враждебных идеологий, составом определяется социальная база партии и уклонов в ней, качество кадров, необходимых для массового выдвижения, и т. п.»[3].

Вскоре увидела свет и теоретическая работа Б. Л. Маркуса «К вопросу о методах изучения социального состава пролетариата СССР»[4] — единственное опубликованное до XX съезда партии специальное сочинение на данную тему. В нем предпринята попытка выявить основные социальные слои пролетариата в переходный период от капитализма к социализму[5].

---

[2] См *А. М. Панкратова.* Проблемы изучения рабочего класса в России. — «Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов». Декабрь 1928 — январь 1929 г., т. 1. М., 1930.

[3] *А. М. Панкратова.* Проблема изучения истории пролетариата — «История пролетариата СССР», 1930, № 1, стр. 23

[4] «История пролетариата СССР», 1930, № 2.

[5] Концепция внутриклассовой структуры, предложенная Б. Л. Маркусом, рассматривается ниже, в главе I.

После статей А. М. Панкратовой и Б. Л. Маркуса еще в довоенные годы появился ряд социально-экономических трудов, содержавших конкретное описание социального состава рабочего класса, в частности статья М. Авдеенко «Сдвиги в структуре пролетариата в первой пятилетке» [6], подводившая итог только что проведенным переписям. Единственным конкретно-историческим по своему характеру исследованием, вышедшим в довоенный период, явилась обширная статья М. И. Гильберта «К вопросу о составе промышленных рабочих СССР в годы гражданской войны» [7].

После длительного перерыва публикация работ по этой тематике возобновилась в 1957—1958 гг. Это были главным образом статьи о численности рабочих, их половозрастном составе и распределении по отраслям на разных этапах развития советского общества; данные о социальном составе занимали в них весьма скромное место [8].

В дальнейшем исследования приобрели более целенаправленный характер. Усилиями таких историков, как А. А. Матюгин, А. Г. Рашин, В. Е. Полетаев, Л. С. Рогачевская, А. М. Панфилова и другие, к настоящему времени проблемы изучения численности, состава и источников пополнения рабочего класса на разных этапах развития советского общества в значительной мере разрешены. Наибольшее признание получили два сборника: «Изменения в численности и составе советского рабочего класса» (М., 1961) и «Формирование и развитие советского рабочего класса (1917—1961 гг.)» (М., 1964) [9].

---

[6] См «Плановое хозяйство», 1932, № 6—7

[7] См «История пролетариата СССР», 1934, № 3; 1935, № 1.

[8] См *А. А. Матюгин.* Источники пополнения состава промышленных рабочих СССР в восстановительный период (1921—1925 гг). — «Доклады и сообщения Института истории АН СССР», вып 12. М., 1957; *А. П. Финаров.* О составе фабрично-заводских рабочих СССР к началу реконструктивного периода. — «Труды Сибирского лесотехнического института». Сб 28 Красноярск, 1958; *А. Г. Рашин.* О численности и составе рабочего класса СССР в 1928—1955 гг — В сб: «Из истории рабочего класса и революционного движения» М, 1959; *Б. М. Смехов* Рост и изменение состава рабочего класса СССР — В сб. «Вопросы труда в СССР». М, 1958, *Л. С. Рогачевская.* Из истории рабочего класса СССР в первые годы индустриализации (1926—1927 гг.). М., 1959, и др.

[9] См. *З. Астапович* Исследование истории рабочего класса СССР. — «Коммунист», 1965, № 9.

А. М. Панфилова в книге «Формирование рабочего класса СССР в годы первой пятилетки (1928—1932 гг.)» (М., 1964) на огромном фактическом материале раскрыла социальные источники пополнения рядов рабочего класса, подробно описала методы привлечения в промышленность колхозников и мероприятия по закреплению на производстве новых пополнений.

С. Л. Сенявский в монографии «Рост рабочего класса СССР (1951—1965 гг.)» (М., 1966) предпринял попытку дать характеристику источников пополнения рабочего класса, приведя материал о распределении рабочих по отраслям производства, по полу, возрасту, профессиям, стажу работы и другим показателям.

В. Е. Полетаев проделал кропотливую работу по сбору в архивах и опубликованных источниках сведений об изменениях в составе рабочего класса в послевоенный период. В одной из итоговых статей он подчеркнул, что изменения в рабочем классе после победы социализма характеризуются непрерывным повышением квалификации рабочих и ростом их культурного уровня [10].

Много книг, брошюр, статей опубликовано периферийными авторами. В этих работах собраны материалы о составе рабочего класса в национальных республиках и экономических районах на разных этапах развития советского общества [11].

В трудах историков и историков-экономистов встречается термин «структура». Однако на деле его трактовка оказывается однозначной понятию «состав», т. е. под ним подразумевается статистическое распределение рабочих по определенным признакам.

---

[10] См. *В. Е. Полетаев.* Изменения в численности и составе рабочего класса СССР в итоге победы социализма. — В сб.: «Формирование и развитие советского рабочего класса (1917—1961 гг.)», стр. 117; см. также *В. Е. Полетаев.* Рабочие Москвы на завершающем этапе строительства социализма (1945—1958 гг.). М., 1967.

[11] Литература, вышедшая в 1961—1967 гг., суммирована в библиографическом указателе, изданном Государственной ордена Ленина библиотекой СССР имени В. И. Ленина: «Социальные изменения рабочего класса СССР в процессе социалистического и коммунистического строительства». М., 1967. Из позднее опубликованных обобщающих работ отметим: «Рабочий класс СССР на современном этапе». Отв. ред. В. А. Овсянкин. Л., 1968; «Краткая история советского рабочего класса. 1917—1967». М., 1968; «Рабочий класс СССР (1951—1965 гг.)». Отв. ред. В. Е. Полетаев. М., 1969.

Примерно до 1962—1964 гг. наши философы и социологи довольно детально изучали взаимоотношения классов при социализме по линиям социально-политической, социально-культурной, социально-экономической, идеологической и социально-психологической [12]. Внутриклассовая же дифференциация по существу не рассматривалась как якобы уже не существующая. Совершенно отсутствовала разработка проблемы воспроизводства классов при социализме, сближения социальных источников их пополнения. В отличие от социологов историки и многие из экономистов не отрицали наличия внутриклассовых различий и продолжали изучать факты дифференциации рабочего класса по различным признакам.

Однако отсутствие содержательных теоретических посылок, выведенных на основе социологической теории, отрицательно сказывалось на конкретных исследованиях. Статистики, экономисты и социологи 20-х годов базировали свои изыскания на идее, изложенной И. В. Сталиным на VII расширенном Пленуме ИККИ в декабре 1926 г. в докладе «Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии». Идея эта сводилась к выделению в рабочем классе трех основных слоев: кадровых рабочих, недавних выходцев из непролетарских классов и рабочей аристократии. Анализ данных о стаже работы, о связи с деревней, о социально-классовом происхождении рабочих в период перехода от капитализма к социализму, содержавшийся в исследованиях, которые публиковались в 20-е и 30-е годы, подчинялся лишь подтверждению и конкретизации этой концепции и не выходил за ее рамки. Между тем применительно к периоду победившего социализма она уже не могла служить теоретической основой конкретного изучения внутриклассовой структуры: те же данные о стаже и социальном происхождении оказывались в трудах историков, писавших об этом периоде, лишенными теоретического обоснования; им не находилось места в картине социальных процес-

---

[12] Наибольший вклад в разработку этих проблем внес известный философ и социолог Г. Е. Глезерман. См. *Г. Е. Глезерман.* Ликвидация эксплуататорских классов и преодоление классовых различий в СССР. М., 1949; *его же.* Закономерности изменения и развития классовых отношений в условиях строительства социализма и коммунизма. — В кн.: «О закономерностях возникновения и развития социалистического общества». М., 1960, и др.

сов. Прежде существовавшие в рабочем классе социальные слои отмерли, а новые критерии социальной дифференциации долгое время не разрабатывались [13].

В 40—50-х годах у нас не появлялись специальные публикации по проблемам развития и изменения внутриклассовой структуры. Само понятие «внутриклассовая структура» употреблялось лишь применительно к первому пятнадцатилетию существования советского общества. После первой пятилетки ни разу не проводились и специальные исследования социальной структуры советского рабочего класса. Имевшие место в конце 50-х годов и в первой половине 60-х годов попытки ряда авторов (в том числе и автора этих строк) проанализировать состав рабочего класса оказались малоэффективными из-за отсутствия теоретической концепции механизма, управляющего структурными зависимостями в ведущем классе общества победившего социализма, и соответствующего эмпирического материала, собранного по научно обоснованной программе. В лучшем случае этим авторам удалось с той или иной мерой достоверности описать по разрозненным данным некоторые характеристики состава современных промышленных кадров. Материалы государственной статистики содержат достаточно подробные сведения об их производственно-технических, а также демографических показателях, но не отражают или, точнее, почти не отражают их социальный состав.

Между тем изучение структуры классов развитого социалистического общества представляет отнюдь не чисто познавательный интерес. Планы социального развития нельзя строить без учета реальной дифференцированности классов. Простейшие наблюдения над действительностью показывают существенные различия в рабо-

---

[13] Разбор трудов историков содержится в нашей статье «Методологические аспекты изучения истории советского рабочего класса» — «Вопросы истории», 1966, № 4; там же имеются сведения о ранее вышедших историографических обзорах.

Из новейших историографических работ следует отметить: *Т. В. Батаева* Историографические работы о советском рабочем классе. — «Вопросы истории», 1969, № 4; *И Е. Ворожейкин.* Основные этапы изучения истории советского рабочего класса. — «Вопросы истории», 1968, № 8; *В А. Ежов.* Некоторые проблемы послевоенной истории рабочего класса в советской историографии. — «Вестник Ленинградского ун-та», 1967, № 14.

чем классе по социальной активности, культурному уровню и т. д. Такая, казалось бы, сугубо технико-экономическая проблема, как структура капиталовложений на техническое переоснащение предприятий, тесно увязана с задачами социального развития, в том числе и с задачей сокращения разрыва в квалификации и культурном уровне различных групп рабочих. Вопросы размещения, обучения и воспитания рабочих на предприятиях также не могут решаться без учета воздействия мероприятий в этой области на изменения в социальной структуре рабочего класса. То же относится к распределению средств из фондов общественного потребления и многим другим сторонам жизнедеятельности общества.

Вопрос об интеграции и дифференциации классов при социализме и поныне остается одним из наименее разработанных в социологической литературе. Правда, за последние годы положение в этой области знания значительно изменилось.

Проблемы социальной структуры общества, в том числе и внутриклассовой структуры, все больше приковывают к себе внимание обществоведов-марксистов. Если в 1960—1961 гг. в ходе широкой дискуссии получили разрешение многие весьма острые вопросы социальной структуры капиталистического общества [14], то позднее развернулось обсуждение проблем социальных отношений и социальной структуры социалистических стран. В 1964 г. состоялась международная встреча марксистов в Праге, итоги которой суммированы в сборнике «Sociální struktura socialisticke společnosti» (Praha, 1966). Особенно широкий размах получили как эмпирические, так и теоретические исследования в этой области в Польской Народной Республике [15].

---

[14] См. «Структура рабочего класса капиталистических стран». Материалы обмена мнениями, проводившегося в журнале «Проблемы мира и социализма» в 1960—1961 гг. Прага, 1962.

[15] *St. Nowak.* Changes of Social Structure in Social Consiousness. — «The Polish Sociological Bulletin», 1964, N 2; *J. Wiatr.* Społeczeństwo. Warszawa, 1965; *St. Widerszpil.* Skład Polskiej klasy robotniczej Warszawa, 1965; *J. Malanowski.* Stosunki klasowe i różnice społeczne w mieście. Warszawa, 1967; «Przemiany społeczne w Polsce Ludowej», Studia pod redakcja Adama Sarapaty Warszawa, 1965; переводы ряда работ опубликованы в сб. «Социологическая мысль в Польской Народной Республике». Под ред. Е В. Осиповой. М., 1968.

В Советском Союзе в январе 1966 г. состоялась конференция в Минске, в которой приняли участие многие социологи, историки, экономисты, занимающиеся проблемами социальной структуры советского общества [16]. За последние годы из печати вышел ряд работ, в которых поставлены коренные вопросы социальной структуры, предложены определенные гипотезы, сообщены первые результаты конкретно-социологических исследований [17]. Можно отметить в качестве одного из существенных достижений в изучении социальной структуры переход от анализа, ограничивающегося преимущественно классовыми отношениями, к рассмотрению всей совокупности социальных отношений в обществе и внутри классов.

Однако в области изучения социальной структуры рабочего класса СССР сделано еще очень немногое, необходимы дальнейшие разносторонние изыскания по этой весьма актуальной проблеме. Раскрытие механизма внутриклассовых структур с установлением соподчиненности этих структур и степени связи их элементов на

---

[16] См. *И. И. Кравченко* и *Е. Т. Фадеев.* О социальной структуре советского общества (К итогам Всесоюзной научной конференции «Изменения социальной структуры советского общества». Минск, январь 1966 г.). — «Вопросы философии», 1966, № 5.

[17] См *Г. Е. Глезерман.* Переход от социализма к коммунизму и стирание классовых граней. — В сб.: «От социализма к коммунизму». М., 1962; *В. С. Семенов.* Преобразования в рабочем классе и интеллигенции в процессе перехода к коммунизму. — Там же; *О. И. Шкаратан.* Проблемы и методы изучения социального состава советского рабочего класса. — В сб.: «Из истории рабочего класса СССР». Л., 1962; *С. А. Кугель.* Закономерности изменения социальной структуры общества при переходе к коммунизму. М., 1963; *В. С. Семенов.* Социальная структура советского общества. — «Коммунист», 1965, № 11; «Строительство коммунизма и развитие общественных отношений». Под ред. Г. Е. Глезермана, М. Д. Каммари, Ф. В. Константинова (отв. ред.), В. С Семенова. М., 1966; *Ю. В. Арутюнян.* Социальная структура сельского населения. — «Вопросы философии», 1966, № 5; *О. И. Шкаратан.* Социальная структура советского рабочего класса. — «Вопросы философии», 1967, № 1; «Процессы изменения социальной структуры в советском обществе». Отв. ред. М. Н. Руткевич. Свердловск, 1967; «Проблемы изменения социальной структуры советского общества». Отв. ред. Ц. А. Степанян и В. С. Семенов. М, 1968; «Классы, социальные слои и группы в СССР» Отв. ред Ц А Степанян и В С Семенов М., 1968; «Социальные различия и их преодоление». Отв. ред М. Н Руткевич. Свердловск, 1969, и другие исследования. Анализ социологической литературы см. *С. А. Кугель.* Новое в изучении социальной структуры общества. Л., 1968; *М. Н. Руткевич* Проблемы изменения со-

различных этапах развития советского рабочего класса — еще не решенная задача нашей науки [18].

При этом со всей остротой встает вопрос о методологических и методических принципах исследования динамики социальной структуры как общества в целом, так и его основных компонентов, прежде всего ведущей общественной силы — рабочего класса [19].

В связи с этим в настоящей работе принята следующая схема изложения материала.

В первой главе рассматриваются теоретические посылки, послужившие основой для конкретных изысканий, а также даются сведения о методах исследования и источниках, использованных для реконструкции социальной структуры рабочего класса на разных этапах его развития.

Вторая и третья главы посвящены непосредственно характеристике изменений в социальной структуре рабочего класса за годы Советской власти.

циальной структуры советского общества. — «Философские науки», 1968, № 3.

[18] Подробный анализ отечественной и зарубежной марксистской социологической литературы 60-х годов см. ниже в главе I, § 1—4.

[19] В настоящей работе обобщены результаты исследований, проведенных автором на протяжении последних лет. Естественно, не все его положения и выводы бесспорны, поскольку некоторые методологические и конкретные вопросы изучения социальной структуры социалистического общества находятся в стадии научной разработки, являются предметом дискуссии советских исследователей. Предлагаемая книга показывает необходимость дальнейшего обсуждения актуальных проблем марксистско-ленинской социологии (*Примечание издательства*)

ГЛАВА I

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СОВЕТСКОГО РАБОЧЕГО КЛАССА

§ 1. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА

Сейчас уже, пожалуй, трудно встретить обществоведческую работу, которая не претендовала бы на системный подход к изучению социальных объектов [1]. В марксистских социальных исследованиях подобный подход тем более естествен, что само его возникновение связано с именем создателя «Капитала».

В специальной литературе, посвященной логике научного исследования, под системой подразумевается «упорядоченное определенным образом множество эле-

[1] См. *В. Н. Садовский.* Методологические проблемы исследования объектов, представляющих собой системы. — В кн.: «Социология в СССР», т. I. М., 1965; *В. Г. Афанасьев.* Научное управление обществом (Опыт системного исследования). М., 1968; *Б. В. Ахлибининский.* Информация и система. Л., 1969; *Ю. А. Левада.* Некоторые проблемы системного анализа общества в научном наследии К. Маркса. — В сб.: «Маркс и социология». — «Информационный бюллетень» ССА, 1968, № 3; *И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин.* Системный подход в социальных исследованиях. — «Вопросы философии», 1967, № 9; *И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин.* Философские проблемы исследования систем и структур. — «Вопросы философии», 1970, № 5. Библиография по общим проблемам систем и структур приведена в сб. «Системные исследования. Ежегодник, 1969». М., 1969, и сб. переводов «Исследования по общей теории систем». М., 1969.

ментов, взаимосвязанных между собой и образующих некоторое целостное единство»[2]. Общество с этих позиций характеризуется как целостная динамическая самоуправляемая система[3].

Анализ системы предполагает рассмотрение: а) ее связей с внешней средой; б) ее внутренней структуры.

Еще К. Маркс в «Капитале» показал, что вычленение структуры изучаемого объекта является непременным условием его системного анализа.

Однако при всей плодотворности структурного анализа его нельзя считать вполне достаточным для изучения объекта. Б. Рассел справедливо заметил, что даже полный анализ структуры говорит нам не обо всем, что мы хотим знать о данном объекте, а лишь о том, какими являются части этого объекта и как они относятся друг к другу, и ничего не говорит об отношениях, которые соединяют этот объект с другими объектами, не являющимися его составной частью или компонентом[4].

Мы не ставим своей целью разрабатывать проблемы структурного анализа, как такового, и вполне согласны с трактовкой структуры, данной Б. А. Грушиным, который понимает под структурой «совокупность функционально связанных между собой элементов, связей и зависимостей, составляющих внутреннее строение объекта»[5]. В. И. Свидерский также полагает такое понимание категории «структура» возможным, когда говорят о социальной структуре общества[6].

В своей позднейшей работе Б. А. Грушин отметил: «Вообще говоря, структура объекта может характеризоваться тремя моментами: количеством составляющих, порядком их расположения и характером зависимости между ними»[7].

---

[2] *В. Н. Садовский.* Указ. соч., стр. 173; см. также *Б. В. Ахлибининский.* Указ. соч., стр. 147—150; *И. В. Блауберг, В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин.* Системные исследования и общая теория систем. — В сб.: «Системные исследования. Ежегодник, 1969», и др.

[3] См. *В. Г. Афанасьев.* Указ. соч., стр. 7—40.

[4] *B. Russel.* Structure. В кн. «Human Knowledge Its Scope and Limits». London, 1948, p. 121.

[5] *Б. А. Грушин.* Очерки логики исторического исследования. М., 1961, стр. 61.

[6] *В. И. Свидерский.* О диалектике элементов и структуры. М., 1962, стр. 11.

[7] *Б. А. Грушин.* О структуре динамических процессов. — В кн.: «Социология в СССР», т. I, стр. 159.

Академия наук СССР
Институт научной информации
и фундаментальная библиотека

А. Г. Здравомыслов (и другие современные авторы) обращает внимание на такие свойства структуры, как устойчивость и повторяемость системы связи элементов в рамках целого. Он указывает на необходимость выявлять характер взаимозависимости элементов и их вклада в функционирование и изменение рассматриваемой целостности [8].

Поскольку целостные системы (в том числе и социальные) динамичны, возникает вопрос: как реализуются такие свойства структуры, как устойчивость и повторяемость? Динамизм системы означает, что в ней протекают процессы, т. е. имеет место изменение структурных элементов и связей между ними, которое постепенно переводит систему из одного состояния в другое. «Целое, — пишет В. Г. Афанасьев, — представляет собой процесс, а потому структура является и организацией его во времени» [9]. Структура поэтому есть и способ функционирования данной системы как ставшей, качественно определенной и форма, в рамках которой протекают изменения, зреют предпосылки для перехода в новое качество [10].

Таким образом, изучение структуры объекта не означает отказа от рассмотрения его в динамике. Процесс развития реализуется в качественных изменениях структуры, что связано с возникновением новых структурных составляющих объекта — элементов, связей и зависимостей. Марксистская интерпретация структурного подхода требует его органического сочетания с генетическим анализом.

В нашем исследовании нельзя, однако, ограничиться раскрытием общего понятия структуры. Необходимо выяснить, что́ следует понимать под социальной структурой общества. Конечно, изложенный выше подход к структурному анализу составляет общую основу для структурного рассмотрения и общества, но он недостаточно конкретен.

В социологической литературе последних лет дано немало определений социальной структуры общества.

---

[8] См. *А. Г. Здравомыслов.* Функционализм и его критика. — В кн.: «Структурно-функциональный анализ в современной социологии». — «Информационный бюллетень» ССА, 1968, № 6, вып. 1, стр. X.

[9] *В. Г. Афанасьев.* Указ. соч., стр. 10.

[10] Там же.

Многие авторы применяют термин «социальная структура» для описания распределения индивидов по полу, возрасту, стажу работы, квалификации и т. д., хотя более правильным было бы в таких случаях использовать термин «состав», учитывающий простое наличие определенных элементов в изучаемой системе и их количественное выражение (соотношение).

Ряд определений категории «социальная структура» был предложен исследователями из Польши, Венгрии, Чехословакии, СССР на международной встрече марксистов-социологов, состоявшейся в Праге в 1964 г. [11]

Польский социолог Ст. Видершпиль дает следующее определение: «Социальная структура — это размещение зависимостей и общественных отношений между отдельными элементами в пределах данной целостности. Элементами социальной структуры являются категории индивидов или группы индивидов, а не отдельные индивиды. Социальными целостностями являются разного рода социальные группировки, то есть такие группы людей, между которыми образовалась и удерживается определенная связь» [12]. По Видершпилю, «социальная структура в социологическом смысле охватывает определенные реальные целостности, которые образуют систему общественных отношений между категориями индивидуумов, систему, которую характеризует определенное социальное поведение, степень активности, силы и организации» [13].

Венгерский автор А. Хегедюш отмечает, что социальная структура не есть статистическая группировка членов общества по произвольно выбранным категориям. Социальная структура образуется в силу того, что между социальными слоями и классами, которые в ней имеются, существует функциональная дифференциация. Само существование общественных групп (слоев, классов) А. Хегедюш связывает с различиями в материально-экономических условиях, которые обусловливают неизбежные различия в духовно-идеологической сфере и поэтому являются исходными для создания структурной

---

[11] См. «Sociálni struktura socialistické společnosti». Praha, 1966

[12] *St. Widerszpil.* Skład polskiej klasy robotniczej. Warszawa, 1965, s. 36.

[13] Там же, стр. 37.

модели общества. В социальной структуре общества он выделяет общественные группы и социальные отношения (формы взаимной связи между группами) [14].

Известный польский социолог Ян Щепаньский считает, что теория социальных структур «стремится обобщить результаты исследований разных типов и форм совместной жизни людей и установить ее общие закономерности. Она изучает составные элементы групп, всякого рода общности, основы их строения, взаимное приспособление составляющих их элементов и сил, обусловливающих их функционирование. Она изучает также феномены внутреннего единства групп, силы, обусловливающие единство, а также силы и факторы, вызывающие их распад» [15].

В советской социологической литературе последних лет накоплен определенный багаж идей по теории социальной структуры. В одной из статей, опубликованной нами в соавторстве с С. А. Кугелем, подчеркивалось, что общество представляет собой сложный организм, в котором имеют место элементы и зависимости разного порядка, системы различной структурной организации. В самом широком смысле любые элементы, зависимости в обществе социальны. Однако при таком рассмотрении категория «социальная структура» становится слишком общей, ускользает субординация структурных связей. Поэтому в статье обосновывалась необходимость применять этот термин более строго, обозначать им совокупность общественных групп, исторически сложившихся общностей людей (термин «совокупность» использовался здесь как синоним функциональной взаимосвязи элементов системы) [16].

---

[14] *Andras Hegedüs* (Budapest). Das Structurmodell der sozialistischen Gesellschaft und der sozialen Schichtung. — В сб: «Beiträge zur Sozialen Struktur der Sozialistischen Gesellschaft». Berlin, 1967, S. 88—89 (статья впервые опубликована в сб. «Strukturalni model socijalističkog društva i društvena slojevitost». Beograd, 1966, st. 125—137). Аналогичные взгляды А. Хегедюш высказал в статье под одноименным названием, опубликованной в уже упоминавшемся чешском издании «Sociální struktura socialistické společnosti».

[15] *Ян Щепаньский.* Элементарные понятия социологии. Пер. с польск. М., 1969, стр. 10.

[16] См. *С. А. Кугель, О. И. Шкаратан.* Некоторые методологические проблемы изучения социальной структуры общества. — «Философские науки», 1965, № 1.

С. А. Кугель позднее предложил выделить понятие социальной структуры населения и как одну из существенных его моделей — модель общественных групп [17].

А. В. Дроздов поддержал подход к социальной структуре как к системе общностей и их связей. В то же время он отметил, что как совокупность элементов социальная структура представляет собой систему социально-исторических общностей (классовых, национальных, профессиональных, семейно-бытовых и т. д.), по видам же общественных отношений различаются структуры экономическая, политическая, правовая и религиозная [18].

По мнению А. С. Фриша, бытующие в нашей литературе классификации социальных отношений «неудовлетворительны потому, что здесь в одном ряду и в случайной последовательности оказываются категории, характеризующие содержание системы общественных отношений (т. е. экономические, политические, правовые и т. д. — *О. Ш.*), и категории, характеризующие проявление этого содержания в связях тех или иных структурных элементов (т. е. классы, нации и т. д. — *О. Ш.*)» [19].

Говоря о первой группе категорий, А. С. Фриш подчеркивает, что, «раскрывая содержание системы общественных отношений, марксизм рассматривает его, абстрагируясь от структурных связей, в которых это содержание проявляется, и различает два основных «слоя» — материальных отношений (базис) и идеологических отношений (надстройка)».

Вторая группа категорий выражает «другой структурный аспект анализа, который органически связан с аспектом, раскрывающим содержание системы общественных отношений, базируется на нем, но не тождествен ему. Структурный анализ дает другой ряд категорий, *комплексно* характеризующих связи между теми или иными элементами социальной структуры — между на-

---

[17] См. *С А. Кугель.* Новое в изучении социальной структуры общества. Л., 1968, стр. 4; *его же.* Изменение социальной структуры общества под воздействием научно-технической революции. — «Вопросы философии», 1969, № 3, стр. 13.

[18] См. *А. В. Дроздов.* Человек и общественные отношения. Л., 1966, стр. 111—114.

[19] *А. С. Фриш.* Назревшие проблемы исследования социальной структуры нашего общества. — В кн.: «Проблемы изменения социальной структуры советского общества», стр. 83.

циями, классами, производственными ячейками (в условиях социализма — производственными коллективами), между индивидами и т. д. Каждое звено в этом ряду категорий выступает как особенное проявление содержания системы общественных отношений во всем его объеме»[20].

Мысль о необходимости выделения особого ряда отношений между людьми в обществе — социальных отношений — высказана многими авторами. В какой-то мере итоговой была статья В. Л. Худякова ««Социальное» и его проявление в системе общественных отношений»[21]. В. Л. Худяков исходил из известного высказывания К. Маркса в его письме к П. В. Анненкову: «Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов, — словом, определенное гражданское общество»[22].

Сфера социальных отношений, по В. Л. Худякову, и есть особая сфера отношений между людьми как существами общественными, сплачивающих их в гражданское общество, структурными элементами которого являются классы, сословия, семьи и т. д. Эти отношения порождены экономическими отношениями, но обладают относительной самостоятельностью в процессе общественного развития[23].

Г. В. Осипов, исходя из того же высказывания К. Маркса, определяет гражданское общество как систему социального взаимодействия людей в исторически сложившихся общественных формах, которые опосредованы экономическим взаимодействием. «Это взаимодействие индивидов, индивидов и социальных институтов, социальных групп и т. д. Связи, возникающие на основе определенной системы социального взаимодействия, носят название социальных отношений.

Социальные отношения — это отношения людей друг к другу, складывающиеся в исторически сложившихся

---

[20] Там же, стр. 83, 84.

[21] См. «Вестник Ленинградского ун-та», 1968, № 4.

[22] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, стр. 402.

[23] См. «Вестник Ленинградского ун-та», 1968, № 4, стр. 74—79; см. также *В. П. Рожин*. Введение в марксистскую социологию. Л., 1962, стр. 95—96.

общественных формах, в конкретных условиях места и времени. Это классовые, национальные, групповые, социально-психологические и личностные отношения. Совокупность всех этих отношений, сложившихся на основе определенной экономической структуры, образует социальную структуру общества»[24].

Г. В. Осипов подчеркивает, что в основе отношений людей друг к другу лежат установки, ценности, стереотипы и нормы. Их характер и содержание складываются под влиянием определенных общественных форм, в рамках которых протекает деятельность людей в различных сферах социальной жизни. Изменение же и само существование общественных форм детерминируются экономическими отношениями[25].

В другой своей работе Г. В. Осипов дает целостное определение социальной структуры общества, отнеся к ней «межклассовые и внутриклассовые отношения, систему социальных институтов и организаций, регулирующих эти отношения, развитие и взаимодействие различных социальных систем и структур внутри общества»[26].

Еще один подход к понятию «социальная структура» представлен Ю. А. Левадой. Он предлагает три дополняющих друг друга аспекта рассмотрения этой категории:

1) функциональный — выяснение роли отдельных сфер разделения и кооперации общественного труда, социальных институтов и норм в рамках социального организма;

2) организационный — анализ характера и типов организованности, устойчивости, мобильности социальных групп, взаимодействия их элементов;

3) активный — исследование структуры социальных действий[27].

При всех различиях и оттенках изложенных точек зрения их объединяет принципиально иной подход к ка-

---

[24] *Г. В. Осипов.* Социология как наука. — В кн: «Социальные исследования», вып. 2. М., 1968, стр 35.

[25] См. там же.

[26] *Г. В. Осипов.* К. Маркс — основоположник научной социологии. — В сб.: «Маркс и социология». — «Информационный бюллетень» ССА, 1968, № 3, стр. XII.

[27] См. *Ю. А. Левада.* Некоторые проблемы системного анализа общества в научном наследии К Маркса. — В сб.: «Маркс и социология». — «Информационный бюллетень» ССА, 1968, № 3, стр. 80.

тегории социальной структуры, чем тот, которым оперируют представители распространенной на Западе школы структурно-функционального анализа, возглавляемой Т. Парсонсом и Р. Мертоном.

В советской социологической литературе неоднократно рассматривались и были подвергнуты фундаментальной критике концептуальные схемы функционалистов [28]. В то же время советские авторы отмечали необходимость разграничивать общенаучный подход к социальным явлениям с точки зрения структурно-функциональных взаимозависимостей, с одной стороны, и определенное направление буржуазной социологии под одноименным названием — с другой. Если в общеметодологическом плане структурно-функциональный подход рассматривается нами как существенный компонент марксистского анализа общества, то совершенно иным является наше отношение к функционализму как направлению в буржуазной общественной мысли.

Концепция структурно-функциональной школы глубоко антиисторична и реакционна. Ее конечный вывод (общество только тогда может нормально функционировать, когда укрепляется взаимозависимость его элементов и растет сознательный контроль за поведением индивидов) объективно служит апологетике высокоцентрализованного государства монополистического капитала.

В работах Т. Парсонса и его единомышленников реальное, конкретно-историческое, капиталистическое общество предстает в превратном виде, как некая абстрактная саморегулирующаяся система: ее функциями оказывается лишь то, что укрепляет, консервирует структурную решетку общества, а то, что его расшатывает, разрушает, именуется дисфункциями, препятствующими интеграции и самообеспечению общества. На деле, таким образом, перед нами крайне консервативная, охранительная по отношению к буржуазному порядку концепция.

[28] См. *А. Г. Здравомыслов.* Проблема интереса в социологической теории. Л., 1964, стр. 47—62; *М. Ш. Бахитов.* Вопросы социального моделирования и американский структурный функционализм. — В сб.: «Современный капитализм и буржуазная социология». М., 1965; *Н. В. Новиков.* Критика современной буржуазной «науки о социальном поведении». М., 1966; *его же.* Современный американский капитализм и теория социального действия Т. Парсонса. — «Вопросы философии», 1963, № 3, и другие работы.

К тому же всем функциональным зависимостям в обществе социологи этого направления придают идеалистическую интерпретацию. Социальную структуру они рассматривают как совокупность сложившихся в данном обществе норм и вытекающих из этих норм требований к поведению представителей тех или иных социальных групп. Присущий функционалистам плюрализм ведет к признанию независимого воздействия на социальную структуру серии произвольно отобранных факторов.

Следует подчеркнуть, что даже в самой буржуазной социологии концепции функционалистов встречают все возрастающую критику [29].

Что касается марксистских исследователей социальной структуры, то для них в противоположность функционалистам, обязательны:

а) выделение в качестве структурных элементов социальных групп, различающихся условиями непосредственной жизни и вытекающими из этих условий специфическими экономическими интересами;

б) признание историзма социальных структур, т. е. того, что последние базируются на исторически конкретной системе экономических отношений, присущих определенной общественно-исторической формации, а в пределах данной формации — конкретным социальным организмам;

в) признание, наконец, примата реально развивающихся и более динамичных общественных отношений перед менее подвижной социальной структурой.

Легко убедиться, что в кратко рассмотренных выше

---

[29] В настоящее время на русском языке опубликованы полностью или основными разделами работы ведущих теоретиков-функционалистов, а также их немарксистских критиков. См. *Уолтер Бакли.* Структурно-функциональный анализ в социологии. — В сб.: «Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении». Под ред. Г. Беккера и А. Боскова. М., 1961; «Социология сегодня. Проблемы и перспективы». Под ред. Р. Мертона, Л. Брума, Л. Котрелла. Вступительная статья Г. В. Осипова. М., 1965; *Р. К. Мертон.* Социальная структура и аномалия. — В сб.: «Социология преступления». М., 1966; «Структурно-функциональный анализ в современной социологии». Под ред. и со вступительной статьей А. Г. Здравомыслова. — «Информационный бюллетень» ССА, 1968, № 6, вып. 1 и 2 (в вып. 2 на стр. 425—430 приводится библиография работ функционалистов и их критиков).

В последующем разделе настоящей книги содержится разбор стратификационных концепций функционализма.

работах зарубежных и советских марксистов все перечисленные условия соблюдены. Вместе с тем это не значит, что в конкретных выводах и определениях существует полное тождество взглядов. Напротив, есть немало еще не решенных и спорных проблем.

Например, одни авторы трактуют категорию «социальная структура» (Ю. А. Левада и др.) весьма расширительно, другие же (Ст. Видершпиль, А. Хегедюш и С. А. Кугель) выделяют социальную структуру как особый тип структуры общества.

Обращает на себя внимание, кроме того, несовпадение точек зрения на элементы социальной структуры. Ст. Видершпиль, А. Хегедюш, С. А. Кугель и некоторые другие исследователи в качестве элемента социальной структуры берут группы людей, категории индивидов. В то же время у Г. В. Осипова элементом социальной структуры является также и индивид.

Не совпадают взгляды и на категорию «социальные отношения». Термином «социальный» все авторы, которые касаются данной проблемы, выделяют категорию, обозначающую особую сферу реальности. Но при этом В. Л. Худяков социальными называет лишь отношения, промежуточные между экономическими и надстроечными отношениями, а А. С. Фриш под социальным (социальные отношения, социальная структура) подразумевает особый «срез» общества, особую, взятую как бы в вертикальном измерении модель его.

Не прояснен в литературе и вопрос о системообразующем признаке социальной структуры. Не вдаваясь детально в анализ и оценку суждений различных авторов, попытаемся далее сформулировать собственный подход к этим проблемам.

В самом широком смысле слова все отношения между людьми и их различия как членов общества социальны. Соответственно и все структуры в обществе социальны. Можно выделить по крайней мере следующие основные типы общественных связей и соединяемых ими элементов:

а) соотношение основных сфер жизни общества (технико-экономическая, социально-экономическая, политическая и т. п.);

б) взаимосвязи внутри каждой из этих сфер;

в) совокупность общественных групп, исторически

сложившихся общностей людей (классы, нации, производственные коллективы и т. д.).

При таком подходе, как верно заметил С. А. Кугель, в понятие «социальная структура» не включаются природные основы жизни общества[30]. Здесь социальные отношения между людьми отделены от их естественных отношений, которые базируются на биологической природе человека, на психофизиологических свойствах (пол, возраст и т. д.) и вытекающих из последних определенных связях (кровнородственных и т. п.). Исходными факторами социальных отношений выступают труд (первичный и основной фактор) и межличностные социальные (некровнородственные и т. п.) связи. Исторически социальные отношения возникают как отношения товаропроизводителей на базе общественно разделенного труда[31].

Однако необходимо учесть следующее: во-первых, любой термин, любая система понятий такого рода несет определенную идеологическую нагрузку; во-вторых, нельзя абстрагироваться от того, в какой системе понятий и для какой исследовательской задачи берутся рассматриваемые определения, а также какова традиция их приложения. В связи с этим не лишне вспомнить, что в марксистской традиции социальная структура есть понятие, помогающее выявить социальное неравенство в целях борьбы за его ликвидацию. Затем, видимо, стоит подумать о более узком и точном толковании самого термина «структура», ибо в интерпретации, скажем, Ю. А. Левады он по существу сливается с понятием «система».

По нашему мнению, правы те авторы, которые пытаются ограничительно трактовать «социальную структуру», выделяя ее из серии общественных структур. Наиболее законченным и логически непротиворечивым является подход А. С. Фриша, предлагающего относить к социальным структурам общности людей и комплекс связей между ними, включая связи экономические, политические, нравственные и т. д.

На наш взгляд, никаких особых социальных связей в обществе, как это утверждает В. Л. Худяков, не суще-

[30] «Вопросы философии», 1969, № 3, стр. 13 (примечание).

[31] О постановке этого вопроса в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса подробнее см. *М. А. Виткин.* Естественное и общественное. — «Вопросы философии», 1969, № 4.

ствует. Социальные связи — понятие интегральное. Оно охватывает всю совокупность контактов между группами индивидов, между социальными общностями. Устойчивые же связи между группами людей, различающихся социальными свойствами и функциями, которые сплачивают их в гражданское общество, мы именуем социальными отношениями.

Социальные отношения не являются только экономическими или только политическими. Термин «социальный» в данном случае служит для характеристики и различения свойств и функций, охватывающих все основные сферы жизнедеятельности групп индивидов — производственную, экономическую, политическую и др.

Различия между людьми формируются под воздействием двух основных групп факторов: естественноисторических (биологических — по полу, возрасту, темпераменту и т. д., географических — по расовым признакам) и общественно-исторических. Под воздействием последних и складываются социальные различия. Социальные отношения строятся на различиях, несходстве, несовпадении в положении людей в обществе и на вытекающих отсюда различиях свойств и функций групп индивидов, образующихся под совокупным влиянием общественно-исторических факторов, которые детерминированы системой экономических отношений [32].

Наша задача сводится к изучению социальной структуры общества, через которую реализуется исторически определенная общественная система отношений. Поэтому категория «социальные отношения» трактуется с позиций структурного анализа. С этой точки зрения она охватывает отношения этнические, семейно-брачные, профессиональные, классовые, отношения в трудовых коллективах, поселениях и т. д. Каждое из подобного типа отношений включает отношения и экономические и политические, и идеологические и нравственные. Иначе говоря, характеризующая данное общество система исторически сложившихся материальных и идеологических отношений, образующих способ производства и со-

[32] Поэтому было бы неправильно ставить в один ряд классовые, национальные и ... социально-психологические и межличностные отношения. Ведь в первой группе отношений наряду с экономическими и политическими имеют место также и социально-психологические (см. «Социальные исследования», вып. 2, стр. 35).

ответствующую ему надстройку, обусловливает конкретно-исторические формы общности людей и характер связи этих общностей, т. е. те конкретно-исторические социальные отношения, которые формируют сложную многомерную структуру данного социального организма.

При таком подходе понятие «социальные отношения» охватывает всю совокупность отношений между группами индивидов, а из перечисленных выше структур общества к социальной в узком смысле слова можно отнести лишь последний тип структуры.

Под социальной структурой мы понимаем совокупность взаимосвязанных общественных групп, исторически сложившихся общностей людей (классов, наций, производственных коллективов и т. д.) и связей, отношений между ними, образовавшихся на основе определенной экономической структуры.

Такое определение позволяет выделить социальную структуру из разнообразных структур общества. Социальная структура не синоним любого из возможных вариантов структур, существующих в обществе, это не экономическая структура, не политическая структура и не какая-либо иная структура, относящаяся к одной из сфер жизни общества. Это структура, выявляющая взаимодействие устойчивых групп индивидов на всех уровнях их контактов.

Элементами социальной структуры являются не индивиды, как полагают некоторые авторы, а лишь группы людей, категории индивидов. На том уровне социального взаимодействия, на котором оперирует социология, мы имеем дело с социальными группами людей, объединенными общностью устойчивых свойств и общностью интересов, выполняющими в силу присущих им свойств определенные функции, без которых данные группы — элементы структуры не могут существовать так, в таком виде, в каком они существуют (функционируют).

Основной принцип познания социальной структуры не совпадает с используемым, скажем, в физике принципом перехода от менее к более элементарной структуре. Если понимать ход познания социальной структуры таким образом, то легко сбиться на принципиально иные уровни выявления элементов и взаимосвязей в структуре общества — технологический или психологический, т. е. потерять тем самым социологический уровень рассмотре-

ния, единственно возможный, когда речь идет о социальной структуре общества, и не уловить связи между ее элементами, образовавшиеся на основе определенной экономической структуры.

Характерно следующее суждение Ю. А. Левады, сделанное, правда, по другому поводу, но проясняющее предлагаемый нами подход к социологическому видению общественных отношений и структур. Ю. А. Левада пишет: «Очевидно, что подход Маркса к обществу — это макроподход, который проявляется в том, что категории анализа общества разработаны применительно к его глобальной структуре. В «Капитале» неоднократно подчеркивается, что категория производственных отношений, например, действует не в рамках связей отдельного рабочего с отдельным капиталистом, а в рамках связей классов, в рамках макроструктуры общества. (Из этого следует, кстати, что микроструктура групп и отношений должна изучаться в иных, например социально-психологических, категориях.)»[33]

Общественные группы — элементы социальной структуры, в каждый данный момент развития общественных отношений имеются в определенном и обозримом количестве, но бесконечно множество их связей, их взаимоотношений и т. д., т. е. все то, что делает социальную структуру сущностной характеристикой конкретно-исторического социального организма. Определяющим в социальной структуре является характер взаимосвязи элементов, характер совокупно взятых социальных отношений.

Одни и те же группы индивидов в разном расположении, в разных связях образуют и разные элементы социальной структуры. Разделение индивидов на основные группы по одному из общественных сечений выступает в то же время в качестве внутреннего деления для иных основных общественных сечений.

Возьмем для примера разделение на работников умственного и физического труда. В этом относительно самостоятельном внутриобщественном членении находят проявление социальные различия особого рода. Теперь рассмотрим другое общественное деление — на жителей города и деревни. По отношению к этим обширным общ-

---

[33] «Маркс и социология». — «Информационный бюллетень» ССА, 1968, № 3, стр. 78—79.

ностям (горожан и селян) разделение на работников умственного и физического труда выступает как подчиненное, образующее внутри них слоевое сечение. И наоборот, если структура общества рассматривается со стороны разделения на работников умственного и физического труда, то по отношению к нему разделение на горожан и селян выступает как слоевое.

Основанием же для соотношения слоевых делений внутри больших социальных общностей (например, классов) является взаимосвязь социальных отношений в обществе в целом, которое выступает как субординированная система социальных отношений между людьми.

При анализе социальной структуры на социологическом уровне одной из основных задач является выявление, во-первых, тех свойств, по которым можно судить о целостности общности (скажем, общественного класса), а во-вторых, свойств, которые определяют неоднородность этой социальной общности.

Множественность исторически обусловленных устойчивых социальных свойств [34], по которым производится классификация индивидов, определенным образом субординирована. Эта субординация — одна из черт всей системы социальных отношений, присущих конкретному социальному организму, социальная структура которого исследуется.

Здесь возникают две проблемы:

1. По каким признакам следует выделять элементы социальной структуры?

2. Что свидетельствует о субординированности структурных организаций в системе социальных структур?

Советские и зарубежные марксисты обычно указывают на то, что социальные группы возникают в силу социального разделения труда и отношений по поводу присвоения средств производства. Особенно ясно этот взгляд изложен в уже цитированном труде А. Хегедюша [35].

В то же время такая постановка вопроса недостаточ-

---

[34] О категории «свойства» см. *А. И. Уемов.* Вещи, свойства, отношения. М., 1963, стр. 38—40, 52, 67 и др.; *Б. В. Ахлибининский.* Указ. соч., стр. 112.

[35] См. также весьма аргументированную статью немецкого социолога Хельмута Штайнера (*Helmut Steiner.* Methodologische Voraussetzungen für die Analyse der Gesellschafts Struktur. — «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», 1966, N 7, S 856—866).

на для объяснения наличия весьма обширного множества социальных групп, для определения меры их значимости и вообще критериев дифференциации людей на социальные группы.

Попытки отыскать таковые критерии в установках, ценностях, нормах не могут быть эффективными, так как все это вторичные показатели отношений между людьми, отношений в сфере межличностных контактов, в социально-психологической сфере. А. А. Зворыкин, опираясь на ленинские положения, предложил для выделения социальных групп использовать следующие критерии: 1) роль в системе общественных отношений; 2) условия производства; 3) условия жизненной обстановки; 4) интересы, вытекающие из жизненной обстановки [36].

Один и тот же объект в разных отношениях образует разные системы. Все зависит от системообразующего признака, положенного в основу рассмотрения объекта. При изучении общества с позиций анализа его социальной структуры таким системообразующим признаком, на наш взгляд, выступает категория интереса [37].

К. Маркс и Ф. Энгельс еще в своей ранней работе «Святое семейство» отмечали, что «*естественная необходимость, свойства человеческого существа*, в каком бы отчужденном виде они ни выступали, *интерес*, — вот что

---

[36] См. *А. А. Зворыкин.* Математическая модель социальной структуры советского общества — основа прогнозирования. — «Информационный бюллетень» ССА, 1968, № 4, стр. 129—130.

[37] Проблема интереса широко разрабатывается в советской социологии. См. *А. Г. Здравомыслов.* Проблема интереса в социологической теории. Л., 1964; *Д. И. Чесноков.* Общественный интерес и механизм действия социальных законов. — «Вопросы философии», 1966, № 9; *Т. А. Кулиев.* Проблема интересов в социалистическом обществе. М., 1967.

Под интересами понимаются социально обусловленные потребности — экономические, политические, духовные. Носителями общественных интересов являются социальные общности людей. Последние складываются стихийно, в результате действия объективных экономических законов. Поэтому и интересы, свойственные социальным общностям, также возникают стихийно. Они могут быть осознаны и не осознаны индивидами, входящими в данную социальную общность, но они существуют и предопределяют поведение индивидов (см. *А. С. Айзикович.* Важная социологическая проблема. — «Вопросы философии», 1965, № 11, стр. 167).

Такая трактовка категории интереса (в литературе имеются и иные трактовки) наиболее соответствует потребностям анализа социальной структуры общества.

сцепляет друг с другом членов гражданского общества»[38]. Именно интерес и является таким свойством общественного человека, которое, поскольку он (человек) включен в определенные социальные отношения, делает его представителем определенной социальной группы.

Субординированность социальных отношений, а соответственно и мера значимости тех или иных социальных группировок может определяться критерием действенности функциональной связи исторически обусловленных свойств индивидов. Отсюда следует, что формально за меру значимости можно принять такие показатели, как распространенность той или иной группировки, степень ее солидарности, ее организованности, предпочтительность для индивидов, входящих в серию группировок, интересов каждой из них.

Однако подобное функциональное рассмотрение, которое, бесспорно, облегчает процедуру выявления дифференциации, имеющей наибольшее влияние на поведение членов групп, не объясняет взаимодействия социальных сил, не вскрывает истинных причин социальных отношений, их детерминацию условиями непосредственной жизни. В этом-то и отличие марксистского экономического детерминизма от немарксистского плюрализма, подменяющего причинность корреляционной связью наблюденных свойств и функций.

Поэтому не формальнологическое рассмотрение структуры социальных объектов, а их содержательный исторический анализ может помочь в объяснении механизма действия социальных структур конкретных обществ.

Ф. Энгельс отмечал: «Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки, бывает двоякого рода. С одной стороны — производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода»[39].

Воспроизводство обоих видов осуществляется только

[38] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч, т. 2, стр. 134; см. также, т. 3, стр. 234—235.

[39] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 25—26.

через социальные институты: производственные коллективы — в первом случае, брачно-семейные коллективы — во втором [40]. Затем эти институты должны быть пространственно организованы, вступать в обмен деятельностью в пределах территориальных целостностей. Обмен деятельностью предполагает разделение труда. Исторически это привело к дифференциации людей на классы, на городских и сельских жителей и т. д. Цель деятельности и обмен ею предопределяют совокупность экономических отношений, иначе говоря — экономическую структуру общества, а точнее, конкретного общества, в рамках которого осуществляется материальное воспроизводство. На этой экономической структуре базируется сложная социальная структура общества, конкретного социального организма.

Таким образом, мы обнаруживаем взаимодействие следующих структурных элементов, обеспечивающих материальное воспроизводство: производственный коллектив, семья, поселение, функционирующие в системе социального организма. В свою очередь процесс воспроизводства материальных средств существования дает такие социальные элементы, как классы, социально-профессиональные группы. Поскольку процесс воспроизводства средств существования является определяющим, а его исходным пунктом служит разделение труда, то доминирующими социальными структурообразующими элементами выступают группы людей, занимающие разное место в системе общественного производства.

Не случайно в ленинской характеристике классов первым признаком названо место классов в исторически определенной системе общественного производства. Классы возникли на базе общественного разделения труда. Общественное разделение труда на его социально неоднородные виды, например на исполнительский (преимущественно физический) и организаторский (умственный) труд, предшествовало возникновению частной собственности и разделению общества на классы [41].

---

[40] Известно, что на протяжении большей части истории человечества из-за недифференцированности воспроизводства первого и второго рода семейно-брачный коллектив полностью или частично совпадал с производственным коллективом.

[41] Подробнее об этом см. в следующем разделе настоящей главы.

С момента появления классов непосредственным критерием общественной дифференциации выступают отношения собственности. Однако они (будучи детерминирующими в системе всех общественных отношений) все же по сфере своего действия уже общественного разделения труда, которое закрепляется классовой иерархией, но не создается ею, а, наоборот, создает ее.

Вместе с тем нельзя сложные взаимосвязи экономической и социальной структур сводить к прямой и единственной зависимости последней от отношений собственности. Во-первых, социальная структура в целом детерминирована всей системой экономических отношений в обществе. В понятие же «экономические отношения» Ф. Энгельс включал технический базис производства, всю совокупность производственных отношений в фазах производства, обмена и распределения как в «слое» разделения труда, так и в отношениях собственности, сюда же он включал географическую основу, на которой эти отношения развиваются[42]. Во-вторых, не может не воздействовать на социальную структуру также система надстроечных отношений, возвышающаяся над экономическими отношениями, обусловленная ими, но вместе с тем обладающая относительной самостоятельностью. Влияние отдельных «слоев» общественных отношений на социальную структуру неоднозначно сказывается на ее конкретных «срезах». Так, классовая структура — прямой репродуцент отношений собственности. Поскольку же в системе общественных отношений определяющими являются отношения собственности, постольку в классовых обществах решающее значение в социальной структуре имеет классовое разделение людей.

Социальная структура — неотъемлемый атрибут общества на протяжении всей человеческой истории. В пределах каждой общественно-экономической формации социальная структура обладает известной устойчивостью. Однако эта устойчивость относительна, ибо социальная структура неизбежно претерпевает изменения под влиянием постоянно развивающихся общественных отношений.

В марксистском исследовании социальной структуры обязательно признание ее динамизма, признание прима-

[42] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 39, стр. 174.

та реально развивающихся и более подвижных общественных отношений перед менее подвижной социальной структурой. Попытки консервировать социальную структуру, конечно, могут привести к некоторой задержке в развитии общества, но не могут остановить исторический прогресс. Марксисты как раз и видят свою задачу в обнаружении и преодолении таких несоответствий между социальной структурой и общественными отношениями.

Социальная структура есть качественная определенность системы общественных отношений. Поэтому изменение первой выражает коренной, качественный сдвиг во второй. Структура социального объекта обеспечивает необходимую устойчивость в функционировании взаимосвязанных социальных элементов, позволяющих накапливать количественные изменения вплоть до момента, когда наступает историческая необходимость структурных, революционных сдвигов в обществе. Относительный (по сравнению с общественными отношениями) консерватизм социальной структуры выступает как момент динамизма общественных процессов в целом.

В конкретных общественно-экономических формациях наличествуют имманентно присущие им социальные структуры. И в каждом случае необходимо из всей совокупности социальных отношений выделить главные, коренные, которыми определяется структура данной формации. Между периодами разложения первобытнообщинного строя и утверждения коммунизма такими отношениями являются классовые, в которых выражается та или иная степень неравенства в социально-экономическом положении людей. Именно классовыми отношениями и определяется социальная структура общества на этом отрезке истории. Следует лишь иметь в виду, что неравенство в социально-экономическом положении людей хотя и находит свое высшее выражение в классовой дифференциации, но не исчерпывается ею. Классовым различиям соподчинены (хотя и имеют относительно самостоятельное значение) социальные различия между городом и деревней, между лицами умственного и физического труда, наконец внутриклассовые различия.

Конечно, смена общественно-экономических формаций сопровождалась прогрессивными сдвигами в социальной структуре общества. Однако во всех классово

антагонистических формациях природа социальных отношений сходна: они суть отношения господства и подчинения. Поэтому и их социальные структуры при всех различиях имеют много общего.

В то же время необходимо учитывать исторически различные условия складывания социальных структур конкретных обществ в пределах одной и той же формации. Этими условиями определяется наличие несистемообразующих элементов, специфических форм контактов и т. д. Конкретные общества выступают как некие целостности, в рамках которых и происходит воспроизводство материальных средств существования и самого человека. Размерность целостности (динамической самовоспроизводящейся системы) обусловливается характером производства, требующим кооперации сил людей в определенных масштабах. В этом смысле мы называем данные целостности «социальными организмами», поскольку их основной функцией является обеспечение вступающим в контакты людям необходимых условий для воспроизводства средств существования и самовоспроизводства. В число таких условий входит: единство территории, единство экономической жизни, общность языка (или наличие языка, служащего наряду с разными языками средством общения), единство социальных норм, стереотипов и ценностей, позволяющих группам людей устойчиво взаимодействовать, и т. д. Подобными социальными организмами в современном обществе следует, видимо, признать национально-государственные общности. В отличие от других социальных совокупностей они охватывают взаимоотношения и взаимосвязи классов и иных социальных групп, выявляют в них общее, а не особенное. Их важнейшей функцией и является объединение социальных групп в некую целостность, в рамках которой могут осуществляться социальные взаимодействия, происходить социальные процессы.

* * *

Победа социалистической революции кладет начало коренному изменению общественных отношений, а стало быть, и социальной структуры, процессу создания принципиально новой системы общественных отношений и со-

циальной структуры общества подлинного равенства[43]. Ни у кого из марксистов это общее положение, естественно, не вызывает сомнения. В конкретной же его интерпретации наблюдаются подчас значительные расхождения.

Многие авторы, признавая интегрирующую роль социалистической собственности (что в принципе правильно), ищут факторы социальной дифференциации и в размерах дохода, и в уровне образования, и в разнице квалификации и т. д.[44] В результате они получают плюралистическую модель социальной структуры социалистического общества.

В развитом, «ставшем» социалистическом обществе действительно исчезает полярность социальных сил, связанная с господством частной собственности в той или иной форме и присущая социальным структурам антагонистических классовых формаций. При социализме наблюдается принципиально другая группировка социальных элементов стратификационного, шкального типа. И в этом смысле прав А. Хегедюш, предложивший в цитированной выше статье схему изучения социальной структуры социалистического общества по следующим слоеобразующим признакам: 1) отношение к собственности, 2) различия, связанные с разделением труда, 3) тип места проживания, 4) соотношения по доходу, 5) отрасли народного хозяйства, 6) уровень образования, 7) прочие признаки. При этом автор замечает, что на основе каждого из перечисленных критериев складывается определенный срез социальной структуры.

Вместе с тем А. Хегедюш предупреждает против имеющихся попыток допустить равнозначность критериев образования слоев. «Хотя различия в доходе при социализме — важные характеристики социальной струк-

[43] В данном разделе не ставится задача дать описание основных черт социальной структуры социалистического общества. Мы отсылаем читателя к некоторым новейшим работам: к уже упоминавшемуся коллективному труду «Проблемы изменения социальной структуры советского общества» и статье Г. Е. Глезермана «Социальная структура социалистического общества» (см. «Коммунист», 1968, № 13). Здесь же внимание сосредоточено на некоторых спорных методологических проблемах изучения социальной структуры социалистического общества.

[44] Эти вопросы более широко рассмотрены в следующем разделе настоящей главы.

туры, — пишет он, — это все же не является основополагающим принципом: Врач, мелкий ремесленник, тракторист кооператива, которые имеют один и тот же доход, не могут рассматриваться как принадлежащие к одному и тому же общественному слою»[45].

Однако для раскрытия детерминизма функционирования социальной структуры социалистического общества необходим, как это следует из общих принципов марксистского системного анализа, учет взаимодействия реальных общественных отношений. Хельмут Штайнер справедливо отмечает, что для этого недостаточно анализировать «социалистические производственные отношения вообще. При таком подходе исследуется один или несколько характерных признаков или сумма признаков. К сожалению, часть марксистской литературы не свободна от заблуждения: авторы пытаются осознать проблематику собственности, рассматривая вопросы, с ней связанные, как решенные, спорными для них являются различия в доходе, образовании, происхождении и т. д., но объяснения социально-экономического содержания этих различий у них нет». Далее Штайнер замечает, что различия в доходе, образовании и т. д. по своему содержанию отражают социальную структуру, но не являются ее первопричиной[46].

В поисках детерминистского объяснения механизма социальной структуры социалистического общества многие социологи из системы производственных отношений выдвигают на первый план социально-экономическое разделение труда. Так, польский социолог Стефан Новак использовал следующую группировку населения: неквалифицированные рабочие, квалифицированные рабочие, работники нефизического труда, творческая интеллигенция и свободные профессии. Можно соглашаться или спорить с таким делением, но автору нельзя отказать в определенной последовательности: его группы сформированы по единой шкале, с единым принципом измерения. Автор стремился доказать, что «эволюция социального положения в послевоенной Польше независимо определяется профессией, материальным положением (благосостоянием, доходом семьи. — *О. Ш.*) и образова-

[45] «Beiträge zur Sozialen Struktur der sozialistischen Gesellschaft», S. 100.

[46] «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», 1966, N 7, S. 857—858.

нием, в то же время эти факторы, являющиеся в свою очередь взаимозависимыми, могут либо дополнять, либо уничтожать влияние друг друга»[47]. Как видим, среди факторов формирования социальных групп у Новака отношения собственности вообще отсутствуют.

Не оставили места отношениям собственности в своем анализе социальной структуры социалистического общества и некоторые чешские социологи, ошибочно полагая, что достаточным основанием для этого является ссылка на наличие у отношений собственности при социализме лишь интегрирующей функции. «...Труд, — писали они, — всегда был основой человеческой деятельности, поэтому дифференциация по его характеру всегда структурально очень глубока и значительна... Его структурообразующая роль при социализме может проявиться еще более выразительно, так как с устранением антагонизма общественных классов падает доминирующее дифференцирующее влияние отношений собственности. Различия в формах собственности на средства производства, хотя они еще существуют, являются малозначимыми»[48].

Переходя затем к эмпирической трактовке социальной дифференциации на основе лишь различий в характере труда, эти авторы выделяют в трудовом процессе такие функции — регистрирующую, проектирующую и реализационную. В итоге они уходят в сторону от задач социологического анализа, занявшись по существу проблемами, относящимися к изменениям в структуре производительных сил. Социально-экономический аспект разделения социально неоднородного труда остается при этом в тени[49].

В более поздней работе в эту схему был внесен ряд новых моментов. По мнению авторов, вертикальная дифференциация возникает и существует сначала внутри определенных частных социальных систем, каждая из которых характеризуется своей общественной «производительной» функцией (т. е. производством некоторого типа ценностей). В современных обществах, в том числе и социалистическом, авторы насчитывают три такие си-

[47] *St. Nowak.* Changes of Social Structure in Social Consciousness. — «The Polish Sociological Bulletin», 1964, N 2, p 44

[48] «Sociologický časopis», 1965, N 6, s. 663.

[49] Там же.

стемы — производственно-профессиональную, политико-организационную и досуга. В производственно-профессиональной системе за основу дифференциации берется мера объективной сложности рода занятий (определяемая наличием творческих элементов в труде, требуемым уровнем общего и специального образования, степенью самостоятельности труда, квалификацией).

В исследовании воздействия политической системы на социальную структуру они подчеркивают свою приверженность традиционным представлениям о соотношении исполнительских и управленческих функций, учитывая при оценке объема власти в качестве определяющего пункта принятие решения.

В итоге для социалистического общества эти авторы выделяют следующие индексы социального статуса: 1) сложность работы; 2) образование; 3) участие в управлении, основанное на: а) социально-профессиональной позиции по месту работы; б) политической деятельности в свободное время; 4) уровень жизни; 5) образ жизни в свободное время [50].

С подобной позицией невозможно согласиться. В этой схеме отношения собственности и классовые отношения исключены. Игнорирование классового (центрального) аспекта социальной организации общества означает отрицание руководящей роли рабочего класса в развитии победившего социалистического общества, а тем самым и игнорирование определяющих позиций Коммунистической партии в системе политических институтов.

В советской литературе прочно утвердился взгляд, согласно которому при анализе социалистического общества необходимо исходить из классового разделения, связанного с различием форм социалистической собственности.

Но остается еще вопрос о социальных отношениях групп людей, связанных с одной и той же общенародной формой социалистической собственности. Действительно, на этой основе все трудящиеся выступают как равные совладельцы собственности. Нет дихотомии, присущей классово антагонистическим обществам, где одни владе-

[50] *P. Machonin, B. Iungmann, M. Petrusek, Z. Šafář.* Sociologicko-statistické výběrové šetřeni vertikální sociální diferenciace a mobility obyvatelstva ČSSR. — «Sociologický časopis», 1967, N 6, s 670—697.

ют собственностью, а другие члены общества лишены ее. Но имеет ли место при социализме полное равенство в реальном процессе присвоения собственности как в фазе производства, так и в фазах распределения, обмена и потребления?

Вспомним высказывания К. Маркса и В. И. Ленина по этому поводу.

К. Маркс в «Критике Готской программы» писал относительно первой фазы коммунизма: «Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое *развилось* на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло. Соответственно этому каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам дает ему... Здесь, очевидно, господствует тот же принцип, который регулирует обмен товаров, поскольку последний есть обмен равных стоимостей ...известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой... Право производителей *пропорционально* доставляемому ими труду; равенство состоит в том, что измерение производится *равной мерой* — трудом... Это *равное* право есть неравное право для неравного труда. Оно не признает никаких классовых различий, потому что каждый является только рабочим, как и все другие; но оно молчаливо признает неравную индивидуальную одаренность, а следовательно, и неравную работоспособность естественными привилегиями. *Поэтому оно по своему содержанию есть право неравенства, как всякое право*» [51].

К. Маркс далее объясняет причины этого сохраняющегося неравенства экономическим строем и обусловленным им культурным развитием общества на первой фазе коммунизма. Говоря об отличиях высшей фазы коммунизма, он выделяет следующие моменты: 1) «исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда»; 2) «исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда»; 3) «труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой

[51] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 18—19.

потребностью жизни»; 4) «вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком» [52]. В итоге исчезнут и основы фактического неравенства, еще остающегося в первой фазе коммунистической формации.

Развивая эти положения К. Маркса, В. И. Ленин в своей работе «Государство и революция» писал: «И тотчас вслед за осуществлением равенства всех членов общества *по отношению* к владению средствами производства, т. е. равенства труда, равенства заработной платы, пред человечеством неминуемо встанет вопрос о том, чтобы идти дальше, от формального равенства к фактическому, т. е. к осуществлению правила: «каждый по способностям, каждому по потребностям»» [53].

Эти открытые основоположниками марксизма-ленинизма противоречия, вытекающие из особенностей социально-экономического разделения труда и основного экономического отношения при социализме (непосредственно общественной собственности на средства производства), присущи всей первой фазе коммунизма.

Но эти противоречия не имеют и не могут иметь антагонистического характера, поскольку ведущая их сторона — равенство всех производителей по отношению к собственности обеспечивает обществу возможность развернуть постепенное выравнивание условий производства и труда, т. е. двигаться по пути к ликвидации неравенства в использовании средств производства, а в конечном счете — к снятию самих этих противоречий.

Диалектику присущего социализму противоречия между отношениями равенства по поводу собственности на средства производства и отношениями фактического неравенства по их использованию убедительно раскрывает в своих работах Я. А. Кронрод.

Производственные отношения социализма, пишет он, — «это отношения общественного разделения и кооперации труда, базирующиеся на общественной собственности и исключающие эксплуатацию, но еще предполагающие социально-экономические различия (фактическое неравенство) между отдельными группами участ-

[52] Там же, стр. 20.

[53] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, стр. 99.

ников непосредственного процесса производства»[54]. Это фактическое неравенство есть следствие незрелости материально-технической базы общества. В фазе производства оно реализуется в отношениях некоторого экономического неравенства по фактическому использованию средств производства группами работников, занимающих в соответствии с уровнем развития производительных сил различное место в процессе общественного производства. В фазах же распределения, обмена и потребления это фактическое неравенство в силу действия закона распределения по труду реализуется в неравном индивидуальном потреблении[55].

Я. А. Кронрод связывает рассматриваемое противоречие с особенностями общенародного обобществления средств производства на стадии социализма, которое имеет две стороны. В первой выражаются отношения непосредственно общественного присвоения-распоряжения средствами производства (где все члены общества — собственники — находятся в равном положении), во второй — отношения непосредственно общественного присвоения-использования средств производства (где сохраняется известное неравенство членов общества). Обеим сторонам общенародной социалистической собственности присуще, таким образом, и единство, и внутреннее противоречие. Но именно потому, что «по ведущему отношению собственности — присвоению-распоряжению — трудящиеся равны», это противоречие и носит неантагонистический характер. В самом его существовании обнаруживается социально-экономическая необходимость непосредственно общественного общенародного единства собственности на средства производства, ее национальной общегосударственной централизации[56]. Такое материальное закрепление равенства всех трудящихся по присвоению-распоряжению общенародной социалистической собственностью и создает возможность разрешения указанного противоречия.

---

[54] *Я. А. Кронрод.* Основное производственное отношение и экономический закон движения социализма — «Вопросы экономики», 1962, № 4, стр. 102.

[55] См. там же, стр. 102—103; подробнее см. *Я. А. Кронрод.* Законы политической экономии социализма. М., 1966, стр. 300—313

[56] См. *Я. Кронрод* Об экономических принципах и закономерностях социализма. — «Коммунист», 1969, № 11, стр. 29.

Из приведенных выше высказываний К. Маркса и В. И. Ленина видно, что мерой присвоения-использования собственности на средства производства при общенародном владении (присвоении-распоряжении) ею (точнее, основной частью средств производства, поскольку остальная их часть находится в колхозно-кооперативной собственности, а связанных с этой формой присвоения специфических проблем мы здесь не касаемся) является вклад каждого работника или группы работников в развитие самой собственности — вклад трудом, измеряемый количеством и качеством последнего. Мы вернемся еще к этому при анализе критериев внутриклассовой дифференциации при социализме, где именно через классы реализуется система отношений, о которой идет речь.

Очевидно, что это сохраняющееся еще при социализме неравенство воздействует на всю систему общественных отношений, в том числе и на отношения управленческие.

Этот вопрос заслуживает особого внимания, так как на нем стремятся спекулировать недруги социализма. Буржуазные социологи и ревизионисты клеветнически утверждают, будто в советском обществе сложился новый господствующий класс, решающая роль в котором принадлежит хозяйственным руководителям («технократам»). Они якобы бесконтрольно распоряжаются предприятиями.

Вслед за книгой ревизиониста М. Джиласа «Новый класс» в Западной Германии вышло сочинение социолога, одного из лидеров антикоммунизма К. Менерта, «Советский человек». В нем говорится, что в СССР директору предприятия «предоставляется ничем не ограниченное право распоряжения средствами производства», что «советский директор, который руководит государственным предприятием, и немецкий и американский директора, возглавляющие предприятия, которые принадлежат акционерам, не отличаются существенно в своем социальном положении, в своих доходах, в своем отношении к труду...» [57]. С подобными откровениями выступил и американский историк Р. Дэниэлс. В книге «Совесть революции» он утверждает, будто Октябрьская революция привела к власти «новую интеллигенцию,

[57] *K. Mehnert.* Der Sowjetmensch Stuttgart, 1958, S. 135—136.

администраторов и инженеров: это была своеобразная революция управляющих...»[58].

Авторы этих «идей» стремятся внушить трудящимся мысль о том, что между капитализмом и социализмом нет принципиальной разницы, что нет нужды бороться за революционное переустройство общества, ибо это не вносит ничего нового в положение их самих.

В 60-х годах подобные построения вошли составной частью в концепции «единого индустриального общества» и конвергенции (о которых мы будем говорить в следующем разделе). В свою очередь эти глобальные буржуазные теории общественного развития сказались на интерпретации социальной структуры социалистических стран в работах буржуазных и ревизионистских авторов. Так, Я. Маркевич-Ланю в недавно вышедшей в Париже книге «Образование, равенство и социализм» активно опирается, с одной стороны, на идеи М. Джиласа и Ст. Оссовского (польского социолога, опубликовавшего в 1957 г. книгу «Классовая структура в общественном сознании», направленную против марксистской теории классов), а, с другой — на идеи Раймона Арона — основоположника концепции «единого индустриального общества». Маркевич-Ланю привлекает широкий круг польских и советских материалов, но проводит при этом не новую мысль о том, что принципиальных различий в социальных структурах и факторах социального продвижения в СССР и США нет. В результате, будучи по своим настроениям сторонницей внеклассовых идеалов свободы, равенства и демократии, автор (как, впрочем, и многие другие представители современной левобуржуазной интеллигенции на Западе) поневоле оказывается в рядах оппонентов коммунизма[59].

Спекулируя на реальных противоречиях, присущих социализму как обществу переходного типа и на бюрократических извращениях, имевших место в недавнем прошлом, ревизионисты, в свою очередь, «обновили» за последние годы арсенал средств идеологической борьбы, выдвинув концепцию «моделей» социально-политической

---

[58] *R. Daniels.* The Conscience of the Revolution. Cambridge, Harvard University Press, 1960, p. 407.

[59] *Janina Markiewicz-Lagneau.* Éducation, égalité et socialisme. Paris, 1969.

и социально-экономической структуры социализма. Как это было убедительно показано на международном Совещании коммунистических и рабочих партий, состоявшемся летом 1969 г., сторонники «моделей социализма» на деле выступают против социалистического переустройства мира. В советской печати справедливо отмечалось, что «конструирование «моделей социализма», связанное с расчленением единого социалистического общества на разновидности, коренным образом отличающиеся друг от друга по экономической, социально-политической структуре, направлено против интернационального единства всех отрядов мирового коммунистического движения, стран мировой системы социализма» [60].

Буржуазные и ревизионистские авторы, вырывая отдельные явления из живой ткани социальных отношений во всем их сложном сплетении, стремятся приписать социализму пороки, присущие капиталистическому обществу, в частности, — отчуждение трудящихся от функций управления.

Только твердо оставаясь на позициях рабочего класса, только основываясь на марксистско-ленинском подходе к анализу социальной действительности, можно объяснить развитие и функционирование социалистической общественной структуры.

При социализме управление всеми сторонами жизни общества осуществляется всем народом через выборные организации при руководящей роли Коммунистической партии. Если смысл управления сводится в конечном счете к принятию решения, то, очевидно, что именно общественные институты (Советы, коллегиальные партийные органы и т. д.), в которых участвуют представители всех социальных групп и которые от имени всего общества принимают ответственные решения по социальному управлению, являются управляющими органами. В этом и проявляется действие социалистической демократии.

Конечно, на первой фазе коммунистической формации общество еще не может обойтись без профессиональных руководителей, которым оно поручает реализацию

---

[60] Х. Момджян. О ревизионистской концепции «моделей социализма». — «Коммунист», 1970, № 2, стр. 69.

принятых решений, а стало быть и координацию деятельности членов общества. В виду специфики выполняемых ими функций эти люди приобретают относительную самостоятельность в регулировании деятельности коллективов (здесь не идет речь о техническом руководстве, в котором организатор выступает, по выражению К. Маркса, в роли дирижера, полновластного распорядителя). Однако аппарат профессиональных руководителей не только не противостоит народу, а, напротив, «управляет» только от его имени и в его интересах. Отряды же трудящихся, занятые по преимуществу исполнительской деятельностью, через многочисленные каналы общенародной демократии направляют и контролируют этот выросший из их рядов аппарат.

Ведь чтобы участвовать в управлении, необходимо быть компетентным, т. е. обладать определенными знаниями и навыками. А их приобретение предполагает известный уровень образования, наличие свободного времени, а также общей культуры. Между тем в силу общих условий существования у различных групп трудящихся имеются неодинаковая общая и профессиональная подготовка, неодинаковое время, которое они могут выделить для участия в управлении, и, наконец, неодинаковая потребность участия в управлении.

Поэтому при социализме при равном для всех праве участия в управлении еще сохраняется некоторое неравенство групп трудящихся по фактическому использованию этого права. Однако и здесь необходимо учитывать два момента. Во-первых, тенденцию развития. Привлекая к постоянному участию в управлении обществом и производством все более широкие слои трудящихся, социалистическая демократия все полнее реализует себя как подлинное народовластие, подготавливая постепенное отмирание государственности. Данные, свидетельствующие об этом, широко известны. Ограничимся здесь лишь следующим. В 1922 г., как показало обследование бюджетов времени, общественной деятельностью, включая участие в митингах и манифестациях, занималось 45,5% членов семей рабочих, в том числе собственно работой в организациях — 2,8%. В 60-х годах в общественную деятельность было вовлечено более $^2/_3$ городского взрослого населения, в том числе ежедневно — 16,6%, несколько раз в неделю — 21,5, несколько раз в месяц —

34,2%. Хотя эти показатели еще разнятся по социальным группам (об этом будет сказано в других разделах книги), можно констатировать высокий уровень участия в управлении всех основных социальных групп [61].

Во-вторых, следует помнить методологически важное марксистское положение: кому принадлежит собственность на средства производства, тот господствует не только в экономической, но и в политической сфере жизни общества. В связи с этим, как учил В. И. Ленин, нужно различать, не отождествлять, не смешивать вопрос о политическом господстве, о власти, о руководстве государством и вопрос об управлении им. В. И. Ленин писал: «Господство рабочего класса в конституции, собственности и в том, что именно мы двигаем дело, а управление — это другое дело, это — дело уменья, дело сноровки» [62]. «...Чтобы управлять, надо иметь людей, умеющих управлять... уменье управлять с неба не валится и святым духом не приходит, и оттого, что данный класс является передовым классом, он не делается сразу способным к управлению... для управления, для государственного устройства мы должны иметь людей, которые обладают техникой управления, которые имеют государственный и хозяйственный опыт...» [63]

Рассмотренное выше неантагонистическое противоречие, проявляющееся в сохранении известного фактического неравенства в разных «слоях» общественных отношений и детерминированное отношениями по поводу присвоения средств производства, предопределяет наличие определенных элементов в социальной структуре социалистического общества, характер их взаимодействия и субординации, а изменения общественных отношений

---

[61] См. *В. И. Болгов.* Бюджет времени трудящихся и социальное развитие. — «Информационный бюллетень» ССА, 1969, № 24, стр 117—118; *С. Г. Струмилин.* Проблемы экономики труда. М., 1957, стр. 280; *Б. А. Грушин.* Свободное время. Актуальные проблемы. М., 1967, стр. 76, 78.

[62] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 222.

[63] Там же, стр. 252—253. Подробнее об этом см.: *В. С. Семенов.* Великий Октябрь и рабочий класс. — В кн.: «Классы, социальные слои и группы в СССР», стр. 16; см. также *Н. М. Кейзеров.* Единство и различие понятий «управление» и «власть». — «Философские науки», 1969, № 2; *А. К. Белых.* Политическая организация общества и социалистическое управление Л., 1967; *В. Г. Афанасьев.* Научное управление обществом, и другие работы.

в процессе развития этого противоречия предопределяют последовательность отмирания конкретных форм социального неравенства в ходе движения от социализма к коммунизму.

Сохраняющееся на стадии социализма социальное неравенство является «наследством» антагонистических формаций. В социалистическом обществе благодаря общности типа собственности, равенству всех членов общества в отношениях к средствам производства, равенству в функциях руководства, общности коренных экономических интересов нет социальных групп-антиподов, групп-антагонистов. В то же время сохраняются различия: а) по отношению к социалистической собственности, связанные с наличием двух основных ее форм (на этом прежде всего основаны остаточные социальные различия между рабочим классом и колхозным крестьянством); б) по мере использования собственности (на этом основаны при социализме различия между работниками разной квалификации и сложности труда, между работниками умственного и физического труда, между жителями города и деревни).

Поскольку различия первого рода — по отношению к средствам производства — не являются имманентно присущими первой фазе коммунизма, они изживаются сравнительно быстрее, чем различия второго рода, обусловленные неодинаковой мерой фактического использования собственности и сохраняющиеся гораздо дольше.

Совокупность всех этих социально-экономических различий характеризует ту систему общественных связей, которая воспроизводится на базе социалистических производственных отношений, но развивается в направлении постепенной ликвидации этих различий. Именно такие изменения претерпевают в процессе перехода к коммунизму различия, воспроизводящиеся в социальной структуре социалистического общества. В уже обозримом будущем станет фактом общество, ликвидировавшее классы, хотя оно еще не достигнет полного социального равенства, для чего потребуется значительно больше времени. Социально-экономическое неравенство людей и исторически, и по сфере охвата шире классового неравенства. Поэтому особенно важно внимательно изучать все стороны процесса преодоления социальной неоднородности, происходящего в социалистическом об-

ществе, в том числе и процесса структурных изменений классовых общностей.

Соотношение, субординация социальных элементов и связей в процессе развития общественных отношений при переходе к коммунизму меняется. При этом, как показывает практика развития общественных отношений в СССР, возрастает роль различий между работниками умственного и физического труда, что связано с последовательностью отмирания социальных различий. Конечно, различия между работниками умственного и физического труда не усиливаются, а выдвигаются как бы на первый план по мере более быстро идущего стирания межклассовых различий.

Ведь когда социализм ликвидирует частную собственность, он устраняет ее следствие — антагонистические классы, но не первопричину социального неравенства — разделение труда на социально неоднородные виды. Это задача, требующая для своего разрешения исторически неизмеримо большего времени, задача перехода к полному коммунизму. Именно она делает необходимым на стадии социализма планомерное регулирование социальных отношений и разработку методов сознательного разрешения воспроизводящихся социальных противоречий между группами людей, занятых социально неоднородным трудом. Трансформация социальных отношений в связи с изменениями в производительных силах происходит через качественные перемены в разделении труда, охватывающие все общество в целом.

Социальная структура социалистического общества чрезвычайно сложна. Наряду с теми ее составляющими, в которых находит выражение социально-экономическое неравенство (классы и т. д.), в ней наличествуют и иные внутриобщественные зависимости, структурные образования, которые сохранятся и при коммунизме: трудовые и поселенческие коллективы, семьи, а также нации и национальности (слияние последних в единую безнациональную общность произойдет лишь через целый ряд стадий развития полностью сложившегося коммунистического общества).

Кроме того, нужно иметь в виду разницу между социалистической социальной структурой, так сказать в «чистом виде», и реальной социальной структурой конкретного социалистического организма, а также совокуп-

ности этих организмов — мировой социалистической системы в ее исторической реальности. Здесь есть определенные различия, которые могут быть поняты и познаны лишь в исследовании исторического пути формирования конкретных социальных структур (наличие остаточных социальных групп, досоциалистических типов отношений в отдельных сферах жизнедеятельности общества и т. д.).

Социальная структура, элементами которой выступают группы людей, не равных в социально-экономическом отношении, исторически преходяща. Причем в ней есть та часть структурной организации, которая, будучи высшим выражением общественного неравенства, исторически возникла позже, а исчезнет раньше других структурных организаций, основанных на социально-экономическом неравенстве. Речь идет о классовой структуре общества.

Поскольку при социализме классы сохраняются, без анализа его классовой структуры нельзя до конца понять природу внутриклассовых и иных социальных различий.

§ 2. КЛАССОВАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА. РАЗВИТИЕ КЛАССОВ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

Как и все марксистско-ленинское учение, его теория классов глубоко интернациональна. Она противостоит всем буржуазным и ревизионистским концепциям социальной структуры общества.

В нашей отечественной литературе в разное время были предприняты в общем удачные попытки дать критику основных направлений буржуазных теорий классов и классовой борьбы. Одну осуществил С. И. Солнцев в книге «Общественные классы. Важнейшие моменты в развитии проблемы классов и основные учения» (изд. 1. Пг., 1917; изд. 2. Пг., 1923), другую — В. С. Семенов в книге «Проблема классов и классовой борьбы в современной буржуазной социологии» (М., 1959). В сумме обе работы воссоздают развернутую картину изменений в буржуазных воззрениях, начиная с XVIII в. до 1917 г. (С. И. Солнцев) и в послеоктябрьский период (В. С. Семенов). Разумеется, немало ценных материалов по данному вопросу содержат исследования многих других

советских авторов (из современных — Г. В. Осипова, Ю. А. Замошкина, Н. В. Новикова и др.) [64].

Уже до Октябрьской революции основные направления буржуазной социологии, естественно, противостояли марксизму [65].

Первую группу теорий объединяет выделение классов на основе неэкономических критериев. Сюда относится прежде всего естественно-органическое учение о классах. Адепты этого учения пытались объяснить классовое расчленение общества при помощи дарвиновских принципов борьбы за существование, естественного отбора и выживания сильнейших или же обращались для классификации за примерами из жизни животных организмов. Наиболее типичными представителями этого направления были Г. Спенсер (Англия) и О. Аммон (Австрия).

К естественно-органической близко примыкает и расовая теория общественных классов, крупнейшим представителем которой являлся австрийский социолог Л. Гумплович. Социальный класс для него связан единством происхождения, единством расовой принадлежности, племенным родством. Получается, что разделение на классы — естественное следствие неравноценности рас, неизбежного якобы превосходства одних рас над други-

---

[64] См. *Г. В. Осипов.* Современная буржуазная социология (Критический очерк). М., 1964; *Ю. Замошкин.* Реакционная «теория единого индустриального общества». — «Коммунист», 1963, № 4; *В. П. Павлов.* Критика теорий «классового мира» в США. М., 1963; *Чернеа Стела.* Против буржуазных измышлений о классах. М., 1963; *Н. В. Новиков.* Критика современной буржуазной «науки о социальном поведении». М., 1966; *С. М. Сухорукова.* Проблема классов в социологической концепции Д. Д. Коула. — «Философские науки», 1966, № 1; *В. С. Семенов.* Социология и проблемы современности. М., 1967; *В. И. Михеев.* Капитализм или «индустриальное общество»? Проблемы современного капитализма и буржуазная социология. М., 1968; *В. Я. Сидихменов.* Классы и классовая борьба в кривом зеркале. М., 1969 и другие работы.

Из обзорных работ зарубежных марксистов следует отметить: *Sam Aaronovitch.* The Ruling Class. London, 1961 (работа переведена на русский язык: *С. Ааронович.* Правящий классс. М., 1962); *Włodzimierz Wesołowski.* Studia z sociologii klas i warstw społecznych. Warszawa, 1962; *Stanisław Widerszpil.* Teoria klas społecznych. Warszawa, 1965, и др.

[65] Фактический материал по буржуазной социологии конца XIX — начала XX в., использованный ниже, в значительной части позаимствован у С. И. Солнцева.

ми, в результате которого более сильная и одаренная раса по праву господствует над более слабой.

История полностью разоблачила зловещий смысл этой теории в кровавой практике колониальных захватов, и особенно в звериной, бесчеловечной практике гитлеровского нацизма.

К неэкономическим С. И. Солнцев справедливо отнес и те теории, которые за основу происхождения общественных классов берут техническое разделение труда и образование профессий (Г. Шмоллер, А. Боэр и др.).

Правда, Г. Шмоллер пришел к признанию множественности факторов образования классов и критериев, по которым последние различаются. Рассмотрев различия по профессии, трудовой деятельности, владению, образованию, политическим правам, а также по психологии и расе, он выдвинул следующие факторы: расу, разделение труда, образование профессий, распределение дохода, причем разделению труда и образованию профессий он придавал решающее значение. Г. Шмоллер по существу смешивал профессиональное, сословное и классовое разделение общества. Нетрудно видеть, что теории подобного типа скрывают, затушевывают реальные классовые отношения, подменяя первичные и основные классовые различия вторичными (с точки зрения классового положения) признаками по роду занятий.

Особую концепцию разработал известный немецкий социолог В. Зомбарт. По его мнению, каждый класс — продукт определенной исторической эпохи, воплощающий хозяйственную систему прошлого и в то же время сохраняющийся в хозяйственной системе настоящего. В итоге существующие при данном общественном строе классы оказываются совокупностью исторических наслоений. Это не противоборствующие классы, а иерархия сословий, сплоченных идеалистическим духом породивших их систем (класс — носитель идеи соответствующей ему хозяйственной системы, сознательно развитого убеждения людей в их общности).

Предтечами современных стратификаторов можно признать авторов теории разделения на классы по социальным рангам. Один из них — французский социолог Р. Вормс предложил понимать под классом совокупность индивидов, ведущих одинаковый образ жизни, имеющих в силу одинаковости своего положения одинаковые

стремления и одинаковый образ мыслей. Эта «одинаковость в положении» — результат, во-первых, сотрудничества индивидов в одном общем деле, а во-вторых (независимо от первого признака), равенства богатства. Социальный ранг, по Р. Вормсу, — множественная, агрегированная (но не субординированная) характеристика индивидов по богатству, власти, престижу, воспитанию, образу жизни и т. д. По существу, хотя Вормс на словах признает классы и классовую борьбу, он подменяет общественные классы группами, выделенными по случайным, зачастую второстепенным, интуитивистски подобранным признакам. Науке нечего делать в этом царстве авторского произвола.

Уже в те годы зародились учение об общественных классах, берущее за основу различия в уровне жизни и родственное концепции «социального ранга», а также распределительные теории. Все они исходили либо из размеров богатства, либо из различий источников существования. Сами по себе эти показатели учитываются марксизмом при характеристике классов, с той, однако, оговоркой, что рассматриваются они как вытекающие из главного критерия классового разделения — отношений к средствам производства. Распределительные теории проповедовались ревизионистами. Так, М. Туган-Барановский по существу совершенно отвергал основной марксистский критерий разделения на классы — отношения собственности, подменяя его в качестве основного классоформирующего признака распределительными отношениями. Аналогичную подмену совершал «отец» международного ревизионизма Э. Бернштейн, объявивший главным критерием для определения понятия «класс» степень имущественной обеспеченности, величину дохода разных групп населения.

К распределительной теории скатился и К. Каутский, считавший себя ортодоксальным марксистом. Для него признаками класса являлись общность источников дохода, вытекающая отсюда общность интересов и их противоположность интересам других классов[66]. Недаром В. И. Ленин позднее писал: «Каутский применяет марксизм таким образом, что всякое содержание из него

---

[66] См. *К. Каутский.* Очередные проблемы международного социализма СПб, 1906, стр. 13—14.

выветривается, и остается лишь словечко «интерес» в каком-то сверхъестественном, спиритуалистическом значении, ибо имеется в виду не реальная экономика, а невинные пожелания об общем благе» [67].

Распределительная теория привела ревизионистов к «выводу» о том, что достаточно рабочим добиться более справедливого распределения доходов между классами, как на смену капитализму придет общество смешанного типа, которое в свою очередь мирным путем перерастет в социализм. Иначе говоря, эта теория означала отказ от революционного переворота в отношениях собственности — ликвидации частной собственности на средства производства.

Суммируя сказанное, можно заключить: буржуазная и ревизионистская мысль оказалась бессильной дать целостное учение о классах, которое она смогла бы противопоставить марксизму. В то же время для нее (до 1917 г.) характерно откровенное признание наличия классов в обществе, несходства их интересов. Правда, при дифференциации конкретных обществ на конкретные классы, при определении критериев классообразования и классовой дифференциации наблюдался значительный разнобой мнений. Каждый автор выделял «свои» классы: Г. Спенсер — низшие, средние, высшие; В. Зомбарт — юнкерство, буржуазию, мелкобуржуазное мещанство, пролетариат; М. Ковалевский (для России) — городской и сельский пролетариат, крестьян-общинников, сельское духовенство, мелких собственников, купцов и промышленников и т. д.

Что же дала буржуазная социология после социалистической революции? Чем она откликнулась на изменившуюся ситуацию?

В. С. Семенов отмечает прежде всего возросшее значение психологической трактовки общественных классов, идущей еще от Огюста Конта и получившей довольно широкое распространение [68].

Буржуазные социологи зачастую используют термин «класс» для обозначения таких коллективов, определяющей чертой которых является сознание принадлежности

---

[67] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 233

[68] См. *В. С. Семенов.* Проблема классов и классовой борьбы в современной буржуазной социологии, стр. 27—37.

к классу. Например, американский социолог Ллойд Уорнер определяет классы как группы, в существование которых верят члены общества и которые размещаются соответственно на высших или низших уровнях[69]. По мнению другого американского социолога, Ричарда Кентерса, общественный класс является тем, чем люди его коллективно считают. Чтобы выявить классовое разделение американского общества, он выборочно опрашивал людей, к какому социальному классу они причисляют себя сами[70].

Совершенно очевидно, что таким путем можно установить не разделение общества на классы, а лишь воздействие идеологических установок различных классов на население, степень классовой сознательности масс.

Все же в буржуазной социологии преобладают непсихологические трактовки классов. Среди них особое распространение получила концепция, согласно которой в основе классовой дифференциации лежат профессиональные различия. Как уже отмечалось, подобные концепции имели место и в дооктябрьский период. В американской социологии одним из первых выдвинул такую концепцию в 1933 г. Элба М. Эдвардс. Он выделил в американском обществе следующие «классы»:

1. Лица, получившие специальное образование.
2. Собственники, управляющие и чиновники:
   а) фермеры (собственники, арендаторы);
   б) оптовые и розничные торговцы;
   в) другие собственники, управляющие и чиновники.
3. Клерки и подобные им работники обслуживания.
4. Квалифицированные рабочие и мастера.
5. Полуквалифицированные рабочие:
   а) полуквалифицированные рабочие в промышленности;
   б) другие полуквалифицированные рабочие.
6. Неквалифицированные рабочие:
   а) сельскохозяйственные рабочие;
   б) промышленные и строительные рабочие;

---

[69] *W. Lloyd Warner, Marchia Meeker, Kenneth W. Eells.* Social Class in America. A Manual of Procedure for Measurement of Social Status Chicago, 1949

[70] *Richard Centers.* The Psychology of Social Classes. Princeton, 1949.

в) другие рабочие;
г) прислуга.

Здесь, по мнению буржуазных социологов, представлена функциональная классификация населения, которую можно применить для оценки социального статуса или использовать как экономический индекс [71].

А вот схема социального разделения населения, которую предложил для своей страны английский социолог С. Прейс:

1. Высшая социальная группа:
   а) высшая и профессиональная администрация;
   б) управляющие;
2. Средняя социальная группа:
   а) контролеры высшего ранга, равные им лица, не занимающиеся физическим трудом;
   б) контролеры низшего ранга или равные им лица, не занимающиеся физическим трудом;
   в) квалифицированные рабочие и равные им лица, не занимающиеся физическим трудом;
3. Низшая социальная группа:
   а) полуквалифицированные рабочие;
   б) неквалифицированные рабочие [72].

Подход, реализованный в обеих схемах, по существу означает отрицание классового разделения общества и переход к иным так называемым стратификационным интерпретациям социального разделения. Группировки Э. М. Эдвардса и С. Прейса (да и многие другие) не являются ни чисто профессиональными, ни классовыми, ни даже функциональными. Они представляют собой мешанину, в которой уже действительно трудно выделить классы с их противоположными интересами, с их разным отношением к средствам производства.

---

[71] *Alba M. Edwards.* A Social-Economie Grouping of the Gainful Workers of the United States. — «Journal of the American statistical Association», XXVIII, December 1933, p. 377—387; A Social-Economie Grouping of the Gainful Workers of the United States Washington, 1938 (цит. по: *Milton M Gordon.* Social Class in American Sociology. Durham. N. C. 1958, p. 224—226).

Группировки Эдвардса и поныне широко используются буржуазными социологами. См., например, *Elton J. Jacson* and *Harry D. Krokett.* Occupational mobility in the United States: a point estimate and trend comparison. — «American Sociological Review», 1964. N 2, p. 5—15.

[72] *Sam Aaronovitch.* The Ruling Class London, 1961, p. 117.

На самом же деле профессиональное и классовое разделения индивидов не совпадают; с момента появления классов не род деятельности определяет классовую принадлежность, а скорее наоборот, принадлежность к общественному классу предопределяет заданный круг возможных профессиональных занятий [73].

По-прежнему в кругах буржуазных социологов имеет хождение и распределительная теория классов. Ныне ее поддерживает социолог-функционалист Бернард Барбер, чьи работы занимают заметное место в американской социологии [74].

Среди теорий одномерной стратификации, когда классы определяются *по одному доминирующему признаку*, следует выделить организационную теорию. Впервые ее основные положения *сформулировал* А. Богданов [75]. Он утверждал, что суть классовых отношений состоит в отношениях между организаторами производства и организуемыми. При этом Богданов всячески восхвалял роль организаторов. Эта концепция была подхвачена современной буржуазной социологией, прежде всего технократическим направлением в ней, основоположником которого является Джеймс Бернхэм [76].

Авторы этих теорий игнорируют тот факт, что если капиталист и выступает организатором производства, то именно потому, что еще до того он стал собственником последнего.

Все более *широкое* распространение в буржуазной социологии получают теории классов, основывающиеся на *множественных критериях*. Родоначальник этого на-

---

[73] Заметим *попутно, что и в буржуазной* социологии отождествление класса с профессией встречает критику. Так, П. Сорокин в кн. «Society, Culture and Personality» (New York, 1947) критикует эту концепцию с позиций многоизмеримой *стратификации. Он отмечает*, что профессия выполняет одну функцию, а класс — много функций. При приравнивании класса к профессии многофункциональная группировка подменяется однофункциональной, чем серьезно обедняется характеристика действительного положения класса.

[74] *Bernard Barber.* Social Stratification. A *comparative* Analysis of Structure and Process. New York, 1957.

[75] См. *А. Богданов.* Эмпириомонизм, кн. 3. СПб., 1906.

[76] Разбор буржуазных технократических теорий см. в кн.: «Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии». М., 1960, стр. 241—246; *С. М. Меньшиков.* Миллионеры и менеджеры. М., 1965; *Н. В. Новиков.* Технократические иллюзии в американской *социологии*. — «Вопросы философии», 1967, № 7.

правления Макс Вебер сводил различия классов к трем исходным моментам — экономическому, социальному и политическому (идеологическому). Под экономическими различиями он подразумевал различия в доходах, под социальными — различия в образе жизни (знакомства, привычки, престиж, репутация), под политическими — различия во власти и могуществе. Каждое из этих различий служило у Вебера, как и у его сторонников, основой самостоятельной системы социальной дифференциации [77].

Близкие позиции занимал П. Сорокин. Еще в одной из своих ранних работ он отмечал, что класс является кумулятивной, нормальной, солидарной, полузакрытой, но с приближением к открытой, типичной для нашего времени группой, составленной из кумуляции трех основных группировок: 1) профессиональной, 2) имущественной, 3) объемноправовой. Класс, по мнению П. Сорокина, — совокупность лиц, сходных по профессии, по имущественному положению, по объему прав, а следовательно, имеющих тождественные профессиональные, имущественные и социально-правовые интересы [78]. Здесь опять-таки предлагается плюралистский, многофакторный подход к общественным классам, игнорирующий главное — отношения по поводу присвоения средств производства [79].

Современный американский социолог Милтон М. Гордон, принадлежащий к этому же направлению, считает возможным лишь такое применение следующих терминов: «социальные классы» — к делению на главные статусы, стратифицирующие общину; «экономические классы» — для определения интенсивности экономической силы; «политические классы» — для определения устойчивых сегментов продолжительности политической силы; «профессиональные классы» — к группам в профессиональной классификации. В динамическом взаимовлиянии

---

[77] См. *В. С. Семенов.* Проблема классов и классовой борьбы в современной буржуазной социологии, стр 66—68

[78] См. *Питирим Сорокин.* Система социологии, т. II. Социальная аналитика, ч. II. Учение о строении сложных социальных агрегатов. Пг., 1920, стр. 297—298

[79] Сторонником многофакторных критериев П. Сорокин остался и в позднейших своих работах (*P. A. Sorokin.* Society, Culture and Personality. New York, 1947, p. 236—255).

всех стратификационных разнообразий самую значительную роль он отводит экономическим и профессиональным факторам, хотя отмечает, что и другие факторы существенно проявляются в классификации населения. В заключение он подчеркивает, что социальный статус, экономическая сила и структура политико-общинной силы должны рассматриваться концептуально, как определенные сущности, динамическое и структуральное взаимовлияние которых должны изучаться эмпирически [80].

В послевоенные годы основополагающим принципом стратификационных концепций стал функционализм. И Т. Парсонс, и Б. Барбер, и Л. Уорнер, и другие авторы истолковали социальное неравенство как «функционально необходимое для сохранения общества, части которого рассматривались как объединенные и взаимозависимые в системе, находящейся в равновесии» [81].

Одним из основных вариантов приложения общей теории функционализма к проблемам социальной стратификации является концепция К. Дэвиса и У. Мура. Как и Т. Парсонс, они утверждают, что их теория объясняет функциональную необходимость наличия стратификации в любом обществе. Под стратификацией же они понимают неравномерное распределение материальных благ и общественного престижа. Эта неравномерность обусловлена функциональной важностью (значимостью) позиции, которую, судя по их работам, можно истолковать двояко. В субъективном значении позиция важна потому, что люди признают ее таковой. В объективном значении позиция важна вне зависимости от того, что́ считают люди; в этом смысле она есть отражение власти, места в иерархичных структурах социальной организации [82].

---

[80] *Milton M. Gordon.* Social Class in American Sociology, p. 248—256.

[81] *Роско Ч. Хинкл* мл. и *Алвин Босков.* Социальная стратификация в перспективе. — В кн.: «Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении». Под ред. Г. Беккера и А. Бокова, стр. 436.

[82] См. *К. Дэвис* и *У. Е. Мур.* Некоторые принципы стратификации. — В сб.: «Структурно-функциональный анализ в современной социологии». — «Информационный бюллетень» ССА, 1968, № 6, вып. 1, серия «Переводы и рефераты», стр. 194—212; *Wilbert E. Moore.* Social Change. New York, 1963.

Критикуя функциональную теорию стратификации, польский социолог В. Веселовский обратил особое внимание на уязвимость объяснения механизма мотивации, побуждающей людей к профессиональной подготовке, которая якобы служит условием высокого ранга позиции (по доходам, престижу и власти). Теория К. Дэвиса и У. Мура прежде всего антиисторична. Она исходит из представления об устойчивости человеческой натуры и постоянства и универсальности существующих систем ценностей во всех человеческих обществах. К. Дэвис и У. Мур различают ценности-средства — образование и профессиональную квалификацию и ценности-цели — доходы и престиж. Между тем при социализме такое разделение лишается смысла: образование и квалификация сами становятся ценностями-целями. Таким образом, заключает В. Веселовский, неравномерное распределение доходов и престижа не является само по себе «функциональной необходимостью» для общества [83]. К этому следует добавить, что данные показатели общественного неравенства не первичны, а производны от основных экономических отношений — отношений собственности.

В. И. Ленин еще в конце прошлого века выступал против неокантианских устремлений отделить социологические законы от экономических. В трудах функционалистов повторяется попытка такого рода. Особенно нелепо это выглядит в стратификационных концепциях. Как метко выразился прогрессивный американский социолог Райт Миллс, «трудно, например, вообразить более бесплодную процедуру, чем анализ... стратификации в Соединенных Штатах в терминах господствующей системы ценностей, не принимающей во внимание известную статистику жизненных шансов, основанную на уровнях собственности и дохода» [84]. Далее он отметил, что при рассмотрении реальных ситуаций как у Т. Парсонса, так и у других функционалистов «внезапно возникает вся экономическая и профессиональная структура, понимаемая в чисто марксистских понятиях, а не в понятиях нормативной структуры, проектируемой высокой теорией.

---

[83] *Włodzimierz Wesołowski.* Klasy, warstwy i władza. Warszawa, 1966, s. 129—162.

[84] *Р. Ч. Миллс.* Высокая теория (из кн.: *W. C. Mills.* The Sociological Imagination. Ch. 2 «Grand Theory», N 4, 1959). — «Информационный бюллетень» ССА. 1968, № 6, вып. 2, стр. 416.

Это вызывает надежду, что высокие теоретики не полностью потеряли контакты с исторической реальностью»[85].

Таким образом, буржуазные социологи за последние десятилетия не смогли прибавить что-либо новое к аргументации идейных противников марксизма конца XIX — начала XX в. Они по-прежнему всячески обходят главный признак общественных классов — отношение к средствам производства. Выбирая различные внешние, взятые в угоду заранее заданной концепции признаки (по единству в идеях, образе жизни, уровню дохода, образованию, профессии и т. д.), они подчас выделяют действительно существующие группы людей, связь между которыми имеет место, но то, что эта связь субординирована основным классовым сечением общества, остается скрыто[86].

Более того, в отличие от буржуазии сравнительно недавнего прошлого, открыто гордившейся своей классовой обособленностью, современная империалистическая буржуазия все настойчивее стремится устами своих идеологов «доказать» свое исчезновение. В буржуазных социологических построениях все чаще выдвигается тезис о том, что капиталистическое общество давно утратило черты, к которым подходили марксистские определения, что марксизм устарел, а вместе с ним устарела и концепция класса, что теперь имеет значение уже не собственность, а лишь контроль над ней, что, следовательно, «старомодные» термины «класс», «правящий класс», «капиталистическое государство» должны уступить место терминам «статус», «элита», «учреждение» и т. д.

Выступая на Третьем Международном социологическом конгрессе в 1956 г., профессор Т. Маршалл заявил, что основной принцип социального разделения общества состоит в классификации населения по экономическим (класс), социальным (статус) и политическим (партийность) признакам. По его мнению, понятие «класс» еще

---

[85] «Информационный бюллетень» ССА, 1968, № 6, вып. 2, стр. 417

[86] «Class, Status and Power. Social Stratification in Comparative Perspective». Eds R Bendix, S. M Lipset. New York, 1966, «Class. A symposium». Ed R. Mabey. London, 1967; *Harold M. Hodges.* Social Stratification with an Appendix ex Readings. Cambridge Mass., 1968; «Social Stratification», vol. I. Ed. J. A. Jackson. Cambridge, Univ. Press, 1968, и др.

может быть сохранено, но оно теряет свое значение, главным становится статус, т. е. социальное положение [87]. Под статусом же буржуазные социологи подразумевают прежде всего восприятие индивидами своего места в обществе (высокое, среднее, низкое, выше, ниже и т. д.). Иначе говоря, социально-экономический критерий разделения общества подменяется социально-психологическим.

Еще чаще в современной буржуазной социологии вместо понятия «класс» используется понятие «страта» (слой), заимствованное у геологов. Даже в случае, когда социологи Запада применяют термин «класс», они все равно трактуют его как «слой».

В чем смысл такой подмены? При анализе социальной структуры капиталистического общества, например, признание категории «класс» означает признание антагонизма, противоположности интересов больших общественных групп. Признание же категории «страт» означает признание определенных различий между людьми по каким-либо признакам, различий, которые приводят лишь к слоевому размещению индивидов в обществе при продвижении их снизу вверх. При этом в первом случае в основу концепции общественного разделения кладется принцип материалистического монизма, во втором случае — принцип плюрализма.

Марксистская теория классов выявляет в капиталистической формации общественные противоположности, а буржуазная теория стратификации занимается лишь общественной дифференциацией. И здесь речь идет не о различиях в терминологии. В первом случае выделяются элементы дезинтеграции, внутренние антагонизмы, тогда как дифференциация предполагает внутреннюю целостность общества, полную его слитность, функциональную неразделимость.

Марксистская теория классов проводит разделение общества по альтернативным признакам на эксплуататоров и эксплуатируемых, на собственников средств производства и на тех, кто их лишен, тогда как буржуазные теории стратификации разделяют общество на основе

[87] См «Проблемы социальных изменений XX века» (Обзор докладов Третьего Международного социологического конгресса Амстердам, август 1956 г.) Составители В. И. Михеев и М. И. Зайцева М, 1957, стр. 30.

одной или нескольких черт, имеющихся в наличии в каждой из групп, но в различной степени (например, все имеют какой-то доход, но только различных размеров, все в обществе имеют какой-то престиж, но неодинаковый).

В марксистской теории классов специфические экономические, политические и культурные интересы являются именно тем, что отделяет классы друг от друга, а в теории стратификации категория «интересы» вообще не присутствует, а если иногда и присутствует, то не в качестве необходимого атрибута социальных слоев.

Для марксистов классы существуют объективно, т. е. независимо от сознания и представлений составляющих их членов или внешних наблюдателей. Осознание индивидами своего классового положения служит марксистам критерием не для выделения класса, а для определения ступени в его развитии (перехода от класса «в себе» в класс «для себя»). В американских же стратификационных теориях сознанию самих членов выделенных слоев или внешних наблюдателей отводится главная роль в дифференциации общества.

Кроме того, как правильно отметил В. С. Семенов, буржуазным социологам совершенно чужд диалектический подход к анализу социальной структуры. Приписывая источник социальной дифференциации либо одному антинаучно определенному началу, либо ряду таких начал, в любом случае каждое начало они рассматривают как действующее абсолютно самостоятельно[88]. В буржуазных теориях все критерии классов, или страт, входящие в тот или иной «комплекс», оказываются независимыми друг от друга и равноправными: из них не выделены ни решающие, ни производные. В марксистском же учении признаки классов составляют субординированную систему, в которой различное отношение людей к средствам производства объективно обусловливает различное отношение людей друг к другу в процессе производства, их различие по роли в организации труда, по размерам и способам получения ими долей общественного богатства[89].

---

[88] См. *В. С. Семенов*, Проблема классов и классовой борьбы в современной буржуазной социологии, стр. 69.

[89] См. там же, стр. 61—62.

П. Сорокин как-то заметил, что класс наделал своим теоретикам не меньше хлопот, чем национальность. И в этом случае попытки схватить этого Протея оказывались не более успешными: ««класс» либо ускользал и ускользает из пальцев своих теоретиков, либо, пойманный, превращается в нечто столь неопределенное и неясное, что становится невозможным отличить его от ряда других коммулятивных групп, либо, наконец, сливается с одной из элементарных группировок» [90]. Эти слова, написанные полстолетия назад, совершенно не устарели применительно к буржуазной социологии, в том числе и к позднейшим работам самого П. Сорокина. Но вот вопрос: хлопоты-то были связаны с незнанием или с сознательным уходом от истины?

Что последнее, видимо, ближе к правде, показывает анализ как теорий стратификации, так и активно разрабатываемых в современной буржуазной социологии концепций социальной мобильности.

Социальная мобильность — действительно значимое общественное явление, это форма, в которой осуществляется воспроизводство социальных отношений и социальных групп в обществе. Но, становясь объектом теоретических спекуляций буржуазных социологов, она превращается в средство фальсификации реальной действительности.

В буржуазной социологии проблемами социальной мобильности впервые основательно занялся Питирим Сорокин [91]. Из сравнительно недавно вышедших работ других представителей этого направления наибольшую известность получила книга С. М. Липсета и Р. Бендикса «Социальная мобильность в индустриальном обществе» и книга Д. Гласса «Социальная мобильность в Англии» [92].

Под социальной мобильностью здесь подразумеваются перемещения людей в пределах стратов (горизонтальная мобильность), а также из одного страта в другой (вертикальная мобильность). Буржуазные социологи

---

[90] *Питирим Сорокин.* Система социологии, т. II, стр. 283.

[91] *P. Sorokin.* Social mobility. New York, 1927.

[92] *S. M. Lipset* and *R. Bendix.* Social mobility in industrial Society. Berkley University of California Press, 1959; *D. Glass.* Social mobility in Britain. London, 1959; *Laurence C. Hunter* and *Graham L. Reid.* Urban worker mobility. Paris, 1969. Материалы подобного типа постоянно публикует «American Sociological Review».

утверждают, что в современных «индустриальных обществах» исключительно высока вертикальная мобильность. Марксистское учение о классах и классовой борьбе они объявляют опровергнутым жизнью и вместо него выдвигают концепцию превращения (перемещения) вчерашних пролетариев в «средний класс».

Систематическое изучение вертикальной мобильности развернулось в американской социологии в 50 — 60-е годы. Большинство социологов в качестве основы для «восхождения» и «нисхождения» принимают профессию. Так, Элтон Ф. Джексон и Гарри Д. Крокетт в своей работе «Профессиональная мобильность в США: основные оценки и общее направление сравнений» стремятся доказать, что скорость профессиональной мобильности в США более близка к скорости, предполагаемой системой полного равенства возможностей, чем к скорости, предполагаемой системой максимальной стабильности, и что эта скорость в послевоенные годы увеличилась. Этот вывод делается на основе данных об изменении в профессиональной структуре работников народного хозяйства. Тенденции здесь таковы, что доля лиц, имеющих сельскохозяйственные профессии, а также занятых ручным неквалифицированным трудом, уменьшается, численность же работников умственного и нефизического труда растет [93].

Перемена занятий, по утверждениям буржуазных социологов, — свидетельство перехода из класса в класс, а поскольку профессиональная мобильность растет, то усиливается-де и сближение классов, социальная интеграция. Заметим, что переход от занятия менее квалифицированным трудом к занятию более квалифицированным трудом еще не делает из рабочего буржуа. Но согласимся даже с тем, что определенная часть населения (правда, не за счет профессиональной мобильности) меняет свое классовое положение. Разве это говорит о ликвидации классов? Конечно, нет!

Известный советский статистик А. Хрящева еще в 1922 г. писала: «Классы образуются не в порядке усмотрения или происхождения человека, а в порядке законов

---

[93] *Elton J. Jacson* and *Harry D. Krokett.* Occupational mobility in the United States: a point estimate and trend comparison. — «American Sociological Review», 1964, N 2, p. 5—15.

экономических (производственных) отношений буржуазного общества. Отдельные лица могут деклассировать сколько угодно. От этого не изменится структура общества, так как она обусловлена требованиями отношений производства... С точки зрения образования классов важно не то, сколько и откуда деклассирует лиц, а важно соотношение классов в каждый данный момент. Индивидуальные случаи деклассирования ни на йоту не меняют законов образования классов, которые основываются на отношениях производства. Изменение соотношений классов может произойти лишь вследствие изменения соотношений производственных функций общества. Например, высокие прибыли в какой-либо отрасли промышленности, или открытие новых рынков сбыта увеличивают данное производство или группу производства, привлекая сюда рабочих. Этот новый кадр рабочих вербуется из погибших в конкуренции предприятий и, главным образом, — из пролетаризованных мелких землевладельцев. Число самостоятельных мелких производителей в этом случае уменьшается, а число рабочих увеличивается; состав крупной буржуазии может остаться таким же или даже уменьшиться, благодаря конкуренции и концентрации капитала» [94].

Рассматривать изменения в структуре производительных сил (точнее, главной части производительных сил — производителей материальных благ) как непосредственно социальный процесс, выдавать изменения в структуре рабочей силы за перемены в классовой структуре общества, значит сознательно фальсифицировать социальную действительность. Этим и занимаются многие буржуазные социологи, пытающиеся своими теоретическими выкладками доказать, что рабочий класс исчезает, а большинством населения становится «средний класс». Трудящимся внушают, что классовые антагонизмы — дело далекого прошлого, что ныне необходимо социальное сотрудничество различных групп единого «среднего класса». Определенных успехов в подобной дезориентации рядовых тружеников буржуазная пропаганда достигла. Во время выборочного анкетного опроса, проведенного в 1953 г. среди рабочих Англии, 49% опрошенных за-

---

[94] *А. Хрящева* К вопросу об условиях образования классов. — «Вестник статистики», 1922, кн. XII, № 9—12, стр. 173—174.

явили, что они принадлежат к «среднему классу». В США аналогичный опрос, проведенный Кентерсом в 1945—1947 гг., дал такие результаты: 88% опрошенных заявили, что они принадлежат к «среднему классу» и только 6% — к низшему [95].

Однако исследования, проведенные в 1960-е годы другими буржуазными социологами, показали неустойчивость самооценки классового положения широкими массами трудящихся, ослабление идеологического влияния концепции «среднего класса». По данным американского социолога Р. Ф. Гамильтона, даже среди конторских и торговых служащих 52% причисляют себя к рабочему классу [96].

Мы уже отмечали то обстоятельство, что в современной буржуазной и ревизионистской литературе все более преобладает тенденция к сравнительному анализу социальных структур капиталистических и социалистических стран. Целью этого «анализа» является попытка внушить трудящимся мысль о том, что и развитые капиталистические страны, и страны социализма являются компонентами «единого индустриального общества», что социальные отношения в них однотипны и все более сближаются в силу взаимопроникновения, взаимовлияния (конвергенции). Сознательно фальсифицируя действительность, идеологи этого направления Р. Арон, У. Ростоу, Д. Белл, С. Липсет, Д. Гэлбрейт и другие, многие из которых являются откровенными антикоммунистами, выдают сходство в технологии, организационных производственных структурах, некоторых моментах образа жизни и т. д. за определяющие показатели общественных структур. Они утверждают, что на смену обществу, в котором главными были отношения собственности, пришло единое общество, в котором решающими стали организационные отношения, а капиталиста-собственника сменил технократ и специалист, занимающий господствующие позиции в современных техноструктурах типа «Дженерал моторс» и других гигантских корпораций. Эти корпорации, дескать, и в странах Запада, и в СССР интегрируют и рабочих, и управляющих в еди-

---

[95] См. *Эндрю Грант.* Социализм и средние классы. М., 1960, стр. 13, 38—41, *R. Centers.* The Psychology of Social Classes, p. 77.

[96] *В. С. Семенов.* Капитализм и классы, стр. 232.

ную социальную целостность. Лежащая в основе этих «теорий» концепция технологического детерминизма по существу представляет апологетику государственно-монополистической бюрократии. Эта апологетика сказалась и на «революционных» теориях представителей нынешнего антикапиталистического движения современной «левой» интеллигенции на Западе. Речь идет прежде всего о социальных теориях Герберта Маркузе, который отрицает революционные потенции ведущей социальной силы современности — рабочего класса, утверждая, что он интегрировался в капиталистическую систему.

В. С. Семенов совершенно справедливо отмечал, что «...понятие «индустриальный» характеризует страну с точки зрения развития ее производительных сил, понятие «общество» — в первую очередь с точки зрения господствующих в стране производственных отношений...

Буржуазные социологи и идеологи, выдвигая понятие «индустриальное общество», умышленно уходят от социальной характеристики капиталистического и социалистического общества, смазывают коренную противоположность между ними, отрывают производительные силы от производственных отношений, игнорируют последние» [97].

Таким образом, и в «новейших» концепциях буржуазной социологии нет и не может быть ни грамма действительно новых идей и аргументов в защиту отжившего капиталистического строя, раздираемого антагонистическими классовыми противоречиями.

---

[97] *В. С. Семенов.* Указ соч., стр. 293. См. по рассматриваемому вопросу: *Ю. А. Замошкин.* Теория «единого индустриального общества» на службе антикоммунизма. — В сб.: «Марксистская и буржуазная социология сегодня». М., 1964; сб. «Современный капитализм и буржуазная социология». М, 1965; *Г. П. Давидюк.* Критика теории «единого индустриального общества». Минск, 1968; *Д. Улле.* Критические заметки к социальной философии Герберта Маркузе. — «Вопросы философии», 1968, № 7; *Ю. А. Замошкин, Н. В. Мотрошилова* Критична ли «критическая теория общества» Герберта Маркузе? — «Вопросы философии», 1968, № 8; *Herbert Meißner.* Konvergenztheorie und Realität. Berlin, 1969; *Ю. К. Островитянов.* «Постиндустриальная цивилизация» или капитализм в 2000 году? — «Вопросы философии», 1969, № 7, и др. работы. На русский язык переведена книга Дж Гэлбрейта «Новое индустриальное общество» (М, 1969), по которой читатель может составить ясное представление об аргументации сторонников концепции «единого индустриального общества».

* * *

Наиболее общей основой образования классов является общественное разделение труда. На это неоднократно указывали основоположники марксизма. Особенно широко данный вопрос разработан Ф. Энгельсом в его трудах «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и «Анти-Дюринг».

«...В основе деления на классы, — писал Ф. Энгельс, — лежит закон разделения труда»[98]. При этом он имел в виду «крупное разделение труда между массой, занятой простым физическим трудом, и немногими привилегированными, которые руководят работами, занимаются торговлей, государственными делами, а позднее также искусством и наукой»[99].

Однако Ф. Энгельс не сводил возникновение классов к простейшей линейной связи с разделением труда. Он детально исследовал сложный путь становления классового общества со всеми присущими ему социальными институтами (т. е. цивилизации). Подводя итог своего анализа, Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» отметил:

«Итак, согласно сказанному, цивилизация является той ступенью общественного развития, на которой разделение труда, вытекающий из него обмен между отдельными лицами и объединяющее оба эти процесса товарное производство достигают полного расцвета и производят переворот во всем прежнем обществе. ...Ступень товарного производства, с которой начинается цивилизация, экономически характеризуется: 1) введением металлических денег, а вместе с тем и денежного капитала, процента и ростовщичества; 2) появлением купцов как посреднического класса между производителями; 3) возникновением частной собственности на землю и ипотеки и 4) появлением рабского труда как господствующей формы производства. Цивилизации соответствует и вместе с ней окончательно утверждает свое господство новая форма семьи — моногамия... и отдельная семья как хозяйственная единица общества. Связующей силой цивилизованного общества служит государство,

[98] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 293.
[99] Там же, стр. 186.

которое во все типичные периоды является государством исключительно господствующего класса... Для цивилизации характерно еще следующее: с одной стороны, закрепление противоположности между городом и деревней как основы всего общественного разделения труда; с другой стороны, введение завещаний, с помощью которых собственник может распоряжаться своей собственностью и после своей смерти» [100].

Завершает эту блестящую характеристику суждение Ф. Энгельса о том, что цивилизованному, т. е. классовому, обществу присущи противоречия, «так как основой цивилизации служит эксплуатация одного класса другим», а следовательно, «всякое благо для одних необходимо является злом для других...» [101].

Описав генезис классового общества, Ф. Энгельс по существу систематически раскрыл его социальную структуру, т. е. совокупность присущих классовому обществу социальных отношений.

Таким образом, исходным пунктом возникновения и воспроизводства классов при всей множественности факторов, оказывающих воздействие на их появление и функционирование, является общественное разделение труда.

На определенном этапе развития человеческого общества наблюдается, хотя бы в зачаточной форме, разделение труда, еще не ведущее к подчинению одних людей другими.

По мере роста производительных сил усложнялась организация процесса производства. Однако это усложнение совершалось на базе в целом еще чрезвычайно низкого уровня производительных сил, который на тысячелетия вперед делал невозможным непосредственно общественное управление производством. Поэтому появилась потребность в профессиональных организаторах, иначе говоря, возникла потребность в разделении труда на труд исполнительский (преимущественно физический) и организаторский. Вместе с тем уровень развития производительных сил был уже достаточен, чтобы обеспечить производство прибавочного продукта для содержания групп людей, специально занимающихся организацией

---

[100] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 173—174,175—176.
[101] Там же, стр. 177

труда. Устойчивые общественные отношения по производству прибавочного продукта такого рода создали базу для формирования частной собственности. Мы намеренно акцентируем внимание на этом, ибо, на наш взгляд, недостаточно просто констатировать разделение труда на умственный и физический, важно уловить в данном явлении процесс расщепления труда на его социально неоднородные виды. Тогда окажется, что и умственный труд мог иметь характер исполнительского труда.

Разделение труда на исполнительский (преимущественно физический) и организаторский исторически предшествовало образованию частной собственности и общественных классов. С появлением же частной собственности и классов за последними закрепились определенные функции в едином процессе производства. Отныне функции организации, верховного контроля и надзора за производством (а в дальнейшем и ряд других видов деятельности) становятся прерогативой собственников средств производства.

Так, разделение труда приобретает характер разделения социально неоднородных видов труда. Тем самым в нем как бы кристаллизуются две стороны — производственно-техническая и социально-экономическая.

Разделение труда как фактор, направленный на овладение силами природы, вызывает техническую специализацию работников. В этом аспекте разделение труда и его кооперация выражают структуру производительных сил. Разделение труда на его конкретные виды образует профессии и специальности. К. Маркс отмечал: «Производительная сила, конечно, всегда есть производительная сила полезного, конкретного труда...» [102] Очевидно, что профессиональное разделение работников характеризует их как производительную силу, и в этом плане не имеет отношения к проблемам социальной дифференциации общества [103]. В данном пункте — одно из коренных отличий марксистской теории классов от буржуазных теорий социальной стратификации и социальной мобильности, сторонники которых вот уже в течение нескольких десятилетий стремятся доказать, будто профессиональные сдвиги, происходящие в современном капиталисти-

---

[102] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 55.

[103] Подробнее об этом см. в четвертом разделе настоящей главы.

ческом обществе, меняют его социальную структуру в направлении все возрастающей социальной однородности.

Разделение и кооперация труда имеют также социально-экономический аспект, т. е. являются стороной производственных отношений. Иначе говоря, разделение и кооперация труда служат как бы передаточным механизмом, посредством которого в связи с изменениями в производительных силах трансформируются общественные отношения. Разделение труда в социально-экономическом аспекте — это разделение его на социально неоднородные виды, которые в классовом обществе стабильно, консервативно закреплены за определенными классами, а зачастую даже за сравнительно устойчивыми слоями внутри классов.

Однако, как уже говорилось выше, признание первичности общественного разделения труда как фактора социальной дифференциации не означает, что оно прямо, неопосредованно воздействует на классовое (и не только классовое) расчленение общества. Ф. Энгельс во введении к «Анти-Дюрингу» подчеркивал: «...борющиеся друг с другом общественные классы являются в каждый данный момент продуктом отношений производства и обмена, словом — *экономических* отношений своей эпохи...» [104] Следовательно, классы — продукт не одного из «слоев», элементов экономических отношений, а всей их системы. В связи с этим вспомним, что отношения совместной деятельности и обмена деятельностью в процессе разделенного труда непосредственно отражают состояние производительных сил и являются исходным (первичным) моментом в развитии всей системы производственных отношений. Отношения же присвоения средств производства и предметов потребления, т. е. отношения собственности, будучи по своему происхождению вторичными в системе производственных отношений, являются по своему значению детерминантными, главными в ней, определяя коренное отличие одной общественно-экономической формации от другой [105].

---

[104] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 26

[105] Эти идеи хорошо изложены в статье: *И. Сигов*. Производственные отношения и их классификация. — «Экономические науки», 1967, № 5, стр. 18—20.

Поэтому именно отношения собственности оказывают решающее влияние на все стороны социальных и иных отношений в обществе. Классы, образующиеся на основе каждого исторически данного типа частной собственности, закрепляют за собой определенные сферы и роды деятельности. С момента возникновения классов не род деятельности определяет принадлежность к тому или иному из них, а, наоборот, принадлежность к классу определяет круг профессий, которыми может заниматься выходец из данного класса [106]. К. Маркс писал: «...современное классовое различие ни в коем случае не основано на «ремесле»; наоборот, разделение труда создает *различные* виды труда внутри *одного и того же* класса» [107].

Непонимание этого вопроса приводит к существенным просчетам при изучении социальной действительности и перспектив ее развития. Вот что пишет, например, Д. П. Кайдалов [108]: «...если в основе деления общества на классы лежит разделение труда, то для ликвидации классов необходимо ликвидировать их основу, т. е. разделение труда. ...Было бы слишком нелогично сказать, что основа деления общества на классы (т. е. разделение труда) останется, а классы исчезнут» [109]. И далее: «Рабочий перестанет быть рабочим, крестьянин перестанет быть крестьянином, а интеллигент интеллигентом только тогда, когда будет преодолено разделение труда между ними, когда эти три представителя трех больших общественных групп будут трудиться и в промышленности и в сельском хозяйстве, будут заниматься и умственным и физическим трудом в порядке перемены труда... Это и означает исчезновение тех признаков, по которым общество разделяется на классы» [110].

[106] Конечно, разделение труда не сводится к разделению на функции исполнительского и организаторского труда. В пределах каждой из обеих функций идет процесс специализации, который сам по себе не является ни причиной, ни следствием, ни условием образования даже внутриклассовых групп.

[107] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 310.

[108] См. *Д. П. Кайдалов.* Закон перемены труда и всестороннее развитие человека. М., 1968. Наша критика касается лишь одного конкретного вопроса, неправильно раскрытого автором. В целом же его монография представляет серьезный научный и практический интерес.

[109] Там же, стр. 276.

[110] Там же, стр. 277—278.

Но к сожалению, это означает лишь непонимание автором и диалектики возникновения, и диалектики исчезновения (отмирания) классов. На заре человеческой истории прошло, вероятно, не одно тысячелетие, пока в конкретных социальных организмах, где труд уже был разделен, возникло социально-классовое разделение. Немало времени пройдет наверняка и после того, как исчезнут классы, до полного отмирания старого разделения труда на социально неоднородные виды. Не менее, если не более существенно и другое: системе экономических отношений соответствует система социальных отношений. В последней разделение на город и деревню, умственный и физический труд взаимодействует, но не совпадает с классовым расчленением общества. И каждое из структурных образований системы социальных отношений по-своему зависит от экономического базиса общества, воспроизводится на нем. А классы непосредственно взаимодействуют, являются, так сказать, производными от отношений собственности. Именно здесь надо доискиваться и до их прошлого, и до их будущего.

Во многих работах К. Маркса и Ф. Энгельса содержатся положения и формулировки, непосредственно относящиеся к характеристике классов, их происхождения, внутриклассовой дифференциации, промежуточных слоев и т. д., позволяющие уяснить суть учения основоположников марксизма о классах. Однако в литературном наследии К. Маркса и Ф. Энгельса отсутствовало целостное развернутое определение понятия «общественный класс». Известно, что в «Капитале» глава LII «Классы» была лишь начата. В ней К. Маркс ясно и четко высказался против выделения классов по тождеству доходов и их источников. Положительную же часть рассуждений он развить не успел.

Всестороннее объяснение и формулировка понятия «общественный класс» впервые в марксизме даны В. И. Лениным в его работе «Великий почин». Вот эта формулировка:

«Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в обще-

ственной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»[111].

Первые же слова ленинской формулировки — «большие группы людей» сразу же исключают допущение бесчисленной множественности классов. Затем отмечается, что класс — исторически ограниченная, временна́я категория. Существование того или иного класса связано с «исторически определенной системой общественного производства», причем различия по месту в такой системе рассматриваются не в профессионально-техническом, а в социально-экономическом разрезе. Ленинский анализ существа классовых различий базируется на раскрытии роли и значения отношений собственности как отношений, формирующих классы.

В самом деле, производственные отношения основываются на присвоении орудий и средств производства. Тип присвоения определяет собой тип производственных отношений. Из отношений к средствам производства вытекают различия классов и по роли в общественной организации труда. Это именно социальные различия, а не различия технологических функций в трудовом процессе. Те, кто присвоил себе средства производства, фактически распоряжаются социальными сторонами производства. Они определяют цели последнего, устанавливают, какие его участки развивать, ведают расстановкой кадров, решают вопросы найма, увольнения, оплаты рабочей силы и т. д. Высшие руководящие посты на капиталистических предприятиях занимают сами капиталисты или их ставленники, порой не имеющие даже достаточной технической подготовки. В современных условиях при государственно-монополистическом капитализме вследствие технического прогресса и вызванных им изменений в организации производства возросла роль технической интеллигенции. Однако ее роль при государственно-монополистическом капитализме возросла не в социальной стороне организации труда, а лишь в технической. По-прежнему основные социально-экономические

[111] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 15.

вопросы решают собственники предприятий. Социальная сторона организации производства, т. е. функции распоряжения основными и оборотными средствами, определения масштабов и структуры производства, номенклатуры производимых изделий, контроля за финансово-экономической жизнью предприятия, подбором и продвижением кадров, — все это сохраняется непосредственно в руках буржуазии.

Конечно, в реальной действительности грани между социальным и техническим управлением условны, подвижны. Но как бы ни скрадывались, ни маскировались эти грани множеством переходов и градаций в рангах работников, принципиальное разграничение между хозяевами и теми, кто работает на них, существует, сохраняется, а в странах с наиболее далеко зашедшим процессом развития государственно-монополистического капитализма, где последствия научно-технической революции сказались особенно глубоко, на практике даже усиливается.

Передача функций технического руководства и организационного управления производством лицам наемного труда (при сохранении самого производства в собственности буржуазии) не только не означает смягчения или исчезновения социальной противоположности основных классов капиталистического общества, но является и одним из свидетельств обострения этой противоположности, ярчайшим признаком паразитизма и исторической обреченности буржуазии.

Итак, владельцы средств производства захватывают функции организаторов труда, распорядителей производства, оставляя на долю остальных членов общества лишь непосредственно исполнительские функции, лишенные социально-организаторских начал. Такое распределение «ролей» в общественной организации труда, основанное на социально-экономическом господстве одних над другими, и имеется в виду в ленинской формулировке. Еще К. Маркс отмечал: «Капиталист не потому является капиталистом, что он управляет промышленным предприятием, — наоборот, он становится руководителем промышленности потому, что он капиталист» [112]. Из Марксова подхода следует, что функции управления сами по

[112] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т 23, стр 344.

себе не образуют классовых отношений, а лишь закрепляют их.

Далее. Те, кому принадлежат орудия и средства производства, в чьих руках сосредоточено распоряжение факторами производства, получают и используют возможность эксплуатировать других, захватывать бóльшую долю общественного богатства. Способы и размеры присвоения общественного продукта также определяются местом в системе общественного производства.

Ленинская характеристика классов завершается выводом: «Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства».

Важную роль в марксистско-ленинской трактовке классов играет категория «интересы». Интересы (экономические в первую очередь) классов — системообразующий признак классовой структуры.

Наряду с социально-экономическими различиями между классами имеются различия в образе жизни, культуре, социальной психологии и т. п. Каждый класс силами своих идеологов вырабатывает соответствующую его коренным интересам идеологию и политику. Таким образом, класс не только экономическая, но и более широкая социальная категория. Каждый класс характеризуется определенной степенью связи между его членами, определенным уровнем организованности и сознательности.

* * *

Какова же в свете марксистско-ленинского учения о классах структура социалистического общества? [113]

Этот вопрос имеет две стороны: во-первых, сохраняются ли классы при социализме? Во-вторых, если они сохраняются, приложимо ли к ним ленинское определение класса?

Насколько нам известно, в советской литературе

---

[113] О некоторых аспектах этого вопроса см. *Г. Андреева* и *Д. Угринович.* Классы и классовая борьба. М, 1961; *С. А. Кугель.* Закономерности изменения социальной структуры общества при переходе к коммунизму. М, 1963; *В. Келле, М. Ковальзон.* Ленинские принципы классового анализа. — «Коммунист», 1968, № 18, и другие работы.

первым четко изложил свою позицию в вопросе о судьбах классов после социалистической революции уже упоминавшийся выше экономист С. И. Солнцев, автор книги «Общественные классы». Он интерпретировал марксистскую теорию классов в виде упрощенной схемы, по которой в обществе существуют лишь два класса, конкретно в капиталистическом обществе — буржуазия и пролетариат. Все прочие слои населения С. И. Солнцев рассматривал как тяготеющие к одному из этих двух классов. («Ядром» буржуазии он считал крупную монополистическую буржуазию, а в центр рабочего класса ставил фабрично-заводской пролетариат). Такой подход логически приводил к суждению о том, что при ликвидации одной стороны противоречия — буржуазии исчезает его вторая сторона, следовательно, после социалистической революции исчезает и классовое деление общества — оно делится уже на какие-то иные социальные группировки.

На самом деле диалектика перехода от классового общества к бесклассовому значительно сложнее. Прежде всего отметим, что в «чистом виде» общественно-экономическая формация с присущей ей социальной структурой (в том числе и классовой) никогда в истории общества не наличествует. В реальной конкретно-исторической действительности всегда наблюдаются различные модификации в виде индивидуальных социальных организмов, в которых наряду с элементами, присущими данному способу производства, есть несистемообразующие элементы, сохранившиеся от предшествующих общественных структур. При этом несистемообразующие элементы претерпевают определенные изменения, постепенно приобретая свойства, обусловленные воздействием системообразующих элементов [114].

Например, в социальной структуре реальных буржуазных обществ наряду с двумя основными классами имеются другие классы, прежде всего мелкая буржуазия. Этот класс также может быть охарактеризован признаками, данными в ленинском определении. Что касается содержащегося в последнем вывода об отноше-

---

[114] Этой проблемы касается В. С. Семенов в статье «К. Маркс о классах и классовой борьбе». См. «Маркс и социология». — «Информационный бюллетень» ССА, 1968, № 3, стр. 119—120.

ниях эксплуатации, присущих классам в их взаимодействии, то применительно к мелкой буржуазии следует учитывать два момента. Во-первых, мелкая буржуазия (в условиях России — преимущественно крестьянство) ведет свое происхождение от класса феодально зависимых крестьян; во-вторых, «в таком мелком производителе в одном лице действует и капиталист и наемный рабочий, и потому само его развитие как мелкого буржуа строится из внутреннего взаимоотношения этих двух начал»[115].

Промежуточное положение мелкой буржуазии в условиях капитализма выражается в том, что она постоянно выделяет на одном своем полюсе (и в ничтожном количестве) «чисто» буржуазные элементы, а на другом — пролетариат.

Во взаимоотношениях между пролетариатом и мелкими частными производителями нет эксплуатации. Однако различия между ними, хотя и не являются антагонистическими, имеют характер классовых различий. Это объясняется тем, что воспроизводство обоих классов и их жизнедеятельность основываются на принципиально различных отношениях к средствам производства, причем связаны они с разными типами собственности. Отсюда вытекают и различия между ними по роли в общественной организации труда и по источникам и формам получения доходов.

Поскольку, как показал реальный ход истории, экспроприация буржуазии в результате социалистической революции не приводит к одновременному исчезновению рабочего класса, а мелкая буржуазия на довольно длительное время тоже сохраняется, уже одно это обстоятельство рушит абстрактнологическую схему С. И. Солнцева.

Однако в 60-х годах данный вопрос вновь был поставлен рядом социологов, прежде всего в Польше. Естественно, что в новой ситуации предлагается иная система доказательств, учитывающая существование развитого социалистического общества в СССР.

Так, Е. Вятр утверждает, что классы сохраняются при социализме лишь на ранней фазе его развития, когда

---

[115] *В. С. Семенов* Указ. соч., стр. 120.

общественная собственность еще не стала полностью монопольной. В этом смысле, по его мнению, существуют классы в современном польском обществе, поскольку в нем наряду с социалистической собственностью в двух ее формах сохраняются еще и капиталистическая, и мелкотоварная собственность на средства производства. Когда же в результате обобществления всех средств производства исчезает разделение классового характера, тип социальной структуры, свойственный развитому социалистическому обществу, характеризуют уже различия только слоевого типа.

Е. Вятр попутно критикует антимарксистскую концепцию польского социолога С. Оссовского, проводившего прямую аналогию между социальными структурами СССР и США, определив их как «неэгалитарные бесклассовые» структуры. Отвергая подобную аналогию, Е. Вятр показывает, что в США существует классово антагонистическая структура. Что касается СССР, то к нему, по мнению польского социолога, применима скорее структура слоевого типа, без классов. Е. Вятр считает, что отношение к средствам производства играет существенную роль при определении социальной дифференциации лишь в обществе с антагонистическими классами, т. е. в случае, когда это отношение делит общество на эксплуататоров и эксплуатируемых. В развитом же социалистическом обществе основными критериями социальной дифференциации выступают: а) различия между городом и деревней, которые являются более устойчивыми, чем классовые различия; б) различия на основе общественного разделения труда; в) различия, имеющие основу в неэгалитарной структуре доходов; г) различия, вытекающие из существования государства как социального аппарата власти и, следовательно, из существования в обществе самостоятельных (выделенных) функций руководства. На основе этих взаимосвязанных различий и складывается, по Е. Вятру, слоевая структура социализма [116].

Такой подход к анализу социальной структуры общества развитого социализма все же не является доминирующим в польской литературе. Многие авторы призна-

---

[116] *J. Wiatr.* Społeczeństwo Warszawa, 1965, s. 243—248.

ют (хотя и с существенными оговорками) наличие классов в социальной структуре социализма [117].

Среди советских социологов позицию, близкую к Е. Вятру, занимает Р. Г. Вартанов. Он пишет: «...процесс становления социальной структуры высшей фазы коммунизма не завершается преодолением классовых различий, а начинается с преодоления принципиального различия между классами социалистического общества» [118]. И далее путем отвлеченных рассуждений он приходит к весьма спорному выводу о наших общественных классах как уже «трансформировавшихся в социальные слои» [119].

Надо заметить, что основоположники марксизма связывали победу социализма с ликвидацией классов вообще. И В. И. Ленин в самом начале переходного периода одним из условий социализма считал уничтожение не только эксплуататорских классов, но и классов вообще. Это видно, в частности, из следующего его высказывания: «Общество, в котором осталась классовая разница между рабочим и крестьянином, не есть ни коммунистическое, ни социалистическое общество» [120].

Такая постановка вопроса о будущности классов, об их судьбе в процессе создания нового общества вполне естественна. В тот период долгосрочные прогнозы отно-

---

[117] См., например, *Я. Щепаньский.* Изменения в классовой структуре польского общества. — В кн.: «Социологическая мысль в Польской Народной Республике». М., 1968; *В. Веселовский.* Структурные изменения в современном социализме. — «Вопросы философии», 1969, № 2; *W. Wesołowski, J. Koralewicz-Zebik.* Przemiany struktury klassowej i warstwowej w Polsce. — В сб.: «Przemysł i społeczenstwo w Polsce Ludowej» Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969, s. 436—485; *W. Wesołowski.* Klasy, warstwy i władza. Warszawa, 1966; *St. Widerszpil.* Teoria klas społecznyh. Warszawa, 1965, и др.

[118] *Р. Г. Вартанов.* Диалектика становления социальной структуры высшей фазы коммунизма. — В кн.: «Материалы для обсуждения на конференции «Изменения социальной структуры советского общества»», вып. 1. М., 1965, стр. 28.

[119] Там же, стр. 33; см. также *Р. Г. Вартанов.* Классы или основные слои? — В кн.: «Проблемы изменения социальной структуры советского общества», стр. 113—120.

[120] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр 353. См. по этому вопросу *Я. А. Кронрод.* О закономерностях и этапах развернутого строительства коммунистической экономики. — В сб.: «Проблемы политической экономии социализма». М., 1961, стр. 12—14; *Г. Е. Глезерман.* Исторический материализм и развитие социалистического общества, стр. 115—124.

сительно эволюции социальных отношений при переходе от последней в истории антагонистической формации к формации неантагонистической не могли не носить по необходимости общего характера. Во-первых, отсутствовал практический опыт. Во-вторых, трудно было предвидеть, как долго наша страна, уже начавшая такой переход, будет строить социализм в одиночестве. Теоретически же существование классов не продиктовано имманентно присущими социализму как первой фазе коммунизма социальными отношениями, а является рудиментом классово антагонистического общества.

Этот непротиворечивый с точки зрения теоретических построений подход нашел отражение и в документах нашей партии.

XVII партийная конференция (1932 г.) отметила, что «важнейшим итогом социалистического строительства первой пятилетки является окончательный подрыв корней капитализма в деревне, предрешающий полную ликвидацию капиталистических элементов и полное уничтожение классов» [121], что «основной политической задачей второй пятилетки является окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще ..» [122]. XVII съезд (1934 г.) также указал, что второй пятилетний план обеспечивает «ликвидацию капиталистических элементов и классов вообще ..» [123].

Между тем историческая практика показала, что классы сохранились, что различия двух форм социалистической собственности на том этапе были еще весьма существенными, живучими оказались и мелкособственнические традиции в крестьянско-колхозной среде, материально-производственная база колхозов сильно отставала по оснащению техникой от промышленности и т. д. Из опыта СССР, подтвержденного опытом других социалистических стран, с непреложностью следовало, что социализм может утвердиться еще до полного преодоления классовых различий между рабочим классом и крестьянством.

Эти основные классы сохраняются и в развитом социалистическом обществе. Они являются дружественны-

[121] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч III, изд 7 М, 1954, стр 149

[122] Там же, стр 150

[123] Там же, стр 220

ми, не антагонистическими классами, поскольку связаны с собственностью одного и того же типа — общественной социалистической собственностью. Вместе с тем это еще разные классы, поскольку они связаны с различными формами социалистической собственности.

Каковы же реально существующие различия между двумя классами, учитывая ленинскую характеристику классов?

Как показывает опыт развития советского общества, преждевременно не только говорить об отсутствии экономических основ различий между рабочим классом и колхозным крестьянством, но и предполагать их исчезновение в ближайшем будущем.

Сохраняются прежде всего различия по месту в исторически определенной системе общественного производства и по отношению к средствам производства Если рабочий класс непосредственно связан с общенародными средствами производства, то колхозное крестьянство, будучи совладельцем последних, в то же время базирует свое существование как класс и на коллективно-групповой форме собственности, хотя основное средство производства для него — земля является общенародным. Такая близость отношений к средствам производства между рабочими и колхозниками и служит основой неантагонистического типа социальных отношений между ними.

Если рассматривать роль этих классов в общественной организации труда, то и здесь наблюдаются заметные различия Рабочий класс занят в ведущих, командных отраслях народного хозяйства, определяющих судьбы всей национальной экономики, он производит орудия и средства производства, обеспечивающие расширенное общественное воспроизводство. Объединенный в крупные коллективы, обладающий наибольшей степенью организованности, влияющий самым активным и непосредственным образом на экономику страны, рабочий класс, до тех пор пока не исчезнут классы, сохраняет руководящую роль по отношению к крестьянству и в социально-политической области. Эта роль принадлежит ему не только в силу его собственной природы и традиций, но и в связи с ведущей ролью города по отношению к деревне, ибо центрами социально-экономической и социально-политической жизни современного социалисти-

ческого общества остаются города, в которых сосредоточен по преимуществу рабочий класс. Отсюда и решающее влияние рабочего класса на формирование кадров, непосредственно исполняющих функции социального управления, а также его огромное воздействие через органы общественного самоуправления на общественную организацию труда.

Существенны еще различия между классами также по размерам доли общественного богатства, которой они располагают. Благосостояние рабочего класса зависит непосредственно и преимущественно от развития национального производства в целом, благосостояние же колхозников в большой степени базируется на эффективности производства в конкретном колхозе.

Различны и способы получения части национального продукта, которая достается на долю рабочих и колхозников. Однако и для тех и для других эти способы и размеры доли связаны с оценкой количества и качества труда, его тяжести, значимости данной отрасли и т. д., т. е. и здесь нет антагонизма, присущего обществам, где классы противостоят друг другу, находясь в отношениях господства и подчинения.

С. Видершпиль справедливо считает, что различия между классами в социалистическом обществе не сводятся только к различиям, связанным с формами социалистической собственности. Он указывает и на различия, которые сформировались исторически, они выражаются и в том, что крестьянин-кооператор одновременно выступает на рынке как мелкий производитель-продавец, и в существующем еще отставании деревни по сравнению с городом по условиям производства, уровню развития материальных, социальных, культурных условий [124]. С. Видершпиль полемизирует с известным польским экономистом Б. Минцем, который делит всех членов социалистического общества на работников государственного сектора и работников кооперативного сектора, объединяя в один класс кооперированных мелких городских производителей и кооперированных крестьян [125].

Другой польский социолог, В. Веселовский, в ряде своих работ предлагает при изучении классов социали-

[124] *St. Widerszpil.* Sklad polskiej klasy robotniczej, s 204—205

[125] См. *Б. Минц.* Политическая экономия социализма. М., 1965, гл XXIV. Классы и социальные слои при социализме.

стического общества уделить особое внимание дифференциации в доходах, характере труда, стиле жизни, общественном престиже, общественном сознании и т. д. Конечно, нельзя умалять значение перечисленных критериев. Однако, по мнению В. Веселовского, поскольку в социалистическом обществе отношение к средствам производства постепенно унифицируется (все становятся работниками общественного сектора), оно утрачивает роль детерминанты других черт классового положения. И это уже неправильно. Во-первых, отношения собственности продолжают играть роль классово дифференцирующего фактора не только потому, что само наличие двух разных форм социалистической собственности делает неравным, нетождественным отношение к ним у разных членов общества, но и потому, что даже по отношению к общенародной собственности, где все члены общества равны, между классами сохраняются различия по фактическому использованию средств производства.

Во-вторых, система социально-профессиональной стратификации, которой В. Веселовский справедливо уделяет большое внимание, также взаимодействует с отношениями собственности [126]. Ведь последние не сводятся к простой альтернативе, есть или отсутствуют средства производства у конкретных социальных групп, альтернативе, приложимой к характеристике критерия различения классов. Применительно к социально-профессиональной стратификации решающее значение приобретают другие аспекты отношений собственности — мера фактического использования средств производства [127].

Говоря здесь о том, что́ разделяет рабочих и колхозников как самостоятельные классы социалистического общества, необходимо, конечно, постоянно не упускать из виду принципиально важное обстоятельство: это весьма родственные социальные общности, которые неуклонно сближаются между собой как по отношениям собственности, так и по другим показателям.

Есть немало данных, которые указывают на данный процесс. О стирании классовых граней свидетельствует,

---

[126] *W. Wesołowski* Klasy, warstwy i władza, s. 163—185; *его же.* Changes in the Class Structure in Poland — В сб · «Empirical Sociology in Poland», W , 1966, и другие работы.

[127] Об этом еще пойдет речь ниже, в разделе, посвященном критериям внутриклассовой дифференциации.

в частности, сравнительно легкий переход значительных групп населения (механизаторов сельского хозяйства и других) из рядов колхозников в ряды рабочих и обратно. В этом плане большой интерес представляют исследования Ю. В. Арутюняна [128], из которых видно: изменения, происходящие в характере сельскохозяйственного труда (в сторону его сближения с трудом в промышленности), уже привели к тому, что в деревне различия по этому признаку имеют по крайней мере не меньшее значение, чем различия между колхозниками и рабочим классом. Следует лишь отметить, что, сравнивая данные по социально-профессиональным группам сельского населения, с одной стороны, и данные по классовым группам — с другой, Ю. В. Арутюнян допускает существенный методологический просчет, который снижает ценность его в общем верных выводов. Для колхозного крестьянства он берет действительно представительную группу — работников типичного украинского колхоза (в последующих исследованиях — колхозов Татарии и др.). Рабочий же класс представлен у него своей, так сказать, периферией — совхозными и другими рабочими, проживающими на селе, т. е. (по терминологии польских социологов) рабочими-крестьянами. Эти люди, безусловно, находятся в отношениях присвоения средств производства, которые присущи рабочему классу, но их социальные свойства еще в ряде моментов являются крестьянскими [129].

Автор, например, приводя данные о всех имеющих подсобное хозяйство и представляющих разные классовые и профессиональные группы сельского населения, затем сравнивает их по образованию, культуре, религиоз-

---

[128] См. *Ю. В. Арутюнян.* Социальная структура сельского населения. — «Вопросы философии», 1966, № 5; *его же* Опыт социологического изучения села. М., 1968, *его же.* Социальные аспекты культурного роста сельского населения — «Вопросы философии», 1968, № 9.

[129] Рабочие города и рабочие деревни пока существенно отличаются по квалификации, образованию, доходам, заработной плате, наличию подсобного участка и т. д. У рабочих совхозов «труд и благосостояние не полностью, а лишь в основном связаны с общенародной собственностью» (см. *С. А. Кугель.* Закономерности изменения социальной структуры общества при переходе к коммунизму, стр. 78; *В. С. Семенов* Рабочий класс и его роль в строительстве коммунизма. — В кн.: «Строительство коммунизма и развитие общественных отношений», стр. 92—94, и другие работы).

ности и пр. Вывод сводится к тому, что колхозники и рабочие по существу между собой не отличаются, а главные различия проходят между группами, выделенными по характеру труда. Уязвимость подобных построений уже отмечена критикой. С. А. Кугель писал об этом: «...При сопоставлении классов и их признаков следует выделять прежде всего признаки, присущие всему классу, а не какой-либо его части. Ядру рабочего класса — городским промышленным рабочим несвойственно личное подсобное хозяйство, а среди колхозников оно имеет всеобщее распространение. Поэтому в литературе правильно указывают на этот факт как на одно из различий в источниках и формах получения дохода, то есть различия классового характера. Что касается сельских промышленных и сельскохозяйственных рабочих, то они представляют пограничные слои рабочего класса, которые можно, конечно, сравнивать с колхозным крестьянством, но по которым нельзя судить об общеклассовых чертах» [130].

Методологический просчет в системе доказательств, предложенных Ю. В. Арутюняном, тем досаднее, что препятствует обоснованию весьма существенной стороны его в общем правильного тезиса о возрастающем значении неклассовых аспектов социальной структуры нашего общества.

Попробуем теперь ответить на вопрос: как конкретно соотносится ленинское общее определение классов с реально существующими классами социалистического общества.

Сам факт сохранения классов в условиях социализма не мог не повлиять на развитие теории классов. Было очевидно, что классы есть, но их облик, экономическая основа их существования, их взаимоотношения изменились.

Первоначально усилия авторов концентрировались на раскрытии механизма построения бесклассового общества в СССР, тем более что и в партийных документах той поры, как мы уже отмечали, принималась перспектива сравнительно быстрой ликвидации классов. По-

[130] *С. А. Кугель.* Новое в изучении социальной структуры общества, стр. 20, 22; см. также *А. Г. Пырин.* Личное подсобное хозяйство как фактор социальных различий среди городского населения. — В сб.: «Социальные различия и их преодоление». Свердловск, 1969.

этому вопрос о природе колхозного крестьянства оживленно обсуждался советскими историками. Так, в 1931 г. Д. Лурье в «Правде» (20 апреля) высказал мысль о том, что процесс коллективизации есть процесс создания нового класса. Его оппоненты отметили, что он подменяет процесс изменения класса процессом образования нового класса [131].

Между тем в связи с приближением конца переходного периода необходимо было внести ясность в вопрос о сохранении классов в советском обществе после победы социализма. Это сделал И. В. Сталин в докладе «О проекте Конституции Союза ССР» (1936 г.). Он охарактеризовал те новые черты в облике рабочего класса и колхозного крестьянства, которые были вызваны изменением их положения в системе общественных отношений.

Обрисовав новые черты рабочего класса, И. В. Сталин сказал: «Как видите, рабочий класс СССР это — совершенно новый, освобожденный от эксплуатации, рабочий класс, подобного которому не знала еще история человечества» [132]. Аналогичным образом он рассмотрел изменения в советском крестьянстве. Указав, что классовые грани в советском обществе стираются, он одновременно сделал вывод: в СССР возникли новые классы [133].

В дальнейшем многие авторы, интерпретируя эту мысль, делали в ней акцент на том, что наше общество есть общество новых классов. С тех пор в литературе надолго утвердился тезис о «новых классах», лишь недавно встретивший критику [134], хотя некоторые авторы продолжают и теперь придерживаться его [135].

---

[131] См. *Т. Ищенко* Критика бухаринской теории классов и классовой борьбы и вопрос о классах в СССР. — «Под знаменем марксизма», 1931, № 4—5, стр. 72.

[132] *И. Сталин.* Вопросы ленинизма. М., 1952, стр. 549.

[133] См. там же, стр. 549—551

[134] См., например, *А. А. Матюгин.* Основные направления развития рабочего класса СССР в переходный период от капитализма к социализму — В сб: «Формирование и развитие советского рабочего класса (1917—1961 гг.)». М., 1964.

[135] См. «Изменение классовой структуры общества в процессе строительства социализма и коммунизма» М., 1961, стр. 162; *И. Е. Ворожейкин.* Вопросы формирования советского рабочего класса в исторической литературе (после XX съезда КПСС). — В кн: «Развитие рабочего класса в национальных республиках СССР» М., 1962, и другие работы.

Прояснение данного вопроса, естественно, связано с проблемой приложимости общего определения классов к социалистическому обществу.

Ленинское определение является обобщением признаков основных социальных групп развитого классового общества, в котором эти признаки вполне отчетливо проявились. В этом определении есть внутреннее единство, из него, как из глубоко научного определения, нельзя выкинуть отдельные стороны и заменить их другими.

Однако ленинское определение было дано относительно классово антагонистического общества. Не требуется ли поэтому какое-то иное определение, иной подход к характеристике классов периода перехода от капитализма к социализму, и тем более периода победившего социализма, когда классы еще существуют, воспроизводятся и находятся в определенной взаимозависимости, хотя уже между ними нет отношений эксплуатации [136]. По нашему мнению, никакого иного определения не может быть дано в принципе.

Работа В. И. Ленина «Великий почин» была написана после Октябрьской революции, когда в общественных отношениях уже произошли громадные перемены и возникли новые явления, в которых вождь революции увидел зерна коммунизма. Казалось бы, данное в статье определение классов должно было содержать какие-то моменты, указывающие на невозможность его применения к классам социалистического общества. Тем не менее В. И. Ленин не сделал никаких дополнений или оговорок к своему определению. Правда, в другой работе он уточнил: «Классы остались, но *каждый* видоизменился в эпоху диктатуры пролетариата; изменилось и их взаимоотношение» [137]. Однако и с учетом этих видоизменений он никогда не применял термина «новые классы» и не стремился дать особое определение для общественных классов при социализме.

Вспомним, что определение класса потребовалось В. И. Ленину в связи с выяснением задач пролетариата

---

[136] Такую попытку предпринял, например, Н. А. Аитов в работе «Об определении классов социалистического общества». — В кн.: «Материалы для обсуждения на конференции «Изменения социальной структуры советского общества»», вып. 1, стр. 23—27.

[137] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 279.

в деле ликвидации классов. «... Что это значит «уничтожение классов»? — спрашивал В. И. Ленин. — Все, называющие себя социалистами, признают эту конечную цель социализма, но далеко не все вдумываются в ее значение» [138]. И далее следовала характеристика понятия «класс».

Из ленинской постановки вопроса и анализа социальной эволюции общества, строящего социализм, а затем и коммунизм, можно заключить следующее. Новая коммунистическая формация отрицает, исключает классово антагонистические противоречия. На ее высшей стадии отсутствуют не только классы, но и какое-либо иное социально-экономическое неравенство. Поскольку до наступления этой стадии (т. е. на стадии социализма) классы еще сохраняются, они не могут не быть остаточным явлением антагонистических формаций. Конечно, они видоизменяются, обретают новые черты. Но все дело в том, что эти изменения идут в направлении постепенного исчезновения классовых черт в самих классах, в направлении стирания классовых различий. Надо ли давать остаточному, исчезающему социальному явлению какую-либо другую характеристику, помимо той, которая дается ему в период расцвета, когда все признаки класса совершенно отчетливо выявляются? Ясно, что надобности в новом определении класса нет [139].

После социалистической революции развертывается процесс не складывания новых классов, а ликвидации эксплуататорских классов и такого изменения классов, оставшихся в наследство от старого общества, которое идет в направлении ликвидации всех и всяческих классов и классовых различий, т. е. процесс революционного превращения классового общества в бесклассовое.

«Социализм есть уничтожение классов» [140], — писал В. И. Ленин. Новый облик, который приобрел за годы Советской власти, скажем, рабочий класс, связан именно с утратой специфических черт, вызванных его угнетенным положением в капиталистическом обществе, и приобретением новых качеств, являющихся следствием коренного изменения его положения в социалистическом обществе.

[138] Там же, стр. 15.

[139] См. по этому вопросу *Г. Е. Глезерман.* Исторический материализм и развитие социалистического общества, стр. 114—115, 150.

[140] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 279.

Принципиальное значение имеет следующее указание В. И. Ленина: «Уничтожить классы — значит не только прогнать помещиков и капиталистов — это мы сравнительно легко сделали — это значит также *уничтожить мелких товаропроизводителей,* а их *нельзя прогнать,* их нельзя подавить, с ними *надо ужиться*, их можно (и должно) переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой»[141]. Иначе говоря, превращением крестьян — мелких собственников в социалистических кооператоров не создается новый класс, а делается громадный шаг в направлении ликвидации классов вообще[142].

В связи со сказанным следует признать, на наш взгляд, неточным и применение термина «формирование» относительно рабочего класса советской поры.

К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин широко пользовались этим термином, когда речь шла об истории возникновения, образования, складывания пролетариата как класса. Л. М. Иванов в своей статье «К вопросу о формировании промышленного пролетариата в России»[143] убедительно показал, что понятие «формирование пролетариата» включает два момента: а) образование рабочих кадров; б) осознание ими себя как революционного класса, противоположного буржуазии. Можно спорить, когда именно в той или иной стране завершилось формирование пролетариата как класса «для себя», но очевидно, что это происходит до, а не после социалистической революции. В данном случае термин «формирование» применяется в прямом смысле, и именно в этом смысле он получил всеобщее признание. Применять же его к характеристике совершенно иного процесса — процесса развития рабочего класса (уже сформировавшегося) в условиях строительства социализма и коммунизма нецелесообразно. Другое дело использование этого термина применительно к истории национальных республик, где до социалистической революции не было своего пролетариата.

---

[141] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 27.

[142] См. «Строительство коммунизма и развитие общественных отношений». М., 1966, стр. 35—36; см. также *Г. Е. Глезерман.* От классовой дифференциации к социальной однородности. — «Вопросы философии», 1963, № 2.

[143] См. «История СССР», 1958, № 4.

В этой связи большой интерес представляет выдвинутая А. А. Матюгиным концепция консолидации рабочего класса как основного процесса, характеризующего внутренние изменения в нем в период перехода от капитализма к социализму.

А. Матюгин прав, подчеркивая, что смысл социальных изменений внутри рабочего класса сводился к укреплению классовой сплоченности на базе растущей крупной промышленности, на основе марксистско-ленинской идеологии [144]. Жаль только, что он не доводит свою мысль до конца. Процесс внутриклассовой интеграции и в переходный от капитализма к социализму период следует изучать, имея в виду его основное направление — к ликвидации классов.

Задача историков и социологов, на наш взгляд, и сводится к выявлению реального уровня, реального этапа процесса преодоления классовых и иных социально-экономических различий в конкретные исторические периоды развития советского общества.

§ 3. РАБОЧИЙ КЛАСС В ЕГО ИСТОРИЧЕСКИ ПОДВИЖНЫХ ГРАНИЦАХ

Прежде чем определить, какие социальные группы и по каким основаниям должны быть отнесены к рабочему классу, необходимо выяснить содержание самого понятия «рабочий класс», раскрыть то общее, что объединяет людей в этот класс, обусловливает их принадлежность к нему, иначе говоря, описать функции и свойства рабочих как класса, отличающие их от представителей других классов общества.

Рабочий класс возникает вместе с капиталистическим способом производства. «Под «пролетарием» в экономическом смысле, — писал К. Маркс, — следует понимать исключительно наемного рабочего, который производит и увеличивает «капитал» и выбрасывается на улицу, как только он становится излишним для потребностей возрастания стоимости «господина капитала»...» [145]

---

[144] См. *А. А. Матюгин.* Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.). М., 1962, стр. 3.

[145] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 628 (прим.).

Опираясь на ленинское определение классов, авторы «Заключительного комментария» к материалам обмена мнениями, проводившегося журналом «Проблемы мира и социализма» в 1960—1961 гг. по вопросам структуры рабочего класса капиталистических стран, предложили следующим образом характеризовать рабочий класс в отличие от буржуазии. Оба класса различаются: по месту в системе общественного производства — как эксплуататоры и эксплуатируемые; по отношению к средствам производства — как обладающие собственностью на средства производства и лишенные ее; по роли в общественной организации труда — как организаторы производства в целях получения прибыли и исполнители-трудящиеся; по способам получения и размерам доли общественного богатства — как присваивающие прибавочную стоимость и захватывающие бóльшую часть общественного богатства и как продающие свою рабочую силу, существующие только на заработную плату. Пролетариат и есть «класс людей, лишенных средств производства, вынужденных поэтому жить за счет продажи своей рабочей силы собственникам капитала и подвергающихся эксплуатации в процессе капиталистического производства»[146].

Пролетариат не сразу выступает как сплоченный класс, с осознанными отношениями социального единства. Первоначально наемных рабочих связывают лишь узы объективных зависимостей, вытекающих из их места в системе производственных отношений. Они еще являются «классом в себе». Но постепенно, в ходе классовой борьбы, неизбежно порождаемой непримиримыми противоречиями капитализма, пролетариат организуется и сплачивается, осознает свои классовые интересы, политически и идеологически отделяется от буржуазии, становится самостоятельной силой, превращается в «класс для себя». К. Маркс писал: «Экономические условия превратили сначала массу народонаселения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положение и общие интересы. Таким образом, эта масса является уже классом по отношению к капиталу, но еще не для себя самой. В борьбе... она конституируется как

---

[146] «Структура рабочего класса капиталистических стран» Прага, 1962, стр. 277—278

класс для себя. Защищаемые ею интересы становятся классовыми интересами Но борьба класса против класса есть борьба политическая»[147].

Процесс классового самоопределения пролетариата завершается, когда его лучшая, передовая, наиболее сознательная часть объединяется в политическую партию, возглавляющую борьбу за выполнение им своей исторической миссии — уничтожить капитализм и построить новое, социалистическое общество. В. И. Ленин указывал, что «только социал-демократический пролетариат есть пролетариат, сознавший свои *классовые* задачи»[148].

Рабочий класс — главная производительная сила общества, он связан с наиболее передовой формой хозяйства — крупным производством. Поэтому он является единственной последовательно революционной силой капиталистического общества, естественным вождем всех трудящихся и угнетенных в борьбе против капитализма.

После социалистической революции начинается постепенный процесс ликвидации классов, занимающий всю эпоху перехода к коммунизму. Во главе этого процесса стоит рабочий класс, осуществляющий преобразование всех сторон общественной жизни. Рабочий класс выполняет новые общественные функции, которые появляются у него в силу коренного изменения всей системы социальных отношений в обществе.

Раскрывая объективные корни ведущей роли рабочего класса в ходе построения социализма, В. И. Ленин писал: «Предполагать, что все «трудящиеся» одинаково способны на эту работу, было бы пустейшей фразой или иллюзией допотопного, домарксовского, социалиста. Ибо эта способность не дана сама собой, а вырастает исторически и вырастает *только* из материальных условий крупного капиталистического производства. Этой способностью обладает, в начале пути от капитализма к социализму, *только* пролетариат»[149].

В другом месте В. И. Ленин конкретизировал эту мысль так: «Пролетариат был при капитализме классом угнетенным, классом, лишенным всякой собственности на средства производства, классом, который один только

---

[147] *К. Маркс и Ф. Энгельс* Соч., т. 4, стр. 183
[148] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, стр. 118
[149] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 15—16

был непосредственно и всецело противопоставлен буржуазии и потому один только способен был быть революционным до конца. Пролетариат стал, свергнув буржуазию и завоевав политическую власть, *господствующим* классом: он держит в руках государственную власть, он распоряжается обобществленными уже средствами производства, он руководит колеблющимися, промежуточными элементами и классами, он подавляет возросшую энергию сопротивления эксплуататоров. Все это — *особые* задачи классовой борьбы, задачи, которых раньше пролетариат не ставил и не мог ставить» [150].

В связи с этими своими новыми функциями рабочий класс приобретает (уже в ходе построения социализма) и новые социальные свойства. Вот основные из них:

1. Рабочий класс — это в условиях социализма класс, объединяющий работников, которые заняты производительным трудом на предприятиях и в учреждениях, принадлежащих всему обществу, и входят в состав совокупного рабочего.

2. Рабочему классу при социализме присуще непосредственно общественное отношение коллективности к средствам производства, которое основывается на распоряжении совместно с другими социальными группами общества общенародными средствами производства, т. е. все рабочие экономически равны по отношению к собственности. Они являются равноправными членами социалистических производственных коллективов, в которые входят, работая на конкретном предприятии.

3. Рабочему классу социалистического общества присуща руководящая роль в общественной организации труда, выявляющаяся в непосредственном распоряжении и непосредственном использовании общенародных средств производства, а также решающем вкладе в их развитие.

4. Материальное благосостояние всего класса находится в прямой зависимости от степени развития социалистического народного хозяйства; распределение же дохода внутри рабочего класса производится преимущественно по количеству и качеству труда, вложенного в создание совокупного общественного продукта.

5. Основной социально-политической функцией рабо-

---

[150] Там же, стр 279—280.

чего класса является руководство социалистическим обществом.

«Выполнение своей роли руководителя общества рабочий класс завершит с построением коммунизма, когда исчезнут классы»[151], — отмечается в Программе КПСС.

В самом деле. Труд рабочих не только базируется на наиболее развитой форме социалистической собственности — общенародной собственности, но и связан с решающими, технически наиболее оснащенными отраслями народного хозяйства. Производственная деятельность рабочих играет главную роль в развитии производительных сил социалистического общества. Рабочий класс занят прежде всего в крупной промышленности, являющейся основой социалистической экономики. Здесь (в группе «А») создается база для расширенного воспроизводства во всех отраслях народного хозяйства, в том числе и в сельском хозяйстве, где занято крестьянство. Конечно, само по себе это говорит лишь о роли тяжелой промышленности в экономической жизни общества. Но поскольку крупная промышленность, являющаяся общенародной собственностью, находится в непосредственном использовании рабочего класса, в деятельности последнего по производству средств производства и воплощается его авангардная роль в общественной организации труда. Более того. Те, кто непосредственно использует средства производства, сосредоточенные на крупных предприятиях, которые в свою очередь сгруппированы в опорные центры экономической жизни общества, составляют ядро, основу его социально-политического

---

[151] «Материалы XXII съезда КПСС». М., 1961, стр. 396. Руководящую роль рабочего класса не следует смешивать с диктатурой пролетариата. В. И. Ленин писал: «...диктатура пролетариата есть власть *одного* класса, берущего в свои руки *весь* аппарат новой государственности...» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 108). По мнению В. И. Ленина, такое государство нужно лишь «на время борьбы с эксплуатацией, пока темно, пока не верят еще в новые порядки...» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 453). О роли рабочего класса в современную эпоху см.: «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г.». М., 1969; «Ленинизм и мировое революционное рабочее движение (Проблемы борьбы за единство пролетариата всех антиимпериалистических сил)». М., 1969; *В. Н. Киселев.* Рабочий класс СССР — руководящая сила строительства коммунизма. Казань, 1969.

единства, представляют наиболее прогрессивный и определяющий тенденции развития общества слой. Рабочий класс — главный созидатель материально-технической базы коммунизма. Он практически претворяет в жизнь результаты современной научно-технической революции. Он, следовательно, был и остается главным общественным производителем.

Будучи основной силой в производственно-экономической области, рабочие являются передовым элементом и в социально-политической жизни общества. Именно они носители тех революционных традиций, той социальной психологии, которая после революции образует основу для складывания единой общенародной психологии. Идеология рабочего класса — марксизм-ленинизм в процессе социалистического строительства становится общенародной идеологией.

В. И. Ленин в своих работах неоднократно отмечал специфические социально-психологические свойства пролетариата, обусловленные его объективным положением в обществе, которые рабочий класс, взяв власть в свои руки, должен сберечь и приумножить. Это умение ставить классовые интересы выше цеховых, групповых и личных; высокая самодисциплина и готовность идти на жертвы во имя общественных интересов; выдержка, настойчивость, готовность, решимость и умение сотни раз, исправляя и пробуя, браться за дело и во что бы то ни стало добиваться цели; ненависть и презрение ко всему мещанскому и филистерскому; свобода от чувства собственности, от малейшего чинопочитания; умение «внушать уважение к своей трудоспособности всякому трудящемуся, всякому честному человеку», стремление к высотам культуры, умение и желание сберечь и отстоять, усвоить культуру, накопленную человечеством, и развить ее дальше [152].

В то же время рабочий класс, вышедший из недр буржуазного общества, несет на себе печать своего происхождения. В. И. Ленин писал, что на почве диктатуры пролетариата надо перевоспитать и самих рабочих, «которые от своих собственных мелкобуржуазных предрассудков избавляются не сразу, не чудом... а лишь в дол-

---

[152] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 387—388; т. 40, стр. 310—311, 316 и др.

гой и трудной массовой борьбе с массовыми мелкобуржуазными влияниями» [153].

Советский рабочий класс не только развил лучшие качества, унаследованные от пролетариата дореволюционной поры, но и приобрел новые черты, вызванные его ведущим положением, его руководящей ролью в обществе. Такими чертами являются прежде всего новое, коммунистическое отношение к труду, осознание себя хозяином страны, марксистско-ленинская идеология как основа мышления и действия.

Из всего сказанного выше можно сделать вывод, что принадлежность конкретных социальных групп к рабочему классу следует определять по трем взаимосвязанным критериям, отражающим его положение, функции и свойства в трех основных сферах:

1. В производственной сфере — принадлежность к совокупному рабочему.

2. В социально-экономической сфере: а) при капитализме — принадлежность к наемным работникам, продающим свою рабочую силу собственникам капитала и существующим в основном на заработную плату; б) при социализме — принадлежность к работникам государственных предприятий и учреждений, получающим заработную плату как свою долю в распределении материальных благ соответственно количеству и качеству труда.

3 В социально-политической и идейно-психологической сфере — принадлежность к людям, осознавшим свое классовое единство, свои классовые интересы и цели, участвующим в борьбе против эксплуатации, за социальное освобождение, а после победы социалистической революции участвующим в деятельности по руководству обществом и производством.

Первые два критерия позволяют определить объективно существующие по условиям данных социально-экономических отношений границы рабочего класса как «класса в себе», третий признак служит определением границ рабочего класса как «класса для себя». При та-

---

[153] *В И. Ленин* Полн собр соч, т 41, стр 101, см также стр 27, где В И Ленин говорит о необходимости преодоления у части рабочих рецидивов «мелкобуржуазной бесхарактерности, раздробленности, индивидуализма, переходов от увлечения к унынию»

ком подходе рабочий класс может быть рассмотрен как социальная целостность, объединяющая людей единством общественных функций и свойств в процессе производственных, социально-политических и идеологических отношений.

Национальные отряды рабочего класса капиталистических и социалистических стран образуют единую совокупность — международный рабочий класс, обладающий общностью коренных свойств, объективных интересов, имеющий единую социальную задачу по революционному преобразованию мира в коммунистическое бесклассовое сообщество народов.

* * *

В качестве дополнительного критерия при определении классовой принадлежности часто применяют показатель разделения людей на работников умственного и физического труда, причем к рабочему классу относят лишь работников физического труда. Что касается работников умственного труда, то сама возможность отнесения их (скажем, инженеров) к рабочему классу является предметом споров и обсуждений. Подобная постановка вопроса связана с бытующей еще в практике изучения социальной действительности склонностью к конечной определенности суждений, относящихся к весьма сложным и далеким от обыденных восприятий отношениям. Между тем известно, что абстрактных истин нет, что истина всегда конкретна. Иногда не соблюдают ленинское требование при построении диалектического определения учитывать, в каких связях и отношениях рассматривается предмет и для какой — практической или теоретической — цели. Анализ социальной структуры непременно должен улавливать историческую подвижность границ между слоями общества, обусловленную изменчивостью социально-экономических и социально-политических отношений Столь же существенно принимать во внимание исторически меняющиеся потребности и цели научного исследования самих социальных отношений

В литературе сложились три точки зрения на характер взаимосвязи между разделением членов общества на работников умственного и физического труда и межклассовыми и внутриклассовыми различиями. Сторонники од-

ной точки зрения традиционно рассматривают это разделение как межклассовое, выделяя всю интеллигенцию в особый социальный слой людей, не входящих в ряды основных классов. Другие авторы «распределяют» интеллигенцию между основными классами. Наконец, третья точка зрения (разделяемая нами) сводится к конкретно-исторической постановке вопроса о месте работников нефизического труда, включая и работников квалифицированного умственного труда, в системе общественных классов.

Еще в дореволюционном русском подполье, по воспоминаниям М. И. Калинина, горячо обсуждали вопрос, кого относить к пролетариям [154]. И вопрос этот с тех пор не перестает вызывать более или менее острые споры.

Одним из первых отчетливо сформулировал проблему социальной атрибуции интеллигенции А. Грамши: «Является ли интеллигенция автономной и независимой социальной группой, или же всякая социальная группа имеет свою собственную, особую категорию интеллигенции?» [155]

Вот как отвечал на этот вопрос в середине 20-х годов один из советских марксистов, М. Рубинштейн, в книге «Социальные корни реформизма»: «В корне противоречит теории Маркса представление, будто наемные работники умственного труда не создают прибавочной стоимости, и в этом отношении выделение их из других категорий эксплуатируемых пролетарских масс было бы неправильно» [156]. Вместе с тем М. Рубинштейн отмечал своеобразие положения умственных работников, большинство которых занято по существу ремесленными, цеховыми формами труда. Их труд, подчеркивал М. Рубинштейн, более изолирован, более зависит от личности работника; в более затушеванной форме проявляются и их связи с коллективом. В то же время своеобразно положение другой части работников умственного труда, которые используются капитализмом как аппарат эксплуатации производственных рабочих.

---

[154] См. «От гудка до гудка Из записок М И Калинина». — «Комсомольская правда», 19 ноября 1960 г.

[155] *А. Грамши.* Дань истории Статьи из «Ордине Нуово» Проблемы революции. Проблемы культурной жизни М., 1960, стр. 95

[156] *М. Рубинштейн.* Социальные корни реформизма. М., 1926, стр. 146.

За последние четыре с лишним десятилетия наемные работники нефизического труда по своему положению при капитализме еще более сблизились с армией пролетариев физического труда. Растущие отряды «пролетариев в белых воротничках» заняты в капиталистических концернах и фирмах функционально расчлененным умственным исполнительским трудом с жесткой регламентацией и отсутствием индивидуализации. Они принадлежат к лучше оплачиваемым категориям эксплуатируемых наемных работников, но в большинстве своем утратили командные функции, не являются проводниками политики владельцев предприятия, а обслуживают технические нужды производства.

Дискуссия на страницах журнала «Проблемы мира и социализма» в 1960—1961 гг. показала всю сложность рассматриваемого вопроса. Обобщая результаты дискуссии о границах рабочего класса и о месте работников нефизического труда в системе классов капиталистического общества, редакция журнала писала: «В конечном итоге принадлежность к служащим определяется главным образом особенностями формы оплаты и характера труда, а не коренными классовыми признаками» [157]. И далее: «Если одна их часть сливается с рабочим классом, то высшие служащие, которые занимают посты управляющих, директоров, членов правления компаний и т. д., принадлежат в действительности к капиталистическому классу. Есть и другие, сравнительно широкие группы служащих, которые занимают промежуточное положение в классовой структуре капиталистического общества» [158].

Аналогичным образом был рассмотрен вопрос о классовой принадлежности основной массы инженерно-технических и научных работников, которые, по мнению редколлегии, входят в пролетариат как особый, более привилегированный слой.

Нужно заметить, что дискуссия, проведенная журналом «Проблемы мира и социализма», имеет принципиальное теоретическое и практическое значение. Она касается стержневых вопросов развития рабочего движения в капиталистическом мире. Ведь одно дело рас-

---

[157] «Структура рабочего класса капиталистических стран», стр. 285.

[158] Там же, стр. 286—287.

сматривать работников нефизического труда как промежуточные слои и соответственно с этим вести борьбу за их вовлечение в рабочее движение, а другое дело относиться к ним как к собратьям по классу, хотя и менее организованным, менее политически закаленным. Не случайно ревизионисты всячески стремятся доказать, будто возрастание доли работников нефизического труда в капиталистическом обществе подтверждает неправоту К. Маркса относительно поляризации классовых сил в процессе развития капитализма. Взамен марксизма выдвигается теория «нового среднего класса», или «новых средних слоев», которая сейчас активно пропагандируется буржуазными идеологами.

К сожалению, некоторые исследователи-марксисты не заметили принципиально новой ситуации, вызванной научно-технической революцией, и продолжают относить всех служащих к средним слоям. А. М. Румянцев и другие советские экономисты в ходе дискуссии убедительно вскрыли неправильность такой точки зрения [159].

Этот же вопрос подробно рассматривался на Международной научной конференции «50-летие Октября и международный рабочий класс», состоявшейся в ноябре 1967 г. в Москве. Участники конференции отметили, что в ходе научно-технической революции социальная база рабочего класса расширяется, в его состав входят: промышленный пролетариат (как рабочие, так и значительная часть инженерно-технических работников промышленности, транспорта, связи, бытового обслуживания), сельскохозяйственный пролетариат, конторско-торговые работники, участвующие либо непосредственно в процессе производства, продолжающемся в сфере обращения, либо в реализации прибавочной стоимости [160].

Изменения, вызванные научно-технической революцией в социальных формах существования современного промышленного пролетариата, интересно проанализировал в одной из своих последних работ Ю. А. Васильчук.

---

[159] См там же, стр 28—30

[160] См. *Т. Тимофеев.* Рабочее движение и борьба за укрепление мирового антиимпериалистического фронта — «Коммунист», 1967, № 18, стр. 85—86; «Рабочий класс в борьбе против империализма, за революционное преобразование мира». М., 1968 (Материалы Международной научной конференции «50-летие Октября и международный рабочий класс»).

В условиях первой ступени крупного машинного производства, отмечает он, служащие и производственная интеллигенция представляли собой ту часть класса буржуазии, которая непосредственно участвовала в производстве. Это было связано и с небольшой долей обособившегося умственного труда в его общей массе, и с тем, что буржуазия имела монополию на образование и на умственный труд. В то же время эти люди входили в состав совокупного рабочего и продавали свою рабочую силу. Отсюда противоречивость классового положения работников нефизического труда. «Однако решающее значение для классовой характеристики, очевидно, имеет не характер юридических взаимоотношений отдельных лиц данного социального образования с отдельными капиталами и не их положение в процессе труда, а их отношения по поводу средств производства в целом как единой общественной группы» [161].

Анализируя новую ситуацию, вызванную возникновением поточно-конвейерного и автоматизированного производства, Ю. А. Васильчук приходит к обоснованному выводу о том, что теперь классовая граница пролетариата все дальше сдвигается в глубь слоев интеллигенции и служащих, «превращая эти части «совокупного рабочего» во внутриклассовые группы пролетариата. Это связано с требованиями научно-технической революции, которая увеличивает объем обособившегося умственного труда при сокращении удельного веса буржуазии, занятой в производстве. Поэтому создалась производственная необходимость и возможность для части промышленного пролетариата посвятить себя умственному труду» [162].

В руках буржуазии, естественно, сохраняется монополия на социально-управленческий труд, но ведь по-

---

[161] *Ю. А. Васильчук* Современная научно-техническая революция и промышленный пролетариат. — «Вопросы философии», 1969, № 1, стр. 20—21.

[162] Там же, стр. 21.

Аналогичная точка зрения высказана в обзоре Отдела социально-экономического положения трудящихся Института международного рабочего движения Академии наук СССР «Данные о положении рабочего класса развитых капиталистических стран». «Одним из последствий ускоренного научно-технического прогресса является значительное расширение социальных границ рабочего класса, главным образом, за счет так называемых «белых воротничков»

следним не исчерпываются функции умственного труда. Нельзя не согласиться с выводом советских участников дискуссии в журнале «Проблемы мира и социализма» А. М. Румянцевым, Е. А. Амбарцумовым и Ю. К. Островитяновым, которые писали: «...антагонистическое классовое противоречие между умственным и физическим трудом ныне выступает в форме классового противоречия между трудом по эксплуатации, трудом по капиталистической организации производства, и трудом исполнителей-пролетариев, безразлично, занимаются ли они физическим или умственным трудом» [163].

Такой подход к рассмотрению места работников умственного труда в системе классов современного капиталистического общества, по нашему мнению, вполне соответствует взглядам основоположников научного коммунизма.

Давая социально-экономическую характеристику пролетариату, К. Маркс не уточнил, какие именно группы наемных работников входят в ряды этого класса. Зато он четко определил границы «совокупного рабочего», имея в виду функциональное (*техническое*) разделение

Значительная часть новых категорий служащих и интеллигенции выполняет функции, представляющие собой разновидность массового индустриального труда, а их материальное и социальное положение, как правило, ненамного отличается от положения основных отрядов рабочего класса С другой стороны, современный рабочий по уровню своей общеобразовательной и профессиональной подготовки постепенно приближается к инженерно-техническим работникам и нередко превосходит в этом отношении конторских работников» (см. «Проблемы мира и социализма», 1969, № 3. Приложение, стр. 4).

См. также «Ленинизм и мировое революционное рабочее движение», стр. 334—339. Аргументированное обоснование позиции сторонников отнесения к рабочему классу лишь рабочих преимущественно физического труда представлено в книге В С Семенова «Капитализм и классы».

[163] «Структура рабочего класса капиталистических стран», стр. 44. По вопросу о границах рабочего класса при капитализме см. также *Дж М. Будиш.* Изменение структуры рабочего класса США. М., 1963; «Городские средние слои современного капиталистического общества». М., 1963; «Современный рабочий класс капиталистических стран. Изменения в структуре». М., 1965; *Н. П. Иванов.* Технический переворот и рабочий класс в главных капиталистических странах. М., 1965; *Helmut Steiner.* Soziale Strukturveränderungen im modernen Kapitalismus. Zur Klassenanalyse der Angestellten in Westdeutschland. Berlin, 1967; *Н. Д. Гаузнер.* Научно-

труда в капиталистическом кооперированном производстве. К «совокупному рабочему» он причислил наряду с работниками физического труда также инженеров, механиков, т. е. «высший, частью научно образованный, частью ремесленного характера слой рабочих, стоящий вне круга фабричных рабочих, просто присоединенный к нему»[164]. Одновременно К. Маркс указал, что общность людей, которая в качестве производительной силы выступает в обличии «совокупного рабочего», в сфере социально-экономических отношений выявляет себя как рабочий класс[165]. Иначе говоря, границы «совокупного рабочего» и рабочего класса (в социально-экономическом смысле) в значительных пределах совпадают.

При решении вопросов о классовой принадлежности работников умственного труда не может быть ответа, пригодного в любых ситуациях. Следует учитывать и производственные функции, и социальное положение, и социально-классовые источники комплектования конкретных групп интеллигенции, и ее социальные связи, и социальное окружение, и размеры дохода, и другие социально-генетические и социально-экономические признаки. Лишь при таком анализе можно определить, имеем ли мы дело с «пролетариями в белых воротничках» или с частью буржуазных и мелкобуржуазных слоев населения, выступающих в производственном процессе в качестве части «совокупного рабочего», а в социально-экономической и социально-политической сфере как буржуа или приказчики буржуа. Необходим, другими словами, конкретно-исторический подход. Еще в конце прошлого века В. И. Ленин писал: «Капитализм во всех *областях* народного труда повышает с особенной быстротой число *служащих*, предъявляет все больший спрос

технический прогресс и рабочий класс США. М., 1968; *его же* Рабочий класс капиталистических стран в условиях научно-технической революции. — «Коммунист», 1969, № 2; «Рабочий класс капиталистических стран и научно-техническая революция». Прага, 1969; *В. С. Семенов.* Капитализм и классы. Исследование социальной структуры современного капиталистического общества. М., 1969; *Жоэ Метцгер.* Инженерно-техническая интеллигенция и рабочий класс. — «Проблемы мира и социализма», 1970, № 3, и другие работы.

[164] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 431.

[165] См. там же, стр. 246; см. также т. 26, ч. 1, стр. 421—422

на интеллигенцию. Эта последняя занимает своеобразное положение среди других классов, примыкая отчасти к буржуазии по своим связям, воззрениям и проч., отчасти к наемным рабочим, по мере того, как капитализм все более и более отнимает самостоятельное положение у интеллигента, превращает его в зависимого наемника, грозит понизить его жизненный уровень»[166]. «Основная тенденция капитализма, — подчеркивал В. И. Ленин, — состоит в том, чтобы все рабочие силы народного хозяйства применялись к производству лишь после продажи-купли их предпринимателями»[167].

Центральным пунктом в конкретно-историческом определении классового положения социальных групп является, как это следует из всей совокупности марксистско-ленинского системного анализа классов, отношение к средствам производства.

Противники отнесения определенных групп служащих и интеллигенции к рабочему классу пытаются в подкрепление своей позиции выдвинуть в качестве критерия разделение работников по признаку производительного или непроизводительного труда, относя при этом к рабочему классу лишь тех, кто выполняет функции непосредственного производства материальных благ, а к интеллигенции — лишь производителей духовных ценностей. Сопоставим и такую постановку вопроса со взглядами основоположников марксизма.

«...Уже самый кооперативный характер процесса труда, — писал К. Маркс, — неизбежно расширяет понятие производительного труда и его носителя, производительного рабочего. Теперь для того, чтобы трудиться производительно, нет необходимости непосредственно прилагать свои руки; достаточно быть органом совокупного рабочего, выполнять одну из его подфункций. Данное выше первоначальное определение производительного труда, выведенное из самой природы материального производства, всегда сохраняет свое значение в применении к совокупному рабочему, рассматриваемому как одно целое. Но оно не подходит более к каждому из его членов, взятому в отдельности»[168].

---

[166] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр 209.
[167] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр 581.
[168] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс* Соч., т. 23, стр. 517.

Далее К. Маркс указывал, что в условиях капитализма рабочему недостаточно «вообще производить». «Он должен производить прибавочную стоимость. Только тот рабочий производителен, который производит для капиталиста прибавочную стоимость или служит самовозрастанию капитала. Так, школьный учитель, — если позволительно взять пример вне сферы материального производства, — является производительным рабочим, коль скоро он не только обрабатывает детские головы, но и изнуряет себя на работе для обогащения предпринимателя. Вложит ли этот последний свой капитал в фабрику для обучения или в колбасную фабрику, от этого дело нисколько не меняется. Поэтому понятие производительного рабочего включает в себя не только отношение между деятельностью и ее полезным эффектом, между рабочим и продуктом его труда, но также и специфически общественное, исторически возникшее производственное отношение, делающее рабочего непосредственным орудием увеличения капитала» [169].

Из приведенных высказываний с очевидностью следует, что в трактовке К. Марксом категории производительного труда в ее рамки укладывается деятельность работников и физического, и умственного труда, если последние в технико-экономическом плане выполняют подфункции совокупного рабочего, а в социальном отношении являются наемными работниками.

В условиях научно-технической революции, когда наука уже в значительной степени стала производительной силой, происходит расширение рамок совокупного рабочего. Все новые группы работников нефизического труда выполняют функции производителей материальных благ. Это относится как к капиталистическим, так и к социалистическим странам.

Академик С. Г. Струмилин, характеризуя бурно идущий процесс превращения науки в непосредственно производительную силу, писал: «...значительно расширяется прежнее представление о «совокупном рабочем» производственной сферы. В это понятие с полным правом

---

[169] Там же; см. также т. 26, ч. 1, стр. 133—134.

К. Маркс отмечал, что торговые работники создают для капиталиста возможность присвоения части прибавочной стоимости, созданной в других секторах экономики, тем самым они являются такими же наемными рабочими.

наряду с производственным рабочим приходится уже включать не только заводских инженеров, но и геологов, занятых где-нибудь в сибирской тайге поисками новых сырьевых ресурсов, и ученых, практикующих в своих институтах новые производственные схемы и модели, и художников, озабоченных производственной эстетикой труда и его результатов» [170]. Попутно заметим, что непосредственный контакт с предметом труда, ранее присущий рабочим физического труда, теперь все чаще не является атрибутом их деятельности, как и у лиц умственного труда.

Другое дело категория производительного труда как общественного отношения. При капитализме производительным является труд наемных работников, производящих прибавочную стоимость для капиталиста. В условиях же социализма «производительный труд в наиболее широком смысле есть труд, создающий материальные и духовные ценности для всего общества» [171].

Следовательно, использование категории «производительный труд» как признака-определителя принадлежности к рабочему классу никак не подтверждает надобности выделять работников умственного труда (только потому, что они заняты этим видом труда) в особый социальный слой при рассмотрении классовой структуры общества [172].

На протяжении большей части истории классового общества лица умственного труда принадлежали к господствующим классам. Еще несколько десятилетий назад умственный труд был, как правило, уделом лишь выходцев из буржуазных и мелкобуржуазных классовых групп, которым буржуазия передала функции по техническому руководству производством и духовному обслуживанию общества. Тогда социальное разграничение

---

[170] *С. Г. Струмилин.* Коммунизм и разделение труда. — «Вопросы философии», 1963, № 3, стр. 47.

[171] *О. Коэлова, М. Бишаев, С. Ленская, К. Мурзов.* Общественный труд в период развернутого строительства коммунизма. М., 1963, стр. 98; *И. Судеревский.* Проблемы разделения труда. М., 1963, стр. 104—105.

[172] Пожалуй, с наибольшей глубиной эта проблема рассматривается в кн.: *Я. Б. Кваша.* Статистическое изучение механизации труда. М., 1959 (особенно стр. 22—26), которая осталась почти незамеченной социологами и историками

между рабочими и инженерно-техническими работниками довольно близко совпадало с границей, отделяющей работников физического и умственного труда. При этом совпадали разграничения и по образовательной подготовке, и по соотношению мышечной и нервно-психической энергии в процессе труда и т. д. Иначе говоря, было сравнительно просто отделить работников физического труда от работников умственного труда, и такое разграничение в свою очередь довольно отчетливо совпадало с разделением на классы.

Научно-техническая революция существенно изменяет ситуацию. Границы между умственным и физическим трудом утрачивают свою определенность, резко возрастает доля работников умственного труда, нефизического труда обслуживания и управления; интеллектуализируется физический труд; механизируется и преобразуется труд работников обслуживания и счетно-конторского персонала; специализируется и окончательно лишается индивидуализированного ремесленного характера умственный труд. Работники нефизического труда разных степеней сложности и творческой насыщенности втягиваются в непосредственный процесс производства. Естественно, что меняются и социальное происхождение этих людей, и их социальные связи, и их социально-классовое положение. Все увеличивающаяся часть работников нефизического труда по всем признакам может быть отнесена к пролетарским отрядам. Так, в США к 1965 г. в рядах работников наемного труда они составили 62% [173].

Капитализм в процессе развития производительных сил увеличивает сумму предпосылок социализма, пролетаризируя широкие народные массы. Тем самым буржуазия как класс социально полностью изживает себя, становясь совершенно ненужной для организации общественного производства. В рядах самого рабочего класса все в большей мере сосредоточиваются те культурные, интеллектуальные силы, которые обеспечивают все стороны жизнедеятельности общества.

---

[173] См. «Проблемы мира и социализма», 1968, № 9, стр. 88.

* * *

До сих пор речь шла в основном о границах рабочего класса в капиталистическом обществе. Очевидно, что рассмотрение соответствующих последнему критериев отнесения к рабочему классу конкретных социальных групп в значительной мере облегчает поиск решений в данной области применительно к социалистическому обществу, поскольку рабочий класс при социализме это не какой-то новый класс, а тот же рабочий класс, пришедший к руководству обществом и производством.

Однако это не означает, что можно без специальных изысканий механически перенести формулированные выше выводы на социалистическую действительность. Начнем с вопроса о классовой принадлежности интеллигенции в развитом социалистическом обществе, поскольку он непосредственно затрагивает решение вопроса и о границах рабочего класса при социализме.

Как показывает практика социалистического строительства в СССР и других социалистических странах, разделение на работников умственного и физического труда не сводится лишь к различиям по культурно-техническому уровню. Основа этих различий коренится в экономическом и социальном положении указанных категорий работников. Различия между ними суть социальные различия, а разделение физического и умственного труда есть разделение его между разными социальными группами [174].

Проблема сводится к тому, чтобы увязать эти социальные различия между работниками умственного и физического труда со всей системой межклассовых и внутриклассовых отношений.

Данная проблема тем более сложна, что в социалистическом обществе идет интенсивный процесс стирания классовых граней, возникают смешанные в классовом отношении группы населения, увеличивается доля семей, в которых имеются представители различных социальных групп, и т. д.

На этот социальный фон теперь накладываются весьма сложные по своим общественным результатам про-

[174] См. *В. Я. Ельмеев, В. Р. Полозов, Б. Р. Рященко.* Коммунизм и преодоление разделения между умственным и физическим трудом. Л., 1965, стр. 7—9 и др.

цессы, связанные с научно-технической революцией. Чрезвычайно важным последствием ее современного этапа является значительный рост численности двух групп трудящихся: работников нефизического труда средней квалификации (контролеры, браковщики, перфораторщики, операторы на счетной технике и т. д.) и работников квалифицированного умственного труда.

Социальные функции этих групп трудящихся в ходе социалистического развития общества преобразуются.

Если социалистическая революция лишила работников умственного труда монополии на управленческую деятельность и на создание духовных ценностей, то научно-техническая революция ликвидирует «монополию» работников преимущественно физического труда на производительный исполнительский труд. Так, в обществе развитого социализма создаются предпосылки для преодоления старого разделения труда, для постепенного формирования гармонически развитой личности, у которой труд превращается в важнейшую жизненную потребность.

Уже из этих предварительных замечаний очевидна сложность решения вопроса о классовой принадлежности применительно к численно весьма значительным категориям населения.

В нашей литературе долгое время вопрос о месте интеллигенции в системе общественных классов при социализме трактовался примерно следующим образом: интеллигенция — особый социальный слой, состоящий из людей, вышедших из среды трудящихся, служащих народу и занимающихся умственным трудом [175].

Рассмотрим эти признаки. Как известно, происхождение той или иной социальной группы имеет безусловное значение для истории ее развития, но еще не определяет ее места в обществе. Не происхождение, не прошлое, а положение в настоящем может характеризовать соци-

[175] См. по этому вопросу *Г. Е. Глезерман.* Ликвидация эксплуататорских классов и преодоление классовых различий в СССР. М., 1949; «Изменение классовой структуры общества в процессе строительства социализма и коммунизма». Под ред. Г. Е. Глезермана, Л. С. Черемных, М. А. Процько. М., 1961 (автором интересующей нас в данном случае главы V «Развитие социалистической интеллигенции и ее роль в строительстве коммунизма» является Е. Ходжаев); *М. А. Процько.* О роли интеллигенции в советском обществе. М., 1953, и другие работы.

альную природу конкретной общественной группы. Цель деятельности — также сам по себе важный признак, но в социалистическом обществе служение интересам народа не составляет специфического признака одной лишь интеллигенции. Остается, следовательно, одна социально-специфическая черта — интеллектуальный характер труда, которая действительно раскрывает особенности трудовой деятельности интеллигенции. Но и она наличествует у последней в любом обществе.

Один из сторонников выделения интеллигенции в особый социальный слой (при изучении советского общества в классовом разрезе), М. Н. Руткевич относит к интеллигенции людей, профессионально занятых квалифицированным умственным трудом. Иначе говоря, в свое определение он в качестве основного вводит критерий профессиональной закрепленности занятий. А весь материал его работы «Изменение социальной структуры советского общества и интеллигенция» ведет к выводу, что к интеллигенции неприменимы классообразующие признаки. В частности, он отмечает, что подавляющая часть интеллигенции не выступает в качестве руководителей и организаторов общественного труда, а принадлежит к числу квалифицированных исполнителей, главное отличие которых от рабочих заключается «просто-напросто в ином отношении умственных и физических усилий в процессе труда»[176]. Далее, М. Н. Руткевич пишет, что часть сельской интеллигенции, которая является членами колхозов, «в этом отношении не отличается от всей массы колхозников». Основная же масса интеллигенции «ничем не отличается от рабочего класса по отношению к общественной собственности»[177].

Аналогичным образом М. Н. Руткевич рассматривает различия между работниками умственного и физического труда по размерам и способам получения дохода, доказывая отсутствие и по этому признаку существенной разницы между названными категориями работников[178]. Выходит, хотел того автор или нет, его анализ подводит

---

[176] «Социология в СССР» М., 1965, стр. 403.

[177] Там же, стр. 399.

[178] См. также *М. Н. Руткевич.* Стирание классовых различий и место интеллигенции в социальной структуре советского общества — «Философские науки», 1963, № 5.

к мысли, что классовый разрез социалистического общества не совсем отвечает традиционной формуле «2+1» (т. е. два класса плюс интеллигенция).

Позднее М. Н. Руткевич уточнил свою позицию. В статье «О понятии интеллигенции как социального слоя социалистического общества» («Философские науки», 1966, № 4) он в отличие от прежних работ акцентировал внимание на особенном месте интеллигенции в обществе с учетом ее роли в общественном разделении труда и способах и размерах получения материальных благ. Однако, когда автор доходит до конкретного анализа, он опять-таки сводит все различия к неодинаковому содержанию труда. Но ведь содержание труда не социально-экономическая, а технико-экономическая категория. Критика тезиса о том, будто форма собственности есть единственный классообразующий признак, это критика надуманной схемы, ибо никто из серьезных авторов, относящих определенные отряды работников умственного труда к основным общественным классам, не считает этот признак единственным (хотя и отводит ему решающее значение). Внимательное знакомство с названной статьей М. Н. Руткевича убеждает в том, что в ней не содержится каких-либо новых аргументов, опровергающих доводы его оппонентов.

М. Н. Руткевич не соглашается с точкой зрения большинства участников дискуссии в журнале «Проблемы мира и социализма», поддержанной редколлегией (эту точку зрения он почему-то именует позицией «некоторых товарищей» [179]) и состоящей в том, чтобы решительно пересмотреть устаревший и отдающий сектантством, мешающий организации пролетарских сил взгляд, согласно которому лишь люди физического труда входят в ряды рабочего класса. М. Н. Руткевич пишет: «.. надо считаться с логикой. Если при капитализме эти категории (работников нефизического труда. — *О. Ш.*) «включают» в рабочий класс, то нет никаких оснований «исключать» их из рабочего класса после победы социалистической революции. Так появились попытки перенести вышеуказанное расширительное понимание рабочего класса на социалистическое общество. Некоторые авторы стали включать в советский рабочий класс определенные груп-

[179] См. «Философские науки», 1966, № 4, стр 21.

ны служащих и интеллигенции»[180]. Надо отдать должное последовательности М. Н. Руткевича: он выступает против расширительного толкования границ рабочего класса не потому, что оно непригодно для социалистического общества, а, наоборот, он считает невозможным переносить такое толкование на социализм потому, что оно не годится и для капитализма. По М. Н. Руткевичу, и в капиталистических, и в социалистических странах группы работников нефизического, в том числе и квалифицированного умственного, труда сближаются с рабочим классом, но еще не вошли в его состав. Применение одинаковых (хотя, как мы стремились показать, не главных) критериев в оценке границ рабочего класса и при капитализме, и при социализме выгодно отличает позицию М. Н. Руткевича от взглядов некоторых авторов, которые готовы причислить значительные слои американской технической интеллигенции к рабочему классу, но... отказываются признать надобность аналогичного подхода к советской действительности[181].

Активным оппонентом сторонникам расширительной трактовки границ основных общественных классов является и В. С. Семенов. В ряде своих трудов он справедливо подчеркивает, что различия между людьми умственного и людьми физического труда не ограничиваются лишь содержанием их деятельности и уровнем культуры, что имеются различия социально-экономические (по роли в общественной организации труда, по характеру труда, по материальному благосостоянию[182]). Однако, защищая свою основную позицию, он не обратил внимания на си-

---

[180] Там же.

[181] Надо заметить, что в сборнике «Процессы изменения социальной структуры в советском обществе» (Свердловск, 1967), редактированном М. Н Руткевичем, нет новых аргументов в пользу взглядов редактора и одного из авторов отмеченного издания. Более того, в пылу полемики М. Н. Руткевич «не заметил» у Маркса в «Капитале» прямого указания на совпадение социально-экономических границ рабочего класса и «совокупного рабочего», на которое ссылались его оппоненты, в том числе и автор этих строк. Между тем в этом же сборнике на стр. 69 А. П. Кирсанов приводит дословно эти слова К. Маркса. Это наше замечание относится и к написанной М. Н. Руткевичем главе «Интеллигенция как социальная группа и ее сближение с рабочим классом» в кн. «Классы, социальные слои и группы в СССР», стр. 136—161.

[182] См. «Строительство коммунизма и развитие общественных отношений». М , 1966, стр. 159—166.

стему аргументов, выдвинутых автором этих строк совместно с С. А. Кугелем [183]. Он лишь повторил, что интеллигенция имеет черты, отличающие ее от рабочих и колхозников. Но мы и не отрицали этого. Речь шла о другом: эти специфические черты дают иную, неклассовую систему различения социальных элементов в обществе, а именно — систему различения по характеру труда.

Разделение на работников умственного и физического труда выступает как относительно самостоятельное общественное членение, хотя оно, конечно, взаимосвязано со всей системой социальной дифференциации.

Попытки включить его в классовое разделение, т. е. попытки смешать разные аспекты социального разделения, совместить их в единой схеме, где каждый индивид, какое бы членение общества ни рассматривалось, оказывался в одной и той же социальной группе, не могут дать положительных результатов. Субординированность социальных различий, предусматриваемая марксистской системой анализа, не означает отказа от многомерного рассмотрения социальных элементов и их связей. Нельзя смешивать разные системообразующие признаки в одной классификации социального организма по составляющим его элементам [184].

Выше уже отмечалось, что между работниками умственного и физического труда существуют серьезные социальные различия, но они разделяют их не в классовой плоскости. Это относительно самостоятельные внутриобщественные различия, воздействующие как на межклассовые, так и на внутриклассовые взаимоотношения. Общность отношения к средствам производства *все в*

---

[183] См. *С. А. Кугель, О. И. Шкаратан.* Некоторые методологические проблемы изучения социальной структуры общества. — «Философские науки», 1965, № 1, и другие работы.

[184] И. С. Кон удачно раскрыл многозначность понятия «интеллигенция», убедительно показал необходимость сочетания нескольких подходов к раскрытию содержания этого понятия в зависимости от системообразующего признака, положенного в основу рассмотрения общественных элементов. При этом он указывает на взаимосвязь классовых различий и различий между умственным и физическим трудом: «Межклассовые и внутриклассовые различия, составляющие основу социальной структуры общества, явно не совпадают (особенно в условиях развитого индустриального производства) с различиями в содержании физического и умственного труда» (*И. С. Кон.* Размышления об американской интеллигенции. — «Новый мир», 1968, № 1, стр. 173).

большей мере сплачивает работников физического, нефизического, квалифицированного умственного труда, которые заняты на предприятиях и в учреждениях отраслей материального производства и обращения (т. е. промышленности, транспорта, связи, торговли и т. п.), являющихся общенародной собственностью, в единый класс.

При этом применительно к организаторам социалистического производства утрачивает значение характеристика, которую К. Маркс дал управляющим, приказчикам и тому подобным «организаторам» капиталистического производства как прислужникам буржуазии. Необходимо еще раз подчеркнуть, что при социализме особая роль этой части интеллигенции ограничивается лишь осуществлением ею технического руководства производством. Что же касается социального руководства, иначе говоря роли в общественной организации труда, то здесь лица умственного исполнительного труда не занимают какого-то особого положения. Социальное руководство осуществляется всем народом через выборные организации при руководящей роли партии [185].

Различия, имеющиеся между работниками физического и умственного труда, сводятся к различиям прежде всего по вкладу в развитие социалистической собственности, что связано с существенными различиями в квалификации. Именно разрыв в уровне квалификации создает условия для специфической роли интеллигенции в обществе, еще несущем бремя разделения на простой и сложный, квалифицированный и неквалифицированный труд. Однако эти различия с точки зрения классового деления общества выступают все более как сторона внутриклассовых, хотя и весьма существенных, различий. Часть интеллигенции, занятая трудом на заводах, в конструкторских бюро, исследовательских организациях, может рассматриваться как научно образованный слой рабочего класса. Таким же образом может быть рассмотрена классовая принадлежность конторских и торговых работников. Ведь все работники советских предприятий входят в состав совокупного рабочего. Все они являются совладельцами социалистической общенародной собственности, равно-

[185] См. по этому вопросу *Ю. Е. Волков.* Так рождается коммунистическое самоуправление. М., 1965, стр. 156—177; *его же.* Социализм и производственная демократия. — «Вопросы философии», 1968, № 1.

правными членами социалистических производственных коллективов, в которые входят. Наконец, все они обладают социально-политическими свойствами рабочего класса, сознанием значимости своего труда, своей общественно-политической деятельности для решения задачи построения нового общества у нас в стране, своего интернационального долга перед трудящимися мира. При этом ведущая роль рабочего класса усиливается за счет включения в его состав определенных отрядов интеллигенции. И дело здесь опять-таки не в ее социальном происхождении, а в ее социально-экономических и социально-политических функциях.

Особое место в социалистическом обществе занимают группы интеллигенции, непосредственно не связанные с материальным производством, — работники культуры и идеологии, профессиональные, партийные и советские работники, лица свободных профессий. Судьбы этих групп находятся в зависимости от решения принципиальной задачи перерастания государственного управления в общественное самоуправление, а также от интенсивности процесса расширения круга людей, непрофессионально занимающихся литературой и искусством. О специфических социальных функциях профессиональных организаторов в социалистическом обществе интересные мысли высказал в своих работах Ю. Е. Волков. Он показал, что при социализме ликвидируется присущая антагонистическим формациям противоположность между «управляющими» и «управляемыми», но различия между ними еще сохраняются, причем различия существенные [186]. Все эти группы интеллигенции не связаны непосредственно с конкретной формой социалистической собственности. Они заняты выполнением общественных функций, отвечающих потребностям всего общества, взятого в его единстве. Так, даже функции воспитания и обучения молодежи с учетом характера воспроизводства классов при социализме не могут рассматриваться как функции, принадлежащие «совокупному рабочему» или «совокупному кооператору».

Таким образом, значительная часть советской интел-

---

[186] См. *Ю. Е. Волков.* Организация управления обществом. — «Вопросы философии», 1965, № 8, стр. 16 и др.; см. также *Б. Минц.* Политическая экономия социализма. М., 1965, стр. 511—513.

лигенции и других работников нефизического труда относится к составу рабочего класса. Интеллигенцию же, связанную с колхозным производством, следует в современном советском обществе отнести к колхозному крестьянству [187].

Кроме того, чтобы лучше понять национальную классовую структуру, необходимо принимать во внимание наличную систему классовых взаимосвязей и разделения в мировом масштабе. Об этом правильно говорил на Международной научной конференции «50-летие Октября и международный рабочий класс» Л. А. Гордон: «В сущности, основные, наиболее острые классовые грани проходят не внутри зрелого социалистического общества, но совпадают с его географическими границами. Оба основных класса такого общества являются частью международного рабочего движения, а все его труженики, связанные с общенародной собственностью, то есть и рабочие и служащие, входят в состав международного рабочего класса. Непонимание глубокого и укрепляющегося единства социалистического общества по отношению к классово антагонистическим делениям приводит к жестоким и трудно исправимым политическим ошибкам, связанным с установкой на обострение классовой борьбы, недоверием к крестьянству и интеллигенции, ограничением социалистической демократии и т. п.» [188].

Рассмотрим теперь конкретно-исторические особенности взаимодействия классового разделения общества с его членением на работников умственного и физического труда в нашей стране.

---

[187] К близким выводам пришли еще в 1961 г. А. И. Голота и Б. И. Королев, которые писали в своей статье «Социальная природа советской интеллигенции»: «Отдельные группы советской интеллигенции по своему отношению к средствам производства и по другим признакам примыкают или к рабочему классу, или к колхозному крестьянству» («Вопросы философии», 1961, № 10, стр. 60). См. также *Н. К. Кристостурьян.* Некоторые вопросы стирания классовых различий в СССР. — «Вопросы истории КПСС», 1961, № 5, стр. 45; *С. А. Кугель.* Закономерности изменения социальной структуры общества при переходе к коммунизму; *Т. С. Баталина.* Некоторые аспекты статистического изучения динамики состава населения по данным переписей. Автореферат диссертации. Л., 1965; *Ю. В. Арутюнян.* Социальная структура сельского населения — «Вопросы философии», 1966, № 5, и другие работы.

[188] *Л. А. Гордон* Некоторые вопросы изменения структуры рабочего класса в советском обществе. М., 1967, стр. 1.

При этом будем исходить из следующей теоретической посылки. Если основные свойства и функции рабочего класса обладают стадиальной устойчивостью в пределах общественно-экономической формации и не зависят от национальных, конкретно-исторических особенностей, от специфики формирования классов в данной национальной общности, то границы рабочего класса зависят как от конкретных этапов развития экономических отношений в пределах формации, так и от конкретно-исторических, национально-специфических особенностей развития данного социального организма.

Социалистическая революция застала Россию на первой ступени крупного машинного производства. В. И. Ленин относил Россию к странам, где пролетариат составляет меньшинство населения, где огромна доля полупролетарских слоев, где тесна связь пролетариата с мелкой буржуазией и где, наконец, к моменту революции в составе работников умственного труда преобладает не пролетарская, а буржуазная и мелкобуржуазная интеллигенция. «...Специалисты неизбежно являются в массе буржуазными, в силу всей обстановки той общественной жизни, которая сделала их специалистами» [189].

К 1917 г. российская интеллигенция была крайне малочисленной. К тому же основная ее часть именно вследствие неразвитости производства, малой доли в структуре населения была занята вне сферы материального производства, обслуживая по преимуществу господствующие классы.

Известный советский статистик и экономист В. С. Немчинов подчеркивал, что среди интеллигенции дореволюционной России преобладали чиновники и лица свободных профессий (адвокаты, духовенство) [190]. Ее социальные связи, жизненный уровень, весь образ жизни были мелкобуржуазными и буржуазными. Необходимы, конечно, специальные исследования, чтобы установить в составе российской интеллигенции пропорции между ее буржуазной, мелкобуржуазной, полупролетарской и пролетарской частями. Но социально каждая из них стояла

---

[189] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т 36, стр. 178.

[190] См. *В. С. Немчинов.* Великая Октябрьская социалистическая революция и изменение классовой структуры советского общества. — В сб.: «Всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1957, стр. 68.

ближе к соответствующему классу (буржуазии, мелкой буржуазии, пролетариату), чем к какому-то особому единству лиц интеллектуального труда. Практически единство по характеру деятельности отходило на задний план.

Несколько иначе следует ставить вопрос о классовой принадлежности большей части торговых и конторских служащих. Эти категории трудящихся рассматривались по всем чертам их экономического и социально-политического облика как примыкающие к рабочему классу. Занимавшийся специальным исследованием положения российских служащих А. М. Гудван писал, что в XX в. в крупных торговых предприятиях, а тем более в огромных универсальных магазинах торговые служащие по своему положению ничем не отличались от простых рабочих, хотя материально они обеспечивались здесь иногда лучше, чем в мелких предприятиях. О надежде на открытие «собственного дела» не могло быть и речи. Хозяев и торговых служащих разделяла такая же непроходимая пропасть, какая давно существовала между фабрикантами и рабочими. Зависимость и необеспеченность стали уделом и приказчиков, этих, по выражению А. М. Гудвана, «пролетариев в крахмальных воротничках» [191].

Современный исследователь П. Е. Любаров также отмечает, что ко времени социалистической революции в России служащие торговых заведений относились к одному и тому же классу наемных рабочих, как и промышленные пролетарии, хотя были менее организованы и сознательны, менее способны к борьбе [192].

Характерно, что служащие при всех их колебаниях выступали как участники единого пролетарского дела [193].

Показательно и другое. Когда в 1917 г. петроградская буржуазия решила спровоцировать конфликт между рабочими и служащими, согласившись, наконец, на 8-часовой рабочий день для первых и отказав в сокращении рабочего дня для вторых, рабочие выступили в за-

---

[191] См. *А. М. Гудван.* Очерки по истории движения служащих в России, ч. 1. М., 1925, стр. 85—86.

[192] См. *П. Е. Любаров.* О положении служащих торговых заведений («пролетариев прилавка») в царской России. — В сб.: «Труды Одесского гидрометеорологического ин-та», вып. 30. Одесса, 1963.

[193] См. *В. М. Ануфриев, П. И. Дорватский, Н. И. Роганков.* Из истории профдвижения работников торговли. М., 1958, стр. 50—56.

щиту служащих, рассматривая их как собратьев по классу.

Происходившие в конце гражданской войны и в начале восстановительного периода процессы деклассирования пролетариата вынуждали к особенно строгому применению понятий «рабочий» и «пролетарий». В тогдашней исключительно сложной обстановке классовой борьбы под пролетариатом практически стали понимать его часть, которая включала собственно индустриальных рабочих. Это было связано также и с тем, что выходцы из буржуазии и мелкой буржуазии при острой нехватке грамотных пролетарских кадров буквально заполнили собой ряды советских служащих. Правда, руководящие посты в аппарате сохранились за передовыми кадровыми пролетариями. Длительное время студенчество пополнялось еще по преимуществу не детьми рабочих, хотя уже и не детьми помещиков и капиталистов [194]. В основном это были выходцы из мелкобуржуазных слоев интеллигенции. В такой ситуации при численном преобладании в стране крестьянства не было другого выхода, кроме

---

[194] В 1928 г. доля рабочих и крестьян среди учащихся вузов равнялась 49,3%, доля партийной и комсомольской прослойки — 34,5% В 1929 г. выходцы из рабочих и крестьян составляли около трети всех производственно-технических специалистов. В промышленности СССР насчитывалось всего 139 инженеров-коммунистов. Положение существенно изменилось к концу первой пятилетки, когда в рядах производственно-технических специалистов доля выходцев из рабочих и крестьян поднялась до 65,2% (см «Пути индустриализации», 1928, № 11, стр. 8; *Ф. Заузолков.* Формирование и рост социалистической интеллигенции в СССР. — «Коммунист», 1958, № 11, стр. 57—59).

По вопросу о динамике состава служащих и технической интеллигенции, заслуживающего специального рассмотрения, см. «Перепись служащих советских учреждений города Москвы. 1922 г.». М., 1922; *Л. Минц.* Командный состав промышленности, транспорта и сельского хозяйства СССР. М., 1926; «Инженерно-технические кадры промышленности ВСНХ СССР». М., 1930; *А. Е. Бейлин* Кадры специалистов СССР, их формирование и рост. М., 1935; «Состав руководящих работников и специалистов Союза ССР». Отдел учета труда ЦУНХУ Госплана СССР. М., 1936; *А. И. Лутченко* Советская интеллигенция (История формирования и роста. 1917—1961 гг.). М., 1962; *С. А. Федюкин.* Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965; *В. З. Дробижев.* Главный штаб социалистической промышленности. М., 1966; «Советская интеллигенция (История формирования и роста. 1917—1965 гг.)». Редколлегия: *И. Е. Ворожейкин,* М П. Ким (гл. ред.), В. П. Наумов. М., 1968, и другие работы.

сохранения совершенно отчетливой гегемонии за костяком, за основным ядром пролетарских масс, строящих социализм, «за рабочими от станка».

Эти-то практические условия строительства социализма в нашей стране, в том числе и принадлежность квалифицированной части старой российской интеллигенции к буржуазным слоям, привели к акцентировке разграничения служащих и рабочих.

Естественно, что в процессе построения социализма классовое место тех групп работников нефизического труда, которые к моменту революции никак не могли быть отнесены к пролетариату, также изменилось. В своем большинстве они активно включались в борьбу за претворение в жизнь классовых задач пролетариата.

Отсюда следует, что классовая атрибуция одних и тех же по наименованию групп населения в разные периоды советской истории не может быть одинаковой. Как неверно механически объединять всех рабочих и служащих применительно к дореволюционному периоду и к первым годам Советской власти, так было бы неправильно всех их разделять в классовом плане относительно периода победы социализма, т. е. примерно с середины 30-х годов. Между тем в статистических изданиях ЦСУ СССР для простоты сравнения такая единообразная группировка населения проводится, что лишено всяких методологических оснований. Статистик И. Ю. Писарев отмечал: «В наших условиях правомерно говорить о единой социально-классовой группе рабочих и служащих. Но нет никаких оснований дореволюционный пролетариат объединять с разнородными по классовому составу слоями населения дореволюционной России, относимыми по внешним признакам к разряду «служащих». В дореволюционных условиях к пролетарскому классу принадлежала только часть служащих» [195].

В этом смысле представляет интерес исследование Т. С. Баталиной, которая на материалах дореволюционных и послеоктябрьских переписей населения попыталась наметить пути изучения классовой структуры общества. Т. С. Баталина отмечает, что в первых советских переписях 1920, 1923, 1926 гг. рабочие и служащие, объединяя лиц наемного труда, противостоят социальным группам

[195] *И. Ю. Писарев.* Население и труд в СССР. М., 1966, стр. 29.

хозяев и рантье. Различие между рабочими и служащими проведено по следующему принципу. К рабочим были отнесены лица, занятые непосредственно производством и перемещением материальных ценностей или уходом за производственными механизмами, а к служащим — лица, непосредственно не участвующие в производстве, деятельность которых осуществляется в форме нематериальных услуг [196]. В переписях же 1939 и 1959 гг. разграничения между рабочими и служащими носят уже иной характер. Здесь к занятиям (по переписи 1959 г.) физического труда отнесены занятия рабочих, а занятия умственного труда условно поименованы занятиями служащих, т. е., как справедливо отмечает Т. С. Баталина, граница между рабочими и служащими опять проводится по чисто профессиональному признаку. Автор правильно заключает: подобная группировка является общественной не в большей мере, чем любая укрупненная профессиональная группировка, и не имеет касательства к классовому разграничению членов общества [197].

Методологически правильный расчет численности пролетариата дореволюционной России на 1913 г. проделал А. Г. Рашин. Он определил эту численность в тогдашних границах в 17,8 млн. человек. А. Г. Рашин включил в число пролетариев промышленных рабочих и служащих, в том числе и занятых капиталистами на дому, а также работников транспорта, связи, сельскохозяйственных рабочих, чернорабочих и поденщиков, прислугу в учреждениях, на фабриках, в торговле, в усадьбах и домовую прислугу, рабочих и служащих в торговле, гостиницах, ресторанах и прочих заведениях трактирного промысла. В то же время он не включил в число пролетариев чиновников и других лиц наемного труда, которые

---

[196] См., в частности, «Всесоюзная перепись населения 1926 г.». Приложение к XVIII—XXXIV томам. М., 1929, стр. 12; см. также *В. П. Данилов.* Сельское население Союза ССР накануне коллективизации (По данным общенародной переписи 17 декабря 1926 г.). — «Исторические записки», т. 74. М., 1963, стр. 63.

[197] См. *Т. С. Баталина.* Об изучении социального и профессионального состава населения Петербурга — Ленинграда (По данным переписей населения). — «Вестник Ленинградского ун-та», 1963, № 11. Попутно заметим, что подобная классификация не дает возможности конкретно-исторически оценить изменения в классовой принадлежности отдельных групп трудящегося населения.

были по существу членами господствующих классов, а также принадлежали к мелкой буржуазии [198].

Надо отметить, что долгое время в нашей литературе отсутствовали сколько-нибудь надежные сведения об общей численности пролетариев России накануне Октябрьской революции. Это связано с тем, что прямых данных нет, и необходимы достаточно сложные расчеты. Даже данные о численности фабрично-заводских рабочих весьма противоречивы [199].

Удачную попытку свести воедино все разноречивые сведения с использованием многочисленных архивных источников предпринял Л. С. Гапоненко. Расчеты, суммированные им, приведены в табл. 1.

Л. С. Гапоненко отмечает, что приведенные им данные неполны (преуменьшены), поскольку безработные в те годы надежно не регистрировались.

Расчеты численности рабочего класса по послереволюционным годам содержатся в цитированной выше книге И. Ю. Писарева [200].

Для оценки численности рабочего класса в период победившего социализма могут быть использованы данные статистических органов, охватывающие рабочих и служащих, правда, с оговоркой относительно тех слоев интеллигенции, труд которых связан с обслуживанием потребностей общества в целом. При таком подходе можно считать, что в 1940 г. общая численность рабочего класса составила по крайней мере 27,7 млн. человек, а в 1968 г. поднялась до 69,7 млн. человек [201]. Этот приблизительный и несколько огрубленный расчет проведен следующим образом. Из общей численности рабочих и служащих по отраслям народного хозяйства исключены

---

[198] См. *А. Г. Рашин.* Формирование рабочего класса России. М., 1958, стр. 94—173; итоговый подсчет — стр. 169—173.

[199] См. *А. Г. Рашин.* Динамика рабочего состава в промышленности в 1913—1922 гг. — В сб.: «Вопросы заработной платы». М., 1923, стр. 60—66; *С. Г. Струмилин.* Состав пролетариата Советской России в 1917—1919 гг. — В сб.: «Два года диктатуры пролетариата». М., 1919, стр. 13—24; см. также разноречивые публикации ЦСУ СССР: «Социалистическое строительство СССР». М., 1936, стр. XXVI — XXVII, XXX; «Народное хозяйство СССР в 1960 году». М., 1961, стр. 633 и др.

[200] См. *И. Ю. Писарев.* Указ. соч., стр. 37—43.

[201] Рассчитано по: «Народное хозяйство СССР в 1968 году». М., 1969, стр. 548—549.

Таблица 1

ЧИСЛЕННОСТЬ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ И РАБОЧИХ ДРУГИХ КАТЕГОРИЙ НАЕМНОГО ТРУДА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ (НАКАНУНЕ ОКТЯБРЯ) [202]

Категории наемного труда и отрасли производства	Число (в тыс.)	%
Рабочие фабрично-заводской, горнозаводской и добывающей промышленности	3 643,3	18,4
В том числе:		
рабочие горной и горнозаводской промышленности	840,1	
рабочие казенных заводов и предприятий артиллерийского ведомства	385,7	
рабочие, занятые на заводах морского ведомства	57,7	
рабочие, занятые в армейских мастерских и других предприятиях, на фронтах	134,8	
Рабочие, занятые на дому и в кустарной, мелкой городской и сельской промышленности	3 500,0	17,6
Чернорабочие и поденщики	1 500,0	7,5
Строительные рабочие	1 500,0	7,5
Рабочие и служащие железнодорожного транспорта	1 265,7	6,3
В том числе:		
на эксплуатируемых железных дорогах	1 001,5	
на строящихся железнодорожных линиях	202,3	
рабочие главнейших мастерских казенных железных дорог	61,9	
Рабочие и служащие водного транспорта	500,0	2,5
Рабочие и служащие учреждений связи (почта, телеграф, телефон)	91,0	0,5
Сельскохозяйственные рабочие	5 000,0	24,9
Рабочие и служащие торговых учреждений и предприятий (рестораны, гостиницы и пр.)	865,0	4,2
Домашняя прислуга и прислуга в учреждениях и предприятиях	2 100,0	10,6
Всего	19 965,0	100,0

[202] Обоснованием расчета являются две статьи: *Л. С. Гапоненко.* Рабочий класс России накануне Великого Октября (численность, состав, концентрация и размещение по основным промышленным районам). — «Исторические записки», т. 73. М., 1963, стр. 51; *его же.* Российский пролетариат, его численность и территориальное размещение по основным промышленным районам накануне социалистической революции. — В сб.: «Рабочий класс и рабочее движение в России в 1917 г.». М., 1964, стр. 30.

работники здравоохранения, просвещения, аппарата государственного и хозяйственного управления и общественных организаций и 50% работников науки. Неточность данного расчета заключается в том, что в органах здравоохранения и просвещения определенный процент работников явно относится к рабочему классу, поскольку выполняет присущие ему в социально-экономическом плане функции.

С вопросом об определении исторически подвижных границ рабочего класса тесно связана задача выяснения и уточнения механизма его ведущей роли на разных этапах перехода от капитализма к коммунизму. Здесь в методологическом и методическом отношении важны принципы анализа, нашедшие отражение и в ранних, и в поздних трудах В. И. Ленина.

В книге «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин дает четкую классовую дифференциацию населения страны по переписи 1897 г. Он выделяет господствующие классы, отнеся к ним крупную буржуазию, помещиков, высшие чины и прочих; затем — средние классы: а) зажиточных мелких хозяев, б) беднейших мелких хозяев; наконец, пролетариев и полупролетариев, в число которых включает более половины населения. Заметим попутно, что лица умственного труда при этом оказались отнесенными к различным классам по критерию купли-продажи рабочей силы [203].

Совершенно иначе ставился В. И. Лениным вопрос о рабочем классе при оценке его общественно-политической и социально-экономической роли в жизни общества. Диктатура пролетариата, указывал В. И. Ленин, «означает вот что:

только определенный класс, именно городские и вообще фабрично-заводские, промышленные рабочие, в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплуатируемых в борьбе за свержение ига капитала, в ходе самого свержения, в борьбе за удержание и укрепление победы, в деле созидания нового, социалистического, общественного строя, во всей борьбе за полное уничтожение классов» [204]. Эта же мысль развивается во второй Программе нашей партии: «Руководящая во всей рево-

---

[203] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр 502—506, 585.
[204] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 14.

люции роль городского промышленного пролетариата, как наиболее сконцентрированной, объединенной, просвещенной и закаленной в борьбе части трудящихся масс...»[205]

Уже из приведенных высказываний В. И. Ленина видно, что он при определении доли населения, могущего служить социальной базой революции и пролетарской диктатуры, учитывал в качестве критериев функциональное место в общественном производстве и социально-экономические отношения купли-продажи рабочей силы, а при объяснении гегемонии пролетариата в социалистической революции и последующем общественном переустройстве вводил дополнительный критерий: степень развития капиталистических отношений в той отрасли или районе, где эксплуатируется данный отряд наемных рабочих. Таким путем В. И. Ленин выделял «ядро» рабочего класса, ведущие его отряды: «...полного развития и полного отделения от прежних форм хозяйства эти (капиталистические. — *О. Ш.*) отношения достигают только в крупной машинной индустрии»[206]. Поэтому именно в крупной индустрии прежде всего формируется класс, противостоящий буржуазии. И здесь грань между рабочим физического труда, в массе своей уже осознавшим принадлежность к классу-борцу, и российским инженером или заводским конторщиком, еще тяготеющим и всем образом своей жизни принадлежащим к буржуазным и мелкобуржуазным слоям населения, была в большинстве случаев довольно отчетливой. Пролетарии торговли, сельского хозяйства и тому подобных отраслей народного хозяйства еще не конституировались в класс в такой же мере, как их собратья, занятые в крупной промышленности. И эта расстановка сил внутри рабочего класса лишь постепенно преодолевалась после революции в ходе социалистического строительства.

В развитом социалистическом обществе проблема «ядра» рабочего класса, его основных ведущих слоев выглядит уже иначе. За десятилетия социалистического строительства рабочий класс неизмеримо вырос как главная сила общественного прогресса. Одновременно в нем самом произошли важные перемены. Ведущими в нем

---

[205] «КПСС в резолюциях...», ч. I, изд. 7. М., 1954, стр. 415.
[206] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т 3, стр. 586.

стали теперь те отряды, которые широтой своего политического кругозора, своими специальными знаниями и реализацией этих знаний в борьбе за построение нового общества наиболее полно выражают как требования научно-технической революции, так и задачи социального прогресса. Поэтому в условиях развитого социалистического общества «ядро» рабочего класса представляют высококвалифицированная часть рабочих преимущественно физического труда и техническая интеллигенция.

Это укрепляет позиции всего рабочего класса в обществе, содействует разрешению сложнейших задач перехода к коммунизму, прежде всего задачи перехода к общественному самоуправлению, вовлечению в дела управления поголовно всех трудящихся. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал: «...чтобы управлять, нужно быть компетентным, нужно полностью и до точности знать все условия производства, нужно знать технику этого производства на ее современной высоте, нужно иметь известное научное образование»[207].

§ 4 КРИТЕРИИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ РАБОЧЕГО КЛАССА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

В этом разделе в отличие от предыдущих (§ 2—3), где рассматривались прежде всего черты, объединяющие рабочих в один общественный класс, анализируются признаки социальной неоднородности рабочего класса на разных этапах его развития.

Различия внутри рабочего класса многообразны, так как возникают они под влиянием качественно разнородных факторов. Биологическим фактором обусловлены различия по полу и возрасту, географическим — расовые. Уровень развития производства, его отраслевая структура, техническая оснащенность определяют различия по профессиям. Однако решающее воздействие на структуру рабочего класса оказывает социально-экономический строй общества. Более того, последний так или иначе влияет и на различия, связанные с биологическим, географическим и производственно-техническим факто-

[207] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 215.

рами. Известно, например, что в результате Великой Октябрьской социалистической революции из состава рабочих исчезли малолетние; в то же время на производстве увеличилась доля женского труда, особенно в отраслях тяжелой промышленности. Следовательно, социально-экономический строй общества — наиболее всеобъемлющий фактор, воздействующий на структуру класса. Именно им определяется, какие различия внутри рабочего класса имеют существенное значение в данный исторический период. Для капитализма К. Маркс и Ф. Энгельс, в частности, отмечали: «По отношению к рабочему классу различия пола и возраста утрачивают всякое общественное значение»[208].

Непосредственно же социально-экономическим строем вызываются и формируются внутри класса наиболее существенные различия — социальные. На основе этих различий — различий свойств социальных групп индивидов, сплоченных общностью основных социальных признаков в единый класс, складываются внутриклассовые отношения и социальная структура класса.

Впервые в отечественной литературе проблему внутренней социальной структуры рабочего класса фундаментально рассмотрел Б. Л. Маркус в статье «К вопросу о методах изучения социального состава пролетариата СССР» («История пролетариата СССР», 1930, № 2).

Б. Л. Маркус взял за основу социальной дифференциации рабочего класса при капитализме схему, предложенную И. В. Сталиным в докладе на VII расширенном Пленуме ИККИ — «Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии». И. В. Сталин указал на три основных слоя в пролетариате, которые, с его точки зрения, необходимо учитывать коммунистическим партиям в интересах успешной борьбы с буржуазными влияниями и оппортунизмом:

«Один слой — это основная масса пролетариата, его ядро, его постоянная часть, это та масса «чистокровных» пролетариев, которая давно уже порвала связи с классом капиталистов. Этот слой пролетариата является наиболее надежной опорой марксизма.

Второй слой — это недавние выходцы из непролетарских классов, из крестьянства, из мещанских рядов, из

---

[208] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 431.

интеллигенции. Это выходцы из других классов, недавно только влившиеся в состав пролетариата и внесшие в рабочий класс свои навыки, свои привычки, свои колебания, свои шатания. Этот слой представляет наиболее благоприятную почву для всяких анархистских, полуанархистских и «ультралевых» группировок.

Наконец, третий слой — это рабочая аристократия, верхушка рабочего класса, наиболее обеспеченная часть пролетариата с ее стремлением к компромиссам с буржуазией, с ее преобладающим настроением приспособления к сильным мира, с ее настроением «выйти в люди». Этот слой представляет наиболее благоприятную почву для откровенных реформистов и оппортунистов»[209].

Комментируя эту в основе своей верную схему, Б. Л. Маркус отметил: «Когда речь идет об изучении социальной структуры одного какого-либо класса, под этим подразумевается такое рассмотрение его различных, экономически различающихся друг от друга слоев, которое позволило бы уловить: а) основную массу данного класса, б) те слои класса, которые проникают в его среду из других классов, и в) наконец, те слои, которые выделяются из его среды (отходы к другим классам, деклассированные)»[210].

Приведенное суждение недостаточно: в нем не учтены неэкономические различия социальных слоев. Кроме того, выделение конкретных слоев, предложенное Маркусом, имеет отношение лишь к переходному периоду от капитализма к социализму.

Далее Б. Л. Маркус называет конкретные признаки, позволяющие выделить социальные слои в рабочем классе: 1) преемственность труда в промышленности, т. е. пролетарское социальное происхождение; 2) длительность принадлежности к рабочей среде, т. е. стаж работы по найму; 3) отсутствие в личном владении собственных средств производства; 4) производственная и общественная активность (в качестве косвенного признака)[211].

И с этим предложением автора нельзя полностью согласиться. Исходя из его же концепции, на первый план надо было бы выдвинуть отношение к средствам произ-

---

[209] *И. В. Сталин.* Соч., т. 9, стр. 10—11.
[210] «История пролетариата СССР», 1930, № 2, стр. 32.
[211] См. там же, стр. 57.

водства, что выражается действительно в степени отрыва от мелкобуржуазной собственности и, следовательно, в наличии или отсутствии непролетарских источников дохода. Выдвижение же на первый план «потомственности» отдает сектантством, особенно применительно к условиям России, где преобладали пролетарии в первом поколении. В схеме Б. Л. Маркуса понятие «чистокровный пролетарий» приобрело смысл, чуждый ленинской постановке вопроса о «чистом пролетарии», т. е. свободном от пут мелкой собственности и мелкобуржуазных пережитков в сознании.

Не случайно, видимо, Б. Л. Маркус вообще обошел молчанием вопрос о путях преодоления внутриклассовых различий при переходе к социализму, а основное внимание уделил выявлению «социальных типов» рабочих. Надо заметить, что аналогичной позиции по данной проблеме во второй половине 20-х — первой половине 30-х годов придерживался не один Б. Л. Маркус. В ней своеобразно отразился тот обусловленный тогдашней обстановкой классовой борьбы жесткий подход к «границам» рабочего класса, о котором говорилось выше.

Б. Л. Маркус пишет о том, что после революции исчезает «рабочая аристократия», но на смену ей приходит «буржуазный пролетариат», т. е. «обломки буржуазии», которые стремятся «зачастую с вредительскими целями проникнуть в ряды пролетариата. В итоге появляется новый особый слой рабочих» [212]. Его образуют рабочие, связанные по своему происхождению с капиталистическими классами, и «рабочие-кулаки», ведущие эксплуататорское хозяйство [213].

Здесь автор опять смешивает основные и вторичные, недоминантные черты. Наличие среди рабочих выходцев из буржуазных слоев, лишенных частной собственности, и людей, ведущих кулацкое хозяйство, еще не дает оснований утверждать, что эти элементы образуют в рабочем классе особый слой (в социально-экономическом и соцально-политическом смысле).

В итоге социальную структуру рабочего класса СССР в период перехода от капитализма к социализму Б. Л. Маркус представляет включающей следующие

---

[212] Там же, стр 49.
[213] См. там же, стр. 57,

слои: 1) «чистокровный пролетариат»; 2) «формирующиеся рабочие с определенными чертами их мелкобуржуазного прошлого»; 3) выходцы из эксплуататорской среды — «особый слой агентуры классового врага внутри пролетариата».

Близкие к Б. Л. Маркусу позиции по рассматриваемому вопросу занимали в конце 20-х — начале 30-х годов и другие советские авторы[214]. Ю. Ларин, правда на материалах Германии, пытался показать, что к коренному ядру рабочего класса можно относить лишь «чистых пролетариев» (в Германии доля их, по его данным, не превышала 35%), а для выходцев из непролетарской среды необходим десятилетний стаж, чтобы стать настоящими пролетариями. В преуменьшении доли «чистых пролетариев» сказывалось стремление своеобразно объяснить трудности развития революционного движения (а в СССР — трудности социалистического строительства), хотя на самом деле такое объяснение было далеко от подлинной сложности реальных процессов, происходивших в рабочем классе.

Важные проблемы адаптации молодежных поколений к рабочему классу были поставлены А. Шохиным. Однако, анализируя процесс вхождения молодых людей в социальную структуру класса, он, как и другие авторы того периода, рассматривал последнюю сквозь ограниченную призму предприятия; иные социальные пространства, в которых образуются социальные связи, оставались вне поля его зрения[215].

После довольно длительного перерыва в публикации исследований о социальной структуре рабочего класса интерес к данной проблеме возобновился в конце 50-х годов. Немалое внимание было уделено ей на Всесоюзной сессии по истории советского рабочего класса, состоявшейся в декабре 1959 г. в Ленинграде. В докладе о не-

---

[214] См., например, *Ю. Ларин.* Государственный капитализм военного времени в Германии (1914—1918 гг.), ч. II. М.—Л., 1928, стр. 125—149. Более тонко подошли к этой проблеме М. Рубинштейн в уже упоминавшейся нами книге «Социальные корни реформизма» (М., 1926) и Г Смолянский в статье «Революционное профдвижение и проблема рабочей аристократии». — В сб.: «Десять лет Профинтерна». М., 1930, стр. 82—97.

[215] См. *А. Шохин.* Закономерность в развитии юношеского пролетарского движения. — «Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов», т. I. М., 1930, стр. 279—285.

которых методологических вопросах изучения структуры рабочего класса применительно к переходному периоду от капитализма к социализму автор этих строк сделал попытку исправить явные ошибки и неточности Б. Л. Маркуса, учесть неэкономические различия социальных слоев, выявить основные тенденции в стирании внутриклассовых различий, наметить главные критерии дифференциации рабочего класса при социализме. Однако в докладе еще была сохранена чрезмерная прямолинейность, свойственная схеме Б. Л. Маркуса, особенно относительно выходцев из рядов буржуазии и буржуазной интеллигенции [216].

В позднее вышедшей статье А. А. Матюгина «Основные направления развития рабочего класса СССР в переходный период от капитализма к социализму» была вновь выдвинута на первый план проблема потомственности, критерием принадлежности к «подлинным пролетариям» стали опять-таки не реальные экономические отношения, а их производное, социальное происхождение и стаж работы по найму [217].

Хотя теоретические работы по проблемам социальной структуры рабочего класса социалистического общества представлены пока преимущественно разделами в трудах более широкого плана, в самые последние годы в этой области накоплен определенный багаж идей. В ряде публикаций С. А. Кугеля и автора этих строк, как совместных, так и индивидуальных, обосновывается вывод о том, что базой внутриклассовых различий в социалистическом обществе выступает социально-экономическая неоднородность труда, выявляющаяся в квалификационно-профессиональных различиях [218].

Сходную позицию занимают и другие социологи и экономисты. Например, по мнению авторов книги «Рабочий класс и технический прогресс», социальная струк-

---

[216] См. *О. И. Шкаратан.* Проблемы и методы изучения социального состава советского рабочего класса. — В сб.: «Из истории рабочего класса СССР». Л., 1962.

[217] См. «Формирование и развитие советского рабочего класса (1917—1961 гг.)». М., 1964, стр. 45.

[218] См., в частности, *С. А. Кугель, О. И. Шкаратан.* Некоторые методологические проблемы изучения социальной структуры общества. — «Философские науки», 1965, № 1; *О. И. Шкаратан.* Социальная структура советского рабочего класса. — «Вопросы философии», 1967, № 1, и другие публикации.

тура работников современной промышленности СССР определяется системой разделения труда, существующей при социализме. Это разделение труда на предприятии выступает в двух основных формах: 1) сохраняющемся еще разделении человеческой деятельности на умственный и физический труд, связанном с разделением общества на устойчивые социальные группы; 2) пооперационном разделении процесса труда, расчленении его на ряд отдельных элементов, каждый из которых является необходимым компонентом единого целого: такое разделение составляет основу узкой профессионализации [219].

Подобно другим исследователям авторы книги применяют к советскому рабочему классу в качестве слообразующего признака показатель «характер труда». Они пишут, что последний «выражает связи и отношения между трудом индивидуальным и трудом всего общества. Главными в системе этих связей и отношений являются:

1) отношение работника к средствам производства, характеризующее социальную сущность труда;

2) связь между трудом индивида и трудом общества, характеризующая степень развития общественной природы труда;

3) связь между уровнем развития производительных сил и степенью социального уравнивания труда (т. е. устранение социальных различий труда, проистекающих прежде всего из неравного оснащения труда средствами производства и неравной степени мастерства и уровня знаний трудящихся);

4) связь между целью, во имя которой осуществляется труд индивида, и целью производства в обществе» [220].

Соглашаясь с такой трактовкой категории «характер труда», столь значимой для понимания социальной структуры рабочего класса, А. Г. Здравомыслов и В. А. Ядов обращают особое внимание на то, что это категория социально-экономическая. Характер труда непосредственно связан с данными общественными отношениями, а не только с материально-технической базой общества. Характер труда, по их справедливому мнению, «определяется общественным разделением труда в данных социаль-

---

[219] См. «Рабочий класс и технический прогресс». М., 1965, стр. 287—288.

[220] Там же, стр. 101—102.

но-экономических условиях»[221]. Существенное уточнение сделал С. А. Кугель, подчеркнувший, что характер труда, который служит важнейшим критерием дифференциации классов при социализме, определяется степенью сложности труда и удельным весом в нем творческих элементов[222].

Характер труда, сходным образом интерпретированный, принимается в качестве критерия дифференциации рабочего класса при социализме К. П. Бусловым[223], В. С. Семеновым и другими авторами. Так, В. С. Семенов связывает наиболее существенные различия внутри советского рабочего класса с разностью в уровне квалификации, сложности и производительности труда[224]. Ю. В. Арутюнян на материалах обследования жителей села убедительно показал, что именно различия в характере труда наиболее активно влияют на социальную дифференциацию не только рабочих, но и колхозников[225].

Проблемой критериев дифференциации рабочего класса занимается также ряд авторов из других стран социализма. Мы уже упоминали интересный труд польского социолога Ст. Видершпиля «Состав польского рабочего класса». Как это ныне принято и в нашей отечественной литературе, он за основу внутриклассовой дифференциации рабочих в условиях социализма берет социально-экономический аспект разделения труда. Структурная организация класса, формирующаяся и воспроизводящаяся на этой основе, именуется им «общественно-профессиональной структурой».

Для рабочего класса социалистических стран Ст. Видершпиль предлагает следующие критерии разделения

---

[221] «Человек и его работа» Социологическое исследование. Под ред. А. Г. Здравомыслова, В. П. Рожина, В. А Ядова. М., 1967, стр 27—28.

[222] См. *С. А. Кугель.* Новое в изучении социальной структуры общества, стр 17; см. также *В. Я. Суслов.* О социологическом понимании содержания и характера труда — «Философские науки», 1969, № 6.

[223] См. *К. П. Буслов.* Внутриклассовые различия. — В кн.: «Проблемы изменения социальной структуры общества», стр. 131—140.

[224] См. *В. С. Семенов.* Рабочий класс и его роль в строительстве коммунизма. — В кн · «Строительство коммунизма и развитие общественных отношений», стр. 71.

[225] См. *Ю. В. Арутюнян.* Социальная структура сельского населения. — «Вопросы философии», 1966, № 5.

на группы, занимающие различное положение в общественном разделении труда:

1. Сфера народного хозяйства. Здесь рабочий класс можно подразделить на промышленных, строительных, транспортных рабочих и т. д.

2. Внутри каждой сферы можно подразделить рабочих на группы по отраслям.

3. Внутри отраслей рабочие подразделяются на профессиональные группы. Между ними есть различия, обусловленные неодинаковой ролью в производственном процессе и неодинаковым социальным положением, а также разделением на работников физического и умственного труда (если принять, что часть последних принадлежит к рабочему классу).

4. Внутри отдельных профессиональных групп разделение связано с различиями в уровне образования и стаже труда. С этой точки зрения автор выделяет неквалифицированных, среднеквалифицированных и высококвалифицированных рабочих, технический персонал низший, средний и т. д. Он отмечает, что иногда различия в квалификации пересекают разделение на профессии и бывают более существенными, чем профессиональные различия. Наряду с разделением на отрасли хозяйства это самое существенное внутриклассовое разделение, влияющее на все важные черты и различия социальных групп и слоев, на их общественную, культурную и политическую активность.

5. Разделение по стажу в профессии и стажу работы на предприятии. Этот вид разделения в значительной степени переплетается с предыдущим.

Далее автор констатирует наличие дифференциации по уровню доходов (прежде всего заработной платы), что связано с разделением по квалификации и по отрасли народного хозяйства. Он отмечает также возможность выделения групп по признакам социальной среды, социального происхождения и политической активности [226].

Таким образом, по Ст. Видершпилю, нет единого признака (критерия), который мог бы быть положен в основу социальной внутриклассовой дифференциации. «В действительности, — пишет он, — выступают типы

[226] *St. Widerszpil.* Sklad polskej klasy robotniczej, s 192—195.

с перемежающимися чертами и соприкасающиеся типы. Опираясь на указанные критерии, можно, скрещивая их, строить модели различных групп и слоев рабочего класса, а также стратификационных систем, адекватность которых надо проверить эмпирически» [227].

Через всю работу проводится мысль, с которой трудно согласиться: в зависимости от того, какой аспект структурной организации класса нас интересует, мы получаем ту или иную группировку рабочих на слои, группы и т. д. Эта позиция со всей отчетливостью реализована в третьем разделе монографии, посвященном конкретно-социологическому анализу состава (именно состава, а не структуры) рабочего класса. Здесь приводится ценный фактический материал, характеризующий рабочего в различных разрезах: состав рабочих по стажу (работы по профессии на предприятии), взаимосвязь стажа и образования; изменения в образовательном уровне, влияние образования на квалификацию; уровень общественно-политической активности и факторы, его определяющие. Но единой модели структуры класса не получилось.

Нельзя не видеть известного противоречия в авторской позиции. С одной стороны, он отмечает, что важнейшим признаком являются квалификационные различия: «Особенно важным кажется выделение (обособление) квалифицированных рабочих, работающих на крупных промышленных предприятиях, рабочих с большим стажем работы на предприятии. Можно предположить, что они составляют «костяк» рабочего класса, влияющий на другие его составные части, принадлежность которых к рабочему классу является более или менее отчетливой» [228]. С другой стороны, Ст. Видершпиль отказывается от попытки строить единую модель, хотя четкость, с которой он выделил признаки, дифференцирующие рабочий класс, и тот обширный фактический материал, которым он оперирует, позволяли ему сделать это.

Было бы неверно упускать из виду соподчиненность факторов, которые дифференцируют единую социальную общность — рабочий класс на крупные группы, отличающиеся определенными специфическими признаками. А у Ст. Видершпиля именно это имеет место. К тому же

---

[227] Там же, стр. 195.
[228] Там же.

многие признаки, отмеченные им как показатели групп в рабочем классе, на самом деле являются факториальными характеристиками (образование, социальное происхождение и т. д.).

Экономические основы социальной структуры рабочего класса рассматривает в своих работах В. Р. Полозов, который также видит фундамент социальных внутриклассовых различий в общественном разделении труда, закрепляющем экономически разнородные его виды за разными группами работников. При этом, как отмечает В. Р. Полозов, «в системе современных многообразных конкретных видов труда сохраняются межпрофессиональные различия в квалификации, т. е. экономическая неоднородность видов труда» [229].

Автор пишет о том, что квалификационное разделение труда образуется на основе различий в степени его сложности и в уровне развития способности к труду, измеряемой объемом специальной подготовки. Социальный аспект этого разделения выражается в распределении работников по видам труда, отличающимся уровнем экономической эффективности. Основой разделения работников по квалификационным группам служит специальная подготовка. Квалификация, таким образом, отражает «степень развития способности к труду, определяемую затратами общественно необходимого времени для ее подготовки» [230]. Для выявления квалификационных различий автор предлагает конструировать квалификационные группы рабочих с учетом уровня квалификации профессий [231].

---

[229] *В. Р. Полозов.* Проблемы изменения социально-экономической структуры общественного труда. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. Л., 1969, стр. 97.

[230] Там же.

[231] Многие экономисты иначе подходят к проблемам квалификационной структуры рабочего класса, считая, что критерием последней служат тарифные разряды, объединяющие рабочих с более или менее одинаковым общеобразовательным и квалификационным уровнем, тогда как профессии — выражение разделения людей по конкретным видам деятельности. Отсюда делается вывод о пригодности тарифных разрядов для изучения структуры рабочего класса. См., например, *А. Чухно, И. Буян.* О профессиональном и квалификационном разделении труда — «Вопросы экономики», 1965, № 3; *И. Буян.* Изменения внутриклассовой структуры рабочего класса. — В кн: «Классы, социальные слои и группы в СССР».

Справедлив итоговый вывод автора о том, что «различие качественно разнообразных видов трудовой деятельности не всегда сопряжено с социальными различиями работников. Только в условиях, когда эти виды труда экономически различны и общественное разделение труда закрепляет их за разными группами работников, сами различия этих групп выступают как социальные» [232].

В литературе иногда встречается и иная точка зрения: социально-экономические различия между группами работников объясняются неравномерной оснащенностью труда современной техникой. Так, В. П. Родионов, раскрывая источники внутриклассового деления в социалистическом обществе, пишет, что неравномерность в техническом строении разных отраслей производства «оказывается не чем иным, как различиями между занятыми в этих отраслях группами работников по фактическому использованию общественных средств производства...» [233]. Далее он уточняет, что речь идет об отношении определенного количества живого труда к труду, овеществленному в средствах производства; о техническом совершенстве орудий труда и характере технологических процессов; о характере предметов труда; о естест-

---

На наш взгляд, определяющим показателем является квалификация профессий. Тарифные же разряды служат весьма ненадежным и не более чем вспомогательным инструментом. П. С. Стебаков в связи с этим отмечает, что отождествление квалификации с производственным разрядом ведет к субъективизму в исследовании квалификационных различий в совокупном рабочем и определении перспектив их преодоления, так как, во-первых, система тарифных разрядов не охватывает всех рабочих и, во-вторых, в разных отраслях к рабочим при присвоении одного и того же разряда предъявляются разные требования. Он пишет, что квалификационный уровень рабочих растет не только в результате изменения их разрядов, но и в силу перемен в их профессиональном составе, который определяется техническим состоянием производства (см. *П. С. Стебаков.* О методике изучения квалификационной структуры советских рабочих. — «Философские науки», 1968, № 4).

[232] *В. Р. Полозов.* Характер общественного разделения труда при социализме. — В сб.: «Человек и общество», вып. 1. Л., 1966, стр. 14, 15; см также *В. Р. Полозов.* Проблемы изменения социально-экономической структуры общественного труда. Автореферат диссертации. Л., 1969, стр. 13—14.

[233] *В. П. Родионов.* Об источниках внутриклассового деления. — В сб.: «Процессы изменения социальной структуры в советском обществе». Свердловск, 1967, стр. 16

венных условиях, в которых протекает производственный процесс [234].

Несомненно, социальная структура обусловливается в конечном счете (через производственные отношения) характером производительных сил. Однако неверно считать эту связь «производительные силы (точнее, орудия и предметы труда) — социальная структура» непосредственной даже применительно к социальной дифференциации рабочего класса [235].

В работах В. Р. Полозова убедительно показано, что «материально-технический аспект... не является непосредственной причиной социально-экономических различий. ...Основой социально-экономических различий работников выступают не естественно-производственные различия в труде (частью даже неустранимые), а закрепление различных групп работников за экономически различными видами труда, т. е. собственно разделение труда между членами общества» [236].

В то же время В. Р. Полозов необоснованно возражает против применения при характеристике различий между работниками категории «использование средств производства». Правда, В. П. Родионовым, да и некоторыми другими авторами эта категория интерпретируется как различие между работниками в использовании конкретных технических средств, что действительно не имеет прямого касательства к социально дифференцирующим градациям в труде. Но у Я. А. Кронрода, впервые разработавшего эту категорию, и у авторов, использовавших его идеи применительно к проблемам социальной структуры, речь шла о другом.

Так, Е. Л. Маневич трактует неравенство по использованию средств производства как неравенство по положению в производстве. «Оно проявляется, в частности, при распределении по количеству и качеству труда, затраченного каждым участником производства, в эконо-

[234] См. там же, стр. 19.

[235] Наиболее отчетливо ошибочная попытка вывести социальные группы рабочего класса из технического разделения труда воплощена в работе: *З. И. Файнбург* и *Г. П. Козлова.* К вопросу о группировках рабочих по содержанию их труда. — «Социальные исследования», вып. 2. М, 1968.

[236] *В. Р. Полозов.* Проблемы изменения социально-экономической структуры общественного труда. Автореферат диссертации, стр. 12, 13.

мическом неравенстве в распределении материальных и духовных благ»[237]. Е. Л. Маневич разъясняет, что неравенство по использованию «и есть не что иное, как социальная неоднородность труда... которая существует и внутри каждого класса, социальной прослойки. Труд различается по уровню квалификации, по степени тяжести, по условиям, в которых он протекает. В соответствии с существующим разделением труда каждый из этих видов труда выполняется в основном или преимущественно определенной группой трудящихся и является ее главной трудовой функцией»[238].

В рабочем классе социалистического общества Е. Л. Маневич, опираясь на свою концепцию, устанавливает наличие социальных групп, обладающих различной квалификацией и соответственно положением в производстве (рабочие, занятые тяжелым физическим трудом, неквалифицированные, полуквалифицированные, квалифицированные, высококвалифицированные) и имеющих неодинаковый уровень доходов[239].

Таким образом, в литературе имеют место два подхода к исследованию социальной дифференциации в рабочем классе. Одни авторы исходят из посылки, что уровень механизации, технической оснащенности труда, вытекающие отсюда различия в содержании труда непосредственно предопределяют социальные характеристики рабочих (З. И. Файнбург, Г. П. Козлова, В. П. Родионов и др.). Другие видят источник социальных различий в рабочем классе в системе социально неоднородного труда (В. Р. Полозов, Е. Л. Маневич, О. И. Шкаратан и др.). Однако авторы второй группы расходятся в ответе на весьма существенный вопрос: влияет ли социально-экономическая неоднородность труда на дифференциацию рабочего класса в условиях социализма непосредственно или ее воздействие опосредуется отношениями фактического неравенства в мере использования средств производства.

При всем разнообразии имеющихся в литературе концепций внутриклассовой структуры все они в той или

---

[237] *Е. Л. Маневич.* Проблемы общественного труда в СССР. М., 1966, стр. 17.

[238] Там же.

[239] См. там же, стр. 19.

иной мере, с той или другой позиции опираются на теорию общественного разделения труда. Выше, в связи с вопросом о возникновении и воспроизводстве классов, уже рассматривались некоторые стороны взаимодействия технического и социально-экономического разделения труда. Анализ критериев слоеобразования в рабочем классе при социализме вынуждает затронуть еще и такой аспект разделения труда, как его профессиональное разделение [240].

Профессиональное разделение труда существует на протяжении почти всей человеческой истории и, как показывает анализ тенденций развития науки и техники, будет существовать и при коммунизме. Оно связано со специализацией человеческой деятельности: на основе выполнения различных конкретных видов труда, вследствие наличия специфических функций в так называемых технических или технологических отношениях производства неизбежно возникают профессиональные различия (их содержание и характер, конечно, меняются). После длительной дискуссии к такому выводу пришло большинство советских авторов, занимающихся этими проблемами [241].

Очевидно, что сами по себе профессиональные различия не являются социально-экономическими, поскольку

---

[240] В связи с обсуждением судеб общественного разделения труда при коммунизме в 60-е годы появилась обширная литература по проблемам разделения труда См., в частности, *И. Судеревский.* Проблемы разделения труда. М., 1963; *В. П Корниенко* Общественное разделение труда в период перехода к коммунизму. М., 1963; *В. Е. Комаров.* Строительство коммунизма и профессиональная структура работников производства М., 1965; *В. Я. Ельмеев, В Р. Полозов, Б. Р. Рященко.* Коммунизм и преодоление разделения между умственным и физическим трудом. Л, 1965; *В. М Москович* Общественное разделение труда при социализме. М., 1966; *Д. П. Кайдалов.* Закон перемены труда и всестороннее развитие человека М., 1968, и другие работы.

Заметим попутно, что дискуссия о взаимосвязи технического и социально-экономического разделения труда, о категории «профессиональное разделение труда» началась еще в первые послеоктябрьские годы, когда С. И Солнцев в своей книге «Общественные классы» решительно выступил против Бухарина, утверждавшего, что профессиональное разделение труда имеет общественно-исторический, а не только естественно-технический характер.

[241] См. «К дискуссии о разделении труда и всестороннем развитии личности» (редакционная статья). — «Вопросы философии», 1964, № 6, стр. 141—143.

в них непосредственно проявляется техническое разделение труда.

Но профессиональное разделение труда реализуется в исторически определенной системе общественных отношений. В условиях, когда сохраняется социально-экономическая неоднородность труда, деление труда на умственный и физический, квалифицированный и неквалифицированный и т. д., когда различные социально-экономические функции общественного производства закрепляются за разными социальными группами людей, профессиональное разделение труда выражает совокупность конкретных видов труда, присущих этим социальным группам и закрепленных за ними. При социализме, следовательно, профессиональное разделение труда есть проявление: а) специализации социально однородных функций, б) качественных различий в социально-экономическом разделении труда. Во втором случае мы имеем дело, собственно говоря, не с профессиями, а с группами профессий, качественно разнящихся между собой по социально-экономическим функциям, по сложности и социальной значимости труда, по его характеру. Вот эти группы профессий (а не профессии в «чистом» виде) и служат существенным критерием внутриклассового социального разделения, тогда как само по себе профессиональное деление отражает лишь техническое разделение труда в совокупном рабочем.

Таким образом, существующая ныне социально-экономическая неоднородность труда, естественно, порождает связь определенного круга профессий с социальными группами в рабочем классе. Профессия выступает как атрибут социальной группы. В то же время, конечно, существует обратная связь, в которой выражена первичность развития производительных сил в общественном прогрессе: изменения в профессиональной структуре, включая перемены в содержании профессий, в конце концов влияют на социально-экономическую структуру труда, а тем самым и на социальную структуру рабочего класса. В качественно различных уровнях квалификации профессий и проявляется социально-экономическая неоднородность труда.

Суммируя сказанное, можно заключить: изучение внутриклассовой социальной структуры должно опираться как на одну из своих предпосылок на анализ со-

циально-экономического разделения труда. По-видимому, эту точку зрения уже можно считать преобладающей в социологической и экономической литературе.

* * *

Под социальной структурой рабочего класса понимается совокупность функционально связанных, взаимодействующих слоев [242] и групп, объединенных общностью классовых признаков и различающихся по некоренным экономическим (первичным и основным) и социально-психологическим и идеологическим (вторичным и неосновным) признакам.

Внутриклассовые различия подчинены всей системе социальных различий в обществе. Они выступают как различия специфических социальных свойств групп индивидов, объединенных в класс по общим и основным присущим им социальным (классовым) свойствам. Указанные специфические свойства являются следствием специфических функций, выполняемых внутриклассовыми группами в иных, не основных классовых отношениях, в которые вступают члены каждой из этих групп между собой и с членами других групп.

Так, в рабочем классе имеются группы индивидов, различающиеся свойствами, которые обусловлены участием в определенном виде производства, мерой экономических связей с другими классами, различием по отношению к собственности, занятием умственным или физическим, квалифицированным или неквалифицированным трудом, проживанием в определенном типе посе-

---

[242] Термин «социальный слой» в марксистской социологии применяется для обозначения промежуточных или переходных общественных групп, не обладающих всеми признаками класса, либо частей общественного класса, составляющих элементы его внутренней структуры. См. по этому вопросу *Г. Б. Вебер, А. Б. Ардаев.* Городские средние слои современного капиталистического общества М., 1963, стр. 31; *Б. Минц.* Политическая экономия социализма. М., 1965, стр. 506.

Говоря о внутриклассовых слоях, Ян Щепаньский именует ими «определенные целостные совокупности, отличающиеся образом жизни, уровнем доходов или имущественного положения, а также разделенные барьерами обычаев и образа поведения» (*Ян Щепаньский.* Изменения в классовой структуре польского общества. — В сб.: «Социологическая мысль в Польской Народной Республике». М., 1968, стр. 7).

ления и т. д. Рабочий может оказаться горожанином или сельским жителем, он же может оказаться квалифицированным или неквалифицированным рабочим и т. д. Иначе говоря, по одним свойствам он входит в одну группу членов своего класса, по другим — в другую. Но по существенным специфическим свойствам он относится к одному из основных слоев рабочего класса.

Значимость конкретных различий внутри рабочего класса, их взаимосвязь и соподчиненность определяются характером социальных отношений во всем обществе.

Критерий дифференциации рабочего класса на основные слои должен отражать объективно существующую диалектическую связь различий социальных свойств групп индивидов, входящих в класс, с главными признаками классовой интеграции, т. е. признаками, характеризующими класс в целом. Ведь основы тождества внутриклассовых групп и их различий едины. Отсюда следует, что в экономической (основной) сфере деятельности внутриклассовые различия основываются на степени (мере) присвоения собственности, вкладе в ее развитие, месте в общественной организации труда, вытекающих отсюда различий в сочетании источников и форм получения дохода. Если признаки класса выступают как общее, то признаки его слоя (группы) — как частное в диалектике развития класса.

Основоположники марксизма-ленинизма именно так подходили к дифференциации общественных классов. В. И. Ленин в «Детской болезни «левизны» в коммунизме» писал: «Капитализм не был бы капитализмом, если бы «чистый» пролетариат не был окружен массой чрезвычайно пестрых переходных типов от пролетария к полупролетарию (тому, кто наполовину снискивает себе средства к жизни продажей рабочей силы), от полупролетария к мелкому крестьянину (и мелкому ремесленнику, кустарю, хозяйчику вообще), от мелкого крестьянина к среднему и т. д.; если бы внутри самого пролетариата не было делений на более и менее развитые слои, делений земляческих, профессиональных, иногда религиозных и т. п. А из всего этого необходимость — и безусловная необходимость для авангарда пролетариата, для его сознательной части, для коммунистической партии прибегать к лавированию, соглашательству, компромиссам с разными группами пролетариев, с разными пар-

тиями рабочих и мелких хозяйчиков вытекает с абсолютной необходимостью»[243].

Как видим, в ленинской характеристике пролетариата капиталистической поры самым существенным критерием различий по «чистоте» его социальных типов является отношение к средствам производства; ядро класса — «чистые» пролетарии (В. И. Ленин неоднократно пользовался этим термином) — составляют лица, живущие целиком продажей своей рабочей силы. По мере удаления от «ядра» к «периферии» класса располагается целая гамма переходных социальных групп, причем основой их расположения по степени удаленности от «ядра» выступает возрастающее значение непролетарских (за счет собственного хозяйства) источников дохода.

Внутриклассовая структура является производной не только от типа социальной структуры общества, но и от этапа ее развития. В различные исторические периоды основные факторы, определяющие разделение рабочего класса на слои, не остаются неизменными. Сами же эти изменения в свою очередь есть результат: а) перемен в социальной структуре общества по мере построения и развития социализма, б) индивидуализирующих национально-специфических черт развития социальных отношений.

Учитывая последовательность отмирания социально-экономических различий, начало которому кладет социалистическая революция, можно предположить, что если в переходный период от капитализма к социализму определяющими были внутриклассовые различия, связанные с межклассовыми взаимоотношениями, т. е. различия рабочих по отношению к средствам производства, то в развитом социалистическом обществе при равенстве в отношениях к средствам производства определяющими становятся различия, непосредственно вытекающие из социально-экономической неоднородности труда и связанные с неравенством меры использования общенародной собственности.

При всей разнице этих критериев в них есть общее. В обоих случаях — применительно и к переходному периоду и к периоду после победы социализма — в основу деления рабочего класса кладется социально-экономиче-

[243] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 58—59.

ское неравенство. Но, взятое в развитии, в процессе его постепенного преодоления, оно на первом этапе выступает как наличие или отсутствие собственных средств производства, а на втором этапе — уже как неодинаковая мера использования общенародных средств производства. С этим связана и специфика интересов, и характер взаимосвязи основных элементов внутриклассовой структуры на каждом этапе.

При рассмотрении конкретной социальной структуры рабочего класса следует учитывать еще одно обстоятельство: она воспроизводится в основной общественной ячейке — предприятии, где индивид вступает в производственные отношения, где реализуется присвоение средств производства.

Предприятия — относительно самостоятельные социальные ячейки общества, здесь в значительной мере сосредоточивается не только экономическая, но и политическая, и духовная жизнь всех работников и членов их семей. Природе социализма, социальной природе рабочего класса соответствует объединение людей именно по производственному принципу.

Вместе с тем предприятия, представляя собой относительно самостоятельные экономические единицы, обладают определенной социальной индивидуальностью (ее формируют традиции коллектива, образцы поведения, труда и взаимоотношения людей на данном предприятии). Естественно, что индивидуальное восприятие социальных отношений во многом предопределяется специфическими свойствами того социально-производственного организма, в котором функционирует индивид. Однако в основных параметрах социальные структуры социалистических производственных коллективов совпадают. На основании этого, казалось бы, можно рассматривать рабочий класс как простую сумму производственных коллективов, а его социальную структуру — как адекватную идеальной модели социальной структуры производственного коллектива, очищенной от специфических особенностей конкретных коллективов. Но это не так.

Социальные отношения в обществе формируют рабочий класс не только через производственную среду, но и через среду населенного пункта, через семью. Сочетание отношений в этих трех «социальных многомерных про-

странствах» — предприятие, поселение, семья — образует ту реальность социальных связей, которые обусловливают структуру рабочего класса.

Именно поэтому изменение социального облика рабочего класса нельзя сводить лишь к изменениям в сфере производства. Социальные реконструкции классов предполагают их трансформацию не только как социально-экономической целостности, но и как целостности социально-политической, социально-психологической и идеологической. Очевидно, что относительно полное представление о социальной структуре рабочего класса может дать только изучение его функционирования во всех сферах социальных отношений.

Наше же исследование и в теоретической, и в описательной своей части ориентировано преимущественно на выявление социально-производственной структуры рабочего класса.

* * *

Как показал опыт строительства социализма в СССР и в других странах, где к моменту социалистической революции в населении численно преобладала мелкая буржуазия, основные социальные различия в рабочем классе базируются на качественно-количественных различиях в отношениях собственности. Эти различия связаны с подвижностью классовых границ, с одной стороны, и с расширенным воспроизводством рабочего класса за счет выходцев из других классов (преимущественно мелкой буржуазии) — с другой. При этом выделяются два основных слоя: слой кадровых рабочих, не имеющих собственных средств производства и иных источников дохода, кроме получаемой на предприятии заработной платы и поступлений из общественных фондов потребления, и слой формирующихся рабочих, сохранивших остаточные отношения присвоения собственных средств производства и имеющих в итоге кроме заработной платы доходы от частного, мелкотоварного, как правило, крестьянского хозяйства.

Кадровые рабочие («чистые пролетарии») характеризуются признаками, которые мы адресуем всему рабочему классу. Они сосредоточиваются преимущественно в крупной промышленности. Процесс концентрации

производства приводит к увеличению кадровых пролетарских рядов и в других отраслях народного хозяйства. И здесь ведущая роль отдельных отрядов рабочего класса определяется не непосредственно занятостью их в наиболее концентрированных и технически передовых отраслях, а степенью зрелости производственных отношений, с которыми они связаны, «очищенности» этих отношений от досоциалистической и даже докапиталистической старины.

В нашей литературе довольно основательно разработаны экономические критерии дифференциации рабочего класса. Относительно дореволюционной России и советского рабочего класса переходного к социализму периода — это прежде всего показатели владения орудиями и средствами производства (практически речь идет о связи с деревенским хозяйством). Следует подчеркнуть, что наличие прочных хозяйственных связей, владение собственным хозяйством, а не вообще связь с деревней (например, по линии родственных, семейных отношений) имеет решающее значение для оценки социального лица той или иной группы рабочих. Более того, и этот показатель недостаточен без оценки хозяйства, с которым был связан рабочий. Одно дело, если на завод поступал крестьянин-бедняк, фактически полупролетарий с наделом, работавший по найму в кулацком хозяйстве. Другое дело, когда выходец из предпринимательского хозяйства приходил в город подработать. А такие случаи имели место.

Стоимость рабочей силы возрастает с ростом квалификации рабочего. Поэтому тот или иной размер заработной платы (оценка рабочей силы на капиталистическом рынке) может служить показателем квалификационных различий. Но лишь до определенных пределов. В условиях империализма буржуазия за счет монопольных прибылей в добавление к цене товара рабочей силы бросает небольшой верхушке рабочего класса подачку, которая создает резкий разрыв в условиях материальной жизни между этой прослойкой рабочей аристократии и основными пролетарскими массами. Таким образом, рабочая аристократия живет уже не только продажей своей рабочей силы, в какой-то степени она участвует в распределении монопольных сверхприбылей. В. И. Ленин относил к рабочей аристократии «наилучше оплачи-

ваемых рабочих из некоторых слоев промышленности»[244].

Выше уже говорилось, что для характеристики социальных слоев одних экономических признаков недостаточно. Необходимо принимать во внимание также признаки социально-психологические. В письме ЦК «Об условиях приема новых членов в партию» (1922 г.) В. И. Ленин прямо указывал, что под понятие кадрового рабочего подходят «только те, кто на самом деле по своему жизненному положению должен был усвоить пролетарскую психологию. А это невозможно без многих лет пребывания на фабрике без всяких посторонних целей, а по общим условиям экономического и социального быта»[245].

Психология социальных слоев рабочего класса различна. Именно в этой области и после социалистической революции наиболее живучими оказываются пережитки социального прошлого отдельных групп рабочих. Иной рабочий, проработав немалое число лет на фабрике, давно уже не имея никакого хозяйства в деревне, все еще продолжал воспринимать окружающих его людей и происходящие события с точки зрения мелкого буржуа. Сохранению таких пережитков способствовали семейные традиции, влияние церкви и т. д.

Для периода перехода от капитализма к социализму можно наметить примерно следующие признаки, данные по которым необходимы, чтобы определить принадлежность к конкретному слою рабочего класса: наличие и характер связей с мелкособственническим (а иной раз и буржуазным, например кулацким) хозяйством; наличие и доля непролетарских (т. е. не за счет своего труда в крупном производстве) источников дохода; закрепленность в положении наемного работника (стаж труда по найму); результирующий и факториальный признак — потомственность в труде по найму. Как наиболее ценные атрибутивные характеристики выступают данные об общественно-политическом облике индивида и группы индивидов.

Конечно, кроме перечисленных в рабочем классе того времени воспроизводились различия и по другим устой-

---

[244] *В. И. Ленин.* Полн. собр соч., т. 25, стр 230.
[245] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч , т. 45, стр. 20.

чивым признакам, по которым можно выделить определенные группы. Однако принадлежность к последним не являлась доминирующей. К признакам такого рода следует отнести различия, связанные с типом поселения, с отраслью народного хозяйства, со средой общения и т. д. Не рассматриваются здесь также различия по квалификации, и не потому, разумеется, что они тогда были неощутимы или не имели большого значения, а потому лишь, что в тех условиях они были подчинены главным различиям, связанным с качественно-количественными различиями между группами рабочих по отношениям собственности.

Фактическая проверка предлагаемой нами схемы изучения структуры рабочего класса в переходный период показана на конкретном материале в следующей главе.

Торжество социалистического уклада над капиталистическим, ликвидация мелкотоварного производства, создание всеохватывающей системы социализма во всем народном хозяйстве привели к ликвидации различий в рабочем классе, связанных с наличием у определенной его части собственных средств производства, к перестройке всей его внутриклассовой структуры.

При социализме решающими в механизме социальной структуры становятся те стороны производственных отношений, которые общи для обеих фаз коммунистической формации, прежде всего непосредственно общественное отношение коллективности всех членов общества к средствам производства. В этом экономическая основа неантагонистического характера отношений социальных групп, глубокой общности их интересов и закономерного перерастания социальной структуры, присущей социализму, в социальную структуру коммунистического типа.

В то же время совокупность производственных отношений социализма еще содержит в себе элементы, воспроизводящие социально-экономическое неравенство. Ввиду сохранения еще социально-экономической неоднородности труда члены общества, социально закрепленные за экономически различными его видами, имеют неодинаковую возможность использования средств производства, т. е. не в равной мере участвуют в организации и совершенствовании производства, вносят неравный вклад

в развитие экономики и культуры. Они не в одинаковой мере развивают свои способности и дарования, выступают субъектом общественной деятельности. Иначе говоря, социально-экономическая неоднородность труда приводит к тому, что члены социалистического общества, будучи равными совладельцами общенародной собственности, практически неодинаково реализуют свои связанные с последним социальные функции. Присущее социализму общественное разделение труда выступает тем самым как подоснова фактического неравенства групп работников, которые в силу действия закона распределения по труду в итоге имеют неравную долю в общенародном национальном доходе.

Это фундаментальное разделение сохранится вплоть до построения полного коммунизма, когда уровень развития производства позволит осуществить на деле принцип «каждому по потребностям». До той поры социалистическое общество оценивает и будет оценивать своих членов прежде всего по вкладу в развитие общественного производства, т. е. по количеству и качеству труда. Поэтому исторически обусловленное неравенство такого вклада выступает как определяющий момент структурной характеристики классов при социализме, как существенное выражение различий социальных групп[246]. Что касается способов общественной оценки вклада, вносимого каждым в развитие производства, то наиболее обобщающим из них является учет меры сложности труда (его квалифицированности в широком смысле слова). Этот способ оценки объективно вытекает из производственных отношений социализма, которым присущи товарно-денежные отношения, а следовательно, и закон стоимости. Здесь необходимой категорией выступает абстрактный труд, которым соизмеряются различия, основанные на разнице в сложности труда.

Таким образом, существует тесная взаимная связь между: а) первичным фактором социальной дифференциации рабочего класса — социально-экономическим раз-

---

[246] Здесь особенно наглядно сказывается преимущество социализма, который оценивает людей не по количеству присвоенных богатств (к чему сводятся в конечном итоге внутриклассовые различия внутри господствующих классов антагонистических формаций), а по количеству и качеству труда всех людей, которые являются равными собственниками общественных богатств.

делением труда; б) главенствующим фактором этой дифференциации — мерой использования собственности (реализующейся, в частности, во вкладе в ее развитие) и в) эмпирическими замерителями фактического неравенства в использовании собственности, один из которых — различия в сложности труда — в свою очередь является проявлением его социально-экономической неоднородности. В этом находит свое выражение единство и целостность системы производственных отношений в их взаимосвязи с социальной структурой общества.

Хотя членение рабочего класса на основные социальные группы при социализме базируется на сохраняющейся еще социально-экономической неоднородности труда и связанным с ней неравенством меры использования и вклада в развитие социалистической собственности, а также роли в общественной организации труда, каждому конкретному индивиду, входящему в ту или иную группу, социалистическое общество предоставляет широкие возможности для развития себя как личности. На это нацелены все социальные институты социализма, в условиях которого роль конкретной личности определяется не только ее местом в системе общественно разделенного, социально неоднородного труда, но и индивидуальными способностями, их реализацией на благо общества.

Внутриклассовое разделение работников на группы в зависимости от занятий социально неоднородным трудом обусловливает социальный облик членов этих групп: их социальный статус, характер межличностных контактов, структуру досуга, социально-политические и нерегламентированные производственно-управленческие функции, т. е. все то, что превращает некую категорию индивидов в социальную группу со своими специфическими свойствами.

Поэтому, когда в ходе развития производства возникает новая профессиональная категория людей, еще нельзя констатировать, что вместе с данной категорией тотчас возникает и новая социальная группа, что происходит моментальное конституирование второй из первой. Перестройка всей системы социальных связей, приобретение специфических социальных, в том числе социально-психологических, свойств, включая и такие, как групповое самосознание, внутригрупповая сплоченность, устой-

чивость и самовоспроизводство, существенно отделяют во времени формирование в профессионально-квалификационной структуре новой категории индивидов от их конституирования в социальную группу. Следовательно, образование профессионально-квалификационных групп на базе общественно разделенного труда служит не конечным, а начальным пунктом воспроизводства социальной структуры рабочего класса.

Социально-экономический аспект разделения труда выявляется в разделении на труд организаторский и исполнительский, а последнего в свою очередь — на умственный и преимущественно физический, квалифицированный и неквалифицированный.

Из системы посылок, изложенных выше, вытекает и подход к определению конкретных критериев социальной дифференциации рабочего класса при социализме. Таким критерием является прежде всего разделение на группы занятых умственным и преимущественно физическим трудом. Естественно, что на современном этапе процесса преодоления этого разделения оно не выступает уже в форме резкого разграничения двух групп, между которыми пролегает четкий рубеж, а существует в виде постепенных переходов через ряд промежуточных типов — от работников творческого, интеллектуального труда к работникам интеллектуализированного физического труда и далее — к работникам тяжелого, однообразного физического исполнительского труда.

Другой критерий дается разделением на организаторов и исполнителей в производственном процессе, опять-таки с постепенным переходом от профессиональных руководителей через смешанные типы участников общественного самоуправления к исполнителям, которые еще не реализуют свое право на участие в функциях управления.

Третьим критерием является применительно к рабочим преимущественно физического труда принадлежность к группам профессий различного квалификационного уровня, а применительно к работникам умственного труда — функционально-квалификационное разделение на работников, выполняющих функции социального управления (руководители трудовых коллективов), функции руководства и контроля за производственным процессом (технологи и подобные им специалисты), функ-

ции исполнительского научно-технического труда (исследователи, конструкторы и т. д.).

Все эти основные эмпирические критерии выделения социальных слоев замеряются показателями: тип трудовой деятельности, должность, профессия, квалификация, участие в общественном самоуправлении.

Существующие, в том числе и рассмотренные выше, схемы дифференциации рабочего класса описывают преобладавшие до настоящего времени типы внутриклассовых структур. Эти типы связаны в основном с двумя большими этапами, которые прошла социальная динамика рабочего класса.

На первом этапе, когда главное дифференцирующее воздействие на структуру работников наемного труда оказывали отношения собственности, основными элементами этой структуры являлись рабочая аристократия, кадровые рабочие («чистые» пролетарии) и слой формирующихся рабочих. В условиях капитализма такая дифференциация исчерпывает себя в развитых странах, достигших высокого уровня зрелости, полностью завершивших индустриализацию, имеющих устойчивую социально-классовую структуру с преимущественно наследственно воспроизводящимися социально-классовыми группами. В странах, где процесс урбанизации и индустриализации еще не завершен, описанные критерии дифференциации являются преобладающими. В социалистических странах вне зависимости от завершения индустриализации и урбанизации эти критерии перестают оказывать существенное влияние, перестают быть доминантными в социальной структуре после социалистического преобразования сельского хозяйства.

На втором этапе, когда подосновой существования внутриклассовых слоев выступает разделение труда, социальная дифференциация связана с разными уровнями его квалифицированности. Но и здесь связь эта опосредована системой отношений собственности. При капитализме это выражается в различии размеров создаваемой прибавочной стоимости, а при социализме — в неравенстве меры использования общенародных средств производства. В условиях социализма усиливается значение различий, связанных с ролью в общественной организации труда, что в свою очередь определяется социально-экономической неоднородностью труда.

Происходящая ныне научно-техническая революция постепенно приводит к новому, третьему этапу в социальной внутриклассовой дифференции — этапу, который органически взаимоувязан со вторым, является его прямым продолжением. Дело в том, что качественно меняется функциональное, техническое разделение труда в связи с переходом от первой и второй ступеней крупного машинного производства (мелкосерийное производство на основе универсального оборудования и поточно-конвейерное производство) к его третьей ступени — частично автоматизированному производству с широким применением искусственных материалов с заданными свойствами и т. д. Отсюда, естественно, вытекают существенные изменения в структуре совокупного рабочего, и прежде всего те изменения, о которых шла речь выше, в разделе, посвященном исторически подвижным границам рабочего класса.

Изменение структуры совокупного рабочего в свою очередь оказывает влияние на социальную структуру производственных коллективов.

В итоге предлагаемые сегодня схемы дифференциации в значительной мере устарели, поскольку группы работников преимущественно умственного труда, чисто умственного исполнительского труда, труда управления и труда обслуживания, которые представляли собой ранее менее дифференцированные группы, в настоящее время не просто резко увеличили свою долю в составе совокупного рабочего, но и существенно усложнили свой внутренний состав. Вместе с тем группы малоквалифицированного, преимущественно физического труда имеют тенденцию к сближению в своем социальном облике. Иначе говоря, на шкале социально-профессиональной дифференциации низшие группы стремятся к слиянию, а высшие — к дроблению и образованию подгрупп со специфическими социальными свойствами [247].

По-видимому, нужно исходить из общего положения: процесс развития разделения труда в условиях сохранения его социально-экономической неоднородности сопровождается определенным социальным размежева-

---

[247] См несколько иную интерпретацию данной проблемы в статье: *С. А. Кугель* Изменение социальной структуры советского общества под воздействием научно-технической революции. — «Вопросы философии», 1969, № 3.

нием в рамках групп работников умственного труда. Дифференциация в таком случае должна быть построена с учетом меры квалифицированности труда. Здесь возможны разные подходы к операциональной трактовке этого общего принципа.

Один из подходов связан с реально наблюдающимся разделением работников умственного труда с учетом их квалификационно-функциональных различий: 1) лица, занятые управлением и организацией управления системой машин, т. е. занятые функциями организационно-технического и технологического обеспечения производства; это так называемые технологи и близкие к ним по функциям группы; 2) лица, занятые созданием принципиально новых схем производства и их научно-техническим обеспечением, т. е. ученые и конструкторы; 3) лица занятые управлением сложными по составу производственными коллективами (включающими малые группы — первичные производственные коллективы); именно из этих работников формируются профессиональные руководители; 4) лица, обеспечивающие управление, т. е. работники управленческого аппарата, функцией которых является не принятие решений, а их осуществление.

Материалы, рассматриваемые нами в последующих главах, показывают существенное различие этих групп по социальным свойствам. Прежде всего обращают на себя внимание значительные колебания в уровне образования и характере социальной «карьеры», включая социальное происхождение.

Однако не исключено, что подобный подход не является единственно возможным. Можно предположить относительно самостоятельную дифференциацию по квалификационно-должностной шкале с учетом потребного уровня образовательной подготовки. При таком подходе получим три основные группы: 1) работники, занятые на должностях, которые требуют специальной подготовки на базе общего среднего образования (на практике эта группа совпадает с группой аппарата управления); 2) работники, занятые на должностях, которые требуют среднего специального образования; 3) работники, занятые на должностях, которые требуют высшего образования.

Если первая классификация (квалификационно-функциональная) не дает четко выявленной шкалы ролей и

положений по принципу «ниже — выше», то вторая (квалификационно-должностная) не учитывает специфических социальных функций. Обе они отличаются недостаточной дифференцированностью и нуждаются в дальнейшем уточнении и подразделении на большее число подгрупп, чтобы прогнозировать набор социальных свойств индивида, который может оказаться в той или иной социальной роли.

По-видимому, проверить, какая из указанных схем дифференциации наиболее адекватна, можно путем выявления размаха колебаний основных социально-экономических характеристик групп по мобильности, доходности, заработной плате, культурному уровню, семейным связям и т. д., ибо наиболее адекватной представляется та классификация, которая обеспечивает минимальный коэффициент вариации. Естественно, что более глубокий способ проверки сводится к применению распознавания образов (методом таксономии), а наиболее надежный способ классификации признаков по их значимости для социальной дифференциации — к применению энтропийного анализа.

Можно, наконец, предположить, что реальная группировка основана на взаимодействии показателей, составляющих основу как квалификационно-функциональной, так и квалификационно-должностной классификации.

Необходимо, однако, во всех случаях иметь в виду, что до сих пор речь шла о дифференциации в рамках по существу социальной структуры предприятия.

Истинная дифференциация рабочего класса в целом неизмеримо сложнее, поскольку социальное место категории индивидов не определяется полностью местом каждого из них в формальной структуре предприятия. Она характеризуется также показателями их положения в системе поселенческого коллектива, социальным статусом лиц, с ними связанных, в том числе и в первую очередь членов семей, друзей и т. д. Только во всей этой системе отношений обрисовывается реальный социальный статус той или иной категории индивидов, а в социальной структуре выявляются основные элементы и определяющие связи.

Социальная структура рабочего класса на современном этапе его развития задана, таким образом, двумя комплексными показателями: 1) структурой рабочих мест

по сложности и социальной значимости труда[248], 2) совокупно взятой социальной структурой населения, воспроизводящей социальные (в том числе социально-профессиональные) группы в определенных пропорциях.

Этими общественно-историческими детерминантами социальной структуры обусловливаются и факторы, определяющие индивидуальные судьбы. Такими факторами являются образование, общекультурное развитие, профессиональные навыки (в том числе и к управлению), специальные способности, на формирование которых в свою очередь оказывают воздействие социально-экономические условия общественно разделенного, социально неоднородного труда. При одинаковом доступе к образованию и другим культурным ценностям представители разных социальных групп используют их неодинаково.

Признаки, характеризующие социальные внутриклассовые группы, могут быть сведены к трем основным комплексам показателей:

1. Результирующие (определяющие) признаки отражают главные социально-экономические свойства и функции групп. Они определяются, как уже сказано, социально-экономической неоднородностью труда и выражаются в таких показателях, как профессия (точнее, категория профессий с точки зрения квалифицированности труда), квалификация (скажем, в разряде), должность, участие в управлении обществом и производством, заработная плата. При этом ни один из названных показателей, взятый в отдельности, не может служить основой для отнесения работника к той или иной социальной группе.

2. Факториальные (или генетические) признаки отражают причины, приводящие конкретные категории работников именно в данную внутриклассовую группу. Это социальное происхождение, культурная среда, образование, индивидуальные специальные способности[249].

---

[248] Отсюда следует, что управление, регулирование социальной структуры при социализме включает направленное воздействие на тенденции научно-технического прогресса, поскольку структура рабочих мест по сложности труда предопределена уровнем механизации и автоматизации производственных процессов.

[249] Когда речь идет о роли специальных способностей в индивидуальном социальном положении при социализме, следует помнить, что К. Маркс считал их следствием ограничивающего гармоническое развитие личности разделения труда. «Первоначальное разли-

3. Атрибутивные (дополнительные) признаки касаются особенностей быта, культуры, отношения к труду и других форм социального поведения, в которых находят отражение специфические свойства внутриклассовых групп.

Структура рабочего класса весьма сложна. В данной работе мы ограничиваемся преимущественно характеристикой лишь детерминантной структурой организации. В многофакторной модели структуры советского рабочего класса должны найти отражение и половая, и возрастная, и национальная и тому подобные структуры, а также, что чрезвычайно важно, весь рабочий класс следует рассматривать как систему, а коллектив предприятия — как основную социальную ячейку. Но все эти аспекты структурной организации субординированы квалификационно-профессиональной структурой, через механизм которой социальный строй общества, перерастающего в общество коммунистическое, воздействует на процесс развития классов. Научно-техническая революция, определяя изменения в производительных силах современного общества, выступая в качестве первичного фактора перемен в общественном разделении труда, является тем самым условием, предпосылкой социального развития рабочего класса в условиях социализма.

Изложенная здесь концепция социальной структуры рабочего класса проверена в ходе конкретно-социологических исследований, методика которых описана в следующем разделе настоящей главы, а результаты — в главе третьей.

§ 5. МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ. ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ ГРУПП ИСТОЧНИКОВ

Изучение социальной структуры общества, включая и такую ее составляющую, как структура рабочего класса, не будет эффективным, если в его основу положены частные методологические и методические принципы лишь одной из общественных наук. Это одна из тех областей

чие между носильщиком и философом менее значительно, чем между дворняжкой и борзой. Пропасть между ними вырыта разделением труда» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс* Соч., т. 4, стр. 149)

знания, где необходим сравнительно высокий уровень научной абстракции. Системой фактов в такого рода исследованиях может служить лишь система статических фактов. Однако современный исследователь имеет возможность не ограничиваться материалами государственной статистики и архивными документами. Известно, что с 30-х годов в нашей социальной статистике многие важные сведения отсутствуют. Пока идет лишь разработка программ по сбору информации о социальных отношениях. И здесь можно и должно опереться на локальные конкретные социологические исследования. В итоге возникает необходимость сочетать историко-социальное исследование с конкретными социологическими, без которых нельзя получить нужные данные по современной структуре рабочего класса. Следует учесть также, что и изучение динамики социальной структуры, т. е. исследование историко-социального типа, требует комплексного подхода как на методологическом, так и на процедурном уровнях исследования. Это полностью подтверждает практика таких исследований в странах социализма.

Проблемы комплексного подхода весьма сложны. Поскольку основные из них освещены в уже опубликованной работе [250], здесь будет рассказано о том, каким образом изложенные в ней принципы реализуются в настоящем исследовании.

При изучении социальной структуры рабочего класса СССР пришлось использовать широкий круг источников.

Важное значение имели различные ведомственные (периодические и непериодические) издания. В них содержатся постановления руководящих центральных и местных органов по ряду вопросов, связанных с жизнью рабочего класса, в том числе и решения по регулированию рынка рабочей силы и рабочего состава предприятий. В ведомственных изданиях хозяйственных органов встречается материал о подготовке квалифицированных кадров, об уровне квалификации рабочих на отдельных предприятиях и т. д.

---

[250] См. *Ю. В. Бромлей, О. И. Шкаратан.* О соотношении истории, этнографии и социологии. — «Советская этнография», 1969. № 3.

Исключительную ценность представляют опубликованные центральными и местными статистическими органами материалы текушей статистики, эпизодических обследований и переписей. Статистические органы проводят также периодические обследования распределения рабочих по размерам заработной платы, учет профессионального состава рабочих и уровня их квалификации.

Что касается социальной структуры рабочего класса, то в текущих статистических материалах, публиковавшихся в статистических сборниках и в периодических и непериодических изданиях статистических организаций, данных об этом почти нет. В материалах переписей населения, а также промышленных и профессиональных переписей имеются сведения о социальном составе рабочего класса, о его возрастном составе, уровне образования, семейной структуре и по ряду других важных показателей.

Были использованы данные и из отдельных локальных обследований состава рабочего класса, опубликованные в периодических и непериодических изданиях, а также хранящийся в архивах материал, характеризующий этот состав по отдельным показателям. Однако существенного значения для анализа социальной структуры рабочего класса указанные материалы не имели. Главными источниками при изучении социальной структуры рабочего класса в переходный период от капитализма к социализму явились переписи населения, и особенно профсоюзные переписи, а также специальные разновременные учеты профессионального состава рабочих, учеты по заработной плате и т. д.

Давая общую характеристику этим группам источников, необходимо прежде всего отметить, что содержащаяся в них документация собиралась в иных целях, чем те, которые ставятся в нашем исследовании. Возникают трудности уже на этапе формулирования гипотезы, так как ее нужно представить в категориях документа. Главная из трудностей — недостаточность разрозненных сведений, имеющихся в существующих источниках, для системного анализа. По современному периоду эти трудности преодолимы за счет привлечения других источников информации. Частичной компенсацией отсутствующей информации по сравнительно недавнему прошлому служат конкретные социологические исследования. Напри-

мер, в опросный лист могут быть включены ретроспективные вопросы для уяснения на базе проектируемой информации какой-либо проблемы, трудно улавливаемой по существующим источникам.

Кроме того, возможна переработка документов первичного статистического учета, а также делопроизводственной документации по специальным программам, составленным современными исследователями и предусматривающим системный подход к изучаемому объекту [251].

Другой вопрос связан с использованием конечных документов статистического учета, т. е. вторичного (обработанного) статистического материала, опубликованного (или хранящегося в архиве) в виде таблиц и т. д.

Зачастую данные, приведенные в разновременных материалах такого рода, существенно расходятся. В подобных случаях исследователям предъявляется требование учесть эти разночтения. Но что значит учесть их? Брать данные из более поздних по времени публикаций или из неопубликованных разработок? Или по этим же материалам пытаться вывести средние? Или, наконец, на основе других (нестатистических) источников вносить поправки?

Есть более убедительный путь. Необходимо ознакомиться с инструкциями и правилами проведения обследований и переписей, правилами заполнения первичных документов учета, инструктивным материалом по их обработке, наконец, в ряде случаев возвращаться к первичному учетному материалу. Статистический источник тем и отличается от делопроизводственного, что он получен на основе программы, в которую введены критерии для определенных группировок. Если автор не согласен

---

[251] Такой опыт уже описан в отечественной литературе См *В З Дробижев.* Некоторые вопросы передачи текста массовых источников — «Исторический архив», 1960, № 6; *его же* Социалистическое обобществление промышленности в СССР (По материалам промышленной переписи 1918 г) — «Вопросы истории», 1964, № 6; *его же* Методика статистической обработки протоколов ВСНХ (1917—1929 гг.). — «Вестник Московского ун-та», 1965, № 6; *В И. Старцев* К вопросу о составе рабочей Красной Гвардии Петрограда — «История СССР», 1962, № 1; *его же.* Очерки по истории петроградской Красной Гвардии и рабочей милиции М—Л, 1965; см также *И Д. Ковальченко* О применении математико-статистических методов в исторических исследованиях. — В сб.: «Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы». М, 1969.

с подходом статистиков, ему придется проводить пересчеты по своей программе, а не улавливать противоречия между разновременными статистическими публикациями, за которыми скрываются изменившиеся критерии.

Например, в переписи профессионального состава рабочих промышленности в 1962 г. (как и в ранее проводившихся переписях), подсобные рабочие были отнесены к рабочим тяжелого ручного труда. В инструкции по обработке материалов очередной переписи профсостава (август 1965 г.) эта категория рабочих была исключена из числа лиц, занятых тяжелым ручным трудом. Если брать данные переписей без учета изменения в инструкции по обработке, то можно получить неверные сведения и прийти к ошибочным выводам. Конечно, право авторов соглашаться или не соглашаться с такого рода изменениями в учете, но очевидно, что нельзя не принимать их в расчет.

Особенно нелепо выглядит попытка механически, без раздумий черпать в источниках любые цифровые показатели, соизмерять их без проверки на адекватность, репрезентативность и т. д.[252]

Так, З. В. Степанов, чтобы выяснить вопрос о районах, поставлявших рабочих для промышленности столицы дореволюционной России, сравнивает данные Всероссийской переписи 1897 г., городской переписи населения Петрограда 1910 г. и... сведения по нескольким петроградским предприятиям за 1917 г. Причем предприятия эти не отражают отраслевой структуры индустрии Петрограда (взяты три машиностроительных завода и завод резиновых изделий «Треугольник»), а использованные списки рабочих непредставительны даже для вошедших в подсчет предприятий[253].

Еще одна проблема касается интерпретации и, если можно так выразиться, «границ» использования статистической информации. Здесь речь идет о статистических источниках, достоверность которых не ставится под сомнение.

---

[252] См. *М. Т. Гольцман.* Об использовании историками статистических материалов. — В сб.: «Формирование и развитие советского рабочего класса (1917—1961 гг.)», стр. 392—400.

[253] См. *З. В. Степанов.* Рабочие Петрограда в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания (август — октябрь 1917 г.). М.—Л., 1965, стр. 40—41.

Например, во время переписи 1929 г. были получены данные, ошеломившие многих исследователей. Неожиданно оказалось, что число рабочих, связанных с деревней, в несколько раз больше у металлистов Ленинграда, чем у текстильщиков. И вскоре после переписи, и спустя многие годы эти данные вызывали недоверие. В частности, в содержательной диссертации П. И. Щелкунова «Рабочий класс СССР в восстановительный период (Восстановление индустриальных кадров рабочего класса в 1921—1925 гг.)» (М., 1951) организаторам переписи брошен упрек в неправильности опубликованных данных. Между тем если рассмотреть показатели связи с деревней отдельно по мужчинам и женщинам, то получается иная картина (см. табл. 1а).

Таблица 1а

РАБОЧИЕ, ИМЕЮЩИЕ ЗЕМЛЮ, В ПРОЦЕНТАХ К ОБЩЕМУ ЧИСЛУ МЕТАЛЛИСТОВ И ТЕКСТИЛЬЩИКОВ г. ЛЕНИНГРАДА [254] (ПО ПЕРЕПИСИ 1929 г.)

Профессии рабочих	Оба пола	Мужчины	Женщины
Металлисты . .	12,4	15,4	2.4
Текстильщики . .	4,4	11,9	1,7

Сравнительный анализ данных о связи с деревней по половому признаку в сочетании с материалами по социальному происхождению и сведениями по рынку труда показывают, что, в то время как женский рынок труда пополнялся за счет коренных горожан, из которых на работу принимались прежде всего выходцы из пролетарских семей, мужской рынок труда в основном состоял из выходцев из деревни; отсюда среди мужского пополнения было значительно больше вчерашних крестьян [255].

[254] Составлена по кн.: *А. Г. Рашин.* Состав фабрично-заводского пролетариата СССР. М., 1930, стр. 25, 33.

[255] Разница в показателях связи с деревней, которая имеется и при распределении рабочих по половому признаку, объясняется, во-первых, большими потерями металлистов в годы гражданской войны и, во-вторых, тем, что перепись проходила в момент временного сокращения в текстильной промышленности; поэтому некоторые текстильщики, опасаясь увольнения, скрывали данные о связи с деревней

Другой пример. В ряде работ историков материалы переписи 1929 г. используются для анализа социального состава пополнений, пришедших на фабрики и заводы в годы гражданской войны[256]. Но ведь в 1919—1920 гг. значительную часть новых рабочих (по отдельным предприятиям — более половины) составляли случайные пришельцы в фабричную среду (выходцы из непролетарских слоев городского населения, трудмобилизованные из деревень и др.). После окончания гражданской войны они либо были уволены, либо сами ушли из промышленности. Следовательно, перепись 1929 г. не могла отразить реального соотношения социальных источников пополнения рабочего класса в годы гражданской войны. Аналогичные замечания можно адресовать и тем авторам, которые использовали материалы этой же переписи для анализа состава рабочего класса в период империалистической войны.

Таким образом, наряду с критической оценкой точности статистических данных, приводимых в изданиях статистических органов, в ведомственных изданиях и хранящихся в архивах, необходим правильный методический подход к их использованию для характеристики общественных явлений и процессов. Отсюда вытекает требование — сочетать источниковедческий анализ, внешнюю и внутреннюю критику источника с фундаментальной проработкой статистики как самостоятельной дисциплины. И именно статистики, как таковой, а не только ее приложения к исторической науке, т. е. исторической статистики. По современному периоду это тем более важно, что статистика наших дней значительно усложнила свой аппарат, усовершенствовала методы исследования, активнее стала опираться на аппарат математики как в репрезентации объектов наблюдения, так и в процессе программирования и в ходе обработки результатов наблюдения.

* * *

Первым по времени источником, который имел большое значение для нашего исследования, явились материалы Всероссийской профессиональной переписи, про-

---

[256] См., например, *А. А. Матюгин* Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства (1921—1925) М., 1962

веденной в августе 1918 г.[257]. Программа переписи была весьма разнообразной и включала показатели по грамотности, материальному положению, жилищной устроенности рабочих. Она содержала также данные о связи рабочих с землей, об их членстве в общественных организациях и участии в управлении. К сожалению, в публикациях материалов переписи имеются по существу лишь простые распределения рабочих по этим показателям. Отсутствуют аналитические таблицы, которые давали бы возможность проследить влияние различных факторов на облик социальных групп и слоев в рабочем классе. Поэтому из опубликованных данных практически невозможно построить схему социальной дифференциации рабочего класса после Октябрьской революции, хотя для анализа его социального состава по важнейшим характеристикам они дают богатый материал.

В распоряжение исследователей статистики представили таблицы о связи рабочих с землей до революции и на момент переписи как по губерниям, так и по группам производств. В разработках по семейному состоянию рабочих степень прочности связей с деревней прослеживается по месту проживания членов семьи опрошенных. Наконец, таблицы численности рабочих, уходивших на полевые работы, рисуют меру закрепленности рабочих в промышленном производстве и степень их отрыва от деревни. Таблицы, характеризующие участие рабочих в общественных организациях и в управлении, позволяют определить удельный вес рабочего актива, осознавшего свое новое положение в государстве диктатуры пролетариата и на предприятиях, ставших собственностью народа.

Перепись 1918 г. охватила лишь те губернии, на которые в то время распространялась власть Советов. На Украине, Урале, в Сибири перепись не проводилась. В итоге оказался завышенным процент текстильщиков в общей массе рабочих. Это обстоятельство могло бы исказить ряд показателей, характеризующих рабочий класс,

---

[257] См. публикации материалов профессиональной переписи августа 1918 г. в следующих изданиях: «Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 года. Предварительная сводка данных». М., 1920; «Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 года. Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг». — «Труды ЦСУ», т XXVI, вып. 1 и 2. М., 1926.

в частности преуменьшить показатели его грамотности. Однако этого не произошло. Массовый отлив рабочих в деревню в первый год пролетарской диктатуры привел к возрастанию доли кадровых квалифицированных, наиболее образованных рабочих в составе пролетариата. Поскольку оба фактора взаимно погасили друг друга, суммарные итоги переписи, вероятно, близки к показателям 1917 г.

Отдельные сведения по характеристике состава рабочего класса, особенно касающиеся его участия в гражданской войне, содержатся в разновременных публикациях Всероссийской переписи населения 1920 г.[258].

К сожалению, программа переписи и программа обработки ее материалов были составлены таким образом, что полученные данные оказались практически несопоставимыми с итогами переписи 1918 г. Например, сведения о грамотности рабочих не выделены в специальные разработки, имеются лишь данные о доле грамотных и соответственно неграмотных в городском населении.

Менее чем через три года, в марте 1923 г., ЦСУ провело перепись городского населения страны. В публикациях этой переписи содержатся сведения о связи рабочих разных профессиональных групп, а также рабочих, проживающих в разных районах страны, с землей. Сравнительно полно представлены сведения по рабочей семье.

Большим количеством различных данных о составе рабочих изобилует многотомное издание «Всесоюзная перепись населения 1926 года». В нем приведены сведения о поло-возрастном составе рабочего класса, о грамотности, о семейном положении, продолжительности проживания в данной местности. В ходе переписи накопился материал и о связи рабочих с землей, но в указанном издании он не был опубликован. Его частично (о рабочих Москвы и Ленинграда) обработал М. Красильников[259].

Все же отсутствие группировочных таблиц, подача материалов лишь в виде простых распределений в реги-

---

[258] См. «Итоги переписи населения 1920 г.» М., 1928; *В. Ефремов.* Профессиональный состав Красной Армии и Флота по переписи 1920 г. — «Бюллетень ЦСУ», 1922, № 66; «Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 года». — «Труды ЦСУ», т. 1, вып 1 и 2. М., 1921.

[259] См. «Статистическое обозрение», 1928, № 6; 1929, № 4.

ональных, профессиональных и иных, не социально-классовых разрезах жестко ограничивают возможности интерпретации и данных переписи населения 1926 г. с точки зрения изучения социальной структуры рабочего класса.

Пожалуй, наиболее близка к нуждам предпринятого нами исследования профсоюзная перепись, проведенная в апреле — мае 1929 г. по решению ВЦСПС [260]. Практика социалистического строительства требовала в канун развернутого наступления социализма по всему фронту точных данных о составе рабочего класса. Без этих сведений трудно было решать такие насущные вопросы, как выдвижение рабочих (на руководящую работу, на учебу, на проведение коллективизации в деревне), пополнение ими рядов партии, вовлечение в производство новых рабочих и т. д. Выборочная перепись рабочих и служащих помогла научно обосновать и уточнить плановые задания первой пятилетки.

В ходе переписи были выявлены основные показатели, имевшие значение для практической деятельности партии и заслуживавшие теоретического анализа. Впервые была дана марксистская группировка статистических материалов по составу рабочего класса. В отличие от вышеназванных переписей выборочная перепись 1929 г. позволила получить многостороннюю характеристику состава рабочего класса. Были собраны сведения о занятиях рабочих до прихода в промышленность, об их участии в империалистической и гражданской войнах, об их стаже работы, социальном происхождении, связях с деревней и степени прочности этих связей, о квалификации, уровне профессиональной подготовки, грамотности и образовании, о партийном составе и общественной активности, о культурно-политическом уровне. Итоги переписи были сведены в комбинационные таблицы (группировка по производственному стажу в сочетании с показателями наличия собственного деревенского хозяйства, связь с сельским хозяйством и социальное происхождение, производственный стаж и партийность и т. д.).

---

[260] См. публикации материалов профсоюзной переписи 1929 г. в следующих изданиях: «Труд в СССР. 1926—1930 гг.». Справочник. М., 1930; *А. Г. Рашин.* Состав фабрично-заводского пролетариата СССР. Предварительные итоги переписи металлистов, горнорабочих и текстильщиков в 1929 г. М., 1930; «Перепись рабочих и служащих 1929 г.», т. I. Металлисты СССР. М., 1930, и др.

Однако, и это не упрек авторам программы обработки материалов переписи, с точки зрения структурной характеристики рабочего класса как социальной общности комбинационные таблицы оказались недостаточными. Материалы переписи в архивах пока не найдены, поэтому вряд ли недоработка может быть исправлена исследовательской группой, которая взяла бы на себя труд заново обработать (пересчитать) их.

Что имеется в виду? Чтобы получить достаточно ясное представление о социальной структуре, необходимо выяснить субординацию факториальных, результирующих и атрибутивных признаков каждого ее элемента. Для этого требуются таблицы о взаимосвязи весьма многих и существенных характеристик рабочего класса. Однако такими именно таблицами мы не располагаем. Отсутствуют, например, таблицы о влиянии социального происхождения на социально-политическую и трудовую активность рабочих, о взаимосвязи атрибутивных признаков рабочих не просто с наличием или отсутствием у них земли, а с их принадлежностью к кадровым рабочим, хотя бы и имевшим землю, и к тем, кто был еще экономически связан с собственным индивидуальным хозяйством. Сами по себе материалы переписи давали возможность получить такие сведения, однако организаторы переписи ее до конца не использовали. Все же надо быть благодарными тем замечательным советским статистикам, и прежде всего А. Г. Рашину, одному из самых неутомимых и плодотворных деятелей в области советской статистики труда, которые оставили в наследство столь интересные и научно значимые материалы.

Перепись 1929 г. происходила в канун великого перелома в деревне. Позади были кулацкая хлебная стачка, чрезвычайные меры по отношению к кулачеству, резко ограничившие его эксплуататорские поползновения. Лишь начался активный рост численности рабочих. В текстильной промышленности в 1929 г. как раз шли сокращения, связанные с определенными трудностями на рынке сбыта. Учитывая эти условия, вряд ли можно было получить надежные данные из ответов опрашиваемых относительно их социально-классовой принадлежности.

Между тем А. М. Панкратова, Б. Л. Маркус и ряд других историков и экономистов, начиная с 1930 г. вплоть до наших дней, критиковали организаторов переписи за

то, что они не выделили классовые группы в крестьянстве как источнике формирования рабочих кадров. Во-первых, это по существу не вполне соответствует истине. На самом деле статистики труда, которым была поручена перепись, включили в опросный лист достаточное количество вопросов, которые и теперь позволяют выделить социальные группы в деревне, пополнявшие ряды рабочего класса. Это можно сделать по данным о размерах налоговых обложений, по сведениям о наличии скота, обрабатываемой земли, наконец, по ответам на вопрос о том, нанимают ли в хозяйстве, с которым связан опрашиваемый, рабочую силу или нет. Комбинация таких показателей, как это будет видно из следующей главы, дает совсем неплохую возможность вычленить социально-классовые источники пополнения рядов рабочего класса. Во-вторых, критика необоснованна и с точки зрения требований методики проведения переписи. Максимальный такт по отношению к опрашиваемым — непременный принцип опроса населения. Тем более его следовало соблюдать в условиях ожесточеннейшей классовой борьбы, когда принадлежность к буржуазным группам и даже просто к непролетарским слоям рассматривалась как минусовая характеристика. Очевидно, что в этих условиях предлагать самому человеку определить, к какой социальной группе он относится (не происходит ли он, скажем, из кулацкой семьи), — значило заведомо снижать степень объективной достоверности полученных на основе ответов данных. Но именно таким образом формулировали вопросы под свежим впечатлением критики переписи 1929 г. авторы программ профсоюзных переписей рабочих 1930—1933 гг. Можно себе представить точность ответов в условиях массовой коллективизации и ликвидации кулачества как класса.

В 1930/31 г. была проведена перепись рабочих на ряде предприятий черной металлургии и машиностроения Москвы, Ленинграда, Украины и Урала. В 1930 г. состоялась выборочная перепись бумажников, кожевников, химиков, швейников, полиграфистов, деревообработчиков, пищевиков, строителей, горнорабочих Донбасса, рабочих совхозов. Таким образом, по сравнению с переписью 1929 г., охватившей лишь металлистов, металлургов, текстильщиков и шахтеров, эти, к сожалению, разрозненные, хотя и близкие по программе, опросы были по свое-

му охвату значительно шире. Здесь, как, впрочем, и в более поздних переписях и обследованиях[261], опрашиваемому задавался вопрос: из бедняков, середняков или кулаков он происходит — и добавлялся такой подвопрос, а соответственно для опрашиваемого вариант ответа: не является ли он «выходцем из чуждых классов».

В 1931 г. данные о составе пополнения рабочего класса были собраны ВЦСПС по заявлениям о вступлении в профсоюз. Заявления наряду с обычными анкетными вопросами о фамилии, годе рождения, национальности и партийности содержали вопросы о занятиях отца (попутно отметим, что если отец был крестьянином, сведения о его принадлежности к бедняцким, середняцким или кулацким слоям деревни не выделялись), членстве в колхозе, полученной общеобразовательной подготовке, возрасте, с которого начал работать по найму, предыдущем месте работы и т. д. За 1931 г. ВЦСПС собрал от местных комитетов и обработал свыше миллиона заявлений; правда, в разработке совершенно не представлены Закавказье, Туркмения и Таджикистан. Опубликованные таблицы гораздо менее разнообразны и не столь широко характеризуют новые пополнения рабочего класса, как перепись 1929 г. Все же известный интерес эти материалы представляют[262].

В 1932/33 г. была проведена сплошная профсоюзная перепись, организаторы которой особенно подчеркивали ее всеохватывающий характер в качестве ее главного преимущества перед переписью 1929 г., хотя уже тогда знали, что выборочные переписи такого масштаба (20—25% выборки) вполне достаточны для получения репрезентативных данных. Впрочем, масштабы выборки в переписи 1929 г. были несколько завышены.

Перепись 1932/33 г.[263], проведенная одновременно с обменом профсоюзных билетов, охватила 70—80% чле-

---

[261] Материалы этих выборочных переписей опубликованы в следующих изданиях: «Бюллетень по учету труда. Итоги 1931 г.». М., 1932; «Труд в СССР». М., 1932; *М. Т. Гольцман.* Состав строительных рабочих СССР в годы первой пятилетки (По материалам профсоюзных переписей 1929 и 1932 гг.). — В кн.: «Изменения в численности и составе советского рабочего класса». М., 1961.

[262] См. «Состав новых миллионов членов профсоюзов». М., 1933.

[263] См. «Профсоюзная перепись 1932—1933 гг.». М., 1934; *М. Т. Гольцман* и *Л. М Коган.* Старые и новые кадры пролетариата. М., 1934.

нов отраслевых профсоюзов. Однако при такой массовости она дала совершенно ненадежные результаты. Достаточно сказать, что ряд союзов вообще «выпал» из переписи. Не участвовали в ней, например, союзы рабочих общего машиностроения, железнодорожников и работников общественного питания. Не представили материалов, хотя и провели перепись, республиканские объединения профсоюзов Узбекистана, Туркестана, Таджикистана, Закавказья. Программой переписи было предложено опросить и нечленов союза, но, как правило, их не опрашивали.

Опубликованные материалы дают сведения об 1 млн. 487 тыс. рабочих, однако, как видим, они не являются представительными для характеристики социального состава рабочего класса. Крайне неудачна и форма публикации. Сведения представлены по дробным отраслевым союзам (куда входили лишь рабочие предприятий, подчиненных тогдашним главным управлениям наркоматов), несопоставимым с крупными производственными профсоюзами 1929 г. (которые охватывали целиком металлистов, текстильщиков и т. д.). Руководители переписи почему-то опубликовали сведения не в региональном разрезе, а по отдельным предприятиям, что также затрудняет рассмотрение этих материалов. В публикациях в основном представлены простые распределения, отсутствуют аналитические таблицы типа «Влияние социального происхождения на общественную активность», «Влияние квалификации на производственные показатели» и т. д. Совершенно не показано влияние образовательной подготовки на социально-политические и социально-производственные характеристики рабочего класса. Резко сокращено и количество вопросов, обращенных к работнику; вместо тактичных вопросов, относящихся к оценке социальной среды, имеется лишь «лобовой» вопрос об основном занятии отца (является ли он крестьянином-бедняком, крестьянином-середняком, колхозником, кустарем без наемного труда, кустарем с наемным трудом, кулаком, торговцем, фабрикантом). Правда, были в анкете и новые вопросы, учитывающие развернувшееся в стране массовое социалистическое соревнование: является ли опрашиваемый ударником, состоит ли он в хозрасчетной бригаде?

Общий вывод таков: перепись 1932/33 г. — менее на-

дежный и значимый источник, чем перепись 1929 г., и может служить лишь вспомогательным средством для анализа социальной структуры рабочего класса в переходный период от капитализма к социализму.

Важным подспорьем в исследовании социальных процессов, происходивших тогда в рабочем классе, являются материалы учетов заработной платы. Они публиковались начиная с середины 20-х годов. Первоначально они включались в региональные и центральные издания по статистике труда, а за 1934 г. (повторно за 1936 г.) — в специальные издания [264]. В этих учетах представлены сведения о распределении рабочих по размерам заработной платы. Они использованы нами при анализе процесса сближения квалификационных групп, а следовательно, и процесса преодоления социально-экономической неоднородности рабочего класса.

Подводя итог краткой характеристике источников по социальному составу и структуре рабочего класса в первое двадцатилетие Советской власти, можно заключить: наиболее надежным и значимым из них является профсоюзная перепись рабочих и служащих 1929 г. Она весьма существенна еще в одном отношении. Перепись проводилась в момент, когда уже были ликвидированы последствия деклассирования рабочего класса, начавшегося в годы империалистической войны и интенсивно протекавшего в годы гражданской войны. Ко времени переписи имелась устойчивая и типичная для страны с преобладавшим мелкобуржуазным населением социальная структура рабочего класса переходного периода от капитализма к социализму. Более поздние обследования падают на пору крутых социальных переломов, которые в конечном счете означали ликвидацию социально-классовых отношений переходного периода и соответственно преобразование социальной структуры общества в целом и рабочего класса в частности в социальную структуру, присущую уже социалистическому обществу. Изучение социальной структуры, находящейся в состоянии преобразования, возможно лишь с точки зрения анализа тенденций. Устойчивые же элементы и связи социальной структуры лучше и полнее выявляются при относительной ее стабилизации.

[264] См. лучшую публикацию из этой серии: «Заработная плата рабочих в крупной промышленности в октябре 1934 г.» М., 1935.

Какие из существующих источников могут быть использованы для изучения социальной структуры рабочего класса сложившегося социалистического общества?

В государственной статистике имеются данные проводившихся каждые три года профессиональных переписей рабочих. Кроме того, наличествуют ежегодные (на март) отчеты о распределении всех работников промышленности по размерам заработной платы. Имеются также данные непериодических учетов работающих по трудовому стажу и возрасту (последний такой учет был проведен в 1967 г.). Вот по существу и вся информация о работниках промышленности, которой располагает официальная статистика. Очевидно, что эти данные недостаточны для характеристики рабочего класса, а главное, не будучи скоррелированы между собой в одном обследовании, собранные по разным программам, они не могут быть использованы для анализа структуры рабочего класса даже по тем показателям, которые ими представлены.

Интересные данные о рабочих содержат публикации переписей населения страны, проведенных в 1939 и 1959 гг. Однако не только в силу характера публикации материалов, но и по программе этих переписей они не дают характеристики социальной структуры рабочего класса. Лишь сопоставление данных обеих переписей по отдельным показателям рисует процесс изменения профессионального состава, уровня образования, национального состава рабочих.

Предполагалось получить необходимую информацию в документах личного учета работающих на предприятиях. Но оказалось, что, во-первых, подготовка хранящейся на предприятиях документации к обработке на машинах из-за ее состояния весьма трудоемка и на практике малоэффективна, во-вторых, она в значительной своей части устарела, в документах не отражены многие изменения в облике работника, а ряд важных сведений вообще отсутствует.

Таким образом, профессиональные учеты, учеты работающих по трудовому стажу, по размерам заработной платы, переписи населения 1939 и 1959 гг., как и другие статистические материалы, будучи полезными для анализа динамики состава рабочего класса (они использованы нами в соответствующих разделах настоящей работы), все же не давали возможности реконструировать его

социальную структуру. Начиная с 30-х годов социальная статистика такого типа, как переписи рабочих и служащих по широкой программе, отсутствует. В этих условиях единственным путем восполнения недостающего материала, необходимого для получения ответа на вопросы, которые выдвигает изучение социальной структуры рабочего класса, являлось проведение специального конкретно-социологического исследования. По ресурсам наличных сил оно, естественно, не могло не быть локальным. Одна из попутных его задач состояла в том, чтобы выяснить, какие характеристики работников народного хозяйства действительно существенны для учета в государственной социальной статистике наших дней.

Поскольку в историко-социальных работах исследования такого рода еще не стали обычным делом, ниже сравнительно подробно изложена методика конкретно-социологического исследования социальной структуры рабочего класса, проведенного нами в 1965—1966 гг. в Ленинграде.

Предварительно была составлена программа исследования, в которой определялись его цели и задачи, излагались его теоретические посылки и гипотезы, нуждавшиеся в проверке, формулировались основные понятия.

Теоретические посылки исследования, изложенные в предыдущих разделах настоящей главы, определили и выбор его методики. В нашем случае необходимо было получить комплексную характеристику работника с акцентировкой на его профессионально-квалификационных показателях.

Поскольку существующие документальные материалы не содержали искомой информации, было решено провести специальный опрос, который удовлетворил бы потребность в комплексном описании рабочих современной промышленности. В «Опросный лист для интервью» было включено 54 вопроса.

Проведенный на этапе разработки программы исследования теоретический анализ позволил вести направленный поиск информации. Конечная цель сводилась к выявлению по совмещенным основным характеристикам однородных в социальном отношении групп. Все признаки, описывающие индивида с точки зрения определения его места в социальной структуре, были разбиты на три группы — результирующие, факториальные и атрибутивные.

Естественно, что в «Опросном листе» расположение вопросов не совпадало с этой группировкой. Первая группа вопросов давала общее представление о работнике: пол, возраст, образование, партийность. Вторая относилась к характеристике его трудовой биографии: профессия, квалификация, разряд фактически выполняемой работы, должность, место приобретения профессии, продолжительность обучения по профессии, повышение квалификации, работа по другим специальностям, выполнение сменного задания, занятие рационализаторством, размер материального поощрения за рационализаторскую работу, участие в соревновании, отношение к профессии и работе, возраст начала постоянной работы, общий трудовой стаж, стаж работы в промышленности, стаж работы по профессии, кем начал трудовую деятельность, социальное положение родителей ко времени начала постоянной работы. Ряд вопросов касался условий жизни, быта и семейного положения работника: женат ли, кем работает жена (муж), число членов семьи и сколько из них имеет самостоятельный источник дохода, кем работают взрослые дети, где воспитываются или учатся дети, не занятые самостоятельным трудом, характеристика занимаемой семьей жилой площади, наличие личного подсобного хозяйства, среднемесячный заработок, доход на члена семьи, наличие дополнительного заработка и его размер и т. д. Ряд вопросов был посвящен культурному и общественно-политическому облику работника: учится ли, если не учится, то почему, что мешает этому, участвует ли в общественной работе, имеет ли собственные книги и сколько, как часто посещает театры, кино, занимается ли спортом и т. д.

«Опросный лист» был составлен таким образом, чтобы получить по основному кругу показателей данные, сопоставимые с переписями и обследованиями 20-х годов. Документ состоял из закрытых вопросов, т. е. вопросов с заранее заданными вариантами ответа. Группировка рабочих по возрасту, образованию и т. д. была произведена на основе уже имеющегося опыта, в частности на основе исследований о текучести рабочей силы (1963 г.), об отношении рабочей молодежи к труду (1962 г., ЛГУ) и ряда зондирующих опросов, проведенных по намеченной нами программе. Анкета была предварительно опробована на 120 работниках, занятых на машиностроительных

заводах Ленинграда. После этого в нее были внесены поправки.

Особую сложность вызвала группировка профессий в блок-профессиональные группы. Дело в том, что, как показала практика, изучение сотен сквозных, а также несквозных профессий с их узкой спецификой не является необходимым. Требовалось объединить дробные профессии и специальности в большие профессиональные группы, отличающиеся по содержанию труда, методам подготовки рабочей силы и т. д. Эта работа была произведена совместно с сотрудниками экономической лаборатории ЛГУ В. Р. Полозовым и Г. Ф. Комаровым. Полученную группировку следует признать не во всем удачной. Особенно это касается группы, названной «рабочие складского хозяйства и транспорта (за исключением машинистов и мотористов)». Сюда попали, с одной стороны, квалифицированные работники складов, с другой — такелажники и другие работники тяжелого неквалифицированного или малоквалифицированного труда. В результате эта группа оказалась нерезультативной в анализе.

Недостаточно убедительно формулировался и вопрос о должности. Здесь в «остальной промышленно-производственный персонал» были отнесены группы, заслуживающие самостоятельного анализа: инженеры, не занимающие руководящих постов, техники. Были изъяны также в постановке вопросов, касавшихся социального происхождения и социальных связей опрашиваемого. В них отсутствовал единый принцип подхода к характеристике социального облика родителей, жены, взрослых детей, друзей и самого опрашиваемого.

Все же в целом «Опросный лист» достигал поставленной цели. Содержавшаяся в нем информация позволила получить социальные группировки в современном рабочем классе и, отметим, забегая вперед, проверить их достаточно строгим образом.

Следующим этапом была выборка единиц наблюдения. Прежде всего она коснулась отраслей промышленности. Мы ограничились работниками машиностроения, в котором широко представлены различные группы рабочих, служащих, инженеров и техников. Эта отрасль имеет тенденции к возрастанию удельного веса в народном хозяйстве как по объему продукции, так и по доле в совокупном промышленном персонале. Среди занятых в ма-

шиностроении и металлообработке наличествуют все социальные группы рабочего класса. Включение в опрос представителей других отраслей промышленности заставило бы резко увеличить объем выборки, хотя существенно не способствовало бы уяснению динамики социальной структуры рабочего класса.

Итак, выбор машиностроения давал возможность охватить рабочих разных профессий, наиболее типичных для всей промышленности, да и не только промышленности (сквозные профессии), работников разной квалификации, начиная от подсобников и кончая конструкторами и руководящим административным персоналом.

Мы ограничились рассмотрением кадров машиностроителей Ленинграда. Они составляли в 1965 г. 57% всех промышленных рабочих города. Пропорции различных социальных групп, присущие данному экономическому району, неадекватно отражают пропорции в этой отрасли промышленности в целом по стране. Но данные, характеризующие облик самих социальных групп, размах колебаний признаков от группы к группе могут быть с некоторыми поправками распространены на другие территориальные единицы. Сразу же, правда, оговоримся, что проблемы социальных различий в рабочем классе, связанные с делением на городское и сельское население, в нашем исследовании практически не ставились.

В ленинградском промышленном комплексе на момент опроса (весна 1965 г.) было занято свыше 400 тыс. работников машиностроения и металлообработки. В избранной отрасли представлены разнообразные подотрасли — от электроники до судостроения. Поэтому отбор конкретных предприятий был сопряжен с немалыми трудностями. В статистике отсутствовали данные, которые позволяли бы осуществить такую выборку расчетным путем. Пришлось прибегнуть к широким консультациям с руководящими работниками промышленных отделов Ленинградского обкома, горкома КПСС и бывшего совнархоза. В итоге было отобрано семь предприятий (и фирм), представляющих основные направления в ленинградском машиностроении. Это типичные для города предприятия как по численности рабочей силы, так и по ее составу: станкостроительное объединение имени Свердлова, вагоностроительный завод имени Егорова, радиотехнический завод имени Козицкого, Ленинградское объединение

оптико-механических предприятий, завод «Русский дизель», объединение имени К. Маркса, выпускающее оборудование для текстильной промышленности, и, наконец, завод Ленполиграфмаш. По двум профессиональным группам (механики — наладчики автоматических линий, занятые выпуском продукции, операторы на автоматических линиях) производилась довыборка на других предприятиях. Но основная часть выбранной совокупности была размещена на семи вышеперечисленных предприятиях и фирмах.

Теперь предстояло разместить полученное расчетным путем число работников, подлежащих опросу, на конкретных предприятиях. Как известно, любая научно обоснованная выборка базируется на признаке, отражающем суть группировки. В нашем исследовании необходимо было распределить работников по сложности труда. В наличной статистической информации наиболее близки к искомому критерию группировок следующие показатели: распределение работников по разрядам (рабочих) и должностям (ИТР), распределение работников по размерам заработной платы и, наконец, распределение их по профессиям.

Распределение рабочих по разрядам, а ИТР по должностям малосопоставимо по различным видам работ и группам профессий. Малопригодным оказалось и распределение по заработной плате, поскольку на ее величину влияли такие не связанные со сложностью труда факторы, как значение данного производства и тяжесть труда.

Поэтому в качестве критерия, использованного для размещения выборки, было принято распределение по профессиям, объединенным в следующие группы:

— механик-наладчик автоматических линий, занятый выпуском продукции; щитовой пультовик: электромонтер главных щитов управления, работающий на автоматическом управлении;

— станочник-операционник по обработке материалов резанием;

— станочник-универсал по обработке материалов резанием;

— автоматчик, оператор на автоматических линиях;

— штамповщик, прессовщик (холодная обработка материалов);

— рабочий, занятый горячей обработкой металла на кузнечно-прессовом оборудовании;
— машинист, моторист всех наименований;
— электро- и газосварщик;
— гальваник, термист;
— наладчик, настройщик автоматических линий, автоматов, станков; установщик инструмента;
— слесарь-инструментальщик;
— сборщик-монтажник;
— слесарь прочих наименований;
— электромонтер (всех наименований) за вычетом электромонтеров главных щитов управления;
— комплектовщик, сборщик (партий, изделий), распределитель работ;
— рабочий складского хозяйства и транспорта (за исключением машинистов и мотористов);
— подсобный рабочий;
— контролер, браковщик;
— счетно-конторский работник;
— лаборант; испытатель приборов, аппаратуры;
— конструктор;
— технолог;
— экономист, плановик, бухгалтер, нормировщик, статистик;
— ИТР, занятые функцией управления производственными коллективами.

Работа над выборкой осуществлялась по такой схеме. В городском статистическом управлении были получены данные профпереписи 1962 г. Обработка массива «Опросных листов» проводилась с ноября 1965 г., когда стали известны предварительные итоги профпереписи 1965 г. С учетом этих итогов в выборку были введены поправки.

Что касается остальных групп промышленно-производственного персонала, то данные по ним (ввиду отсутствия отчетных сведений по машиностроению) были получены расчетным путем, исходя из структуры такого персонала на отобранных семи предприятиях и общих данных о числе ИТР и служащих в других отраслях промышленности.

Далее требовалось получить сведения о численности рабочих и других категорий работающих по блок-профессиональным группам на каждом из отобранных пред-

приятий. Для этого были использованы два документа на ряде заводов (они оказались в довольно хаотичном состоянии и, кроме того, велись зачастую по несопоставимым группировкам): 1) баланс рабочих по профессиям и специальностям на 1965 г.; 2) отчет о распределении ИТР и служащих по занимаемым должностям и о численности всех работающих на 15 сентября 1964 г.

Примененная нами выборка была двухступенчатой. Первый ее этап, о котором уже шла речь, состоял в отборе типичных для ленинградского машиностроения предприятий с учетом качественного состава рабочей силы; второй этап — в размещении выборки на отобранных предприятиях.

Была использована так называемая районированная выборка с концентрацией на минимальном числе объектов. За «район» принималась блок-профессиональная группа.

Собранные анкеты были проверены на заполняемость, часть анкет (около 2,5%) оказалась заполненной неудовлетворительно. Поэтому пришлось провести дополнительный опрос таким же случайным путем отобранных из алфавитных списков других рабочих по данным профессиональным группам.

Для проверки полученных результатов были взяты наиболее существенные признаки, сопоставимые с данными государственной статистики по генеральной совокупности, а именно — возраст, общий трудовой стаж, квалификация, заработная плата. Необходимо было проверить, отклоняются ли средние характеристики каждого из этих признаков в выборке и в генеральной совокупности. Для этого рассчитывалась нормированная разность:

$$T=\frac{\bar{X}-M}{\sigma_m},$$

где M — генеральная средняя арифметическая; $\bar{X}$ — выборочная средняя арифметическая; σ_m — генеральная дисперсия среднего арифметического.

Последняя исчислялась по формуле

$$\sigma_m=\frac{\sigma}{\sqrt{N}},$$

где σ — генеральная дисперсия; N — объем выборки.

Поскольку величина T имела нормальное распределение, значимой считалась разность, если $T>2{,}56$.

Проверка по возрасту показала, что в генеральном распределении средний возраст был равен 34,6 года, в выборочном распределении — также 34,6 года. Разница оказалась равной 0. Отсюда следовал вывод, что выборочное распределение в среднем адекватно отразило генеральное, т. е. выборка явилась представительной относительно возраста.

По общему стажу работы получилась иная картина: средний общий стаж работы в генеральном распределении составил 14,3 года, а в выборочном распределении — 16 лет. Нормированная разность (T) оказалась равной 11,7, т. е. больше, чем допустимая 2,56.

Итак, в нашей выборке общий стаж при первом предварительном рассмотрении представляется завышенным в среднем на 1,7 года. Поэтому необходимы соответствующие поправки, когда будут делаться выводы, существенно зависящие от стажа работы.

Третий из признаков, по которому мы имели информацию, — квалификация рабочих в разрядах. Оказалось, что в генеральном распределении средний разряд был равен 3,01, а в выборочном — 3,27. Нормированная разность (T) в данном случае составила 9,1, т. е. была опять выше, чем допустимая (2,56). Однако на практике дело обстоит более благополучно, чем это выглядит по приведенным расчетам как в случае со стажем, так и случае с квалификацией.

Ведь данные о распределении работников по общему трудовому стажу в генеральной совокупности брались из материалов обследования 1963 г., а известно, сколь быстро рос в 1963—1965 гг. стаж работников в промышленности. Кроме того, нами в общий трудовой стаж включался стаж работы в колхозе и личном подсобном хозяйстве, в то время как государственная статистика его не учитывала. Ввиду этого, хотя полученное расхождение математически существенно, на практике им можно пренебречь. Более строго обосновать реальное отсутствие расхождения было бы невозможно.

Что касается распределения по заработной плате, то проверка значимости различий средних по генеральной и по выборочной совокупностям показала — различие в

средних не существенно, хотя дисперсии значительно расходятся:

$\overline{X}$ генер.=112,86 руб. $\overline{X}$ выб.=112,85 руб.
σ генер.= 40,4 руб. σ выб.= 45,8 руб.

$$T=\frac{a-\overline{X}}{\sigma_{a-\overline{X}}}=0$$

Следует иметь в виду, что из всех проверок наиболее надежной можно считать проверку по заработной плате, поскольку эти данные по генеральной и выборочной совокупностям были собраны почти одновременно.

Итак, можно сделать такой вывод: в силу взаимопогашения отклонений от схем выборки была получена выборочная совокупность, адекватно (при сделанных выше оговорках) представляющая генеральную совокупность [265].

Рассматриваемое конкретно-социологическое исследование было проведено лабораторией социально-экономических проблем Ленинградского механического института под руководством автора. В проведении опроса принимали участие преподаватели кафедр общественных наук этого института доценты З. И. Заозерская, И. Ф. Покровский, В. Я. Суслов, преподаватели В. Г. Русанова, К. И. Фурманова, Л. И. Савицкая, В. А. Пудовкин.

На первом этапе была получена информация в виде двумерных и трехмерных таблиц, которая позволила уточнить программу исследования, конкретнее сформулировать задачи, а также укрупнить интервалы в значительной части признаков по опросному листу. Именно на базе первоначально полученных таблиц удалось произвести переблокировку профессий в группы, характеризующиеся устойчивыми социальными особенностями. Характеристика этих групп дается ниже, в главе третьей.

Были составлены специализированные программы для решения определенных задач. Первой, важнейшей из них являлась характеристика рабочих, занятых социально неоднородным трудом.

По специальной математической программе, составленной кандидатом физико-математических наук И. Н. Та-

---

[265] Расчет выборки и проверка на репрезентативность произведены Г. И Сагоненко.

гановым, на этом втором этапе были получены модели подбора и расстановки кадров на промышленном предприятии [266].

Третий этап исследования сводился к проверке гипотезы о критериях дифференциации рабочего класса в социалистическом обществе. Метод решения состоял в применении энтропии многомерного пространства.

Таким способом была обработана информация, полученная в ходе опроса машиностроителей Ленинграда. Естественно, что она сама по себе оказалась недостаточной, и в ходе анализа пришлось прибегнуть к обобщению данных государственной статистики и ведомственных делопроизводственных источников.

В работе для характеристики ряда аспектов изучаемой темы использованы также материалы обследования текучести рабочей силы на предприятиях Ленинграда (1963 г.), а также материалы конкретно-социологического исследования социальных проблем рабочей молодежи, проведенного на тракторных и автомобилестроительных заводах страны (1965 г.), в составлении программы и анализе результатов которого принимал участие автор.

Обследование текучести рабочей силы было проведено по заданию Ленинградского горкома КПСС и бывшего Ленинградского совнархоза под научно-методическим руководством А. Г. Здравомыслова и автора настоящей работы. Оно осуществлялось методом опроса пришедших на новое место рабочих. Анкета состояла из 26 вопросов. Для обследования были отобраны 25 предприятий, представляющих основные отрасли ленинградской промышленности. Численность рабочих и среднегодовой приток рабочей силы составляли на них 20—25% к соответствующему показателю по каждой из отраслей промышленности. Процент текучести равнялся среднеотраслевому [267].

Второе из названных исследований было проведено по заданию ЦК ВЛКСМ (руководители Л. А. Ананьич и Л. С. Бляхман; автор этих строк участвовал в составлении программы). Анкетный опрос охватил 5 тыс. чело-

---

[266] См. *Л. С. Бляхман, Б. Г. Сочилин, О. И. Шкаратан.* Подбор и расстановка кадров на предприятии. М., 1968.

[267] Методика этого обследования подробно описана в кн.: *Л. С. Бляхман, А. Г. Здравомыслов, О. И. Шкаратан.* Движение рабочей силы на промышленных предприятиях. М., 1965, стр. 31—53.

век — 10% молодых рабочих автомобильных и тракторных заводов типичных промышленных центров страны (Кутаиси, Львов, Рубцовск, Минск, Харьков, Ташкент). Были обследованы рабочие (в возрасте до 28 лет), занятые в отрасли, социальные и культурные показатели которой можно принять за характеризующие средний для страны уровень.

В настоящей работе использованы также данные конкретно-социологических исследований, проведенных в 1967—1968 гг. Межинститутской социологической лабораторией Института этнографии Академии наук СССР и Ленинградского финансово-экономического института, которой руководил автор.

Описывать здесь схему проведения этих изысканий нет надобности, так как она лишь в деталях отличается от использованной при изучении социального облика металлистов Ленинграда.

В 1967 г. лаборатория осуществила изучение социальной структуры коллектива объединения «Красная заря», предприятия которого расположены в Ленинграде, Пскове, Порхове и Невеле. Была применена типическая гнездовая выборка с непропорциональным отбором по районам. Доля отбора на разных предприятиях колебалась от 20 до 45%. В рабочие документы, в том числе и в опросный лист для интервью, были внесены существенные коррективы, исправившие недочеты, о которых говорилось выше в связи с обследованием машиностроителей Ленинграда.

Исследование, проведенное на предприятиях объединения «Красная заря», позволило в предварительном порядке установить взаимодействие социальной структуры предприятия с экологическими факторами. Поскольку профессионально-квалификационные структуры коллективов предприятий, как и профиль производства, серийность продукции и т. д., совпадали, различия в социальных структурах можно было объяснить лишь воздействием типа поселений.

В том же 1967 г. лаборатория провела обследование населения трех городов Татарии — Казани, Альметьевска и Мензелинска. Целью исследования было установить взаимодействие социально-профессиональной структуры населения с типом городского населения, этнической структурой, социально-демографической семейной струк-

турой. Предполагалось, что доминантной является социально-профессиональная структура.

Отбор городов производился на основе социологической классификации, в основу которой в качестве критериев были положены наличие в структуре населения города основных социально-профессиональных групп, имеющихся во всем обществе, и темпы вертикальной и горизонтальной мобильности.

Три названных города значительно отличаются по интенсивности социальных процессов и представляют собой определенные типы поселений:

1) Казань — крупный город с многоотраслевой экономикой, в котором имеются все основные социально-профессиональные группы населения и который характеризуется высоким уровнем вертикальной и горизонтальной социальной мобильности;

2) Альметьевск (центр нефтедобывающей промышленности) — средний по размеру город, с ограниченным набором развитых отраслей народного хозяйства; в нем высока вертикальная мобильность, но ограничены возможности горизонтальной мобильности, особенно за сферу материального производства;

3) Мензелинск — малый город со слаборазвитой промышленностью, в котором наличествуют лишь отдельные элементы социальной структуры населения страны, а возможности социальной мобильности крайне ограниченны.

Исследование велось на основе опросных листов для интервью. Наряду с вопросами о самом респонденте они включали семейные карты о возрасте, образовании, социально-профессиональном статусе и отраслях народного хозяйства, в которых работали прочие члены семьи. Отдельные вопросы касались более детальной характеристики глав семей, в которых воспитывались опрошенные, и жен (мужей) последних.

Группировка населения по социально-профессиональному статусу была заранее задана. В этом исследовании не ставилось в качестве специальной задачи проверить взаимосвязь конкретных показателей социально-профессиональной дифференциации. При обработке первичных материалов ответы на вопросы о должности и профессии опрошенных относили к одной из заданных групп городского населения.

Так же поступили и с классификацией семей. Были

созданы (автор Э. К. Васильева) аналитические группировки усредненного социального и образовательного уровня семей, к которым относили семьи респондентов.

Большую ценность представляют данные, рисующие воздействие национальной принадлежности и других этнических характеристик на социально-профессиональную структуру и мобильность. Эти вопросы разрабатывались весьма широко, но мы не будем на них останавливаться, так как они не нашли отражения в настоящей работе, а будут рассмотрены в подготовляемой специальной публикации.

Всего было опрошено 7230 горожан Татарии. В порядке эксперимента были проведены две схемы выборки: по месту жительства (Альметьевск) и по месту работы (Казань и Мензелинск). В обоих случаях получены вполне достоверные данные [268].

Надо заметить, что данные по городам Татарии представляют значительный социологический интерес, поскольку эта республика по основным экономическим и социально-культурным показателям отражает среднесоюзный уровень развития; ее национальный состав также типичен для страны, в которой преобладают две группы наций и народностей: славянская и тюркоязычная, существенно разнящиеся по традициям и образу жизни.

Тесно примыкает к исследованиям социальной структуры конкретное изыскание по проблемам трудоустройства выпускников средних школ Ленинграда. Оно проводилось лабораторией в 1968 г. (руководители Э. К. Васильева, Г. Г. Зайцев, при консультациях автора). Опрашивались молодые люди, окончившие школы в 1963—1967 гг. В выборку попали (в основу выборки были положены списки выпускников школ за соответствующие годы) 5330 человек. Опрос проводился по месту жительства. Исследование было направлено на выяснение жизненных планов молодежи и их реализацию с учетом перспективного баланса трудовых ресурсов города. Оно позволило установить взаимосвязь между жизненными планами молодежи, их реализацией, начальным этапом социально-трудового пути, с одной стороны, и социаль-

---

[268] Схема выборки описана в статье: *Э. К. Васильева.* Этнодемографическая характеристика семейной структуры населения Казани в 1967 г. — «Советская этнография», 1968, № 5, стр. 13—14.

ным статусом родителей, успеваемостью в школе — с другой.

Конечно, строго говоря, данные этих локальных и отраслевых обследований дают возможность лишь частично проверить изложенную выше концепцию социальной структуры рабочего класса в развитом социалистическом обществе. Для ее всестороннего обоснования необходимы систематические обследования по стране в целом, которые охватили бы весь рабочий класс, включая и такой его отряд, как сельскохозяйственные рабочие, отряд, пограничный с колхозным крестьянством и обладающий специфической структурой.

ГЛАВА II

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РАБОЧЕГО КЛАССА В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД ОТ КАПИТАЛИЗМА К СОЦИАЛИЗМУ

§ 1. НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О СТРУКТУРЕ РОССИЙСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА В 1917 г.

Изучение имеющихся источников показало, что если по ним социальный состав рабочего класса в канун Октябрьской революции может быть реконструирован сравнительно легко, то гораздо более сложным делом является воспроизведение его тогдашней социальной структуры. Тем не менее попытаемся наметить хотя бы в первом приближении пропорции и облик основных социальных групп пролетариата дореволюционной России.

К тому времени, когда рабочий класс стал господствующим в стране, в нем совершались постоянные перемещения: демографические, территориальные, отраслевые, социальные. Они имели следующие характерные черты.

В процессе воспроизводства рабочей силы в крупное капиталистическое производство отвлекалось из сферы домашнего хозяйства все большее количество женщин. Так, за 1900—1913 гг. их доля в общей численности промышленных рабочих поднялась с 26,1 до 31,7% [1]. Перемены же в возрастном составе пролетариата отражали

[1] См. *А. Г. Рашин.* Формирование рабочего класса России. М., 1958, стр. 225.

усилившийся отрыв рабочих от деревни, процесс стабилизации рабочих кадров. Если прежде многие выходцы из деревни приходили лишь на временные заработки в город, то в последние предреволюционные годы обратная миграция в работоспособном возрасте стала редким явлением. Крупные предприятия нуждались в кадровых рабочих, имеющих годами закрепляемые профессиональные навыки. Отсюда тенденции к увеличению доли пролетариев в возрасте старше 40 лет [2].

Таким образом, демографическое движение рабочей силы и сезонная миграция были тесно связаны с развитием российского капитализма вглубь, с пролетаризацией широких слоев крестьянства.

Развитие капитализма вширь приводило к созданию новых очагов крупного производства, к территориальным перемещениям рабочей силы. Однако эти перемещения ограничивались в основном губерниями Европейской России. Гигантские богатства Средней Азии, Сибири и большей части Урала не осваивались в сколько-нибудь значительных размерах. В 1913 г. 92% рабочих промышленности проживали в Европейской части страны. Треть всей рабочей силы промышленности на протяжении периода 1860—1913 гг. концентрировалась в Московском промышленном районе. Одновременно росло значение Петрограда и прилегающих к нему местностей. Приходящаяся на этот район доля российского пролетариата за тот же период увеличилась с 8 до 12%. Особенно возросла численность рабочих в так называемом Новороссийском районе (Херсонская, Екатеринославская, Таврическая и Бессарабская губернии); если в 1861—1870 гг. здесь было сосредоточено 2,9% всей массы индустриальных пролетариев, то в 1913 г. — уже 15,3%. В то же время Приуральский район стал притягивать значительно мень-

[2] Известный русский демограф С. А. Новосельский считал, что тенденция к уменьшению доли мужчин в возрасте 20—40 лет, несомненно, имела место в русских городах в конце XIX — начале XX в. и была связана с усилившейся пролетаризацией крестьянства (см. *С. А. Новосельский.* Возрастной состав населения Петрограда по переписи 28 августа 1920 года. — «Материалы по статистике Петрограда», вып. 4. Пг., 1921, стр 8—9).

Следует учесть, что усложнение характера производства усиливало потребность в опытных, высококвалифицированных рабочих. Практически это означало возрастание доли рабочих с многолетним стажем, т. е. пролетариев старших возрастных групп.

шую часть рабочей силы, чем прежде (10,2% в 1913 г. против 15,2% в 1861—1870 гг.), хотя абсолютная численность рабочих и тут выросла более чем вдвое[3].

В годы, предшествовавшие Октябрьской революции, российскому пролетариату была присуща социальная структура, свойственная пролетариату всех империалистических стран. Эта структура характеризовалась наличием трех основных слоев.

К первому и определяющему из них относились кадровые пролетарии, не имевшие других источников дохода, кроме продажи своей рабочей силы. Важным признаком принадлежности к этому слою являлся длительный стаж наемного труда. В дореволюционные годы наблюдалось не только увеличение продолжительности стажа в профессии и общего производственного стажа промышленной деятельности у все большей части рабочих, но и, хотя и в меньшей мере, стабилизация состава кадров крупных предприятий. Так, уже в 1908 г. средний стаж работы на одном и том же заводе равнялся у петроградских металлистов 5,3 года; 38,7% металлистов имели стаж работы на предприятиях, где их застал опрос, свыше 5 лет, в том числе 12,9% — свыше 10 лет. На заводах же с числом рабочих свыше тысячи доля рабочих с более чем пятилетним стажем составляла 53,3%. На лесопильных заводах Архангельской губернии в 1912—1913 гг. доля рабочих с пятилетним стажем работы и более на данном предприятии превышала 50%, в том числе со стажем 10 лет и более достигала почти 30%.

О продолжительности стажа железнодорожников за 1900—1914 гг. можно судить по материалам пенсионных касс (на 1 января каждого года). Из этих материалов видно, что доля рабочих со стажем до 3 лет (включительно) уменьшилась за 14 лет с 52,3 до 34,3%. В 1914 г. пятилетний стаж и более имели 53,4% всех железнодорожников[4].

Второй крупный слой в отличие от первого не обладал стабильностью. Он включал в себя недавних выходцев из мелкобуржуазных слоев, преимущественно из

---

[3] См. *А. Г. Рашин.* Формирование рабочего класса России, стр. 174—206.

[4] Данные о стаже рабочих взяты из кн: *А. Г. Рашин.* Формирование рабочего класса России, стр 504—506, 519.

крестьян, а также из интеллигенции. Экономическая связь с прежним социальным окружением у них зачастую сохранялась. Социальная психология мелкого собственника обладала известной живучестью. Лишь после длительного пребывания в пролетарском коллективе они становились кадровыми рабочими. Процесс пролетаризации вчерашних крестьян и кустарей шел особенно быстро после столыпинской аграрной реформы, давшей возможность значительной части крестьянской бедноты «укрепить» свои наделы в личную собственность и продать их, т. е. окончательно порвать экономические связи с деревней.

Третий слой в российском пролетариате — «рабочая аристократия» — был весьма невелик. Уже в начале XX в. основным и доминирующим слоем являлись кадровые, в значительной части потомственные рабочие. Наиболее крупным в стране был Центрально-Промышленный район. На основании данных, относящихся к концу XIX в., известный экономист П. И. Лященко, по расчетам которого в этом районе имелось около 55% кадровых рабочих, сделал следующий вывод относительно всего российского пролетариата: «...к концу 90-х годов уже половина русских промышленных рабочих была «потомственными пролетариями», отцы которых также работали на фабриках. По отдельным отраслям и районам процент постоянных рабочих (не уходящих в деревню) поднимался до 97 (металлообрабатывающая промышленность) и 89 (вообще Петербургский район)»[5].

Данные обследования 69,4 тыс. рабочих Московской губернии (И. М. Козьминых-Ланин), относящиеся к 1908 г., показали, что у 44,4% рабочих-мужчин отцы были фабричными рабочими. При этом у рабочих в возрасте от 12 до 15 лет соответствующий процент равнялся 67,7, в возрасте от 15 до 20 лет — 59,9; зато у рабочих старших возрастов он снижался до 27 в интервале от 50 до 60 лет и до 22,6 — в группе от 60 лет и более.

Среди работниц доля потомственных пролетарок была ниже. Да это и понятно, так как перелив в промышленность женской рабочей силы, сопровождавший отрыв от земли целыми семьями, естественно, шел вслед за выде-

---

[5] *П. И. Лященко.* История народного хозяйства СССР, т. II. М., 1952, стр. 165.

лением на заработки в города наиболее подвижной и активной части мужского населения деревни. Во всей массе обследованных работниц доля потомственных пролетарок составляла 35%, в том числе среди малолетних (12—15 лет) — 57,1%, среди молодежи (15—20 лет) — 38,3%, а среди пожилых работниц — 21,6% (от 50 до 55 лет) и 19,7% (от 55 до 60 лет) [6].

Пролетариат столицы — Петербурга сформировался в основном из неместного населения. В 1902 г. только 10% рабочих города являлись местными уроженцами [7]. Несмотря на это, для петроградского пролетариата было характерно высокое постоянство состава. В 1900 г. на предприятиях с числом занятых более 50 разность между минимумом и максимумом числа фабрично-заводских рабочих по месяцам года составляла всего 3,5%, тогда как для городских рабочих Московской губернии она равнялась 15% [8]. Следовательно, такая форма связи с деревней, как уход на летние полевые работы, затрагивала лишь небольшие группы питерских рабочих. Что касается других форм их связи с деревней, то в этом плане интересны материалы бюджетного обследования, проведенного С. Н. Прокоповичем в 1908 г. Известно, что обследование охватило рабочих, не менявших в течение года свою профессию, с заработком выше среднего примерно в 1,5 раза, грамотных и не страдавших в значительной степени от безработицы, т. е., иначе говоря, кадровых, квалифицированных пролетариев. Обработка анкет 307 семейных и 263 одиноких рабочих показала, что 53% семейных и 35% одиноких рабочих вообще не имели никаких связей с деревней, около 12% семейных и 15% одиноких имели родных в деревне, 20% семейных и 18% одиноких владели землей, и лишь 15% семейных и 32% одиноких (а всего среди обследованных — 21%) имели

---

[6] См. *А. Г. Рашин.* Формирование рабочего класса России, стр. 540—541; по этому вопросу см. также *Л. М. Иванов.* Преемственность фабрично-заводского труда и формирование пролетариата в России. — В сб.: «Рабочий класс СССР и рабочее движение в России 1861—1917 гг.». М., 1966

[7] См. *А. Г. Рашин.* Формирование промышленного пролетариата в России. М., 1940, стр. 301.

[8] См. *С. Г. Струмилин.* Общий обзор Северной области. — «Материалы по статистике труда Северной области», вып. 1. Пг., 1918, стр. 14.

в деревне хозяйство, т. е. действительно были более или менее прочно связаны с крестьянской средой [9].

Относительно слабая связь с деревней пролетариев Петербурга объяснялась двумя причинами. Во-первых, кадры петербургской фабрики рекрутировались прежде всего за счет кустарей нечерноземных губерний. Это убедительно показано в фундаментальной диссертации С. Г. Каценельсона «К вопросу о формировании промышленного пролетариата в Петербурге в 1870—1890 гг.», защищенной в ЛГУ в 1947 г. Автор на основе анализа обширного материала делает вывод о том, что в рабочем отходе в Петербург из Тверской, Ярославской и Костромской губерний было мало представителей неквалифицированного труда, а преобладали кустари, в массе своей порвавшие еще на родине связь с землей. Они обладали необходимыми производственными навыками, благодаря которым из них легко было подготовить квалифицированных фабричных рабочих. Петербургские предприятия, оборудованные сложными машинами и механизмами, предъявляли повышенные требования к рабочей силе, поэтому именно сюда стремился основной поток кустарей, хотя под боком у них находилась Москва. Во-вторых, на петербургских предприятиях и заработки в 1,5 раза превышали среднероссийские [10]. Это также толкало рабочих на разрыв хозяйственных связей с деревней.

По расчетам Э. Э. Крузе, основанным на данных переписи населения столицы в 1910 г., около 60% всех петербургских рабочих родились в Петербурге или работали на петербургских заводах свыше десяти лет и в основном порвали связи с деревней. Автор подкрепляет эти выкладки материалами анкетного опроса 5720 металлистов (1908 г.), по которым средний стаж работы на заводе у опрошенных составил в среднем более пяти лет и трех месяцев [11].

Таким образом, в дореволюционные годы рос слой кадровых рабочих, сужался слой выходцев из средних классов и промежуточных слоев, формировался незначи-

---

[9] Подсчитано по данным, приведенным в кн.: *С. Н. Прокопович.* Бюджеты петербургских рабочих. Пг., 1919, стр. 16

[10] См. «Материалы по статистике труда Северной области», вып. 1, стр. 13.

[11] См. *Э. Э. Крузе.* Петербургские рабочие в 1912—1914 годах. М.—Л., 1961, стр. 76, 77.

тельный слой рабочей аристократии. Кадровые пролетарии, составлявшие к началу первой мировой войны основную часть российского рабочего класса, шли за большевиками. На июльских баррикадах 1914 г. они показали свою готовность к решительной схватке с царизмом.

Первая мировая война внесла серьезные изменения в состав пролетариата. В ходе происходившего тогда быстрого и громадного роста промышленности, выполнявшей военные заказы, расширения старых и создания новых металлообрабатывающих заводов в производство были вовлечены сотни тысяч новых рабочих.

Новым источником пополнения рядов рабочего класса, вызванным войной, явились социально чуждые ему буржуазные элементы города и деревни (домовладельцы, чиновники, кулаки) и мелкобуржуазные слои городского населения (лавочники, ремесленники и т. д.). В обзоре «Рынок труда», опубликованном в 1916 г. Центральным военно-промышленным комитетом, говорилось: «В категорию квалифицированных на рынке попадают, например, дворники, мелкие торговцы и представители других профессий, ничего не имеющих общего с промышленным трудом» [12].

Возьмем для примера Путиловский завод. На этом гиганте к началу войны было занято 12,5 тыс. рабочих [13]. К январю 1917 г. их число возросло до 29,3 тыс. человек [14]. По обследованию, проведенному завкомом в августе 1917 г., обнаружилось, что на заводе в списках рабочих состояло более 2 тыс. так называемых колбасников (домовладельцев, торговцев, банковских дельцов, юристов, врачей и т. д.) [15].

Еще одним новым, вызванным войной источником рабочей силы явились беженцы и эвакуированные из районов военных действий. На 20 декабря 1915 г. в Петрограде было зарегистрировано 84 074 беженца [16].

[12] «Материалы к учету рабочего состава и рабочего рынка», вып. 1. Пг., 1916, стр. 51.

[13] См. «Красный путиловец. 125 лет 1801—1926». Л., 1926, стр. 24.

[14] См. там же, стр. 25.

[15] См. «Путиловец на путях к Октябрю» (Из истории «Красного путиловца»). *Под ред. Й. И. Газа.* Л., 1933, стр. 62—64, 67—68. Аналогичные факты сообщил автору в беседе с ним старейший рабочий Кировского завода М. Г. Алексеев (1956 г.)

[16] См. *Л. И. Лубны-Герцык.* Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М., 1926, стр. 24.

Среди них определенную часть составляли квалифицированные рабочие. На это указывают данные о составе рабочих, предложивших свой труд Военно-промышленному комитету в осенние месяцы 1915 г., когда на долю беженцев и эвакуированных приходилась бóльшая часть рабочей силы, представленной на петроградском рынке труда. Например, из 624 человек, предложивших свой труд Военно-промышленному комитету в сентябре 1915 г., эвакуированные составляли 64% (399 человек) и беженцы 26% (162 человека). По профессиям они распределялись следующим образом: [17]

	у эвакуированных	у беженцев
Металлисты	154 человека (38,6%)	39 человек (24,1%)
Деревообделочники	20 человек (5,0%)	6 » (3,7%)
Строители	3 человека (0,8%)	17 » (10,5%)
Кожевники	6 человек (1,5%)	6 » (3,7%)
Текстильщики	2 человека (0,5%)	—
Чернорабочие	205 человек (51,4%)	78 » (48,1%)
Прочие	9 » (2,2%)	16 » (9,9%)

Давая производственную характеристику рабочим-беженцам, Петроградское общество заводчиков и фабрикантов указывало: «Рабочие эти, однако, в огромном большинстве являлись землекопами и сельскохозяйственными рабочими и представлялись желательными как рабочая сила, главным образом, для Донецкого бассейна с его развитой углепромышленностью, куда поток их и был направлен в его главной массе» [18].

Из приведенных данных можно только заключить, что беженцы и эвакуированные были в основном выходцами из крестьянских прослоек населения и в меньшей мере из городской и пролетарской среды.

В период войны, особенно в 1916—1917 гг., власти нередко направляли на промышленные предприятия военнопленных и военнообязанных. Особенно много их было в отраслях добывающей промышленности. Так, на Урале

---

[17] См. «Материалы к учету рабочего состава и рабочего рынка», вып. I, стр. 147.

[18] *М. Гильберт.* К вопросу о составе промышленных рабочих СССР в годы гражданской войны. — «История пролетариата СССР», 1934, № 3, стр. 213.

к концу 1917 г. военнопленные составляли 12,2% рабочих[19]. На 1 января 1917 г. среди 212 232 шахтеров Донбасса насчитывалось 55 379 военнопленных и 94 612 военнообязанных. В сентябре 1917 г. картина оставалась такой же: 43 979 шахтеров были военнопленными и 97 431 — военнообязанными[20]. Шахты Донбасса по существу превратились в зону принудительного труда.

Конечно, названные специфические, вызванные войной источники пополнения рабочего класса не являлись доминирующими.

Основную массу новых рабочих составляли вчерашние крестьяне, точнее, их дети в допризывном возрасте, а также дети и жены рабочих, мобилизованных в армию[21].

А. Аникст, руководивший отделом рынка труда Народного комиссариата труда в первые годы Советской власти, дал в 1918 г. следующую характеристику основным группам новых рабочих, вовлеченных в промышленность в 1914—1917 гг.: «Появились целые слои полурабочих. Специально военная промышленность, особенно развитая во время войны и, главным образом, металлообрабатывающая, в узком смысле этого слова, привлекла наибольшую массу направляющихся из деревни на заработки в город. Эта рабочая масса увеличилась женщинами и подростками, вынужденными идти на фабрики ввиду мобилизации кормильца семьи. Все эти элементы образовывали кадры так называемых «военных рабочих», получернорабочих, наполовину обученных»[22].

В эти годы, судя по воспоминаниям очевидцев и данным по отдельным предприятиям, резко выросла роль крестьянства в комплектовании кадров промышленных предприятий. В 1917 г. отход крестьян в город составил 2 млн. человек[23].

---

[19] См. «Национализация промышленности на Урале». Сб. документов. Свердловск, 1958, стр 7.

[20] См. «Народное хозяйство», 1919, № 5, стр. 76.

[21] См. по этому вопросу «Материалы к учету рабочего состава и рабочего рынка», вып. I, стр. 48 и др.; вып. II. Пг., 1917, стр. 68. Наиболее интересные места из этих обзоров приведены А. Г. Рашиным в его монографии «Формирование промышленного пролетариата в России». М., 1940, стр. 262—267.

[22] *А. Аникст.* Организация распределения рабочей силы (Статьи и доклады за 1918—1920 гг.). М., 1920, стр. 51.

[23] См. *Л. Е. Минц.* Отход крестьян на заработки. М., 1926, стр 44.

Выявить реальное соотношение между двумя основными социальными источниками пополнения пролетариата (выходцами из крестьян и из рабочих семей) — чрезвычайно сложная задача, так как никаких обследований на этот счет в период войны не производилось. Некоторые исследователи полагали, что исходными для анализа могут явиться материалы переписи рабочих 1929 г. Поскольку ее программа содержала вопросы о социальном происхождении рабочих и времени поступления их в промышленность, то материалы переписи давали возможность нарисовать общую картину изменения социального состава пополнений рабочего класса на протяжении примерно трех десятилетий. На основании этих материалов один из организаторов переписи, А. Г. Рашин, и вслед за ним М. И. Гильберт попытались выявить социальную структуру рынка рабочей силы в период первой мировой войны. Они установили, что выходцы из рабочей среды тогда преобладали в составе нового пополнения пролетариата [24].

Однако этот вывод не представляется бесспорным. Перепись 1929 г. не могла, например, учесть как рабочих тех представителей буржуазных слоев, которые пришли в промышленность в 1914—1917 гг., а по окончании войны покинули заводы. Из данных переписи 1929 г. на первый взгляд следует, что в военное время доля крестьянства в составе новых пополнений пролетариата уменьшилась. Между тем известно, что конфискация помещичьих земель и перераспределение земельного фонда в пользу бедняцких и маломощных середняцких хозяйств после Октябрьской революции привели к значительному отливу из промышленности рабочих, связанных с деревней. По данным отдела статистики Петроградского областного комиссариата труда, из рабочих, покинувших город в первые месяцы после Октября 1917 г., 58,1% указали, что они выехали в сельские местности, 25,1 — в уездные и заштатные города и только 16,8% — в губернские города. К тому же надо иметь в виду, что указывались лишь конечные пункты проезда по железной дороге.

---

[24] См. *А. Г. Рашин.* Формирование рабочего класса России, стр. 576; *М. И. Гильберт.* К вопросу о составе промышленных рабочих СССР в годы гражданской войны. — «История пролетариата СССР», 1935, № 1, стр. 149—152.

Ясно, что большинство уехавших направлялось в деревню, где шел раздел помещичьих земель [25].

Таким образом, доля выходцев из крестьянства среди новых рабочих, пришедших на заводы в период войны, была намного выше, чем это вырисовывается из материалов переписи 1929 г. Более того, учитывая высокие темпы расширенного воспроизводства рабочей силы в тот период, можно предположить, что роль крестьянства как источника пополнения рядов рабочего класса была в годы войны выше и по сравнению с предшествующим периодом. Это отмечал один из руководителей промышленности в годы гражданской войны Н. Антонов, сам рабочий-металлист. Он писал, что в 1914—1916 гг. среди рабочих Петрограда увеличился удельный вес выходцев из деревни, «привлеченных сравнительно высокой военной платой по сравнению с деревенским заработком» [26]. Л. С. Гапоненко приводит аналогичные данные по Сормовскому и Коломенскому заводам, где бóльшая часть новых пополнений была связана с землей [27].

Таковы основные группы пополнений рабочего класса в годы, предшествовавшие Октябрьскому перевороту.

Переходя к выяснению основных структурных элементов в рабочем классе, сформулируем, с учетом сказанного, предварительное предположение. Если принять, что довоенные кадры пролетариата не менее, чем на 50% состояли из потомственных рабочих, а среди влившихся до войны в промышленную армию выходцев из полупролетарских слоев деревни большинство также может быть причислено к основному слою «чистых пролетариев» (несмотря на остаточные связи с деревней), то в итоге, пожалуй, не будет преувеличением признать, что установление доли слоя «чистых пролетариев» сведется к установлению степени сохранности довоенных кадров к началу советского периода. Естественно, что это весьма приближенное гипотетическое допущение. Следует к тому же принять во внимание, что в составе влившихся до вой-

---

[25] См. «Материалы по статистике труда», вып. 6. Пг., 1919, стр. 40; ЛГАОРСС, ф. 3299, оп. 1, д. 66, л. 4, 5, 23, 42.

[26] *Н. Антонов.* Два года диктатуры пролетариата в металлопромышленности Петрограда. Пг., 1920, стр. 15.

[27] См. «Рабочий класс и рабочее движение в России в 1917 году», стр. 34—35.

ны в рабочий класс выходцев из деревни было немало лиц, которые благодаря своему происхождению и социальным связям за годы империалистической войны адаптировались в рабочей среде и стали ко времени Октября кадровыми пролетариями.

Именно поэтому принципиальное значение имеет вопрос о степени сохранения довоенных кадров пролетариата.

В научной литературе неоднократно предпринимались попытки исчислить вероятный процент рабочих, мобилизованных в армию. Впервые такой ориентировочный подсчет произвел буржуазный профессор В. И. Гриневецкий, утверждавший, что только мобилизации 1914 г. «оторвали от промышленности и технического хозяйства до 40% рабочих». При этом он подчеркивал, что мобилизации особенно тяжело сказались на металлических производствах. Однако В. И. Гриневецкий ничем не аргументировал своего вывода [28]. Эта же цифра позднее была повторена К. Ф. Сидоровым [29] и авторами коллективного труда «История ВКП(б)» [30], причем также без всякого доказательства.

В середине 30-х годов М. И. Гильберт попытался приблизительно определить долю мобилизованных в общей численности промышленных рабочих. По его расчетам, в 1914—1917 гг. промышленность потеряла не менее 30% всего своего довоенного рабочего состава и около 40% мужчин (около 1 млн. рабочих). Однако примененная автором методика расчета не совсем правильна. М. И. Гильберт исходил из того, что в общем числе мобилизованных в армию доля рабочих была такой же, как и в довоенном 1913 г. Он не учел, что в период войны именно среди промышленных рабочих был наиболее высоким процент лиц, получавших отсрочки от призыва в армию. Все же М. И. Гильберт в конце своего исследования сделал приписку о том, что его расчет произведен «на осно-

---

[28] См. *В. И. Гриневецкий.* Послевоенные перспективы русской промышленности, изд. 2. М., 1922, стр. 16.

[29] См. *К. Ф. Сидоров.* Рабочее движение в России в годы империалистической войны (1914—1917 гг.). — В кн.: «Очерки по истории Октябрьской революции», т. I. М.—Л., 1927, стр. 209.

[30] См. «История ВКП(б)», т. III, вып. 2, изд. 2. Под ред. Ем. Ярославского. М., 1933, стр. 198.

вании недостаточного и недостаточно критически оцененного материала» и требует строгой проверки [31].

Цифра «40%» кадровых рабочих, мобилизованных в армию в годы войны, была упомянута в кратком курсе «Истории ВКП(б)» [32]. В дальнейшем большинство авторов, касавшихся данного вопроса в связи с разработкой истории Февральской революции и Великой Октябрьской социалистической революции, использовали эту цифру.

Некоторые исследователи, анализируя данные о составе рабочего класса в годы первой мировой войны, отмечали, что его основные кадры сохранились на предприятиях. Так, А. Г. Рашин в своей монографии подчеркивал, что военные мобилизации не затронули сколько-нибудь значительно основные промышленные кадры пролетариата [33]. Л. С. Гапоненко писал, что в годы первой мировой войны «на предприятиях сохранился основной состав кадровых рабочих с большим производственным стажем, имевших долголетний опыт революционной борьбы» [34].

Как видно из этого обзора литературы, вопрос о степени сохранности довоенных кадров нуждался в дальнейшем изучении.

В источниках отсутствуют данные о числе мобилизованных промышленных рабочих. Сохранившиеся же в архивах материалы (именные списки рабочих) могут послужить основой для сравнительно точных расчетов лишь при одном непременном условии: строгом доказательстве того, что материалы предприятий, по которым сохранились именные списки, репрезентативны для всей совокупности рабочих в региональном или отраслевом разрезах или для всего пролетариата страны [35]. Мы уже не говорим о масштабности этих подсчетов, ставящих под сомне-

---

[31] См. *М. И. Гильберт.* К вопросу о составе промышленных рабочих СССР в годы гражданской войны. — «История пролетариата СССР», 1934, № 3, стр. 210—211; 1935, № 1, стр. 171.

[32] См. «История ВКП(б). Краткий курс». М., 1946, стр. 172.

[33] См. *А. Г. Рашин.* Формирование промышленного пролетариата в России, стр. 266.

[34] *Л. С. Гапоненко* Рабочий класс России в борьбе за победу социалистической революции. — «История СССР», 1957, № 5, стр. 6.

[35] Предложение о проведении такого расчета было сделано Л. С Гапоненко в статье «Рабочий класс России накануне Великого Октября (Численность, состав, концентрация и размещение по основным промышленным районам)». — «Исторические записки», т. 73, стр. 56.

ние возможность применения такой методики. Списки же рабочих по отдельным предприятиям могут быть использованы только в качестве иллюстрации. Да и они (в «наемных книгах») сохранились лишь на отдельных предприятиях, следовательно, доказать типичность этих сведений практически вообще невозможно.

Однако получить искомую информацию возможно путем косвенных исчислений. Метод, примененный автором этих строк, состоял в следующем. Во-первых, на основе имеющихся данных по поло-возрастной структуре определялась доля лиц, потенциально могущих быть мобилизованными в армию. Во-вторых, с учетом больных, получивших разного рода отсрочки и т. д., исчислялось максимальное число мобилизованных. Полученная цифра, разумеется, не отражала действительного положения дел, она фиксировала лишь высший предел возможных изъятий из рядов рабочего класса на фронт. Конкретные данные по отдельным предприятиям, разрозненные сведения, собранные по различным источникам, позволяли установить, велик ли разрыв между теоретически рассчитанным максимально возможным изъятием рабочих на фронт и имевшим место на практике.

Впервые такой расчет по Петрограду автор произвел в 1958 г. Однако отсутствие многих важных сведений вынудило дать весьма грубую прикидку (21% как верхняя граница возможной мобилизации) [36]. В дальнейшем эта работа была продолжена совместно с И. П. Лейберовым, которому в результате многолетних архивных изысканий удалось найти важные документы, позволившие произвести ориентировочный расчет на вполне надежном основании. Ниже приводится этот расчет, опубликованный нами в журнале «Вопросы истории» [37].

Чтобы вычислить вероятное количество рабочих, которые могли быть мобилизованы в армию, необходимо располагать данными о возрастном составе пролетариата перед войной. Последняя перепись населения Петербурга накануне первой мировой войны была произведена 15 де-

---

[36] См. *О. И. Шкаратан.* Изменения в составе фабрично-заводских рабочих Ленинграда (1917—1928 гг.). Диссертация. Л., 1958, стр. 144—165.

[37] См. *И. П. Лейберов, О. И. Шкаратан.* К вопросу о составе петроградских промышленных рабочих в 1917 году. — «Вопросы истории», 1961, № 1.

кабря 1910 г.[38]. Но в материалах этой переписи промышленные рабочие не выделены в самостоятельную группу. Лишь по материалам Всероссийской переписи населения 1897 г. можно получить данные о возрастном составе промышленных рабочих Петербурга. Возникает вопрос: пригодны ли сведения из переписи 1897 г. для анализа состава рабочих накануне первой мировой войны?

При сопоставлении возрастных группировок населения Петербурга обнаруживается, что в начале XX в. имела место тенденция к некоторому уменьшению доли населения в возрасте 20—39 лет. Так, среди мужского населения столицы за 1900—1910 гг. доля лиц в этом возрасте сократилась с 48,54 до 46,66%[39]. Однако в основном возрастные группировки сохранились прежними. Поскольку бóльшую часть жителей Петербурга составляло трудовое население, можно с достаточным основанием предположить, что и в составе промышленных рабочих возрастные группировки, сложившиеся к 1897 г., не претерпели серьезных изменений, хотя, вероятно, доля пролетариев в возрасте 20—40 лет несколько уменьшилась, а процент рабочих старше 40 лет возрос. Поэтому при подсчете вероятного числа рабочих, подлежавших мобилизации, мы несколько преувеличиваем его, приняв за основу возрастные группировки, зарегистрированные переписью 1897 г.

По опубликованным материалам этой переписи, промышленные рабочие (мужчины) Петербурга в возрасте 20—39 лет составляли 57,31% общего числа индустриальных пролетариев (мужчин), а рабочие-мужчины в возрасте 17—19 лет — 13,5%[40].

В 1914 г. в петроградской промышленности было занято 242,6 тыс. рабочих, из них 166,2 тыс. мужчин

---

[38] Обнаружить в архивах неопубликованные материалы переписи не удалось.

[39] См. «Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии». Пг., 1922, стр. 5

[40] Подсчет произведен по кн.: «Численность и состав рабочих в России на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.», т. 2. Пб., 1906. Таблица III, стр. 16—25.

Существующие в литературе аналогичные подсчеты неточны, так как в них смешаны фабричные и нефабричные рабочие, торговые служащие и другие группы людей наемного труда (см. *С. Бернштейн-Коган.* Численность, состав и положение петербургских рабочих. Пб., 1910, стр. 37).

(68,5%) [41]. Мобилизации подлежали мужчины в возрасте 20—40 лет. Кроме того, к концу войны достигли призывного возраста и те рабочие, которым в 1914 г. было 17—19 лет. Исходя из данных переписи 1897 г., общий процент рабочих, которые по возрасту могли быть мобилизованы в годы первой мировой войны, равнялся примерно 70 к числу рабочих-мужчин, занятых в петроградской промышленности в 1914 г. Таким образом, в годы войны в Петрограде подлежали мобилизации не более 116,2 тыс. фабрично-заводских рабочих, т. е. 47,9% общего количества промышленных пролетариев столицы [42].

Однако значительная часть рабочих, по возрасту подлежавших мобилизации, фактически не была призвана в армию. Начиная с первой мобилизации большие группы промышленных рабочих получили отсрочку, будучи занятыми на предприятиях, выполнявших военные заказы. В ходе первой мобилизации, в июле 1914 г., в столице доля фабрично-заводских рабочих среди лиц, освобожденных от мобилизации по «служебной надобности», составила 71,7%.

В дальнейшем процент рабочих, получавших отсрочки по мобилизации, увеличился. По сведениям Центрального военно-промышленного комитета, отсрочками пользовались исключительно квалифицированные рабочие, или, как официально называли эту категорию, «незаменимые специалисты», и «рабочие у станков». Неквалифицированные рабочие, из которых составлялся контингент внезаводских рабочих, отсрочками не пользовались. Именно на них и отзывались в первую очередь военные мобилизации [43].

По материалам мобилизационного отдела Главного штаба царской армии, в целом по стране рабочие, получившие отсрочки к октябрю 1916 г., составляли 27% общего числа рабочих призывного возраста, а на оружейно-слесарных заводах и в мастерских — 86,5, на судостроительных заводах — 52,4, в железнодорожных мастерских — 51,1, на машиностроительных, механических

---

[41] См. «Труд и профдвижение в Ленинградской области». Статистический справочник. Л., 1932, стр. 18.

[42] В статье, опубликованной в журнале «Вопросы истории», 1961, № 1, на стр. 50 нами ошибочно названа цифра 41,3%.

[43] См. «Материалы к учету рабочего состава и рабочего рынка», вып. I, стр. 30.

заводах и в мастерских — 47,3% [44]. В Петрограде процент рабочих, получивших отсрочку, был выше всероссийского. В столице 98% предприятий металлообрабатывающей промышленности выпускали военную продукцию: заводы и фабрики города выполняли $^2/_3$ всех военных заказов правительства в 1914—1917 гг. [45].

Всего на 1 октября 1916 г. в Петрограде получили отсрочки по призыву в связи с работой на предприятиях, в учреждениях, на транспорте, занятых обслуживанием нужд армии, более 164 тыс. человек. Известно, что в ходе военных действий по мере роста потребностей армии в вооружении и боеприпасах царские власти вынуждены были во все возраставших размерах оставлять рабочих, подлежавших мобилизации, на предприятиях. Если уже в первую мобилизацию более 70% отсрочек приходилось на долю промышленных рабочих, то нет никаких оснований предполагать, что в дальнейшем доля рабочих среди получивших отсрочку «по служебной надобности» уменьшилась. Можно считать, что из 164 тыс. мужчин, получивших отсрочки, около 115 тыс. являлись фабрично-заводскими рабочими. К концу 1916 г. в петроградской промышленности было занято 241,8 тыс. мужчин (включая подростков). Очевидно, что отсрочки от призывов в армию, которые охватывали около половины общего числа рабочих-мужчин, предоставлялись к концу 1916 г. подавляющему большинству рабочих призывного возраста.

Приведенный расчет подтверждается данными Особого совещания по обороне, согласно которым среди рабочих оборонных предприятий Петроградского промышленного района на 1 января 1917 г. имели отсрочки «по служебной надобности» 100,6 тыс. человек. Рабочие Петрограда составляли 93% от общего количества пролетариев, занятых на военных предприятиях района. Следовательно, получили отсрочки примерно 93 тыс. рабочих столицы. Если учесть, что в мирных отраслях промышленности некоторая часть квалифицированных рабочих также не подлежала мобилизации, то такое количество отсрочек, как 115 тыс., не покажется преувеличенным.

---

[44] См. «Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах)». М., 1925, стр 101.

[45] См. «Материалы по статистике труда Северной области», вып. 1, стр. 18; «Петроградские большевики в Октябрьской революции». Л., 1957, стр. 28.

Среди новых рабочих имелись лишь две группы с значительным процентом мужчин призывного возраста. Это, во-первых, эвакуированные и беженцы; во-вторых, представители буржуазных слоев населения города и деревни, которые укрывались от мобилизации на военных предприятиях. Как отмечалось, на Путиловском заводе накануне Октябрьской революции выходцы из буржуазных слоев населения составляли свыше 7%. Вероятно, в целом по промышленности Петрограда их доля была несколько меньше, допустим не более 7%. При таком проценте рабочих — выходцев из буржуазной среды в столице насчитывалось около 25 тыс. Относительно новых рабочих из эвакуированных и беженцев, получивших отсрочки по мобилизации, нет никаких исходных данных. Но можно допустить, что число отсрочек, приходившихся на долю рабочих предприятий, которые были эвакуированы из Прибалтики, не превышало 15—20 тыс.[46] Таким образом, на обе новые группы рабочих приходилось 40—45 тыс., а на довоенные кадры питерского пролетариата не менее 70 тыс. отсрочек «по служебной надобности», предоставленных к октябрю 1916 г.

Кроме того, часть рабочих призывного возраста не была мобилизована по состоянию здоровья. В годы войны, особенно в ее начале, действовали и льготы по мобилизации в связи с семейным положением. Их получало до 20—30% лиц, внесенных в призывные списки. Это в какой-то мере помогло сохранить довоенные кадры рабочих, которые несколько позднее были более надежно гарантированы от мобилизации отсрочками по «служебной надобности». Однако в ходе войны число предоставляемых льгот по семейному положению уменьшалось.

Подводя итоги сказанному, попытаемся определить вероятное число питерских рабочих, призванных в армию. К началу войны в Петрограде трудилось около 242 тыс. промышленных рабочих. Из них могло быть мобилизовано в армию примерно 116 тыс. человек. Получило отсроч-

[46] По данным З. В. Степанова, в феврале 1916 г. в Петрограде было зарегистрировано 100,7 тыс. беженцев из Польши, Прибалтики и других западных районов (см. «Рабочий класс и рабочее движение в России в 1917 г.». М., 1964, стр. 82). Но среди беженцев было крайне мало квалифицированных рабочих. Что касается эвакуированных рабочих, то их численность никак не превышала 40—50 тыс. человек (см. там же, стр. 83; «Вопросы истории», 1961, № 1, стр. 51).

ки в связи с работой на оборону не менее 70 тыс. человек. Кроме того, некоторые рабочие не были призваны в армию по болезни и семейным льготам. Следовательно, в 1914—1916 гг. из числа довоенных рабочих в армию было призвано не более 40 тыс. человек, или около 17%. Приведенные подсчеты подтверждаются и тем, что за годы войны квалификация взрослых рабочих-мужчин в петроградской промышленности снизилась незначительно [47].

Однако вопрос заключается не только в том, какая доля питерского пролетариата была мобилизована в армию, но и в том, за счет каких его групп происходила мобилизация. В этой связи представляют интерес соображения А. Г. Рашина. В ходе первых мобилизаций, наиболее ощутимо затронувших рабочий класс, призывалась в основном молодежь. Мобилизованные, пишет А. Г. Рашин, «несомненно, в значительной массе были рабочими младших возрастных групп, причем многие из них вступили в производство в период промышленного подъема 1910—1913 гг.» [48] Следовательно, первые военные мобилизации не коснулись основных пролетарских кадров.

Характерен такой факт. На Невском заводе мобилизация не задела снарядную мастерскую, где требовались знающие рабочие с большим производственным стажем. И именно эта мастерская была очагом большевизма на заводе [49], а ее рабочие — застрельщиками забастовок и революционных выступлений.

Позднее, в 1915—1916 гг., за участие в революционном движении тысячи передовых рабочих были уволены с предприятий и лишены отсрочек. Так, когда в феврале 1916 г. произошла забастовка на Путиловском заводе, он был по приказу администрации закрыт, 100 человек были арестованы, 2 тыс. человек (в том числе И. И. Газа) сняты с учета и отправлены в казармы. Такая же история повторилась в ноябре 1916 г. На место мобилизованных были присланы 5 тыс. солдат Тарутинского полка, бо́льшая часть которых раньше на заводах не работала [50].

[47] См. *С. Г. Струмилин.* Проблемы экономики труда. М., 1957, стр. 492.

[48] *А. Г. Рашин.* Формирование промышленного пролетариата в России, стр. 266.

[49] См. *Н. П. Паялин.* Завод имени Ленина. Л., 1933, стр. 313.

[50] См. «Красный путиловец. 125 лет. 1801—1926», стр. 88; *Ф. Лемешов.* На Путиловском заводе в годы войны. — «Красная летопись», 1927, № 2(23), стр 12, 15, 31—32.

По подсчетам И. П. Лейберова, за участие в массовых политических и отдельных антивоенных стачках, а также в экономических забастовках было призвано в армию около 6 тыс. революционных рабочих[51].

Если учитывать мобилизации на фронт и естественную убыль пролетариев, с одной стороны, и приток эвакуированных кадровых рабочих — с другой, то численность кадрового промышленного пролетариата в столице в 1917 г. можно определить приблизительно в 200—220 тыс. человек. Следовательно, этот политически доминировавший в рабочем движении слой пролетариата был в то же время и численно преобладающим.

Благодаря сохранению основных пролетарских кадров в Петрограде росло и ширилось революционное движение. Несмотря на аресты, крепли большевистские организации на предприятиях. Если летом 1915 г. в городе насчитывалось всего 800 большевиков, то к концу 1916 г. их число достигло 2 тыс.[52]

Приведенный выше расчет касается столичного пролетариата[53]. А как обстояло дело в других промышленных районах?

В Московском промышленном районе процент рабочих, забронированных за производством, был ниже, чем в Петрограде. По данным Московского заводского совещания, из 343 тыс. рабочих-мужчин старше 17 лет отсрочками пользовались 138,6 тыс., т. е. около 40%[54], по Петрограду же аналогичный процент равнялся 51 (из 223 тыс. рабочих старше 17 лет отсрочки имели примерно 115 тыс. человек).

Более широко затронули ряды рабочих в других районах и первые мобилизации. Например, на Московском металлическом заводе в течение первого года войны было мобилизовано 27% рабочих. На ситценабивной фабрике в Москве уже к ноябрю 1914 г. ушло в армию 26% пролетариев, а в течение всей войны — 38,7%. С Сормовского

---

[51] См. «Вопросы истории», 1961, № 1, стр. 53.

[52] См. «Большевики в годы империалистической войны. 1914 — февраль 1917». Сб. документов. М., 1939, стр. VII.

[53] Некоторые дополнительные данные, более полно раскрывающие изменения социальной структуры пролетариата Петрограда, приведены З. В. Степановым в кн.: «Рабочие Петрограда в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания». М.—Л., 1965, стр. 42 и др.

[54] См. «Вопросы истории», 1961, № 1, стр. 52.

завода в первую мобилизацию было призвано 25%, а на Надеждинском заводе (Урал) свыше 50% рабочих[55]. Всего на Урале война сократила кадровый состав пролетариата почти наполовину[56]. В Донбассе только первые мобилизации лишили шахты 30—40% рабочих (правда, здесь было немало непостоянных рабочих, не являвшихся кадровыми пролетариями), а металлургические заводы — 17%[57]. На Харьковском паровозостроительном заводе в июле 1914 г. из 3632 рабочих с большим производственным стажем в армию выбыли 1002 человека[58].

Как видим, картина, далеко не совпадающая с петроградской. Однако следует иметь в виду, что доля взрослых мужчин в промышленности страны (51,6%) была меньшей, чем в Петрограде (примерно 65%). Поэтому потенциально в промышленности страны (если учесть возрастную структуру рабочего класса) могло быть мобилизовано менее 42% всех пролетариев против 48% в Петрограде.

Л. С. Гапоненко на основании анкетного обследования, проведенного Особым совещанием по обороне на предприятиях, выполнявших военные заказы, приводит следующие данные относительно отсрочек в промышленности, полученных к 1917 г. (в процентах, см. табл. 2)[59].

Таблица 2

Категории предприятий	Военнообязанных	В том числе			
		получивших отсрочку	возвращенных из армии	военнослужащих	призывников
Целиком работавшие на оборону	60,0	49,5	1,3	5,0	4,2
Частично работавшие на оборону	44,5	38,3	0,5	0,5	5,2

[55] См. *Л. С. Гапоненко.* Рабочий класс России накануне Великого Октября. — «Исторические записки», т. 73. М., 1963, стр. 56.

[56] См. *П. В. Волобуев.* Пролетариат и буржуазия России в 1917 году. М., 1964, стр. 21.

[57] См. там же.

[58] См. *М. А. Рубач.* Пролетариат Украины накануне социалистической революции (численность, состав и концентрация). — В кн.: «Рабочий класс и рабочее движение в России в 1917 г.», стр. 55.

[59] См. «Исторические записки», т. 73, стр. 58—59.

Фабриканты и заводчики всеми правдами и неправдами добивались причисления своих предприятий к числу работавших «на оборону», искусственно завышая долю выполнения военных заказов. В итоге, по данным Особого совещания по обороне, на предприятиях, числившихся полностью или частично работавшими на «оборону», к концу 1916 г. было занято свыше 2 млн. рабочих[60], т. е. примерно около $^3/_4$ всех промышленных рабочих (без оккупированных территорий). Если учесть безусловно имевший место перелив кадровых, квалифицированных рабочих с фабрик и заводов, не дававших отсрочки от службы в армии, на предприятия, выпускавшие военную продукцию, следует допустить, что и по стране в целом из общего довоенного состава было изъято в армию не более 20% пролетариев. И это скорее максимальная, чем минимальная граница возможной доли мобилизованных.

П. В. Волобуев, приводя данные по московской промышленности о сокращении на 20% числа мужчин в возрасте 20—39 лет, отмечает, что их можно распространить на всю российскую индустрию. По его расчету, количество мобилизованных пролетариев (из промышленности) достигало 400—500 тыс. человек. «Отсюда следует, — пишет он, — что военные изъятия по отношению к мужской части рабочего класса составляли 20—25%, а по отношению ко всему довоенному промышленному пролетариату — 15—19%»[61]. Далее П. В. Волобуев заключает, что в составе рабочего класса сохранилось коренное пролетарское ядро, хотя доля его уменьшилась. Если, по подсчетам того же автора, «чистые пролетарии» составляли в 1913 г. около 60% всех промышленных рабочих, то после мобилизаций — примерно 200—250 тыс. кадровых рабочих (около 50% всех мобилизованных промышленных пролетариев), доля основного слоя рабочего класса уменьшилась примерно до 40%. Такой же стала доля основного слоя рабочего класса, например, на Урале, а на металлургических заводах Юга она упала с 65 до 44%[62].

Итак, несмотря на сохранение на предприятиях стра-

---

[60] См. *П. В. Волобуев.* Указ. соч., стр. 31.
[61] Там же, стр. 20.
[62] См. там же, стр. 20, 28—34.

ны большей части довоенных кадровых рабочих, имевших богатый опыт классовой борьбы, урон, нанесенный этим кадрам мобилизациями, был все же существен С другой стороны, тот факт, что широкая масса революционных рабочих оказалась вооруженной, имел положительное значение, потому что силы пролетариата как класса от этого увеличились, а не уменьшились, хотя в социальной структуре производственных коллективов произошли неблагоприятные изменения.

Благодаря сохранению пролетарского костяка на предприятиях новые группы рабочих постепенно перенимали традиции и опыт революционной борьбы против самодержавия и буржуазии.

Доля слоя недавних выходцев из мелкой буржуазии и других непролетарских групп трудового населения составляла примерно 40% к общей численности индустриальных рабочих Петрограда. В масштабе же промышленности всей страны можно предположить, что эта доля за годы войны поднялась по меньшей мере до 50%.

В составе рабочих за годы империалистической войны несколько возросла прослойка «рабочей аристократии», которая, однако, оставалась немногочисленной и незначительной по степени воздействия на широкие рабочие массы. В. И. Ленин отмечал как важнейший экономический признак этих верхних слоев рабочих участие в империалистической сверхприбыли. К политическим чертам этого слоя он относил также оппортунизм, стремление к блокам с буржуазией, неумение и нежелание вести революционную пропаганду и агитацию. В. И. Ленин характеризовал верхушку пролетариата как прослойку обуржуазившихся рабочих, «вполне мещанских по образу жизни, по размерам заработков, по всему своему миросозерцанию...» [63]. Уровень их оплаты соответствовал заработной плате низших категорий буржуазных специалистов и уже не находился в соответствии со сложностью труда и с рыночной ценой рабочей силы. Размеры заработка у привилегированных групп рабочих складывались так же, как и у специалистов, оклады которых, по характеристике В. И. Ленина, вы-

[63] *В. И. Ленин.* Полн собр. соч., т. 27, стр. 308.

нужденно стояли «в соотношении к буржуазным привычкам и к условиям буржуазного общества»[64].

В 1914 г. среднемесячный заработок у фабрично-заводских рабочих России равнялся 22,6 руб., а в Петроградской губернии, где состав рабочих был более квалифицированным и они отличались большей организованностью и сознательностью, — 36,7 руб. В 1915 г. средний по России месячный заработок рабочих поднялся в номинальном выражении до 26,8 руб., в том числе в Петроградской губернии — до 46,7 руб., в Московской губернии — до 24,6 руб. Таким образом, в этот период номинальная заработная плата основных пролетарских масс колебалась в пределах от 25 до 50 руб. в месяц. В то же время у ничтожных групп привилегированных рабочих среднемесячный заработок составлял 240—300 руб. Доля таких рабочих на заводе «Новый Лесснер» не превышала 4%, а на заводе «Вестингауз» — 3%. Монополисты России, особенно богатейшие из них — петроградские, захватившие в свои руки львиную долю военных заказов и получавшие гигантские военные сверхприбыли, имели полную возможность бросить подачку верхушечной части рабочих в виде повышенной заработной платы[65].

Конечно, процент рабочих с высокой оплатой труда не совпадает с долей «рабочей аристократии» в пролетариате. Как уже отмечалось, В. И. Ленин считал существенным признаком этого слоя также буржуазное мировоззерцание, которое было свойственно далеко не всем высокооплачиваемым рабочим. Однако сведения о заработной плате позволяют судить о мизерности слоя привилегированных рабочих. По мнению историков Ю. Н. Нетесина и П. В. Волобуева, доля этого слоя во всем промышленном пролетариате страны едва ли достигала даже 4%[66]. «Рабочая аристократия» составляла основную базу оппортунизма и социал-шовинизма в рабочем

---

[64] *В. И. Ленин.* Полн собр. соч., т. 44, стр. 199

[65] См. «Статистический сборник за 1913—1917 гг.». — «Труды ЦСУ», т. VII, вып 1. М., 1921, стр. 118—123, 128—129; данные по заводам «Новый Лесснер» и «Вестингауз» найдены И. П. Лейберовым («Вопросы истории», 1961, № 1, стр. 55—56).

[66] См. *Ю. Нетесин* О всеобщем законе капиталистического накопления в империалистической России. — «Известия Академии наук Латвийской ССР», 1962, № 10, стр 29—30; *П. В. Волобуев.* Указ. соч, стр. 26—27.

движении, однако ее роль и влияние на российский пролетариат были невелики. «Мы видим в России, — писал В. И. Ленин, — целый ряд оттенков оппортунизма и реформизма среди интеллигенции, мелкой буржуазии и т. д. Но он — в ничтожном меньшинстве среди политически активных слоев рабочих. Слой привилегированных рабочих и служащих у нас очень слаб» [67].

В общей массе «рабочей аристократии» доминировали привилегированные группы рабочих-металлистов, занятые в военном производстве. Значительны были аналогичные группы и среди печатников.

С «рабочей аристократией» тесно смыкались укрывавшиеся на заводах выходцы из буржуазных слоев населения, которые являлись проводниками буржуазных влияний на рабочий класс. Этот специфический слой в составе рабочих, строго говоря, не может считаться слоем пролетариата как класса. Этих временных пришельцев в фабрично-заводскую среду было бы правильнее рассматривать как членов буржуазных и средних слоев населения. Однако они входили в состав производственных коллективов и образовывали в пределах социальной структуры последних определенную специфическую социальную группу. По нашим подсчетам, они составляли примерно около 7% рабочих промышленных предприятий Петрограда. Вспомним, что именно такова была в августе — сентябре 1917 г. доля выходцев из чуждой пролетариату среды на Путиловском заводе. По данным, относящимся к другим крупным предприятиям, этот показатель отклонялся лишь незначительно. По мнению же П. В. Волобуева, в других промышленных районах и в целом по стране процент выходцев из буржуазной среды в заводских коллективах в канун Октября был не меньшим, чем в Петрограде [68].

Несколько месяцев, отделявших Февральскую революцию от Октябрьской, были насыщены крупными событиями в общественно-политической жизни страны. Как сказались они на составе рабочего класса?

Некоторые изменения в нем, действительно, произошли. В это время на предприятия вернулась часть рабочих, отправленных на фронт за участие в революцион-

---

[67] *В. И. Ленин.* Полн. собр соч., т. 26, стр. 331.
[68] См. *П. В. Волобуев.* Указ. соч., стр 24—25.

ном движении. Еще в апреле 1917 г. завком Путиловского завода обсуждал вопрос о необходимости возвращения из армии рабочих, «пострадавших по репрессиям прежнего правительства». Завком постановил «немедленно потребовать на Путиловский завод» революционных рабочих[69]. Начиная с конца апреля солдаты, работавшие прежде на заводе, стали возвращаться[70]. Завком Адмиралтейского завода добился возвращения нескольких сот квалифицированных рабочих, имевших многолетний производственный стаж[71]. В то же время рабочие повели борьбу за очищение заводов и фабрик от укрывавшихся на них от мобилизаций выходцев из непролетарских слоев населения. На Путиловском заводе летом 1917 г. была организована даже специальная «центральная следственная комиссия», которая занималась выявлением лиц, «не принадлежащих к трудовому классу»[72].

Продолжавшаяся война и катастрофически надвигавшаяся экономическая разруха поставили пролетариат перед угрозой массовой безработицы. В августе 1917 г. правление Путиловского завода намеревалось уволить 7—11 тыс. рабочих. Кроме того, буржуазия пыталась закрыть в столице такие крупные предприятия, как Петроградский вагоностроительный завод (Речкина), заводы «Сименс-Шуккерт», «Динамо» и др. Однако неоднократные попытки предпринимателей и Временного правительства закрыть в столице ряд заводов или сократить на них число рабочих провалились, так как встретили упорное и организованное сопротивление питерского пролетариата[73]. Благодаря этому безработица в Петрограде накануне Октябрьской революции не затронула основных слоев промышленного пролетариата. По данным профсоюза металлистов, на 25 сентября 1917 г. среди рабочих-металлистов насчитывалось всего

---

[69] ЛГАОРСС, ф. 101, оп. 1, д. 15, л. 35.
[70] Там же, л. 40; ф. 5870, оп. 1, д. 4, л. 53.
[71] ЛГАОРСС, ф. 1511, оп. 15, л. 24—26.
[72] ЛГАОРСС, ф. 5870, оп. 1, д. 6, л. 80—82.
[73] ЛГАОРСС, ф. 6276, оп. 1, д. 3, л. 41—42 (Доклад В. Шмидта о деятельности Исполнительной комиссии Петроградского совета профессиональных союзов 26 сентября 1917 г.); см. также «Металлист», 1917, № 4, стр. 3; ««Путиловец» на путях к Октябрю». Л., 1933, стр. 62.

1957 безработных[74]. За период от Февраля к Октябрю численность и состав рабочих ведущих отраслей промышленности Петрограда оставались в основном неизменными. Сводные статистические данные за этот период отсутствуют. Однако имеются сведения по крупнейшим металлообрабатывающим предприятиям, опубликованные в 1919 г. А. Г. Рашиным. По 12 крупным частным заводам[75] количество рабочих сократилось с 52 632 до 45 769 человек. Зато по 9 основным казенным и секвестрованным заводам[76] число рабочих возросло с 99 395 до 103 178 человек. В целом по всей этой группе заводов-гигантов, на которых трудились $^2/_3$ петроградских металлистов, количество рабочих почти не изменилось: на 1 января 1917 г. здесь было занято 152 027 человек, а на 1 октября 1917 г. — 148 947, т. е. всего на 3 тыс. меньше[77]. Следует также учесть, что до октября 1917 г. было закрыто только 2 крупных завода с числом занятых более 500. На этих предприятиях работало около 1,5 тыс. человек[78]. Всего с 1 марта по 1 августа 1917 г. фабричная инспекция учла в Петроградской губернии 63 приостановивших производство предприятия с общим количеством 4522 рабочих[79].

Однако в других районах страны положение было иным. К Октябрю 1917 г. прекратили работу многие текстильные предприятия Московского и Иваново-Вознесенского промышленных районов с десятками тысяч заня-

---

[74] ЛГАОРСС, ф. 4591, оп. 1, д. 60, л. 1.

[75] «Новый Лесснер», «Парвиайнен», завод общества франко-русских заводов, «Айваз», «Розенкранц», завод общества «Промет», завод военных и морских приборов общества «Сименс-Шуккерт», машиностроительный завод товарищества «Феникс», арматурный и машиностроительный завод общества «Лангензипен», «Старый Лесснер», Металлический завод, Механический завод.

[76] Балтийский, Ижорский, Обуховский, Арсенал Петра Великого, Петроградский трубочный, Петроградский патронный, Петроградский оружейный, Сестрорецкий, Путиловский.

[77] Подсчитано по данным, опубликованным А. Г. Рашиным в кн.: «Материалы по статистике труда», вып. 5. Пг., 1919, стр. 43. Поскольку сведений по Патронному заводу за октябрь 1917 г. не имеется, при подсчете общего числа рабочих по всей группе заводов за октябрь 1917 г. взяты по этому предприятию данные за январь 1917 г.

[78] Из материалов отдела статистики Областного комиссариата труда. — «Металлист», 1918, № 9—10, стр. 8.

[79] См. «Материалы по статистике труда Северной области», вып. 1, стр. 18.

тых на них промышленных рабочих. Закрылись некоторые рудники в Донецком бассейне, были на пороге закрытия паровозостроительный завод в Харькове и металлургические заводы Южно-Русского общества[80]. В Московской губернии за период с марта по август 1917 г. закрылось 71 предприятие с 45 378 рабочими, т. е. лишилось работы более 11% общего числа московских рабочих[81].

И все же эти изменения нельзя признать столь существенными, чтобы они могли сказаться на передвижении социальных сил в рядах всего рабочего класса. Соотношение различных групп внутри него, сложившееся к началу 1917 г., сохранилось таким же и к моменту Октября. Но политическое сознание рабочих, выходцев из среды трудящихся города и бедняцко-середняцких слоев деревни, существенным образом изменилось. Пройдя школу революционных схваток в период от Февраля до Октября 1917 г., они порвали с мелкобуржуазными иллюзиями и встали под знамена большевистской партии. Ко времени Октябрьского переворота основные группы российского пролетариата выступали единым фронтом — шли за большевиками.

Подведем некоторые итоги.

В годы мировой войны существенно изменилась социальная структура пролетариата. Из числа рабочих, занятых на промышленных предприятиях к началу войны, около 20% было мобилизовано в армию. Мобилизации затронули в первую очередь наиболее революционную часть рабочих. В итоге уменьшилась доля кадрового слоя пролетариата. В эти же годы резко увеличилась доля выходцев из бедняцко-середняцких прослоек деревни и пролетарской среды города, не получивших еще достаточной классовой закалки. Несколько возросла прослойка «рабочей аристократии». В своеобразных условиях империалистической войны в составе производственных коллективов появился новый слой рабочих — выходцев из буржуазной среды, укрывавшихся от мобилизации. Их пребывание на предприятиях не было вызвано экономической необходимостью.

---

[80] См. «Металлист», 1917, № 4, стр. 3—10.

[81] См. «Материалы по статистике труда Северной области», вып. 1, стр. 18.

Высокий процент новых рабочих (около 50% к общему составу рабочих в 1917 г.), не имевших опыта политической борьбы, наличие на предприятиях значительного количества выходцев из буржуазной среды, мобилизация и аресты наиболее передовых рабочих — все это во многом объясняет, почему некоторое время после Февральской революции мелкобуржуазные партии меньшевиков и эсеров пользовались известным влиянием на пролетариат.

Однако решающее значение для расстановки политических сил внутри российского пролетариата имело сохранение на предприятиях основной массы довоенных рабочих кадров. Важным фактором большевизации рабочего класса явилось возвращение из тюрем, ссылок и с фронта репрессированных царским правительством революционных рабочих. Обучаясь на опыте революции, избавились от мелкобуржуазных иллюзий, стали надежным резервом пролетарской революции новые рабочие. Проводники буржуазного влияния — «рабочая аристократия» и выходцы из социально чуждой пролетариату среды — были политически изолированы от основной массы рабочего класса к моменту Октябрьского вооруженного восстания.

§ 2. СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПЕРЕУСТРОЙСТВО ОБЩЕСТВА, МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ И РАБОЧИЙ КЛАСС

После победы Великого Октября в советском рабочем классе происходили весьма сложные процессы, которые были обусловлены не только общими закономерностями развития социалистической формации, но и временными, имманентно не присущими ей факторами, специфическими условиями развития советского общества.

Изменения в структуре рабочего класса были теснейшим образом связаны с деятельностью государства диктатуры пролетариата. Созидание нового общества явилось беспримерной по трудности задачей. Известно, что социализм в отличие от капитализма не получает от предшествующего строя в готовом виде новый социально-экономический уклад. Этот уклад может сформироваться и утвердиться только после победы социалисти-

ческой революции в результате сознательной планомерной преобразующей деятельности общества, во главе которого стоит рабочий класс.

Чтобы правильно понять изменения в социальной структуре рабочего класса, необходимо хотя бы вкратце проанализировать те общественные перемены, которые привели к резкому возрастанию его доли в населении страны, к появлению новых центров его сосредоточения

Рабочий класс — составная часть населения, поэтому изменения в структуре последнего, происходящие в процессе построения социализма, движение населения из деревни в город, из домашнего хозяйства в обобществленное производство и т. д., существенно сказываются на источниках пополнения, а тем самым и на облике рабочего класса.

Начало коренным преобразованиям социальной структуры советского общества было положено первыми же мероприятиями государства диктатуры пролетариата. В течение первого года существования Советской власти была экспроприирована помещичья и крупно-капиталистическая собственность. В итоге основные средства производства, командные высоты национальной экономики стали общенародным достоянием, а помещики и крупные капиталисты ликвидированы как классы.

Первоначально социалистический уклад не охватывал всего народного хозяйства. Большое значение имел мелкотоварный уклад. Сохранялся частнокапиталистический и получил развитие, правда в слабой степени, государственно-капиталистический уклад. На далеких окраинах было распространено патриархальное хозяйство.

На основе многоукладной экономики сформировалась чрезвычайно сложная классовая структура населения. Основными классами являлись рабочий класс, занятый преимущественно на социалистических предприятиях, и трудящееся крестьянство, связанное в большей части с мелкотоварным и патриархальным хозяйством. В составе буржуазии основную силу представляло кулачество. «Классы остались, — писал В. И. Ленин, — но *каждый* видоизменился в эпоху диктатуры пролетариата; изменилось и их взаимоотношение»[82].

Итогом переходного периода явилось: утверждение

[82] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т 39, стр. 279.

социалистического уклада как единственной, всеохватывающей системы хозяйства, завершение ликвидации буржуазии города и деревни как класса, развитие и укрепление рабочего класса, преобразование основной массы крестьянства, а также кустарей и ремесленников в социалистическую общественную группу, базирующую свой труд и благосостояние на общественной собственности на средства производства.

Все это знаменовало переход к качественно новому этапу в революционном преобразовании социальной структуры общества.

Качественные изменения социальной структуры населения СССР в переходный период от капитализма к социализму количественно выражаются в статистических

Таблица 3

КЛАССОВЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ СССР
(1913—1937 гг.) [83]

	1913 г.	1928 г.	1937 г.
Все население (включая неработающих членов семей) . . .	100,0	100,0	100,0
В том числе:			
рабочие и служащие . . .	17,0	17,6	45,7
колхозное крестьянство и кооперированные кустари	—	2,9	48,8
крестьяне-единоличники (без кулаков) и некооперированные трудящиеся кустари и ремесленники . . .	66,7	74,9	5,5
помещики, крупная и мелкая городская буржуазия, торговцы и кулаки	16,3	4,6	—

[83] «Народное хозяйство СССР в 1961 году». М., 1962, стр 27. По вопросу об изменении социальной структуры советского общества в переходный период от капитализма к социализму см. *Г. Е. Глезерман* Ликвидация эксплуататорских классов и преодоление классовых различий в СССР. М, 1949; *В. С. Немчинов.* Великая Октябрьская социалистическая революция и изменение классовой структуры советского общества — В сб: «Всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции» М., 1957; «Изменение классовой структуры общества в процессе строи-

данных, приведенных в табл. 3 (в процентах). К 1937 г. рабочие и служащие составляли 45,7% населения против 17% в 1913 г.; сформировалось колхозное крестьянство, которое вместе с кооперированными кустарями к 1937 г. составляло 48,8% населения страны; доля крестьян-единоличников и некооперированных кустарей, поднявшаяся было с 66,7% в 1913 г. до 74,9% в 1928 г., упала к 1937 г. до 5,5%. Помещики и буржуазия (включая торговцев и кулаков), чья доля в составе населения до революции равнялась 16,3%, к 1937 г. исчезла совершенно.

В результате социалистических преобразований имело место великое социально-классовое передвижение населения. Десятки миллионов мелких производителей стали работниками социалистических предприятий и членами социалистических кооперативов, сотни тысяч бывших эксплуататоров были перевоспитаны и также влились в трудовые массы страны социализма.

После Великой Октябрьской социалистической революции в основе движения населения лежали принципиально иные закономерности, которые являются проявлением зависимостей, присущих новой социально-экономической формации. Естественно, что в процессе складывания социалистических производственных отношений эти особенности не сразу выявились со всей определенностью. Более того, труднейшие условия, в которых шло формирование нового общества в нашей стране (гражданская война и интервенция, а затем длительный восстановительный цикл; Отечественная война 1941—1945 гг. и послевоенное восстановление), часто выдвигали на первый план проблемы специфические, но тем более острые и злободневные. Поэтому, чтобы выявить в движении населения нашей страны за более чем полувековой период существования Советской власти общие

тельства социализма и коммунизма». М., 1961; *И. Ю. Писарев.* Население и труд в СССР. М, 1966 Кроме того, есть ряд работ, особенно экономистов и философов, в которых данный вопрос рассматривается попутно, а также исследования, касающиеся отдельных сторон социальной структуры советского общества 1917—1937 гг. Однако нет еще и поныне специального фундаментального историко-социального исследования по данной проблеме См. библиографический указатель «Социальные изменения рабочего класса СССР в процессе социалистического и коммунистического строительства» М, 1967

тенденции, необходимо отвлечься от таких конкретно-исторических особенностей данного процесса, которые были вызваны действием временных, непостоянных, не опосредованных имманентными особенностями формации факторов мобильности [84].

В 1913 г. в современных границах СССР проживало 159,2 млн. человек. Несмотря на гигантские потери 1914—1920 гг., когда, например, деревня лишилась 14 млн. мужчин в работоспособном возрасте, население страны в 1940 г. составило уже 194,1 млн. человек [85].

В канун революции основная масса населения России проживала в деревнях и занималась сельским хозяйством. Городское население составляло лишь 18%. К концу гражданской войны, поскольку промышленность была парализована топливно-сырьевым и продовольственным кризисом, а возможности применения рабочих рук в сельском хозяйстве возросли в связи с разделом помещичьей земли между крестьянами, доля городских жителей в составе населения страны упала до 15%. К 1926 г. (как показала перепись населения) обратная миграция в города лишь восстановила дореволюционное соотношение между сельским и городским населением (соответственно 82 и 18%).

Социалистическая индустриализация, развернувшаяся с середины 20-х годов, решительно изменила облик «деревенской Руси». Избыточное сельское население [86] широким потоком хлынуло в промышленные центры, появились сотни новых городов. К 1939 г. горожане составляли уже 32% жителей страны. Этот исторически прогрессивный процесс перемещения рабочей силы из сельского хозяйства в индустриальные районы перехлестывал все организованные формы, в ходе его имела место значительная обратная миграция в деревню и меж-

---

[84] См. *Г. М. Максимов.* Движение и состав населения СССР. — «История СССР», 1961, № 1; *И. Ю. Писарев.* Народонаселение СССР. М., 1962; *Б. Ц. Урланис.* Динамика и структура населения СССР и США. М., 1964.

[85] См. «Страна Советов за 50 лет». Сб. статистических материалов. М., 1967, стр. 15.

[86] В 1926 г в СССР (без Закавказья) было 9 млн. человек избыточного сельского населения рабочего возраста. См. *Л. Е. Минц.* К проблеме аграрного перенаселения (К вопросу о характере городской безработицы). — «Вопросы труда», 1926, № 2, стр. 16; *его же.* Аграрное перенаселение и рынок труда в СССР. М.—Л., 1929.

городская миграция, связанная с постепенной и зачастую нелегкой адаптацией вчерашнего крестьянина к непривычной городской среде.

О том, как выглядел процесс формирования городского населения в годы наибольшего его прироста, можно судить по данным табл. 4.

Таблица 4

ПРИБЫТИЕ, ВЫБЫТИЕ И ОСЕДАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В ГОРОДАХ СССР ЗА 1928—1935 гг. (В ТЫС. ЧЕЛОВЕК) [87]

Годы	Прибыло	Выбыло	Оседание в городах
1928	6 477	5 415	1 062
1929	6 958	5 566	1 392
1930	9 534	6 901	2 633
1931	10 810	6 710	4 100
1932	10 605	7 886	2 719
1933	7 416	6 644	772
1934	11 856	9 404	2 452
1935	13 732	11 176	2 556

Город поглотил в эти годы весь естественный прирост населения в стране. С декабря 1926 г. до января 1939 г. (по данным переписи населения) естественный прирост составил 23,5 млн. человек; численность же жителей села при естественном приросте в 18,2 млн. человек уменьшилась на 6,1 млн., тогда как количество горожан увеличилось на 29,6 млн. человек [88].

При этом сосредоточение населения в городах шло не столько за счет расширения ранее сложившихся промышленных центров, сколько путем создания новых очагов промышленности, новых городов. В процессе социалистического строительства изменилось территориальное

[87] «Труд в СССР». Статистический сборник. М., 1936, стр. 7.

[88] Данные по миграции населения из сел в города взяты из: *С. Сулькевич.* Территория и население СССР. М., 1940, стр. 30; *Ю. В. Арутюнян.* Коллективизация сельского хозяйства и высвобождение рабочей силы для промышленности. — В сб.: «Формирование и развитие советского рабочего класса (1917—1961 гг.)». М., 1964; *А. Г. Рашин.* Рост городского населения в СССР (1926—1959 гг.). — «Исторические записки», т. 66.

размещение рабочего класса. Ф. Энгельс писал: «Только общество, способное установить гармоническое сочетание своих производительных сил по единому общему плану, может позволить промышленности разместиться по всей стране так, как это наиболее удобно для ее развития и сохранения, а также и для развития прочих элементов производства» [89].

Промышленность дореволюционной России размещалась преимущественно в Европейской части страны, да и в пределах этой части была сосредоточена в трех основных районах (Центр, Северо-Запад и Юг). На них приходилось 67% выпуска промышленной продукции и 69% всех рабочих. В первое десятилетие после Октября существенных сдвигов в этом отношении не произошло.

Крупные изменения в географии промышленности связаны с первыми пятилетками. Мощное индустриальное строительство, развернувшееся в эти годы, вызвало миграционные процессы невиданного в истории человечества масштаба. Сопоставим данные переписей населения 1926 и 1939 гг. За 12 лет население всей страны увеличилось на 15,9%, а население краев и областей Урала, Сибири и Дальнего Востока — на 33%, в том числе население Хабаровского края — на 136,4%, Читинской области — на 73%, Свердловской — на 53,4%, Новосибирской — на 53,3%. В Европейской части страны население концентрировалось в районах интенсивного промышленного строительства: количество жителей Донецкой области выросло на 91%, Московской области (без Москвы) — на 73,8%. В то же время в ряде районов повышенного аграрного перенаселения абсолютная численность жителей сократилась: в Курской области — на 10,4%, в Рязанской — на 8, в Пензенской — на 17,9%.

Весь прирост приходился на городское население. Число городских жителей в Карагандинской области увеличилось в 15 раз, в Мурманской — в 14, в Новосибирской — в 4, в целом по Уралу — почти в 3, в Казахстане — в 3,3, в Туркмении — в 3 раза. Таким образом, крупнейшие территориальные перемещения рабочей силы были тесно связаны с освоением природных богатств восточных районов России, а также с формиро-

[89] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т 20, стр. 307.

ванием рабочего класса в национальных республиках Востока [90].

Однако далеко не все внегородское население сохранило занятие сельским хозяйством в качестве основного источника дохода. Поэтому доля лиц, трудившихся в сельскохозяйственном производстве, была намного меньше доли сельского населения (см. табл. 5).

Из табл. 5 видно, что доля занятых в сельском хозяйстве сократилась за годы социалистического строительства с трех четвертей до немногим более половины населения. При этом, конечно, пропорции далеко не соответствовали рациональному использованию трудовых ресурсов. В связи с недостаточной механизацией и интенсификацией сельскохозяйственное производство потребляло чрезмерно большое количество рабочих рук.

Существенно изменилось и распределение занятых по другим отраслям народного хозяйства. Доля рабочих промышленности в составе работников наемного труда ко времени Октябрьской революции равнялась примерно 17,5%. К 1940 г. из общего числа рабочих и служащих страны — 31,2 млн. человек промышленность насчитывала без малого 11 млн. человек. Если общая численность рабочих и служащих выросла по сравнению с 1917 г. на 10 млн. человек, т. е. в 1,5 раза, то в промышленности — в 3 раза. Доля промышленного персонала в

---

[90] См. *С. Сулькевич.* Территория и население СССР, стр. 10, 11, 22, 25; см. также обширную литературу по формированию новых отрядов рабочего класса, особенно на национальных окраинах, обзор которой дан Р. П. Дадыкиным в статье «Состояние и задачи изучения проблемы формирования и развития советского рабочего класса (Историография проблемы)» в сб. «Формирование и развитие советского рабочего класса (1917—1961 гг)». М., 1964; там же см. статью: *Н. И. Шишкин* Сдвиги в географии трудовых ресурсов за годы Советской власти; *Б. М. Митупов.* Основные этапы и источники формирования рабочего класса в республиках Советского Востока, и др.

Большая работа по изучению процессов складывания рабочего класса проводится историками в Сибири и национальных республиках. См. *Т. С Мельникова.* Формирование промышленных кадров в Узбекистане. Ташкент, 1956; *Б. М. Митупов.* Развитие и формирование рабочего класса Бурятской АССР (1923—1937 гг.). Улан-Удэ, 1958; *М. Караханов.* Формирование кадров рабочего класса в Туркменской ССР. — «Известия Академии наук Узбекской ССР». Серия общественных наук, 1959, № 2; *Н. С. Сангиев.* Формирование и развитие рабочего класса в Таджикской ССР. — «Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук», 1960, вып. 2;

Таблица 5

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ, ЗАНЯТОГО В НАРОДНОМ ХОЗЯЙСТВЕ, ПО ОТРАСЛЯМ (БЕЗ УЧАЩИХСЯ И ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, В %) [91]

	1913 г.	1940 г.
Всего занято в народном хозяйстве .	100	100
В том числе:		
в сельском и лесном хозяйстве (включая личное подсобное сельское хозяйство)	75	54
в промышленности и строительстве	9	23
на транспорте и в связи	2	5
в торговле, общественном питании, заготовках, материально-техническом снабжении	9	5
в просвещении, здравоохранении, науке и научном обслуживании, в искусстве	1	6
в аппарате органов государственного управления, органов управления общественных и кооперативных организаций, в кредитных и страховых учреждениях . .	4	3
в прочих отраслях народного хозяйства (жилищно-коммунальное хозяйство и т. д.)		4

общей массе рабочих и служащих поднялась до 35,3% [92]. Обширная страна с редкими в прошлом маяками круп-

К. Г. Лобжанидзе. Создание рабочего класса в национальных районах Северного Кавказа. — «Ученые записки» Пятигорского пед. ин-та, т. 22, 1960, «Развитие рабочего класса в национальных республиках СССР». М., 1962; *А. С. Московский* Формирование и развитие рабочего класса Сибири в период строительства социализма. Новосибирск, 1968; *Г. В. Казбеков.* Формирование и развитие рабочего класса в Северной Осетии (1860—1940 гг.). Орджоникидзе, 1963; *Г. И. Милованов.* Очерк формирования и развития рабочего класса в Дагестане (90-е годы XIX в. — июнь 1941 г.). Махачкала, 1963; *А. Н. Нусупбеков.* Формирование и развитие советского рабочего класса в Казахстане (1917—1940 гг.) Алма-Ата, 1966; *Р. Т. Шлопак.* Формирование и развитие рабочего класса БССР (1921—1941 гг.). — «История СССР», 1967, № 6, и другие исследования.

Этот вопрос нашел также отражение в очерках по истории рабочего класса, изданных в ряде союзных республик.

[91] «Страна Советов за 50 лет», стр 215

[92] См. «Народное хозяйство СССР в 1962 году». М., 1963, стр. 451; «СССР в цифрах в 1963 году». М., 1964, стр. 143, 145; «Страна Советов за 50 лет», стр. 218—219.

ной промышленности, терявшимися в безбрежном море крестьянских хозяйств, чтобы рывком вырваться из отсталости, была вынуждена не только основную массу средств, но и наибольшее количество кадров отдать создающейся тяжелой промышленности — технико-экономическому костяку социалистического хозяйства.

Мощные потоки миграции как из деревни в город, так и между отраслями особенно активно сказались на социальных судьбах женщин — выходцев из трудовой среды.

В дореволюционной России женщины составляли всего лишь пятую часть всех тех, кто имел самостоятельные занятия. 55% из женщин, работавших по найму, были домашней прислугой, 25% — батрачками, 13% работали в промышленности и на строительстве, 4% — в просвещении и здравоохранении.

Советская власть сразу провозгласила равноправие женщин и повела борьбу за их фактическое равенство с мужчинами. Первое условие такого равноправия — широкое вовлечение женщин в трудовую деятельность на заводах, в колхозах, в институтах и учреждениях.

Для этого были необходимы коренные изменения основ рабочего быта. По первому из проведенных обследований бюджета времени (в 1922 г.) у работниц на домашнее хозяйство уходило пять часов, при этом на воспитание детей оставалось не более часа. Потребовались многие годы социалистического переустройства страны, чтобы достичь заметных успехов в раскрепощении женщин от оков отупляющего домашнего хозяйства. Этому способствовала огромная работа по организации общественного воспитания детей-дошкольников. В результате значительные массы женщин смогли приобщиться к общественному труду.

В годы восстановления народного хозяйства проблема женского труда была осложнена значительной безработицей. К 1 января 1924 г. доля работниц в составе рабочих кадров крупной промышленности составляла 27,5% — меньше, чем в 1921 г. Наличие безработицы вынуждало при наличии в семье кормильца — мужчины отказывать женщине в приеме на работу. Но начиная с 1924 г., по мере подъема народного хозяйства, роль женщин на производстве возрастает. Если общая численность рабочих в промышленности с 1 января 1924 г. по

1 февраля 1929 г. увеличилась на 181%, то число работниц выросло на 202%.

Социалистическая индустриализация страны, сопутствовавшая ей ликвидация безработицы привели к решающим переменам в использовании женского труда, отвлекли миллионы женщин из сферы домашнего хозяйства в общественное производство. Масштабы этого движения были грандиозны. Если в 1929 г. численность женщин-работниц и служащих равнялась 3,1 млн. человек (27% к общему числу рабочих и служащих), то в 1940 г. их было уже без малого 12 млн. (38%). При этом женщины трудились на самых важных участках народного хозяйства. Так, в промышленности их доля выросла с 1928 по 1940 г. с 28,6 до 42,9%, в том числе в машиностроении — с 8,9 до 31,5% [93].

Именно широкое привлечение женщин к труду на предприятиях и в учреждениях позволило в годы Великой Отечественной войны в больших масштабах провести мобилизацию на фронт мужчин-рабочих.

Серьезной проблемой демографического движения занятой в производстве части населения является изменение возрастного состава. На 1 января 1917 г. в промышленности России, по данным фабричной инспекции, малолетние в возрасте от 12 до 15 лет составляли 2,1% пролетариев, подростки от 15 до 17 лет — 11,1%. Во время гражданской войны также пришлось прибегнуть к широкому применению труда подростков и рабочих старшего поколения, но малолетние почти исчезли из сферы производства.

В годы восстановления народного хозяйства возрастной состав рабочих значительно изменился. Уменьшилась доля подростков и стариков, вырос процент рабочих в наиболее трудоспособном возрасте. В целом по стране, по данным переписи 1926 г., среди фабрично-за-

---

[93] См. *А. Г. Рашин.* Женский труд в СССР. М., 1928, стр. 7; *С. Г. Струмилин.* Проблемы экономики труда. М., 1957, стр. 291—292; «Женщина в СССР». Статистический сборник. М., 1960, стр. 31, 37; «Из истории рабочего класса СССР». Л., 1962, стр. 132; «Коммунизм и труд». Статистический справочник. М., 1964, стр. 54. По этому вопросу см также *Г. Н. Серебренников.* Женский труд в СССР. М.—Л., 1934; *Н. Д Араловец.* Женский труд в промышленности СССР. М., 1954; *В Бильшай.* Решение женского вопроса в СССР. М., 1956; *Н. И. Татаринова.* Женский труд в народном хозяйстве СССР. — В сб.: «Вопросы труда в СССР». М., 1958, и другие работы.

водских рабочих было 62,4% лиц в возрасте 20—39 лет, 21,7% — в возрасте 40—59 лет, 1,2% — в возрасте 60 лет и старше.

В эти годы был прекращен прием на работу лиц в возрасте до 16 лет. Доля подростков (16—17 лет) приняла нормальный характер, колеблясь в пределах 4—5%. Если до революции основная масса рабочих (около 70%) начинала трудиться по найму в возрасте до 15 лет, то после революции типичным возрастом начала работы в промышленности стал 16—18 лет.

В годы индустриализации страны произошло значительное омоложение рабочих кадров, так как на производство пришла в основном молодежь. Средний возраст рабочих различных профессий в 1932—1933 гг. колебался от 26 до 33 лет. При этом наименьшим средний возраст рабочих был в отраслях промышленности, наново созданных в годы первых пятилеток. Характерно, что средний возраст рабочих в металлопромышленности снизился с 31 года в 1929 г. до 28,8 года в 1932/33 хозяйственном году. На Магнитогорском металлургическом комбинате, например, молодежь в возрасте до 23 лет составляла к концу первой пятилетки 58% всех рабочих[94].

Эти краткие сведения, разумеется, не претендуют на раскрытие демографических показателей состава рабочего класса. Речь идет лишь о том, чтобы выяснить, в какой мере возраст новых пополнений, да и средние возрастные показатели рабочего класса соответствовали потребностям нормального воспроизводства кадровых рабочих, обеспечивали рабочим старших возрастов возможность «осваивать» новые пополнения, обучать их производственным навыкам, передавать им свой политический, социально-классовый опыт. Приведенные данные показывают, что за исключением периода гражданской войны пропорции между возрастными группами были удовлетворительными для решения этих задач.

Важной стороной социальной мобильности в рабочем

[94] Материал по возрастной характеристике рабочего класса взят из: «Статистический сборник за 1913—1917 гг.». Труды ЦСУ, т. VII, вып. 1. М., 1921, стр. 39; *А. Г. Рашин.* Состав фабрично-заводского пролетариата СССР, стр. 58—59; *М. Гольцман* и *Л. Коган.* Старые и новые кадры пролетариата. По данным переписи 13 профсоюзов, проведенной в 1932—1933 гг. М., 1934, стр. 25; *А. А. Матюгин.* Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства. М., 1962, стр. 255.

классе при переходе общества от капитализма к социализму являлось перемещение рабочих и служащих из частнокапиталистического в обобществленный (социалистический) сектор народного хозяйства.

Бешеное сопротивление, оказанное буржуазией Советской власти и выразившееся в экономическом саботаже и в развертывании гражданской войны, вынудило пролетарское государство ускорить процесс обобществления крупной, а затем средней и мелкой промышленности. Практически к концу гражданской войны национализация промышленности была завершена. Уже к осени 1918 г. в собственность Советского государства перешло 35% всех заводов и фабрик, в том числе 51,9% с числом рабочих от 1 тыс. до 5 тыс. и 82,6% с числом от 5 тыс. и более. Эти данные не охватывают предприятий Урала и Юга [95]. По данным Всероссийской переписи промышленных заведений, в декабре 1920 г. из 1 766 349 рабочих на государственных предприятиях трудились 1 550 964 человека, т. е. 87,6% [96].

Таким образом, государство непосредственно контролировало все стороны жизнедеятельности предприятий, на которых была занята основная масса рабочих. Но и на предприятиях, остававшихся еще в частной собственности, основные социально-экономические процессы, связанные с судьбами занятых на них рабочих, находились под контролем государства [97].

Даже в 1925/26 хозяйственном году — время расцвета

[95] См. *В. З. Дробижев.* Главный штаб социалистической промышленности. М., 1966, стр. 91, 93

[96] См. «Всероссийская перепись промышленных заведений 1920 г.». Сводный выпуск. Труды ЦСУ, т. III, вып. 8. М., 1926, стр. 218.

[97] Процесс национализации промышленности в 1917—1920 гг. подробно изучен советскими авторами. Опубликованы сотни статей, десятки брошюр и книг. Назовем лишь некоторые труды: *В. А. Виноградов.* Социалистическое обобществление средств производства в промышленности СССР (1917—1920 гг.). М., 1955; *его же.* Вопросы теории и практики социалистической национализации промышленности. М., 1964; *И. А Гладков* Очерки советской экономики 1917—1920 гг. М., 1956; *А. В. Венедиктов.* Организация государственной промышленности в СССР, т. I. 1917—1920 гг. Л., 1957; *Л. Е. Анкудинова.* Национализация промышленности в СССР (1917—1920 гг.). Л., 1963; *В. З. Дробижев.* Социалистическое обобществление промышленности в СССР. — «Вопросы истории», 1964, № 6; *В. З. Дробижев.* Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1966, и другие работы.

нэпманского предпринимательства — во всем народном хозяйстве было занято (без переменно-поденных рабочих и домашних работниц): в обобществленном хозяйстве — 7,8 млн. наемных работников (81,2% к их общему числу), в частном — 1,8 млн. (18,8%). Через 9 лет частное предпринимательство практически исчезло. К 1935 г. лишь 10 тыс. человек трудились на предприятиях капиталистического типа, тогда как 24,5 млн. рабочих и служащих были заняты на государственных предприятиях и в учреждениях [98].

Если в промышленности и других индустриальных отраслях уже вскоре после революции подавляющее большинство рабочих трудилось на социалистических предприятиях, то иная картина наблюдалась в сельском хозяйстве. Здесь вплоть до массовой коллективизации существовали батраки, а также полупролетарии, для которых не собственное хозяйство, а продажа своей рабочей силы служила основным источником дохода. Так, в 1926/27 хозяйственном году насчитывалось всего 3,2 млн. сельскохозяйственных рабочих и батраков, в том числе 1,5 млн. работавших по найму в кулацких хозяйствах, 420 тыс. занятых в крестьянских хозяйствах некапиталистического типа. Кроме того, имелись миллионы поденщиков. Примерно половина всех этих людей в ходе коллективизации стала членами колхозов, остальные — рабочими социалистических предприятий [99].

Итак, в ходе борьбы с капитализмом внутри страны в годы социалистической реконструкции народного хозяйства был полностью завершен процесс мобилизации пролетариев, эксплуатировавшихся капиталистами, в ряды рабочих социалистических предприятий. Это привело к ликвидации социальных различий в рабочей среде по месту и форме найма рабочей силы, а тем самым усилилось социальное сплочение рабочего класса [100].

---

[98] См. «Труд в СССР». М., 1936, стр. 24.

[99] См. *И. С. Семыкин.* Социальные изменения сельскохозяйственного пролетариата СССР в процессе социалистического переустройства деревни. — В кн.: «Изменения социальной структуры советского крестьянства». Тезисы. Минск, 1965, стр. 51, 55; *В. П. Данилов.* Сельское население Союза ССР накануне коллективизации (По данным общенародной переписи 17 декабря 1926 г.). — «Исторические записки», т. 74, стр. 96—103.

[100] Исследование проблем борьбы за вытеснение капиталистов из промышленности (как, впрочем, и из других отраслей народного

Величайшим завоеванием была ликвидация застойной безработицы, являвшейся следствием аграрного перенаселения отсталой деревни, многоукладности экономики в первом пятнадцатилетии существования Советского государства и недостаточности развития промышленности. В течение 1918 г. в результате отлива городского населения из голодающих городов и ухода рабочих в создававшуюся Красную Армию безработица, столь значительная в декабре 1917 — апреле 1918 г., постепенно исчезла. В целом по стране в январе — апреле 1918 г. на 100 безработных приходилось 33 свободных места, а в декабре 1918 г. — уже 83,5. В ряде отраслей наблюдалась нехватка рабочей силы. А в 1919 г. и особенно в 1920 г. приходилось прибегать даже к мобилизации рабочей силы в промышленность.

В годы восстановления народного хозяйства по мере улучшения материального положения рабочих временная и обусловленная чрезвычайными обстоятельствами нехватка рабочей силы сменилась устойчивым избытком неквалифицированных людей, ищущих применения своему труду. Правда, и в эти годы квалифицированных промышленных рабочих не хватало. К 1928 г. в стране насчитывалось свыше 1,5 млн. зарегистрированных безработных. Но уже к октябрю 1930 г. вся эта огромная масса, а также миллионы людей, которые и не искали работу из-за невозможности получить ее, влились в ряды строителей нового общества [101]. Таков был крупнейший итог первых лет первой пятилетки [102].

хозяйства) ведется пока что в неизмеримо меньших масштабах, чем изучение проблем национализации промышленности в 1917—1920 гг. Можно указать на следующие труды (помимо названных выше): *А. В. Венедиктов.* Организация государственной промышленности в СССР, т. II, 1921—1934 гг. Л, 1961; *Т. К Рафаилова.* Положение рабочих и классовая борьба на частнокапиталистических предприятиях в период нэпа (1921—1929 гг.). — Труды Ленинградского технологического ин-та имени Ленсовета, вып. 47, 1958; *Л. Ф. Морозов.* Решающий этап борьбы с нэпманской буржуазией. М., 1960; *М. Н. Черноморский.* Динамика и социальная структура промышленности СССР 1917—1925 гг. в статистике ЦСУ. Автореферат диссертации М., 1966.

[101] ЦГАОР СССР, ф. 382, оп. 4, д. 124-а, л 1, см. *А. Аникст* Организация рабочей силы в 1920 году. М, 1921; «Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах». М, 1957, стр 247.

[102] Вопросы, связанные с рынком рабочей силы, нашли широкое освещение в литературе 20—30-х годов. Эти работы строились

Ликвидация безработицы с точки зрения изменения социального облика рабочего класса означала уничтожение деления последнего на занятую и резервную части, она привела к существенному улучшению материального благосостояния рабочего класса в целом [103].

на материалах текущей статистики труда, в которой большое внимание уделялось показателям социально-классовой структуры рабочих пополнений Кроме того, начиная с 1923 г. проводились специальные разработки материалов бирж труда (карточек учета безработных), выборочные опросы. Весь этот огромный материал публиковался в изданиях по статистике труда, а в обобщенном виде — в специальных публикациях и монографиях статистиков и экономистов См., в частности, «Статистика рынка труда». М., 1922; «Труд в СССР. Статистико-экономический обзор (1922—1924 гг.)». М., 1924; «Труд в СССР. Статистический справочник за 1924—1925 гг.». М., 1926; «Труд в СССР. Справочник. 1926—1930 гг.». М., 1930; «Бюллетень по учету труда. Итоги 1931 года». М., 1932; «Труд в СССР. Экономико-статистический справочник». М—Л., 1932; «Труд в СССР. Статистический справочник». М., 1936; см. также: «Материалы по статистике труда», вып. 4—15 М., 1919—1924; «Статистика труда» (ежемесячник). М., 1922—1929, и др. Из монографий наиболее ценны: *С. Г. Струмилин.* Наши трудовые ресурсы и перспективы. — «Хозяйственное строительство», 1922, вып. 2. М., 1922; *Л. Е. Минц.* Труд и безработица в России (1921—1924 гг.). М., 1924; *его же.* Отход крестьянского населения на заработки в СССР. М, 1925; *его же.* Аграрное перенаселение и рынок труда в СССР. М.—Л., 1929; *Л. И. Лубны-Герцык.* Движение населения на территории СССР за время первой мировой войны и революции. М, 1926, «Отход сельского населения на заработки в СССР в 1926—1927 гг.». М., 1929; *З. Мордухович.* Использование трудовых ресурсов и подготовка кадров. М.—Л., 1932, и др. Современные исследователи продолжают изучение советского опыта борьбы с безработицей. См., например, *М П. Довженко.* Ликвидация безработицы и осуществление права на труд в СССР. — В кн.: «Научные труды Московского экономического ин-та», вып. 10. М., 1957; *А. С. Сычева.* Как была ликвидирована безработица в СССР. — «Вопросы истории», 1967, № 1; *К. И. Суворов* Исторический опыт КПСС по ликвидации безработицы (1917—1930 гг). М., 1968; *Л. С. Рогачевская.* К вопросу о социалистическом преобразовании сельского хозяйства и ликвидации безработицы в СССР. — В сб.: «Роль рабочего класса в социалистическом преобразовании деревни». М, 1968

[103] См. *О. И. Шкаратан.* Материальное благосостояние рабочего класса СССР в переходный период от капитализма к социализму (По материалам Ленинграда). — «История СССР», 1964, № 3.

§ 3 ПОЛИТИКА ПРОЛЕТАРСКОГО ГОСУДАРСТВА ПО РЕГУЛИРОВАНИЮ СОЦИАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПОПОЛНЕНИЯ И ПРОПОРЦИЙ ЭЛЕМЕНТОВ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РАБОЧЕГО КЛАССА

Основное направление регулирования социальной структуры рабочего класса на протяжении большей части переходного периода включало: недопущение выходцев из буржуазной среды на крупные предприятия; комплектование кадров в промышленности в первую очередь за счет детей рабочих, подбор на предприятия выходцев из деревни с учетом социальной среды, в которой они воспитывались, и их социальных связей, т. е. преимущественное предоставление работы членам семей бедняков и середняков.

Проследим на отдельных законодательных и иных государственных актах регулирования подбора кадров на предприятиях развитие этого процесса.

В связи с окончанием империалистической войны и задачей перестройки промышленности на мирной основе возникла весьма сложная проблема временного и весьма значительного сокращения численности рабочих, занятых прежде всего на металлообрабатывающих заводах. 20 декабря 1917 г. Народный комиссариат труда РСФСР принял постановление о временном закрытии большой группы предприятий, изготовлявших военную продукцию, чтобы приостановить непроизводительную трату оставшегося топлива и сырья [104].

Известно, что реорганизация производства на выпуск мирной продукции была поручена профсоюзам. В связи с этим профсоюз металлистов издал ряд циркуляров, в которых намечались практические пути демобилизации промышленности. В одном из циркуляров (от 28 декабря 1917 г.), в частности, говорилось, что переход к работам мирного времени требует частичного сокращения рабочих. При этом рекомендовалось руководствоваться следующим:

«1. На заводе должно остаться известное количество рабочих, безусловно необходимых в интересах дальнейшего функционирования производства... наличность которых представляет для предприятия особенную техническую ценность.

[104] См «Металлист», 1918, № 1, стр 63.

2 Как правило, необходимо установить очередь расчета на членов профессионального союза.

3. Безусловно рассчитывать:

а) манкирующих и недобросовестно относящихся к работе;

б) заведомо порочащих рабочую среду;

в) лиц, отказывающихся подчиняться пролетарской трудовой дисциплине.

Рабочий класс как добрый хозяин должен организовать производство на заводах с таким расчетом, чтобы оставить тех рабочих, которые абсолютно необходимы в интересах дальнейшего производства, и рассчитать тех, без которых можно и должно обойтись» [105].

Этот принцип увольнения людей, мало связанных с рабочим классом, был проведен в жизнь.

Вспомним, что тогда же с фронта вернулись мобилизованные в армию кадровые рабочие. Поэтому проблема сводилась не только к тому, чтобы освободить предприятия от выходцев из непролетарской среды, но и создать условия к возвращению на заводы кадровых рабочих. В решении данной проблемы огромная роль в первые месяцы Советской власти принадлежала инициативе масс. На заводах создавались специальные комиссии, занимавшиеся увольнением рабочих в связи с прекращением военного производства, разрабатывались подробные инструкции о том, кого увольнять и кого принимать на работу. Например, комиссия, созданная на Путиловском заводе, в своей инструкции, относящейся к январю 1918 г., предложила цеховым комитетам и цеховым расчетным комиссиям следующий план: в первую очередь уволить с завода собственников, имеющих землю, промышленные или коммерческие предприятия, дома с квартирами для сдачи внаем и т. д. Комиссия рекомендовала выяснять реальное имущественное положение намеченных к увольнению у крестьянских комитетов или у волостных Советов. Кроме того, предлагалось удалить с завода «мертвые души», т. е. лиц, которые числились рабочими, чтобы получить освобождение от военной обязанности, но занимались спекуляцией и другими посторонними для завода делами [106].

---

[105] См там же, стр. 63—66

[106] ЛГАОРСС, ф 5870, оп 1, д 2, л 99—100.

10—13 марта состоялся съезд комиссаров труда и руководителей бирж труда Московского промышленного района. Съезд принял резолюцию, в которой отмечалось, что «удалению могут подвергаться отдельные рабочие, имеющие достаточный дополнительный заработок или имущественно обеспеченные» [107].

В резолюции общего собрания рабочих и служащих Константиновского завода в Ярославле, принятой в это же время, говорилось, что на завод в первую очередь должны приниматься рабочие, которые служили на нем до войны и были мобилизованы в армию. Особенно подчеркивалось, что увольнению подлежат «все лица, имеющие движимое и недвижимое имущество, дающее возможность к существованию» [108].

Позднее, когда во многих отраслях промышленности эта проблема уже не была столь острой, продолжавшиеся увольнения происходили также с учетом социально-классовых связей. Так в августе 1918 г. президиум правления Тверского профессионального союза текстильщиков принял решение о необходимости из-за сокращения производства уволить крестьян, имеющих собственное хозяйство [109].

С конца 1918 г. постепенно стали назревать проблемы иного типа. Развернувшаяся гражданская война заставила пойти на привлечение в промышленность лиц, имущественное положение которых не вынуждало их заниматься наемным трудом, т. е. пойти на определенное «засорение» рядов рабочего класса. Биржи труда из организаторов трудового посредничества были превращены в ноябре 1918 г. в «Отделы распределения рабочей силы» [110]. Еще ранее постановлением Народного комиссариата труда от 3 сентября 1918 г. безработным было запрещено отказываться от предлагаемых рабочих мест [111]. Характерно, что отдел рынка труда Народного комиссариата труда циркуляром от 15 февраля 1919 г. отдал распоряжение всем местным отделам распределе-

---

[107] ЦГАОР СССР, ф. 5453, оп. 2, д. 27, л. 247—247 об.

[108] Государственный архив Ярославской области, ф. Р-162, оп. 1, д. 167, л. 23—24.

[109] Государственный архив Калининской области, ф. Р-505, д. 2571, л. 21 об.

[110] См. СУ, 1918, № 80, ст. 838.

[111] См. СУ, 1918, № 64, ст. 704.

ния рабочей силы ни в коем случае не чинить препятствий к регистрации лиц, ищущих работу, хотя бы те раньше и не трудились по найму, например крестьян, имеющих свои земельные участки, ремесленников, торговцев и других выходцев из буржуазных слоев населения [112]. Более того, в том же 1919 г. впервые было начато осуществление трудовой повинности для мужчин в возрасте от 18 до 50 лет, которые к этому времени не имели определенного рода занятий, а также для торговцев, священников и других лиц, не занятых с точки зрения пролетарского государства общественно полезным трудом. Многие из этих людей были направлены в промышленность. В последние месяцы 1920 г. к этому источнику присоединился новый — в виде трудовых мобилизаций сельского населения на предприятия. 13 сентября 1920 г. Совет Народных Комиссаров издал постановление о призыве военным ведомством трех старших возрастов (мужчин, родившихся в 1888—1886 гг.) и передаче их Главкомтруду для трудовых целей. В результате по нарядам Наркомтруда только в петроградскую промышленность было направлено более 10 тыс. человек [113].

Все эти экстраординарные меры, конечно, не соответствовали задачам пролетарской диктатуры в борьбе за укрепление социальной монолитности рабочего класса и были временным явлением.

Поэтому после гражданской войны начался естественный процесс очищения состава рабочих от чуждых и случайных элементов. Выступая на XI съезде РКП(б), В. И. Ленин говорил: «Очень часто, когда говорят «рабочие», думают, что значит это фабрично-заводский пролетариат. Вовсе не значит. У нас со времен войны на фабрики и на заводы пошли люди вовсе не пролетарские, а пошли с тем, чтобы спрятаться от войны...» [114]. Вот от этих людей и нужно было очистить предприятия.

Прежде всего из рабочих коллективов были изгнаны политически враждебные элементы, которые подстрекали трудящихся на выступления против Советской власти. Так, 26 марта 1921 г. Бюро фракции коммунистов Петро-

[112] См. *Я. А. Цыпин.* Законодательство по регулированию рынка труда и трудового посредничества в СССР. М., 1925, стр. 22.

[113] См. «Бюллетень бюро статистики труда», № 31. Пг., 1921, стр. 1.

[114] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 106

градского губернского комитета Всероссийского союза рабочих металлистов, рассмотрев вопрос об уволенных за участие в февральско-мартовских забастовках 1921 г., решило: «Тех рабочих, кои принадлежат к политическим партиям, ведущим борьбу против Советской власти, а также лиц, принимающих активное участие в организации забастовок, на заводы не возвращать» [115].

Большая работа проводилась по демобилизации трудармейцев и трудмобилизованных. 1 марта 1921 г. было опубликовано постановление об отпуске домой трудмобилизованных тех возрастов, к которым относились и демобилизуемые из Красной Армии [116]. В течение 1921 г. такие рабочие были полностью демобилизованы.

Постепенно в законодательном порядке была восстановлена свобода найма и увольнения. Окончательно новый порядок пополнения предприятий рабочей силой закрепили постановление СНК от 9 февраля 1922 г. «О порядке найма и увольнения рабочих и служащих» [117] и декрет ВЦИК от 3 марта того же года под идентичным названием [118]. Государственная монополия посредничества по найму передавалась отделам распределения рабочей силы, которые в связи с изменившимися функциями были реорганизованы и получили прежнее свое наименование — биржи труда [119].

В этот же период, как и сразу после Октябрьской революции, специальными постановлениями и инструкциями были созданы предпосылки для концентрации на предприятиях «чистых пролетариев» и недопущения на заводы лиц, имеющих нетрудовые источники дохода.

В мае 1921 г. ЦК РКП(б) в постановлении «Об отношении к беспартийным рабочим» обратился к членам партии с призывом: «Коммунисты из советских учреждений — на фабрики и заводы» [120]. Тогда же ЦК принял специальное обращение к коммунистам-фронтовикам, разъяснявшее необходимость «произвести переброску

---

[115] ЛГАОРСС, ф. 4591, оп. 5, д. 26, л. 55

[116] См. «Петроградская правда», 1 марта 1921 г.

[117] См. СУ, 1922, № 17, ст. 179.

[118] См. СУ, 1922, № 22, ст. 236.

[119] См. Циркуляр Народного комиссариата труда от 12 апреля 1922 г.; *Я. А. Цыпин* Законодательство по регулированию рынка труда и трудовому посредничеству в СССР, стр. 82.

[120] «Правда», 7 мая 1921 г.

части военных работников на наиболее важные заводы». В обращении говорилось: «Вы принесете с собой из армии дух точности и исполнительности в выполнении боевых заданий труда, где царит расхлябанность, внесете дух героизма и самоотверженности туда, где свили себе гнездо неверие в свои силы, слабость и шкурничество» [121].

Позднее были изданы инструкции, по которым лица, ищущие работу, разделялись на несколько категорий. Например, инструкцией отдела рынка труда НКТ СССР от 13 августа 1923 г. устанавливались две группы «ищущих труда на бирже труда»: 1) собственно безработные, не имеющие никакого заработка или дохода; 2) имеющие иные источники дохода. Преимущественное право поступления на работу предоставлялось первой группе. 13 марта 1924 г. НКТ СССР издал уточняющую инструкцию, согласно которой в первую группу были отнесены квалифицированные рабочие и лица умственного труда, получившие специальное образование, а также служащие, полуобученные рабочие и чернорабочие, имевшие стаж работы по найму (служащие — более трех лет, остальные — не менее года); демобилизованные из Красной Армии независимо от стажа работы по найму; выпускники вузов, специальных учебных заведений, школ ФЗУ [122]. Кроме того, на местах вводились дополнительные ограничения. Смысл всех этих акций очевиден. В результате претворения их в жизнь заводские коллективы пополнялись кадровыми работниками и освобождались от непролетарских элементов.

Принципы отбора рабочей силы по социально-классовому признаку продолжали действовать и в последующие годы, когда никакой проблемы безработицы в стране уже не было. Характерно, что ЦК ВКП(б) в своих решениях о мероприятиях по плановому обеспечению народного хозяйства рабочей силой и борьбе с текучестью указывал, что при приеме на работу необходимо отдавать преимущество выходцам из пролетарской среды. Об этом же говорилось в постановлении НКТ СССР от 23 декабря 1930 г., а также в постановлении III сессии ЦИК СССР пятого созыва от 10 января 1931 г., принятом по докладу о мероприятиях по подготовке кад-

[121] «Петроградская правда», 6 мая 1921 г.

[122] См. «Сборник важнейших узаконений и распоряжений по труду РСФСР и СССР» М., 1924, стр. 36, 39.

ров квалифицированной рабочей силы. В последнем из названных постановлений совершенно четко указывалось, что основными источниками комплектования рабочего класса должны быть семьи рабочих и служащих, батраки, члены кустарно-промысловой кооперации, колхозники, а также бедняки и середняки [123].

Каковы же были реальные тенденции развития социальной структуры рабочего класса, в какой мере совпадали они с программируемыми?

В предыдущем разделе уже отмечалось, что наряду с двумя основными слоями рабочего класса в его рядах имелся также, хотя и ничтожно малый, слой «рабочей аристократии», а также лица, которые, не входя в социальную структуру рабочего класса, вместе с тем являлись элементом социальной структуры производственных коллективов, т. е. случайные пришельцы в фабрично-заводскую среду, укрывавшиеся на предприятиях от воинских мобилизаций.

Рассмотрим сначала, что́ произошло после Октября с «рабочей аристократией».

В старой России она сосредоточивалась либо в отраслях военного производства, где в годы войны были особенно велики сверхприбыли, либо в отраслях, обслуживавших буржуазного потребителя. В. И. Ленин предупреждал, что столкновения с «рабочей аристократией» будут неизбежны [124]. И действительно они имели место в первые месяцы Советской власти. Не случайно, что в профсоюзе печатников большевистское правление было избрано лишь в январе 1918 г. [125] Не случайно и то, что в мае 1918 г. кучка высококвалифицированных электриков своей «волынкой» парализовала Путиловский завод [126].

---

[123] См. «Рабочие кадры. Сборник действующего законодательства и ведомственных распоряжений о подготовке рабочих кадров и о снабжении ими народного хозяйства». Составитель С. Лившиц. М., 1931, стр. 99, 112, 159—160.

[124] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 276.

[125] См. «Печатное дело» (Пг), 1918, № 14.

[126] О событиях на Путиловском заводе см. «Петроградская правда», 30 мая, 13 августа 1918 г.; «Красная газета», вечерний выпуск, 7 июня 1918 г.; «Северная коммуна», 16 августа 1918 г.; «Рабочий контроль и национализация промышленных предприятий Петрограда в 1918—1919 гг.», г. I. Л., 1947, стр. 413—415, 417; «Красный архив», 1939, т. 5(96), стр. 80—81.

Ликвидация господства империалистической буржуазии выбила экономическую основу из-под «рабочей аристократии». В ходе социалистического строительства высококвалифицированные и ранее высокооплачиваемые мастера были постепенно перевоспитаны и стали плотью от плоти своего класса.

Теперь о рабочих, вышедших из нетрудовой среды и поступавших на предприятия не в силу экономической необходимости. После Октябрьской революции центральные и местные органы проводили энергичные меры по очистке производственных коллективов от этих людей. Необходимость их увольнения диктовалась и тем, что они принимали активное участие в антисоветских выступлениях. Весной и летом 1918 г. меньшевикам и эсерам удалось, спекулируя на продовольственных трудностях, усилившихся в связи с контрреволюционными мятежами в хлебопроизводящих районах, и опираясь на отсталую часть рабочих, прежде всего на выходцев из нетрудовых слоев населения, спровоцировать забастовки на некоторых заводах и фабриках. В. И. Ленин еще в выступлении на III Всероссийском съезде Советов требовал очистить предприятия от случайных элементов: «...эти элементы... мы должны выкинуть вон, удалить, включить в фабрично-заводские предприятия все лучшие пролетарские элементы и из них создать ячейки будущей социалистической России» [127].

Совет народного хозяйства Северного района провел подобную чистку. Результаты не замедлили сказаться. На Обуховском заводе из 4,5 тыс. рабочих после реорганизации и увольнений было оставлено 2 тыс. Примечательно, что, несмотря на сокращение работников более чем в 2 раза, объем производимой продукции увеличился. Аналогичная картина наблюдалась на Путиловском заводе, заводе Речкина и других предприятиях [128].

После окончания гражданской войны, во время которой государственные органы были вынуждены не только допускать, но даже мобилизовывать для работы на предприятиях выходцев из нетрудовой среды, вновь развер-

---

[127] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 275.

[128] См. «Петроградская правда», 10 ноября 1918 г.; «Северная коммуна», 16 августа 1918 г.; «Известия ВЦИК», 21 декабря 1918 г.; «Пример социалистического строительства хозяйства» (Пг.), 1918, стр. 15—16.

нулся процесс очищения заводов и фабрик от социально чуждых элементов. Характерно, что почти из 4 тыс. человек, уволенных из металлообрабатывающих предприятий Петрограда в начале 1922 г., лишь 45 уехали в деревню и 437 зарегистрировались на бирже труда, остальные же 3,5 тыс. человек остались в городе, но поисками работы не занимались, так как имели другие источники существования. Это были буржуазные и мелкобуржуазные элементы городского населения [129].

Вместе с тем по мере улучшения экономического положения страны и укрепления советского строя со стороны этих элементов усиливалось стремление попасть на промышленные предприятия. Здесь играли роль не только экономические соображения. В государстве диктатуры пролетариата поступить на завод означало для детей и иных родственников нэпманов, кулаков, торговцев, не говоря уже о представителях ликвидированных классов помещиков и крупной буржуазии, еще и «улучшение» их социального статуса. Следует также учесть, что выходцы из зажиточных слоев деревни стремились извлечь выгоду из специфической ситуации: дороговизна квалифицированного труда в городе при дешевизне рабочих рук в деревне. Специальное обследование, проведенное в конце 1929 г., показало, что на крупных заводах («Большевик», «Кооператор» и др.) некоторые рабочие с 20—30-летним производственным стажем имели в деревне крупное хозяйство с наемной силой. Они причисляли себя к кадровым, потомственным рабочим, поскольку еще их отцы действительно работали на заводах [130]. Между тем таких людей никак нельзя было причислить к кадровым рабочим (в социальном смысле этого понятия).

Проверка, проведенная партийными органами в 1926 г., показала, что на «Красном треугольнике», например, работали бывшие офицеры царской армии, потомственные дворяне и т. д. В то же время на этом же предприятии в результате массовых и недостаточно продуманных наборов рабочей силы скопилось много выходцев из деревни, у которых была низка трудовая дисциплина и чье классовое воспитание лишь начиналось. До-

[129] ЛГАОРСС, ф. 4591, оп. 5, д. 9, л. 4.
[130] ЛГАОРСС, ф. 4591, оп. 13, д. 1258, л. 20—23.

статочно сказать, что бо́льшая часть этих людей не состояла даже членами профсоюза [131].

Конечно, немало выходцев из нетрудовых слоев населения искренне стремилось войти в ряды рабочего класса. Однако именно в их среде особенно часто встречались люди, враждебные советскому строю, становившиеся на путь вредительства, провоцирования забастовок и т. д.

Нельзя изучать процессы регулирования источников пополнения рабочего класса, методы регулирования его социальной структуры в отрыве от реальной социально-экономической и социально-политической ситуации в стране. Следует помнить прежде всего, что до конца 20-х годов удельный вес промышленного рабочего класса в СССР был крайне мал, да и наличные предприятия просто не могли в те годы принять всех желающих поступить на них. Приходилось, естественно, устанавливать какую-то очередность в наборе рабочей силы, при этом, конечно, не по принципу состояния здоровья. Подавляющее большинство населения страны составляли крестьяне и непролетарские слои населения города. По всем направлениям шла ожесточенная борьба между социализмом и капитализмом, между рабочим классом и буржуазией. Важной формой этой борьбы было перевоспитание последней. Однако в конкретных условиях нашей страны, когда приходилось прилагать величайшие усилия для перевоспитания вчерашних крестьян, бороться с влиянием нэповской буржуазии на отсталые слои рабочих, требовалось всячески оберегать цитадели диктатуры пролетариата от социально чуждых элементов. Этим людям не закрывали путь на заводы, но право на гордое звание рабочего Путиловского или Брянского завода сыну капиталиста, а тем более самому капиталисту следовало доказать честным трудом на строительстве, на погрузочно-разгрузочных работах и т. д.

Благодаря принятым мерам, как показали профсоюзные переписи 1929 и 1932/33 гг., в составе фабрично-заводских рабочих таких людей было немного, а их доля незначительна.

---

[131] См. *П. Береиделин.* О новых слоях рабочего класса. — «Под знаменем коммунизма», 1927, № 2, стр. 73; *Б. Шабалин.* «Красный треугольник». Л., 1935, стр. 227.

§ 4. ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СЛОИ В РАБОЧЕМ КЛАССЕ И ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

Какова же была динамика соотношения в переходный период двух основных слоев рабочего класса — слоя кадровых и слоя формирующихся рабочих. Существующие источники, относящиеся к большей части рассматриваемого периода, недостаточны для всестороннего освещения проблемы.

Очевидно, что пропорции этих слоев предопределялись социальными источниками комплектования рабочего класса и характером социальной мобильности в обществе, связанных с общей экономической и социально-политической обстановкой в стране на разных этапах ее развития.

После социалистической революции, примерно до лета — осени 1918 г., изменения в рабочем классе обусловливались прежде всего оттоком лиц, связанных с деревней, отправлявшихся на раздел помещичьей земли, а также демобилизацией промышленности, лишавшей этих людей рабочих мест со сравнительно высокой оплатой труда [132]. Н. Антонов, один из руководителей промышленности в годы гражданской войны, отмечал: «Одной из наиболее интересных задач рабочего контроля была ликвидация пришлого элемента на заводах... С другой стороны, среди этого пришлого элемента заводского населения в связи с приближением весенних полевых работ и близким разделом земли зародилась тяга в деревню» [133].

Отдел рынка труда НКТ РСФСР в августе 1918 г. в своем отчете указывал, что в результате проведенных на заводах сокращений рынок труда был наводнен рабочими военного времени, в большинстве своем чуждыми той профессии, к которой они себя причисляли. В результате биржи труда при наличии большого числа зарегистрированных на них «металлистов» не могли послать на работу квалифицированного слесаря, кузнеца или формовщика [134].

В итоге промышленная и профессиональная перепись,

[132] См. *А Аникст.* Организация распределения рабочей силы. М., 1920, стр. 51, и др.

[133] *Н. Антонов* Два года диктатуры пролетариата в металлопромышленности Петрограда Пг., 1920, стр. 15.

[134] ЦГАОР СССР, ф. 382, оп 4, д 7, л. 1—8

Таблица 6

ОТНОШЕНИЕ РАБОЧИХ К ЗЕМЛЕ (1918 г.) [135]

	Оба пола		Мужчины		Женщины	
	Всего	%	Всего	%	Всего	%
Давшие ответ о наличии земли на момент опроса	989 293	100	563 243	100	426 050	100
Не имевшие земли на день переписи	672 067	67,9	364 238	64,6	307 829	72,3
Имевшие на день переписи свою землю или землю своей семьи	317 226	32,1	199 005	35,4	118 221	27,7
в том числе ведущие свое хозяйство при помощи членов своей семьи	225 831	22,7	146 941	26,1	78 890	18,5
Всего ответивших на вопрос о наличии земли до революции	983 855	100	561 029	100	422 826	100
Не имевшие до революции своей земли или земли своей семьи	675 444	68,8	367 374	65,4	308 070	72,8
Имевшие до революции свою землю или землю своей семьи	308 411	31,2	193 655	34,6	114 756	27,2
в том числе ведущие свое хозяйство при помощи членов своей семьи	205 509	20,9	131 939	23,5	73 570	17,4

[135] Таблица составлена и подсчитана по: «Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 года...». Труды ЦСУ, т. XXVI, вып 2. М., 1926, стр. 118—119.

В этой таблице, как и в других материалах, приводимых далее по переписи, сообщаются данные, не совпадающие с расчетными показателями, полученными по этим же материалам другими авторами. Дело в том, что некоторые историки, определяя долю имеющих землю, долю участвующих в управлении и долю грамотных, исчислили их по соотношению количеств таких рабочих к общему числу опрошенных, не учтя при этом, что значительная часть рабочих в ходе переписи ответила не на все вопросы переписного бланка.

проведенная в августе 1918 г., зафиксировала высокий уровень социальной однородности рабочего класса, преобладание в его рядах кадровых рабочих. Основным показателем этой социальной однородности служило отсутствие связи с собственным хозяйством у большинства рабочих. Сам по себе этот показатель при отсутствии данных о производственном стаже и других сведений не дает возможности с достаточной надежностью выделить основные социальные слои в рабочем классе и установить их границы, но он помогает хотя бы вчерне наметить их соотношение. Рассчитанная нами по опубликованным материалам переписи 1918 г. табл. 6 раскрывает связь рабочих с деревенским хозяйством.

Из таблицы видно, что более $^2/_3$ рабочих на момент переписи не имели земли. Доля имевших землю почти совпадала с долей тех, кто имел ее до революции. Совершенно понятно, почему эти показатели совпали по материалам переписи. Те, кто принял участие в разделе помещичьей земли и наново стал владельцем деревенского хозяйства, как правило, к моменту переписи покинул заводы. Однако интересно другое: доля заведших на своей земле хозяйство, а не числившихся лишь владельцами земли заметно возросла. Если в 1917 г. эта доля по отношению к числу всех давших ответ о наличии земли составляла 20,9%, то к августу 1918 г. доля ведших свое хозяйство при помощи членов семьи достигла 22,7%. Иначе говоря, увеличилась доля лиц, имевших реальную экономическую связь с собственным хозяйством. И это касалось тех рабочих, которые, несмотря на трудности послереволюционных месяцев, не покинули свои рабочие места и не вернулись в деревню.

Высокий удельный вес кадровых рабочих прослеживается также по данным о местожительстве членов семьи опрошенных. Из числа семейных рабочих, давших ответ о месте проживания членов семьи (490 512), 85,1% сообщили, что вся семья живет при них. У 3,3% часть семьи жила при них, а часть — на стороне, видимо в деревне; у 10,0% вся семья жила на стороне; 1,6% рабочих отправили семьи в свои деревни или в другие места из-за продовольственных затруднений [136].

[136] Подсчитано по кн.: «Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 года...». Труды ЦСУ, т. XXVI, вып. 2, стр. 106—107.

Невелик был процент рабочих, уходивших на летние полевые работы. Из общего числа 1,14 млн. опрошенных обычно уходили на работы в своих хозяйствах 19,3 тыс. человек. Кроме того, на работу по найму на весенне-летний период уходили 1,8 тыс. рабочих. В 1917 г. среди опрошенных уходивших на полевые работы было больше: в свои хозяйства отправлялись 20,3 тыс. человек, а на работу по найму — около 2 тыс. человек. 1918 год дал уже значительное приращение: 43,7 тыс. рабочих покидали фабрики и заводы, чтобы поработать в своих хозяйствах, а на работу по найму уходило свыше 6 тыс. человек. Очевидно, в процентном отношении доля рабочих, столь активно связанных с собственным хозяйством, оставалась небольшой. По-видимому, возрастание сезонной миграции рабочей силы было в большей мере связано с продовольственными затруднениями в городах, хотя определенное приращение объяснялось и таким фактором, как обзаведение собственным хозяйством в деревне тех семей, которые до революции лишь формально числились членами сельских общин [137].

Связь рабочих с собственным хозяйством, наличие

Таблица 7

ОТНОШЕНИЕ РАБОЧИХ К ЗЕМЛЕ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ГРУППАМ ПРОИЗВОДСТВА (1918 г.) [138]

Отрасли промышленности	Всего опрошено	Дали ответ		В том числе			
				имевшие свою землю на день переписи		не имевшие своей земли на день переписи	
	Всего	Всего	%	Всего	%	Всего	%
Машиностроительная промышленность	145 259	128 168	100	32 706	25,5	95 462	74,5
Металлообрабатывающая промышленность	22 708	20 735	100	6 205	25,1	14 530	74,9
Каменноугольная промышленность	9 667	9 183	100	6 290	68,5	2 893	31,5
Металлургия (железорудная и железоделательная промышленность)	21 757	20 168	100	8 876	43,5	11 292	66,5
Химическая промышленность	53 259	43 489	100	12 858	29,5	30 631	70,5
Текстильная промышленность	581 483	495 155	100	171 653	34,4	323 502	65,6

[137] Там же, стр. 126—129.

[138] Таблица составлена по: «Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 года . .». Труды ЦСУ, т. XXVI, вып. 2, стр. 120—121.

у рабочих земли в значительной степени колебались по отраслям и районам.

Из табл. 7 видно, что доля лиц, связанных с собственным хозяйством, значительно разнилась по отраслям производства. У металлистов она равнялась четверти всех работающих; у металлургов достигала 43%, у текстильщиков была несколько меньше — 34,4%. Наибольший процент рабочих, связанных с деревней, был в каменноугольной промышленности, которая, как известно, вообще в значительной мере обладала ко времени революции непостоянными кадрами, активно привлекая к себе сроковых рабочих.

Существенные колебания наблюдались также в отношении рабочих к земле по губерниям. В Петрограде, где основная масса рабочих была занята на крупных предприятиях, требовавших относительно квалифицированной рабочей силы, постоянного контингента кадров, доля имеющих землю была наименьшей (79,9 тыс. вообще не имели земли, 16,1 тыс. имели землю и лишь 9,1 тыс. вели хозяйство при помощи членов семьи). В Москве же, где преобладала легкая промышленность и менее крупные предприятия, насчитывалось 63,1 тыс. рабочих, не имевших земли, 39,3 тыс. имевших землю, в том числе 24,0 тыс. ведших хозяйство при помощи членов семьи [139]. Из всего сказанного можно заключить: менее чем через год после Октябрьской революции преобладающей фигурой на предприятиях стал кадровый рабочий, доля слоя формирующихся рабочих не превышала, по-видимому, трети.

На высококачественный состав рабочего класса к началу гражданской войны указывают и материалы обследований профессионального стажа рабочих, проведенных в конце 1918 — начале 1919 г. По этим данным, средний стаж 627 слесарей Путиловского завода в конце 1918 г. равнялся 16,4 года; средний стаж 576 текстильщиков-мужчин в декабре 1918 г. составлял 17 лет, а 6136 текстильщиц — 12,5 года; у табачников-мужчин средний стаж 895 опрошенных в начале 1919 г. был равен 6,2 года, а у 6239 табачниц — 7,9 года [140].

[139] См. «Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 года...». Труды ЦСУ, т. XXVI, вып. 2, стр. 118—119.

[140] См. *А. Г. Рашин.* Динамика рабочего состава в промышленности за 1913—1922 гг. — В сб. «Вопросы заработной платы. Труды

Однако надо помнить, что тогда же с заводов ушла в армию, в государственный аппарат, на работу в деревню политически зрелая часть рабочего класса, авангард кадровых рабочих. Хотя массовые общественные организации охватывали значительную часть трудящихся (в профсоюзах, например, состояли 893 тыс. рабочих), активное участие в общественной жизни принимали немногие: какую-либо общественную должность занимали лишь 2,5% из давших ответ на этот вопрос; общественные поручения выполняли только 0,4% опрошенных работниц [141].

В годы гражданской войны переписи и обследования, материалы которых могли бы послужить специальным источником для изучения изменений социальной структуры рабочего класса, не проводились. Поэтому придется ограничиться отдельными иллюстративными примерами, раскрывающими в самой общей форме тенденции процесса.

Обстоятельство, которое необходимо учесть прежде всего, — это мобилизации кадровых рабочих на фронт. Крупные изъятия в армию начались осенью 1918 г. и продолжались вплоть до 1921 г. По данным переписи населения, проведенной в августе 1920 г., в Красной Армии и Флоте рабочие составляли 14,9% всех военнослужащих. На 1 января 1921 г. в армии служило 4,11 млн. человек, следовательно, рабочих среди них было 619,4 тыс. Заметим попутно, что в это число входят и непромышленные рабочие. Кроме того, по примерным подсчетам, к 1921 г. на фронтах гражданской войны погибло не менее 180 тыс. рабочих [142].

комиссии экономических исследований ВСНХ», вып. 1. М., 1923; «Труд» (орган ПГСПС), № 10, 23 июня 1919 г.; *Е. Смиттен.* Квалификация петроградских табачников. — «Вестник труда», 1921, № 10—11, стр. 115—141.

[141] См. «Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 года . .». Труды ЦСУ, т XXVI, вып. 2, стр. 168—169.

[142] См. *А. А. Матюгин.* Изменения в составе промышленных рабочих СССР в восстановительный период (1921—1925 гг.). — В сб.: «Изменения в численности и составе советского рабочего класса». М., 1961, стр. 100; *его же.* Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства. М., 1962, стр. 46; см. также *С. М. Кляцкин.* На защите Октября. М., 1965, стр. 466 (по его подсчетам, к концу гражданской войны в Красной Армии было 630—760 тыс. рабочих).

Дело, однако, не только в числе ушедших на фронт и погибших. Ведь в армию направлялись лучшие представители рабочего класса. Поэтому реально ослабление его сил было значительно большим, чем это показывают любые из существующих в литературе данные об оттоке рабочих из промышленности.

Поскольку данные переписи 1920 г. (которые использовал А. А. Матюгин) включают как промышленных, так и непромышленных рабочих, взятых в профессиональной группировке, оперирование этими сведениями для исчисления доли мобилизованных на фронт промышленных рабочих вряд ли эффективно. Представляется возможным следующий расчет. Если исходить из того, что в РСФСР без Польши, Финляндии и Прибалтики было порядка 2,5 млн. промышленных рабочих, а в их составе — около 60% мужчин, то с учетом болезней, отсрочек, возрастной структуры промышленных рабочих получится, что на фронт могло быть мобилизовано не более 400—500 тыс., т. е. максимум 25—30% мужчин-рабочих. На деле же, по-видимому, мобилизовано было меньше. При этом к кадровым рабочим, а их доля к 1917 г. составляла 40%, может быть отнесено не более 200 тыс. мобилизованных [143].

Кроме того, значительное количество рабочих было направлено на работу в деревню. Всего по стране с августа 1918 г. по 15 апреля 1921 г. в продовольственные отряды мобилизовали 74 689 человек. Эта цифра далеко не полна, так как многие продотрядовцы не возвращались на свои заводы, немало их погибло в борьбе с кулачеством [144].

---

[143] В кн С. М. Кляцкина («На защите Октября», стр. 466—467) приведен неправильный конечный расчет доли рабочих, мобилизованных в армию (62—75% мужчин). Он берет общее число рабочих в армии и соотносит его с численностью промышленных рабочих в стране в 1918 г. На самом же деле в силу возрастного состава, высокого процента непригодных к фронтовой службе этот показатель следует снизить более чем в 2 раза. С. М. Кляцкин не учел также, что процент мобилизованных надо исчислять относительно численности рабочих в 1917 г., так как временно отхлынувшие в деревню в 1918 г. еще не могли по своим социальным свойствам стать крестьянами Характерно, что при переписи 1920 г., на которую в своих расчетах опирается С. М. Кляцкин, проводилась специальная регистрация рабочих промышленных профессий в деревне.

[144] См «Отчет ВЦСПС (март 1920 — апрель 1921 гг)». М., 1921,

Старшее поколение кадровых рабочих понесло большие утраты из-за голода, эпидемий, болезней. Какие-либо точные расчеты здесь затруднительны, но можно считать, что не менее 10—15% кадровых пролетариев выбыло из строя по этой причине.

Кто же пришел на смену кадровым рабочим? Ведь, как уже отмечалось, в начале гражданской войны квалифицированные рабочие исчезли с рынка труда. Более того, к середине 1919 г. стала наблюдаться острая нехватка и неквалифицированных рабочих. С этого времени голод на рабочую силу непрерывно нарастал вплоть до окончания гражданской войны. На смену выбывшим кадровым рабочим пришли трудмобилизованные, а к концу гражданской войны и так называемые трудармейцы. Последних к 1921 г. насчитывалось на заводах и фабриках страны 11,7 тыс. человек [145].

Данные переписи населения 1920 г. показали, что в деревнях, особенно в Центрально-Промышленном районе, имелись десятки тысяч кадровых промышленных рабочих, в том числе особенно необходимых производству металлистов. Но эти люди за годы войны в большинстве своем осели в деревнях, обзавелись хозяйством и потеряли пролетарский облик. Вот типичный пример. 16 февраля 1921 г. завком бывшего завода «Новый Лесснер» обсуждал вопрос о трудмобилизованных. Докладчик отметил, что «рабочие, мобилизованные в порядке постановления Совнаркома о трудовой повинности, заявили в завком о том — возможен ли для них отпуск весною на полевые работы, мотивируя это заявление тем, что у них в деревне осталось хозяйство и семейство. Хозяйство у многих из них вполне исправное и налаженное, осели некоторые из них в деревне основательно...» [146].

Ухудшение состава рабочего класса сказалось и на положении в партии. Это видно, в частности, из данных социального состава ежегодного прироста партии. В 1905—1916 гг. рабочие составляли 59% вступающих

стр. 179. Подробнее см. в кн.: *В. М Селунская.* Рабочий класс и Октябрь в деревне. М., 1968.

[145] См. *А. А Матюгин.* Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства, стр. 138.

[146] ЛГАОРСС, ф 4591, оп. 5, д. 21, л. 21.

в партию, в 1917 г.—56, а в 1919 г. их доля снизилась до 38,2%, упав к 1921 г. до 29,7% [147].

О размере доли кадровых рабочих на производстве к концу гражданской войны судить трудно, поскольку для этого нет никаких исходных данных. С учетом мобилизаций на фронт, естественной убыли, принудительного привлечения случайных людей в промышленность и т. д. можно весьма условно считать, что доля основного слоя на заводах и фабриках составляла не более 40% из 1,7 млн. рабочих, учтенных переписью населения в августе 1920 г.

Однако и кадровые рабочие, сохранившиеся на производстве, испытывали на себе отрицательное воздействие процессов деклассирования.

Тяжелые жизненные условия выбили из нормальной колеи отдельные группы кадровых рабочих. «Главной материальной базой для развития классового пролетарского самосознания, — указывал В. И. Ленин, — является крупная промышленность, когда рабочий видит работающие фабрики, когда он ежедневно ощущает ту силу, которая действительно сможет уничтожить классы.

Когда рабочие эту материальную производственную базу из-под ног теряют, тогда состояние неуравновешенности, неопределенности, отчаяния, безверия овладевает известными слоями рабочих, и в соединении с прямой провокацией нашей буржуазной демократии — эсеров и меньшевиков — это оказывает определенное действие» [148].

И действительно, наряду с бесчисленными фактами трудового героизма нередки были случаи трудового дезертирства (самовольного оставления работы), «зажигалочничества» (изготовления предметов обихода на государственных предприятиях из заводского сырья для обмена на хлеб на рынке), прогулов и т. д.

В. И. Ленин писал еще в 1918 г.: «Рабочий, став передовым вождем бедноты, не стал святым. Он вел вперед народ, но он и заражался болезнями мелкобуржуазного развала. Чем меньше бывало отрядов из наилучше организованных, из наиболее сознательных, из на-

---

[147] См. «Всероссийская перепись членов РКП(б) 1922 г.», вып. 4. М., 1923, стр. 38.

[148] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 308.

иболее дисциплинированных и твердых рабочих, тем чаще разлагались эти отряды, тем чаще бывали случаи победы мелкособственнической стихии прошлого над пролетарско-коммунистической сознательностью будущего» [149].

Факты показывают, что существовала прямая связь между изменениями в структуре рабочего класса и некоторым понижением уровня его сознательности. С особой отчетливостью это проявилось в дни так называемых февральско-мартовских «волынок» 1921 г.

В начале 1921 г. резко углубился экономический кризис, на почве которого усилилось недовольство значительных групп рабочих политикой военного коммунизма. Это недовольство передавалось в рабочую среду через трудмобилизованных, трудармейцев и другие элементы, тесно связанные с деревней, непосредственно заинтересованные в отмене продразверстки и введении свободы торговли.

Контрреволюционные элементы, начиная от махровых белогвардейцев и кончая меньшевиками и эсерами, пытались использовать сложившуюся обстановку. В феврале — марте 1921 г. им удалось организовать «волынки» на ряде предприятий Петрограда, опираясь на случайных пришельцев в фабрично-заводскую среду и на деклассированную часть рабочих [150].

Петроград к тому времени лишился лучших дооктябрьских кадров рабочих, его предприятия в большей мере пострадали от топливно-сырьевого и продовольственного кризиса в силу отдаленности от основных источников снабжения. Поэтому контрреволюция нанесла удар именно здесь.

Характерно, что во время «волынки» на Балтийском заводе, заводе «Дюмо» и некоторых других выдвигались чисто крестьянские требования отмены продразвер-

---

[149] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 364.

[150] См. *А. С. Пухов.* В Петрограде накануне Кронштадтского восстания 1921 года. — «Красная летопись», 1930, № 4(37).

Материалы об этих событиях см. «Маховик», 1921, февраль — март; «Петроградская правда», 1921, февраль — март; «Третий петроградский губернский съезд профессиональных союзов (с 13 по 16 февраля 1921 г.)». Стенографический отчет. Пг., 1921; см. также ЛГАОРСС, ф. 6276, оп. 6, д. 64, 70, 75, 86, 81; ф. 4591, оп. 5, д. 13, 7, 8, 14, 26, 12, 51; «Бюллетень отдела статистики труда», 1921, № 29

стки, реквизиций скота и предметов крестьянского обихода и т. д.[151] Тот факт, что выражение недовольства отдельных групп рабочих приняло подобные формы, свидетельствовал о явлениях деклассирования и засорения рядов пролетариата чуждыми элементами[152].

Болезненный процесс деклассирования рабочего класса нашел отражение в партии в виде определенных течений. Выразителем настроений анархиствующих и разложившихся его групп явилась так называемая рабочая оппозиция. X съезд РКП(б) в резолюции «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии» осудил взгляды «рабочей оппозиции» и подобных ей течений, которые «практически служат выражением мелкобуржуазных и анархических шатаний, практически ослабляют выдержанную руководящую линию Коммунистической партии...»[153].

В. И. Ленин дал следующую характеристику российскому пролетариату к концу гражданской войны: «...*действительные* «силы рабочего класса» состоят сейчас из могучего авангарда этого класса (Российской коммунистической партии, которая не сразу, а в течение 25 лет завоевала себе делами роль, звание, силу «авангарда» единственно революционного класса), плюс элементы, наиболее ослабленные деклассированием, наиболее податливые меньшевистским и анархистским шатаниям»[154]. Эти ленинские слова содержат точную и глубокую характеристику социальной структуры советского рабочего класса накануне перехода к новой экономической политике.

Завершение гражданской войны и переход к мирному социалистическому строительству положили начало новым существенным переменам в составе и структуре рабочего класса.

---

[151] ЛГАОРСС, ф. 4591, оп. 5, д. 13, л. 24; ф. 6276, оп. 6, д. 86, л. 87.

[152] В. И. Ленин говорил, что «после того как мы преодолели важнейший этап гражданской войны, и преодолели победоносно, мы наткнулись на большой, — я полагаю, на самый большой, — внутренний политический кризис Советской России», который привел к недовольству «не только значительной части крестьянства, но и рабочих» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 282). Этот кризис ускорил переход к новой экономической политике.

[153] «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 532.

[154] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 107.

Это выразилось прежде всего в результатах тех мер по регулированию рынка труда, которые предпринимались после гражданской войны и привели к очищению предприятий от «людей вовсе не *пролетарских*»[155]. К 9 мая 1922 г. из промышленности, подчиненной ВСНХ, было уволено 25,7% рабочих, т. е. 260 тыс. человек[156]. Вместо уволенных на заводы принимали кадровых рабочих, демобилизованных из армии и вернувшихся из деревни. Переписью 1929 г. было учтено 13% металлистов, вернувшихся на заводы после продолжительного отрыва от производства, из них 64,2% участвовали в гражданской войне[157]. Данные той же переписи показали, что металлисты и текстильщики, возобновившие работу после длительного перерыва в годы гражданской войны, в основном вернулись на заводы и фабрики в 1922—1925 гг. Так, доля таких рабочих из всех вернувшихся составляла: среди металлистов Ленинграда — 82,8%, Московской области — 80,4, УССР — 83,1%; текстильщиков Ленинграда — 83,6%, Москвы — 89,2, Московской области — 91,8, Ивановской области — 90,9%; металлургов Украины — 78,3% и Урала — 86%; нефтяников — 87,3%; шахтеров Донбасса — 75,0%, Урала и Сибири — 74,0%. Остальные вернулись в промышленность в 1926—1929 гг.[158]

Уже к 1926 г. на рынке труда было трудно найти квалифицированных рабочих, прежде работавших на фабриках и заводах. По сведениям Всесоюзного совещания безработных, к началу 1926 г. 24,8% безработных составляли люди умственного труда (главным образом конторские служащие низшей квалификации), 42,2 — чернорабочие и лишь 33% — квалифицированные и полуквалифицированные промышленные и транспортные рабочие[159]. В то же время во всей стране наблюдался острый недостаток квалифицированных рабочих.

---

[155] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 106.

[156] См. *А. А. Матюгин.* Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства, стр 105.

[157] См. «Перепись рабочих и служащих 1929 года», т. 1. Металлисты СССР. М., 1930, стр. 13, 14.

[158] См. *А. Г. Рашин.* Состав фабрично-заводского пролетариата СССР, стр. 10.

[159] См. «Правда», 5 января 1926 г.

Естественно, что определенный процент рабочих, восполнивших в годы восстановления убыль в индустриальных кадрах, приступил к работе в промышленности впервые. Характерно, что среди этих людей преобладали дети рабочих, лица, не имевшие собственного деревенского хозяйства. Так, по данным переписи 1929 г., среди тех, кто поступил в промышленность в 1922—1925 гг., процент имеющих землю составлял: у металлистов Ленинграда — 8,6%, металлистов Московской области — 24,8, металлистов Украины — 5,4%; у металлургов Украины — 20,0%, а у уральских металлургов — 20,5%. В числе новых шахтеров Донбасса было 23,9% лиц, имеющих землю, а в числе уральских и сибирских шахтеров — 11,8%; среди нефтяников их доля составляла 7,2%; среди текстильщиков Ленинграда их было всего 2,5%, зато среди московских и ивановских текстильщиков заметно больше — 19,9% и 10,7% [160].

По социальному происхождению пополнения, впервые приступившие к работе в промышленности в годы восстановления народного хозяйства, более чем наполовину включали выходцев из среды рабочих. Так, в числе новых металлистов Ленинграда 55,1% были детьми рабочих, 10,4 — выходцами из служащих, 31,3 — детьми крестьян, 3,2% — детьми кустарей, торговцев и прочих. Среди новых металлистов Московской области дети рабочих составляли 52,8%, дети служащих — 8, выходцы из крестьянской среды — 37,5%. В числе текстильщиков нового пополнения детьми рабочих были: в Ленинграде — 65,4%, в Москве — 58,4 в Московской области — 64,4, в Ивановской области — 61,6%. Несколько иная картина наблюдалась у шахтеров и нефтяников, среди которых лишь треть новых пополнений состояла из детей рабочих. Однако с учетом отраслевой структуры промышленности того времени можно принять, что преобладающим источником новых кадров для нее были дети рабочих [161].

Итак, комплектование рабочих кадров происходило в основном за счет городского населения, в первую очередь за счет кадровых рабочих, возвратившихся с фронтов и из деревни. Состояние рынка рабочей силы

[160] См. *А. Г. Рашин.* Состав фабрично-заводского пролетариата СССР, стр. 30.

[161] См. там же, стр. 19, 21, 22.

позволило укрепить социальный состав рабочего класса коренными кадровыми рабочими, имевшими производственный стаж и высокую квалификацию. Приток же из сельских местностей был невелик и благодаря регулирующей деятельности государственных органов не сказался на составе рабочих. Кроме того, надо учесть, что прямо в фабричную промышленность эти выходцы из деревенской среды попадали редко. Так, уже позднее, в 1927/28 хозяйственном году в Ленинграде было принято на работу 36 999 человек, прибывших из сельских местностей, но из них на фабрики и заводы поступило 3926 человек [162]; в 1928/29 хозяйственном году из 55 132 прибывших из деревни только 2148 стали промышленными рабочими [163]. Лишь потрудившись на строительстве, подсобных работах и т. д., эти люди, получив некоторую пролетарскую закалку, приходили на фабрики и заводы.

Таблица 8

ДОЛЯ РАБОЧИХ — ВЫХОДЦЕВ ИЗ КРЕСТЬЯН, РАБОТАВШИХ ПО НАЙМУ ДО ПОСТУПЛЕНИЯ В ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКУЮ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, СРЕДИ МЕТАЛЛИСТОВ (В %) [164]

Группы по году начала работы в фабрично-заводской промышленности	Не работавших по найму	Работавших по найму		
		Всего	В том числе	
			в сельском хозяйстве	вне сельского хозяйства
До 1905 г.	82,4	17,6	10,2	7,4
1906—1913 гг.	76,0	24,0	10,6	13,4
1914—1917 »	73,3	26,7	10,2	16,5
1918—1921 »	66,8	33,2	11,4	21,8
1922—1925 »	54,3	45,7	15,2	30,5
1926—1927 »	47,8	52,2	18,1	34,1
1928 г. и позже	38,8	61,2	17,9	43,3
В среднем	66,2	33,8	12,8	21,0

[162] См. «Бюллетень бюро статистики труда», 1928, № 10—12 (72—74), стр. 3.

[163] См. «Бюллетень бюро статистики труда», 1929, № 6—7 (80—81), стр. 7.

[164] Составлена и подсчитана по: «Перепись рабочих и служащих 1929 года», т. 1, Металлисты СССР, стр. 23.

Из табл. 8 наглядно видно, что в советский период резко увеличилась группа работавших по найму вне сельского хозяйства. 43,3% выходцев из деревни, принятых на работу в промышленности в 1928 г., предварительно потрудились на строительстве, погрузочно-разгрузочных работах и т. д.

В 1924 г., впервые после гражданской войны, в дни Ленинского призыва начался массовый прилив рабочих в партию[165]. Ленинский призыв явился ярким свидетельством большого психологического перелома в настроении масс, гигантского шага вперед по пути складывания социалистического мировоззрения рабочего класса, и в этом плане он заслуживает специального рассмотрения. Кроме того, приток рабочих в партию имел важные социально-экономические предпосылки. Он был показателем того, что деклассирование пролетариата осталось в прошлом, что рабочий класс окреп, что доля в нем «чистых пролетариев» резко возросла за счет вновь сформировавшихся элементов, чье воспитание в условиях подъема социалистической экономики, на базе растущего благосостояния происходило ускоренными темпами.

Экономической базой для ликвидации процесса деклассирования, для консолидации рабочего класса явились возобновление нормального функционирования предприятий и связанное с этим улучшение материального положения рабочих. Не было уже необходимости в «зажигалочничестве» и других непролетарских источниках пополнения личного бюджета. Рабочие отдавали теперь все силы производству, так как заработная плата обеспечивала нормальное воспроизводство рабочей силы. Это соответствовало положению рабочих как класса. Создались, таким образом, объективные предпосылки для увеличения численности пролетарского ядра за счет новых элементов.

Итак, важные структурные сдвиги в рабочем классе, происшедшие в годы восстановления народного хозяйства, привели к огромному преобладанию кадровых рабочих в составе фабрично-заводских коллективов.

---

[165] На 1 января 1924 г. в партии состояло 472 тыс. человек, а на 1 января 1925 г. — уже 801,8 тыс. (см. «Коммунист», 1967, № 15, стр. 90).

При исследовании динамики слоя кадровых, вполне сформировавшихся рабочих и тенденций в развитии новых групп рабочего класса необходимо учитывать, что само понятие «кадровый промышленный рабочий» или «чистый пролетарий» нестабильно, в различные исторические периоды его образует совокупность различных специфических признаков. После гражданской войны, в обстановке деклассирования рабочего класса, характернейшей чертой кадрового рабочего был длительный производственный стаж с довоенного времени, ибо в 1914—1920 гг. на заводы и фабрики зачастую приходили случайные люди, которых война и революция выбили из нормальной житейской колеи и которые ни по социальным связям, ни по взглядам не могли послужить материалом для формирования новых отрядов рабочего класса. Поэтому в первые годы восстановления решающим показателем консолидации рабочего класса, улучшения его социального состава было увеличение доли рабочих с дореволюционным производственным стажем. В этой связи важное значение имел рост числа коммунистов на заводах и фабриках не за счет вновь вступавших в партию, а за счет вернувшихся с фронтов, из провинции и т. д. Коммунист-рабочий — наиболее совершенный, сформировавшийся тип пролетария, для которого наряду с прочими признаками характерны высокая степень политической, классовой сознательности.

Методологически особенно интересно в этом плане выступление В. И. Ленина на заседании Петроградского Совета 12 марта 1919 г. Говоря о том, что в настроениях и поведении класса является типичным для него, В. И. Ленин привел следующий пример. Против Парижской коммуны боролось немалое число рабочих из других городов. Но именно парижские рабочие представляли весь пролетариат, т. е. все, что было в нем «лучшего, честного, в войсках же белогвардейцев были отсталые слои рабочих»[166]. Эта же мысль варьируется и в ряде других ленинских работ. Можно вполне сделать вывод, что В. И. Ленин типическим для класса считал поведение и настроение авангарда, передовых групп рабочих, в которых воплощаются облик класса, его характерные черты. Отклонения от поведения авангарда, отставание

[166] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 10.

от него совсем не игнорировались В. И. Лениным. Но он рассматривал их как отклонения от пролетарской линии в сторону мелкобуржуазных шатаний. Такой подход В. И. Ленина к этому вопросу вполне понятен: как ведет себя и что чувствует авангард сегодня, так будет себя вести и то же чувствовать класс завтра [167].

Возрастание партийной прослойки в рабочем классе, увеличение доли рабочих среди коммунистов — существеннейший показатель укрепления позиций слоя кадровых рабочих в рядах пролетариата. По данным партийной переписи 1927 г., рабочие-коммунисты составляли в 1924 г. 25% общего числа членов партии, а в 1927 г.— уже 44% [168].

Как отмечалось выше, перепись рабочих и служащих 1929 г. зафиксировала состав и структуру рабочего класса переходного периода в наиболее удачный момент, когда были преодолены все вызванные временными факторами (империалистической и гражданской войной) воздействия на рабочий класс, а вместе с тем экономическая и социально-политическая ситуация отражала отношения, присущие переходному периоду в стране со средним уровнем развития капитализма (многоукладность экономики, преобладание в населении мелкой буржуазии и т. д.).

За счет кого в годы, непосредственно предшествовавшие переписи, советская промышленность пополняла ряды своих рабочих? Это видно из табл. 9.

Данные таблицы показывают, что наиболее крупным источником пополнения рабочего класса оставались рабочие семьи. Доля крестьян по сравнению с предшествующими годами возросла и вплотную подошла к доле выходцев из среды рабочих. Значительным источником служили семьи служащих. Доля имеющих землю, т. е. сохранивших реальные контакты с собственным хозяйством, была сравнительно невелика (22,9%). Наиболее активно черпала свои кадры в рабочей среде текстильная промышленность. Несколько отставало от нее машиностроение. Преимущественно в деревне получала новое пополнение каменноугольная промышленность, а также рудная, нефтяная и металлургическая.

[167] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 18—21; т. 40, стр. 16.

[168] См. «Известия ЦК ВКП(б)», 1927, № 40, стр. 8.

Таблица 9

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ПОПОЛНЕНИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА В 1926—1929 гг. (ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСИ 1929 г.) [169]

	Учтено рабочих (в тыс.)	Выходцы из семей (в % к итогу)				Имеющие землю
		рабочих	служащих	крестьян	торговцев, кустарей и прочих	
Всего по учтенным отраслям	76,5	46,3	6,9	45,0	1,8	22,9
В том числе:						
в металлообработке и машиностроении . .	18,8	54,1	9,3	34,2	2,4	16,1
в металлургии . . .	10,9	41,6	4,5	52,0	1,9	24,8
в каменноугольной промышленности . .	17,7	28,4	2,7	67,9	1,0	35,1
в нефтяной промышленности	0,8	35,2	2,4	60,5	1,9	10,0
в рудной промышленности	3,1	33,3	3,2	61,4	2,1	38,9
в хлопчатобумажной промышленности .	18,0	62,2	6,2	29,9	1,7	16,0

В итоге к началу первой пятилетки состав рабочих по социально-классовому происхождению и связям с деревней характеризовался данными, приведенными в табл. 10. Более половины всех рабочих промышленности были потомственными пролетариями. Выходцами из крестьянских семей являлись 42,6% рабочих, но лишь пятая их часть имела собственное хозяйство. Если брать аналогичные показатели по отраслям, то наибольшей была доля выходцев из рабочей среды в машиностроении. Близкий к нему показатель давала текстильная промышленность. В нефтяной и каменноугольной промышленности потомственные пролетарии составляли треть всех рабочих. Что касается связей с сельским хозяйством, то они совершенно отчетливо рисуют картину отрыва выходцев из крестьянской среды от села, превращения их в кадровых рабочих, лишенных каких-либо иных источников

[169] Составлена по: «Труд в СССР». М., 1930, стр. 28—29.

дохода, кроме заработной платы и поступлений из общественного фонда потребления [170].

Заслуживает специального анализа резкое несоответствие между высокой долей выходцев из села и крайне малым числом лиц, имеющих землю, в нефтяной промышленности. Мы не располагаем пока дополнительной информацией, которая бы позволила достаточно надежно объяснить это явление.

Таблица 10

СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СВЯЗЬ С ДЕРЕВНЕЙ РАБОЧИХ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПО ПЕРЕПИСИ 1929 г. (В % К ЧИСЛУ УЧТЕННЫХ РАБОЧИХ) [171]

	Выходцы из семей				Имеющие землю	Имеющие хозяйство		
	рабочих	служащих	крестьян	торговцев, кустарей и прочих		без посева	с посевом без рабочего скота	с посевом и с рабочим скотом
Всего по учтенным отраслям . . .	52,2	3,3	42,6	1,9	20,6	4,8	6,3	9,5
В том числе:								
в металлообработке и машиностроении	58,7	5,5	33,3	2,5	18,8	4,9	5,1	8,8
в металлургии	52,7	3,2	42,1	2,0	23,2	8,9	6,9	7,4
в каменноугольной промышленности	34,4	1,9	62,3	1,4	24,6	4,1	9,0	11,5
в нефтяной промышленности .	32,7	1,6	63,4	2,3	7,2	1,9	2,7	2,6
в рудной промышленности . .	41,6	2,6	53,9	1,9	41,4	16,9	16,5	8,0
в хлопчатобумажной промышленности	56,5	2,6	39,4	1,5	18,3	2,9	5,3	10,1

[170] Нами не случайно не приведены данные о связи рабочих с землей по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г. Как известно, в переписном бланке имелись соответствующие вопросы. Однако в многотомное издание результатов переписи эти данные не вошли. Они были обработаны по Москве и Ленинграду М. Красильниковым, который опубликовал их в журнале «Статистическое обозрение» за 1928 г., № 6, и за 1929 г., № 4; проведенный нами пересчет показал, что в Ленинграде доля рабочих, владевших хозяйством в деревне, составляла в декабре 1926 г 12,3% (методика расчета изложена в кн.: «Ленинградские рабочие в борьбе за социализм». Л., 1965, стр. 35—36). В Москве доля рабочих, связанных с землей, была выше, чем в Ленинграде: в Москве владели деревенским хозяйством 12,5% семейных промышленных рабочих, а в Ленинграде только 8,2%.

[171] Составлена по: «Труд в СССР». М., 1930, стр. 27.

Данные переписи, свидетельствующие о том, что процент связанных с землей у металлистов был выше, чем у текстильщиков, в свое время вызвали дискуссию среди историков и экономистов, ряд которых на этом основании поставили под сомнение авангардную роль рабочих-металлистов. Но вот что показала перепись относительно облика различных отрядов рабочего класса, взятых в отраслевом разрезе.

Таблица 11

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО УРОВНЯ РАБОЧИХ МЕТАЛЛОПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР [172]

Показатели	Производства и районы		
	Металлообработка и машиностроение	Металлургия	Хлопчатобумажная промышленность
Процент неграмотных	12,9	31,8	28,1
Средняя продолжительность школьного обучения (в годах)	3,8	3,1	3,1
Процент членов и кандидатов ВКП(б)	17,8	13,6	4,6
Процент выполняющих общественную работу по выборам	28,1	19,1	12,4
Процент участников кружков	8,2	6,8	3,4

Из табл. 11 видно, что металлисты как по своей образованности, так и по общественной активности шли заметно впереди рабочих других отраслей. Так, процент неграмотных у них был ниже в 2—2,5 раза, чем у металлургов и текстильщиков, продолжительность школьного обучения больше, доля выполнявших выборную общественную работу в 1,5—2 раза выше, а партийная прослойка превосходила аналогичный показатель у текстильщиков в 3,5 раза.

Относительно рабочих, вышедших из крестьянской среды, важно выяснить не только степень прочности связей с деревней, но и то, из каких слоев крестьянства они происходили. При проведении переписи такой вопрос перед опрашиваемыми специально не ставился. Организаторы переписи справедливо считали, что у выходцев,

[172] «Перепись рабочих и служащих 1929 года», т. 1. Металлисты СССР, стр. 129.

например, из зажиточных слоев деревни трудно получить правдивый ответ на вопрос о социальной природе их хозяйства. И все же по ряду данных переписи можно в какой-то мере уточнить этот вопрос.

Таблица 12

ХАРАКТЕРИСТИКА КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ, В СОСТАВ КОТОРЫХ ВХОДИЛИ МЕТАЛЛИСТЫ СССР [173]

Группы рабочих	Учтено рабочих	В % к общему числу	% хозяйств с наличием			% рабочих, прибегающих к чужому труду	% рабочих, участвующих в сельскохозяйственных работах
			покоса	коров	огорода		
Всего рабочих, имеющих землю	19 074	100	88,1	79,4	78,1	14,8	62,1
В том числе входящих в хозяйства							
а) без посева	4 933	25,9	80,2	70,5	82,7	—	42,9
б) с посевом, но без скота	5 180	27,1	82,5	59,9	66,7	45,7	63,1
в) с посевом и со скотом	8 961	47,0	95,4	95,2	82,3	5,4	72,0

Табл. 12 показывает, что основная масса рабочих, имевших землю, вышла из бедняцко-середняцких слоев деревни. Правда, среди металлистов, имевших землю, 14,8% прибегали к чужому труду. Однако из них к зажиточным слоям деревни, очевидно, принадлежали лишь те, кто входил в хозяйства с посевом и рабочим скотом. А таких было всего 5,4% к общему числу металлистов этой последней группы, или 2,4% всех металлистов, имевших землю, или 0,4% [174] общего числа металлистов, зарегистрированных переписью. Из таблицы видно, что

[173] Там же, стр. 151.

[174] Подсчитано по материалам переписи. Подробная разработка материалов о связи рабочих с землей по переписи металлистов 1929 г. содержится в кн.: «Перепись рабочих и служащих 1929 года», т. 1. Металлисты СССР. Менее детально освещена связь с землей рабочих-текстильщиков в кн.: *А. Г. Рашин.* Состав фабрично-заводского пролетариата СССР.

25,9% металлистов, имевших землю, входили в состав крестьянских хозяйств без посева и рабочего скота и 27,1% — с посевом, но без рабочего скота, т. е. не менее 53% металлистов, владевших землей, происходили из бедняцких слоев деревни, вынужденных прибегать к помощи более обеспеченных односельчан, у которых была лошадь. Таким образом, 2,4% металлистов, владевших землей, были связаны с зажиточными слоями деревни, 53,7 — с бедняцкими, а остальные 44,6% были выходцами из маломощных середняцких хозяйств.

Основной костяк рабочего класса составляли потомственные рабочие и тесно слившиеся с ними выходцы из деревни, либо порвавшие всякие связи с деревней, либо сохранившие с ней лишь формальные связи. Именно эти группы кадровых рабочих являлись оплотом и опорой партии, именно они были активнейшими участниками развернувшегося социалистического строительства.

О высокой доле кадровых рабочих свидетельствуют также данные переписи 1929 г. о производственном стаже. Как видно из табл. 13, доля рабочих с дореволюционным стажем составляла в целом по учтенным производствам 50,7%, т. е. несколько более половины всех рабочих. Среди металлистов эта доля равнялась 50,8%, у текстильщиков — 59,3%. Причиной большей сохранности кадров в текстильной промышленности являлся половой состав: благодаря преобладанию женщин здесь кадровый костяк пролетариата понес относительно меньшие потери в годы империалистической и гражданской войн. Доля рабочих с большим производственным стажем (до 1917 г.) была наименьшей в каменноугольной промышленности — 33,7%.

В годы гражданской войны наблюдалось явление на первый взгляд парадоксальное: доля рабочих с большим производственным стажем уменьшалась при одновременном повышении среднего возраста работающих. Связано это было с мобилизацией в промышленность непригодных по возрасту для отправки на фронт крестьян. В годы восстановления и начала реконструкции народного хозяйства благодаря возвращению с фронтов кадровых рабочих средний производственный стаж резко повысился. В 1929 г. у металлистов в среднем по стране он равнялся 11,6 года, у текстильщиков — 13,6, у нефтяников — 12,4,

у шахтеров — 8,8, а в целом по промышленности — 11,9 года.

Теперь на основе анализа и сопоставления данных о социальном происхождении рабочих, их связи с землей и о производственном стаже попробуем установить соотношение основных слоев в рабочем классе в переходный период от капитализма к социализму. Материалы переписи непосредственно позволяют провести ориентировочный расчет такого рода лишь по металлистам, но с помощью имеющихся в публикациях отдельных показателей его можно распространить и на другие отрасли. При этом мы принимаем следующее: к первому основному слою — кадровых рабочих относятся: а) все потомственные рабочие, б) все рабочие из крестьян, не имевшие земли и проработавшие на промышленном производстве по крайней мере с периода восстановления народного хозяйства, в) рабочие — выходцы из крестьян, сохранившие хозяйственные связи с деревней, но имевшие производственный стаж с дореволюционного времени; ко второму основному слою — формирующихся рабочих относятся все остальные выходцы из крестьянской среды, а также дети служащих и служащие, перешедшие на рабочие места и имеющие производственный стаж менее десяти лет; третий слой образуют выходцы из нетрудовых классов, к ним относятся дети и другие родственники торговцев, кулаков и т. д.

Расчеты подобного рода, разумеется, всегда условны. Трудно обосновать даже в среднестатистическом выражении, каков должен быть, например, производственный стаж у рабочих, чтобы их можно было причислить к кадровым, и т. п. Тем не менее изложенные посылки позволяют с известным приближением гипотетически исчислить соотношение основных социальных слоев в рабочем классе.

По данным переписи 1929 г., из 101 685 опрошенных металлистов не имели земли 80 102 человека. Из них дети рабочих составляли 62,1%, выходцы из крестьян — 28,7, из служащих — 6,4% и прочие — 2,8%. Первую группу — детей рабочих, безусловно, можно отнести к кадровому слою. Что же касается выходцев из крестьян, то по ним необходима добавочная информация. В материалах переписи содержатся сведения об имеющих землю в месте жительства. Таковых среди опрошен-

Таблица 13

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РАБОЧИХ ПО ГОДУ НАЧАЛА РАБОТЫ В ПРОИЗВОДСТВЕ [175]

Производства	Учтено рабочих (в тыс.)	Из них начали работать в производстве (в %)							Средний производственный стаж
		до 1905 г.	в 1906—1913 гг.	в 1914—1917 гг.	в 1918—1921 гг.	в 1922—1925 гг.	в 1926—1927 гг.	в 1928 г. и позже	
Всего по учтенным производствам	382,1	21,3	17,2	12,2	9,1	20,3	11,7	8,2	11,9
В том числе:									
в металлообработке и машиностроении	101,6	20,7	17,1	13,0	10,7	20,0	11,2	7,3	11,6
в металлургии	47,4	17,7	15,2	12,0	10,2	22,0	15,1	7,8	10,6
в нефтяной промышленности	7,5	19,5	19,6	12,3	14,0	24,6	6,9	3,1	12,4
в рудной промышленности	9,9	13,7	15,1	8,2	8,4	23,6	18,1	12,9	8,3
в каменноугольной промышленности	52,5	12,1	12,6	9,0	11,2	21,3	19,0	14,8	8,6
в хлопчатобумажной промышленности	119,0	27,0	19,2	13,1	6,2	19,3	8,1	7,1	13,6

ных металлистов оказалось 8854 человека. Из них дети рабочих составляли 63,4%, т. е. 5613 человек, дети крестьян — 32,6%, т. е. 2886 человек, дети служащих — 198 и прочие — 157 человек. В числе 10 220 металлистов, имевших землю не в месте жительства, дети рабочих составляли 28,3%, т. е. 2887 человек, дети крестьян — 69,5%, т. е. 7089 человек, дети служащих — 178, прочие — 66 человек [176].

Чтобы распределить по основным социальным слоям выходцев из крестьянской среды, необходимо прежде всего выяснить, нет ли среди них выходцев из кулачества. Выше мы уже установили, что на долю последних из общего числа опрошенных металлистов приходилось 0,4%, т. е. примерно 400 человек. Их-то, безусловно, следует отнести к третьему слою рабочих — выходцев из буржуазной среды. В этот же слой необходимо включить 2,8% из числа не имеющих земли, но по своим социаль-

[175] «Труд в СССР». М., 1930, стр. 26.

[176] Исчислено по кн.: «Перепись рабочих и служащих 1929 года», т. 1. Металлисты СССР, стр. 146.

ным связям относящихся к городским буржуазным слоям; таковых в числе опрошенных было 2,24 тыс. человек. Если ко всем этим группам присовокупить категорию «прочих» из тех, кто имел землю как в месте жительства (157 человек), так и вне его (66 человек), то окажется, что третий слой составлял по крайней мере 2863 человека, т. е. примерно 2,8% к общему числу опрошенных металлистов.

Надо полагать, что в других отраслях промышленности доля этого слоя была такой же, как и в машиностроении. Правда, сам показатель, вероятно, преуменьшен в ходе переписи, поскольку, естественно, многие опрошенные давали неточные ответы (в тех случаях, когда могли скрыть свое социальное происхождение, свои связи с нетрудовыми слоями). Однако вряд ли этот слой превосходил долю в 3,5—4%.

Попытаемся теперь исчислить долю слоя формирующихся рабочих. Среди тех, кто имел землю, было 9975 детей крестьян, из них 7089 человек имели землю вне места жительства и 2886 человек — в месте жительства. Из этого числа нужно вычесть примерно 300 кулаков, выходцев из чисто крестьянских семей, ибо какой-то процент кулаков, как мы уже отмечали, принадлежал к семьям, в течение нескольких поколений занимавшихся фабричным трудом. Следовательно, остается 9675 крестьян, имевших землю, связанных с середняцким и бедняцким хозяйством. Но среди них было много людей с большим производственным стажем. Надо заметить, что среди всех имевших землю доля лиц, начавших трудиться в промышленности до 1917 г., составляла 59,4% [177]. Можно предположить, что среди имевших землю детей крестьян было по крайней мере не менее 50%, т. е. около 4900 человек имели дореволюционный производственный стаж. Таким образом, к слою формирующихся рабочих из числа выходцев из крестьянской среды, сохранивших связь с землей, могут быть отнесены не более 5 тыс. человек. Однако часть и не имевших земли — детей крестьян, по крайней мере тех, кто пришел в промышленность в 1926—1929 гг., надо также отнести к слою формирующихся рабочих. Их численность определена следующим образом. Детей крестьян среди не

[177] См. там же, стр. 28.

имевших земли было обнаружено по переписи 28,7%. Из поступивших в промышленность в 1926—1927 гг. 11 375 человек не имели земли 83,1%, т. е. 9462 человека; из принятых на заводы в 1928—1929 гг. 7465 человек не имели земли 85,2%, т. е. 6375 человек. Итак, из числа опрошенных в промышленность за эти годы поступило около 16 тыс. человек, из них с учетом доли крестьян среди всех не имевших земли выходцы из деревни составляли 4,6 тыс. человек. Это весьма грубый расчет все же можно принять для ориентировки [178].

Наконец, в слой формирующихся рабочих следует включить около 4 тыс. металлистов — детей служащих со стажем менее десяти лет [179].

В сумме слой формирующихся рабочих составлял, таким образом, около 14—15 тыс., т. е. примерно 15% опрошенных металлистов. Нам, однако, представляется, что это низшая граница показателя, поскольку среди тех, кто имел землю в месте жительства, было немало людей, которые, хотя и являлись потомственными рабочими, по существу не входили в кадровый слой рабочего класса. Следовательно, в реальной действительности величина слоя формирующихся рабочих в составе металлистов страны была близка к 20%.

Что касается основного слоя рабочего класса — слоя кадровых рабочих, то очевидно, что на его долю в момент переписи приходилось около $^3/_4$ состава металлистов.

Чтобы теперь использовать данный расчет для определения соотношения основных слоев рабочего класса по промышленности страны в целом, необходимо учесть следующее. По данным о классовом происхождении доля детей рабочих в машиностроении и металлообработке была равна 58,7%, а по всем учтенным отраслям — 52,2%. Поэтому можно предположить, что слой формирующихся рабочих, рабочих, имевших собственные средства производства, а соответственно и непролетарские источники дохода, был во всей промышленности несколько большим, чем в машиностроении и металлообработке, и, вероятно, составлял около 20—25%. Выход-

[178] Исходные данные для этого расчета почерпнуты из кн.: «Перепись рабочих и служащих 1929 года», т 1. Металлисты СССР, стр. 21, 134—135

[179] См. там же, стр 134—135.

цы из нетрудовой среды составляли, вероятно, во всей промышленности 3—4% всех рабочих. Доля же кадровых рабочих равнялась во всей промышленности не менее чем 70%. Эти исключительно благоприятные показатели свидетельствовали о том, что за короткий период, прошедший после окончания гражданской войны, удалось не только преодолеть последствия деклассирования рабочего класса, но и создать решающее преобладание в его социальной структуре кадрового слоя, которое позволило в дальнейшем, в годы первых пятилеток, резко расширить набор рабочих из непролетарских слоев населения, поскольку значительный слой кадровых рабочих был в состоянии «переварить», перевоспитать их.

Вместе с тем, как показывают данные о партийном составе рабочих по переписи 1929 г., пополнение рабочего класса приходило в промышленность с таким социально-политическим потенциалом, что темп его превращения в кадровых рабочих был неизмеримо более быстрым, чем раньше.

Надежной основой ускоренного формирования кадровых рабочих являлось политическое, классовое воспитание молодежи, начинавшееся в школе, в школьных организациях ВЛКСМ или в ФЗУ, в сочетании с системой подбора рабочих кадров по социальному признаку.

Нижеприведенные табл. 14 и 15 характеризуют общественно политический облик рабочих разных возрастных групп.

Перепись 1929 г. зарегистрировала наибольший процент членов партии среди рабочих в возрасте от 23 до 29 лет (18,3% коммунистов против 8,9% среди рабочих в возрасте 40 лет и старше). Именно эта возрастная группа отличалась и наибольшей общественной активностью (20,4% занятых выборной общественной работой против 15% по всему рабочему контингенту).

Молодые рабочие, конечно, уступали старшему поколению в опыте борьбы с капитализмом, за победу революции, зато они в большей мере были свободны от взглядов и привычек старого общества; их отличала также повышенная политическая активность. Не случайно, что именно комсомол, рабочая молодежь в годы индустриализации активнейшим образом участвовали в создании ударных бригад, в массовом соревновании, в осуществлении важнейших строек пятилеток.

Таблица 14

ПАРТИЙНЫЙ СОСТАВ РАБОЧЕГО КЛАССА (ПО ПЕРЕПИСИ 1929 г.) [180]

Производства и районы	Члены и кандидаты ВКП(б)							Члены и кандидаты ВЛКСМ				
						В том числе					В том числе	
	до 22 лет	23—29 лет	30—39 лет	40 лет и старше	Всего	мужчин	женщин	до 22 лет	23—29 лет	Всего	мужчин	женщин
Всего по учтенным производствам	5,7	18,3	14,8	8,9	12,1	14,8	6,4	30,7	2,4	8,5	9,2	7,5
В том числе												
в металлообработке и машиностроении . . .	8 5	26,5	21,1	12,5	17,8	17,9	17,8	42,5	3,7	11,3	10,9	19,6
в металлургии	6,0	20,0	16,5	9,4	13,6	13,6	13,6	34,6	2,7	9,5	9,3	12,0
в хлопчатобумажной промышленности . . .	4,3	11,1	8,1	5,3	7,1	11,7	4,6	25,6	1,4	6,6	8,2	5,6
в каменноугольной промышленности	6,3	13,1	14,1	11,2	9,6	10,0	5,4	20,8	1,8	7,9	7,5	13,5
в рудной промышленности	2,4	10,6	10,5	7,2	7,7	7,8	6,8	22,4	1,8	7,0	6,9	8,0
в нефтяной промышленности	19,9	40,5	36,6	19,9	31,1	31,1	—	48,8	3,0	7,0	7,0	

[180] «Труд в СССР» М., 1930, стр 34

Таблица 15

ОБЩЕСТВЕННАЯ АКТИВНОСТЬ РАБОЧЕГО КЛАССА (ПО ПЕРЕПИСИ 1929 ГОДА) [181]

Производства и районы	% работающих в общественных организациях						
						В том числе среди	
	До 22 лет	23—29 лет	30—39 лет	40 лет и старше	Всего	мужчин	женщин
Всего по учтенным производствам .	17,0	20,4	20,0	13,2	17,8	19,0	15,0
В том числе:							
в металлообработке и машиностроении .	25,3	28,4	28,4	18,5	25,5	25,1	28,1
в металлургии	17,1	20,2	20,7	13,0	18,1	18,0	19,1
в хлопчатобумажной промышленности	15,0	16,9	15,6	10,2	14,3	17,8	12,4
в каменноугольной промышленности . .	6,1	8,8	12,3	9,9	8,8	8,8	9,0
в рудной промышленности .	9,3	12,3	14,4	10,4	11,6	11,4	14,3
в нефтяной промышленности	29,5	25,1	22,6	16,2	22,4	22,4	

Перепись дает определенную возможность проверить гипотетически предположенную нами (см. главу 1, § 3) взаимосвязь факториальных и результирующих признаков социальной структуры рабочего класса в переходный период от капитализма к социализму. Правда, обеспечить полную системность в этом анализе было невозможно, поскольку программа обработки информации исходила из иных задач и многие необходимые данные в публикациях переписи отсутствуют.

Чтобы выяснить, как влияли на формирование социальных слоев в рабочем классе этого периода факторы, которые можно было бы сопоставить с приводимыми

[181] Там же, стр. 35.

в следующей главе данными специального социологического исследования, был рассчитан коэффициент Чупрова, соизмеряющий степень связи признаков [182].

Подверглось анализу, в частности, влияние на партийность таких факторов, как квалификация, стаж, образование и наличие земли. При этом оказалось, что коэффициент Чупрова (Т) равен: относительно взаимосвязи показателей наличия земли и партийности — 0,106, относительно стажа и партийности — 0,122, относительно квалификации и партийности — 0,076, относительно образования и партийности — 0,061. Очевидно, что наиболее мощными факторами, воздействовавшими на такой существенный показатель, оценивающий принадлежность к кадровым, наиболее сознательным рабочим, как партийность, являлись связь с собственным хозяйством и стаж, тогда как квалификация и образование играли гораздо меньшую (примерно в 1,5 раза) роль.

Этот подсчет полностью подтверждает высказанное выше предположение о том, что в переходный период

Таблица 16

СТАЖ РАБОТЫ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ПАРТИЙНЫЙ СТАЖ МЕТАЛЛИСТОВ СССР (ПО ПЕРЕПИСИ 1929 г.) [183]

Партийный состав / Стаж в годах	Учтено рабочих	В % к итогу		
		членов и кандидатов ВКП(б)	членов и кандидатов ВЛКСМ	беспартийных
24 года и более	21 041	13,7	—	86,3
От 23 до 16 лет	17 424	22,1	0,4	77,5
» 15 до 11 »	13 170	25,1	1,3	73,6
» 10 до 7 »	10 834	23,3	7,5	69,2
» 6 до 4 »	20 376	17,8	23,2	59,0
» 3 до 2 »	11 375	11,5	30,7	57,8
Менее 2 »	7 465	8,5	29,2	62,3
Итого	101 685	17,8	11,3	70,9

[182] Характеристику этого коэффициента, как и других элементов математического аппарата, использованного в данной работе, см. в главе III, § 4.

[183] «Перепись рабочих и служащих 1929 года», т. I. Металлисты СССР, стр. 101.

от капитализма к социализму вплоть до завершения коллективизации деревни и ликвидации капиталистического и мелкотоварного хозяйства в стране решающее значение в социальной дифференциации рабочих имели наличие или отсутствие собственных средств производства и длительный производственный стаж, который мог быть, как правило, у людей, чей труд на фабрике или заводе диктовался экономической необходимостью.

Для иллюстрации рассмотрим на материалах переписи 1929 г. статистические показатели членства в партии и комсомоле в зависимости от стажа работы в промышленности (см. табл. 16).

Табл. 16 показывает, что наибольшей доля коммунистов была среди рабочих со стажем от 10 до 15 лет, т. е. стажем, достаточным для формирования кадрового рабочего. В то время рабочих с таким стажем в 1929 г. в основном представляли люди, пришедшие в промышленность в труднейшие годы революции и гражданской войны, активно проявившие себя и в годы восстановления народного хозяйства. Старшее поколение рабочих с дореволюционным производственным стажем понесло значительные потери в годы империалистической и гражданской войн, отдало значительную часть своих сил государственному аппарату, армии и т. д. В связи с этим доля коммунистов среди них была несколько меньшей, чем среди рабочих со стажем 10—15 лет. Начиная с группы со стажем от 10 до 7 лет доля коммунистов, вполне естественно, уменьшается; более того, в числе совсем недавно вступивших в ряды рабочего класса сравнительно невелика и комсомольская прослойка (менее трети состава). Все это показывает, что советская фабрика в переходный период от капитализма к социализму сохраняла свое значение как центр социально-классового воспитания новых пополнений рабочего класса.

Однозначно выглядит по материалам переписи зависимость между партийностью и наличием земли [184].

Характерно, что среди металлистов, не имевших земли, доля коммунистов равнялась 19,6%, а среди тех, кто имел землю и жил вне своего хозяйства, — 13,3, среди же имевших землю и живших в своем хозяйстве доля

---

[184] См. *А. Г. Рашин* Состав фабрично-заводского пролетариата СССР, стр. 139.

коммунистов снижалась до 6,8% [185]. Наиболее низкой социально-политическая активность была у тех, кто имел собственное хозяйство тут же, рядом с заводом, хотя в этой группе доля детей рабочих составляла 63,4%. Среди выходцев из крестьянских семей, живших вне своих хозяйств, доля коммунистов значительно колебалась у выходцев из бедноты и середнячества. Так, среди тех, кто имел хозяйство «без посева», процент коммунистов равнялся 16,7, а у владельцев хозяйства «с посевом и рабочим скотом» — 10,3.

Различия в производственных показателях в наиболее синтетическом виде представлены данными о среднем дневном заработке. Они показывают, что в целом у металлистов страны, имевших землю, этот заработок составлял в среднем 3,94 руб., а у не имевших земли — 4,10 руб. [186]

К концу 20-х годов большинство рабочих понимало свои задачи строителей нового общества. Хозяйское отношение к фабрикам и заводам, высокое чувство ответственности за судьбы страны — вот те новые черты, которые уже были присущи рабочему классу. И все это находило свое отражение в росте числа коммунистов, в его составе, в общем повышении его общественной активности. Среди металлистов Ленинграда к весне 1929 г. коммунисты составляли 24,5%, среди московских металлистов — 14,6%. Среди рабочих каменноугольной промышленности Донбасса доля коммунистов поднялась с 3% в июле 1922 г. до 9% в апреле 1929 г. Особенно много коммунистов было среди нефтяников — 30,9% [187].

Все более расширялось активное участие массы рабочих в общественной жизни страны. По данным переписи 1929 г., на выборных должностях в Советах, партийных органах, профсоюзах и т. д. работали 39,6% металлистов Ленинграда, 32,8% металлистов Москвы. Таким образом, через Советы, партийный аппарат и другие организации рабочий класс все шире привлекался к управлению государством и народным хозяйством. Кроме того, в эти годы тысячи рабочих выдвигались непосредственно

---

[185] См «Перепись рабочих и служащих 1929 года», т. 1 Металлисты СССР, стр. 106, 146

[186] См там же, стр. 36

[187] См. *А. Г. Рашин.* Состав фабрично заводского пролетариата СССР, стр. 126—127.

на административно-техническую работу. Например, в Ленинграде за период с октября 1924 г. по октябрь 1928 г. на административно-технические должности было выдвинуто 4916 человек. Обследования результатов выдвижения, проводившиеся в апреле 1927 г. Ленинградским губкомом партии и в апреле 1928 г. обкомом союза металлистов, показали, что подавляющее большинство выдвиженцев (93%) были выходцами из рабочей среды, 68% являлись членами партии. Среди выдвиженцев преобладали люди в возрасте от 30 до 40 лет, с производственным стажем — свыше 10 лет, т. е. кадровые, опытные рабочие [188].

Положение, отраженное переписью 1929 г., естественно, не сохранялось неизменным в последующие годы, отмеченные бурными экономическими и социальными изменениями в стране.

Начиная с 1930 г. в связи с широко развернувшейся индустриализацией были исчерпаны возможности комплектования предприятий преимущественно за счет горожан, главным образом детей рабочих и отчасти детей служащих. По расчетам Госплана СССР, за годы первой пятилетки число вновь вовлеченных в народное хозяйство рабочих и служащих составило 12,5 млн. человек, среди которых 4 млн. были горожанами, а 8,5 млн. — выходцами из крестьянства [189].

В эти годы резко выросло отходничество из деревни. В 1926/27 хозяйственном году в деревне насчитывалось 3,14 млн. отходников, а в 1931 г. (включая оргнабор) — 5,5 млн. Если в 1928/29 хозяйственном году процент крестьянского населения, находившегося на отходе, составил 7,2, то в 1931 г. он поднялся до 10,9% от численности колхозников [190].

Рассчитанная нами по данным специального учета вновь принятых в профессиональные союзы в 1931 г. табл. 17 показывает социальные источники пополнения

---

[188] ЛПА, ф. 16, оп. 7, д. 8427, л. 6—11; ЛГАОРСС, ф. 4591, оп. 9, д. 488, л. 71—76.

[189] См. *Л. Е. Минц.* Вопросы построения баланса труда. — «Ученые записки по статистике» АН СССР, т. IV. М., 1959, стр. 66—67.

[190] См. *Ю. В. Арутюнян.* Коллективизация сельского хозяйства и высвобождение рабочей силы для промышленности. — В сб.: «Формирование и развитие советского рабочего класса (1917—1961 гг.)», стр. 102, 103.

промышленности в этот период. Из таблицы видно, что по сравнению с предшествующим периодом доля выходцев из рабочей среды резко упала, причем это падение коснулось всех отраслей индустрии, а особенно машиностроения. Основным источником пополнения рабочего класса стало крестьянство — 53,2% по промышленности в целом, в том числе от 40 до 48,6% по отдельным отраслям машиностроения. Даже в хлопчатобумажной промышленности, которая ранее комплектовала свои кадры (особенно женскую их часть) преимущественно за счет горожан, доля выходцев из деревни возросла в составе пополнения до 50,3%. При этом резко увеличилась доля лиц, сохранивших связь с сельским хозяйством (39% в целом по промышленности), хотя из них уже более половины состояли членами колхозов.

Таблица 17

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СВЯЗЬ С СЕЛЬСКИМ ХОЗЯЙСТВОМ РАБОЧИХ, ПОСТУПАЮЩИХ В ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В 1931 г. [191]

Отрасли промышленности	Всего учтено лиц	Социальное происхождение (по отцу) в % к итогу						Связь с сельским хозяйством	
		Рабочих	Крестьян	Служащих	Кустарей	Торговцев	Прочих	% лиц, имеющих связь с сельским хозяйством	В том числе % состоящих в колхозах
Всего по промышленной группе	564 206	36,6	53,2	6,5	2,9	0,1	0,7	39,0	54,0
В том числе									
общее машиностроение	106 740	41,0	48,6	7,6	2,3	0,1	0,4	28,8	50,1
транспортное машиностроение	31 857	46,9	40,9	7,7	2,6	0,1	1,8	41,6	41,8
электротехническое машиностроение	20 344	48,7	40,3	5,3	3,3	—	2,4	25,8	53,4
металлургия	40 022	36,0	56,8	4,8	2,0	0,1	0,3	40,0	51,2
основная химия	15 368	32,4	60,5	5,5	1,2	—	0,4	42,8	56,0
хлопчатобумажная промышленность	32 756	42,2	50,3	5,0	1,6	0,1	0,8	42,5	48,0
угольная промышленность	12 862	26,0	68,9	3,6	1,4	0,1	—	45,3	68,4
нефтяная промышленность	2 337	26,2	64,5	6,0	3,0	—	0,3	33,4	33,1

[191] Сосчитано по: «Состав новых миллионов членов профсоюзов». *М., 1933*, стр. 48—51.

Данные профессиональной переписи 1932/33 г. позволяют по ряду отраслей сопоставить изменения источников пополнения. Если в черной металлургии в 1928/29 хозяйственном году дети крестьян среди новых рабочих составляли 46,6%, то в 1932 г. их доля поднялась до 62,1%. В электротехнической промышленности за эти же годы их доля увеличилась с 39,7 до 55%, а в транспортном машиностроении — с 37,5 до 54,3% [192].

В итоге значительно изменилась социальная структура рабочего класса, резко расширился слой формирующихся рабочих, еще сохранивших собственные средства производства, хотя как раз в эти годы произошли изменения и в субординации факторов, формирующих социальную структуру рабочего класса.

Таблица 18

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ РАБОЧИХ НЕКОТОРЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В 1929 И 1932/33 ХОЗЯЙСТВЕННОМ ГОДУ [193]

Отрасли и районы	Даты переписи	Всего учтено	Из них % детей			
			рабочих	крестьян	служащих	кустарей и прочих
Черная металлургия Урала	1929	10 854	69,9	26,4	2,3	1,4
	1933	57 019	60,8	36,8	1,8	0,6
Электротехническая промышленность Московской области и Ленинграда	1929	19 434	54,9	34,4	8,3	2,4
	1932	86 904	51,6	38,7	8,1	1,6
Хлопчатобумажная промышленность Московской области	1929	—	61,1	34,7	2,7	1,5
	1933	30 432	59,0	39,0	1,5	0,5

Из табл. 18 видно, что за короткий промежуток времени процент детей крестьян возрос во всех названных отраслях промышленности при снижении доли выходцев из рабочей среды. Однако эта информация из-за несовершенства публикации материалов переписи 1932/33 г.

[192] См. «Профсоюзная перепись 1932/33 г.». М, 1934, стр. 26, 27.
[193] Там же, стр 28.

да и самого опросного листа, использованного в переписи, недостаточна, чтобы реконструировать по ней социальную структуру так же, как это сделано по материалам переписи 1929 г. Можно лишь по приведенным выше данным констатировать снижение доли слоя кадровых рабочих.

Кроме того, нужно учесть, что на протяжении длительного послереволюционного периода в составе крестьянства сохранялась значительная прослойка тех, кто в старой России относился к особому типу сельского пролетариата — к так называемым пролетариям с наделом. К сожалению, этот факт недостаточно учитывался в нашей исторической литературе; потомственных рабочих, которые вышли из сельских пролетариев, огульно относили к крестьянским детям. В таких областях, как Калининская, Вологодская, Рязанская, Псковская и др., в прошлом поколениями ходили из некоторых обедневших сел и деревень мужчины на заработки в Петроград, в Москву, оставляя семьи дома, в деревне. Полуразвалившаяся изба да тощий поросенок — вот и все хозяйство у иной такой семьи. Революция дала возможность поправить хозяйство: завелись лошадь, кое-какой инвентарь, но сыновьям нечего было делать в этом микроскопическом мирке, и они, как в свое время их отцы, тянулись на заработки в город. Конечно, в таких полупролетарских, на $^3/_4$ пролетарских семьях люди и формировались совсем иначе, чем в чисто крестьянских семьях. Традиции пролетарского труда воспитывали уважение к нему, доверие к рабочему классу. Выходцы из районов традиционного отхожего промысла легче становились кадровыми рабочими.

С этой точки зрения поучительны биографии первых стахановцев, среди которых было немало выходцев из деревни. Жизненный путь А. Г. Стаханова, И. И. Гудова, А. Х. Бусыгина и других свидетельствует о том, что эти выходцы из деревни были представителями ее пролетарских и полупролетарских слоев [194].

[194] А. Г. Стаханов рассказывал: «Деревня наша была очень бедная. Семья наша едва-едва перебивалась. И дед мой, и отец мой уходили в город на заработки. Самостоятельной жизнью я начал жить с 12 лет, когда пошел работать к кулаку на мельницу» («Первое всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев». М., 1935, стр. 14). А. Х. Бусыгин говорил: «Хозяйство было у меня бедное... круглые сутки работаешь, придешь домой, а дома и еды нет».

Однако индустриализация страны переворошила всю «сермяжную» Русь. Из крестьянской глубинки на промышленные предприятия в 1926—1932 гг. пришли миллионы людей, лишь понаслышке знавших о фабричном труде. Крестьяне привносили в рабочую среду собственническое мировоззрение, мелкобуржуазный анархизм, не считающийся ни с какими правилами и законами социалистического трудового общежития. Из-за массового притока в промышленность миллионов крестьян и городской мелкой буржуазии к началу второй пятилетки заметно упала трудовая дисциплина, увеличился брак, участились случаи недобросовестного отношения к государственному имуществу [195].

Характерно, что в годы первой пятилетки усилилась и текучесть рабочей силы. Вот данные об обороте рабочей силы в промышленности СССР в процентах к среднемесячному числу рабочих за год. Если в 1927/28 хозяйственном году было принято 101,4%, то в 1929/30 — 172,3%; уволено же соответственно 96,1 и 150,6%. При этом доля уволенных по собственному желанию и за нарушение трудовой дисциплины составляла от 60 до 70%. Особенно вырос процент уволенных за нарушение трудовой дисциплины. Даже в ленинградской промышленности он достигал 20—25% [196].

Конечно, в определенной мере рост текучести рабочей силы предопределялся некоторым спадом в уровне жизни в связи с продовольственными затруднениями при крайней пестроте в оплате труда на различных предприятиях [197]. И все же в решающей степени он был вызван притоком в промышленность людей, не определившихся еще как в профессиональном, так и в социальном отношении.

Затем он стал плотником, а в мае 1932 г. поступил на завод (см. там же, стр. 22). И И. Гудов с девяти лет начал работать по найму: был пастухом, кочегаром, рабочим-сезонником на торфоразработках и т. д. (см. *И. И. Гудов.* Путь стахановца. М., 1938).

[195] См. *А. Т. Зелин* Изменения в рабочем классе СССР в период второй пятилетки (1933—1937 гг.). Автореферат диссертации. М., 1953, стр. 11—12.

[196] См. «Труд в СССР». М., 1932, стр. 74.

[197] См об этом *О. И. Шкаратан.* Материальное благосостояние рабочего класса СССР в переходный период от капитализма к социализму. — «История СССР», 1964, № 3; *Н. Лагутин, В. Майер* Рост благосостояния советского народа. — «Проблемы мира и социализма», 1967, № 5.

Но сказанное характеризовало новые «деревенские» пополнения рабочего класса лишь с одной стороны. Необходимо учитывать другую, не менее, а более важную сторону их характеристики: выходцам из деревни 20—30-х годов было присуще уже немало новых качеств, порожденных советской действительностью. Это были не прежние забитые, заскорузлые в узком мирке своего хозяйства крестьяне, отправившиеся на заработки в чужой и враждебный им город. Они приходили на фабрики и заводы, конечно, с определенными крестьянскими навыками и мыслями, но их перевоспитание велось на надежной основе выкованного в ходе революции и последующих лет социалистического строительства рабоче-крестьянского союза. Эти люди помнили о том, что помещичью землю они получили из рук рабочих, что кулак уже не держит деревню за горло, так как руки ему укоротила рабочая власть, что помощь в случае неурожая и бесхлебья придет из города. Поэтому темпы превращения вчерашнего крестьянина-бедняка или середняка в кадрового рабочего неизмеримо возросли по сравнению с дореволюционным временем. Этому содействовало и то, что власть в стране принадлежала рабочему классу, и то, что фабрики и заводы стали народным достоянием, что дух коллективизма и товарищеской взаимопомощи определял характер взаимоотношений рабочих.

Прошло лишь два-три года после массового притока выходцев из крестьянской среды в ряды рабочего класса, а статистика, этот чуткий барометр поведения тысяч и миллионов, зафиксировала в 1934 г. сокращение прогульных дней на одного рабочего по сравнению с 1932 г. в 9 раз, уменьшение потерь промышленной продукции из-за прогулов в 7 раз [198].

В годы второй пятилетки резко сократилась текучесть рабочей силы. Если в 1931 г. в промышленности СССР было принято к среднесписочному числу рабочих 151,2%, а уволено 136,8%, то в 1935 г. соответствующие показатели составили 91,6% и 86,1% [199]. Промышленность «переварила» новые пополнения, кадровые рабочие, руководимые коммунистами, перевоспитали основную мас-

---

[198] См. *А. Т. Зелин* Указ. соч., стр. 12.
[199] См. «Труд в СССР». М., 1936, стр. 95.

су новых рабочих. Сказалось здесь и повышение уровня жизни, сочетавшееся с упорядочением заработной платы.

К концу второй пятилетки не могла не возрасти и доля рабочих со значительным производственным стажем, поскольку в 1932—1937 гг. приток новых пополнений уменьшился по сравнению с предыдущим пятилетием в несколько раз. Если численность рабочих и служащих в 1928—1932 гг. в целом по народному хозяйству увеличилась с 10,8 млн. до 22,6 млн. человек, а по промышленности — с 3,8 млн. до 8 млн. человек, то в 1932—1937 гг. она возросла всего лишь с 22,6 млн. до 26,7 млн. человек в целом по народному хозяйству и с 8 млн. до 10,1 млн. человек в промышленности [200]. За годы первой пятилетки производительность труда поднялась на 41%, а в следующей пятилетке прирост составил уже 82% [201]. Есть все основания сделать вывод, что во второй половине 30-х годов основная масса рабочих может быть отнесена к кадровым рабочим.

За годы первой пятилетки численность коммунистов увеличилась более чем в 2 раза. Число членов партии среди фабрично-заводских рабочих выросло с 350 тыс. в начале пятилетки до 769 тыс. на 1 января 1932 г. Доля коммунистов в общей численности рабочих поднялась за пятилетие с 13,9 до 15,6% [202]. По материалам профсоюзной переписи 1932/33 г., доля членов и кандидатов ВКП(б) среди рабочих колебалась от 16,1% в транспортном машиностроении до 7,7% в торфяной промышленности [203].

Эти данные также подтверждают ранее высказанную мысль о том, что темп формирования кадровых рабочих в социалистической промышленности был исключительно высок, что новые пополнения конца 20-х — начала 30-х годов интенсивно перевоспитывались кадровыми рабочими и включались в состав основного слоя рабочего класса.

---

[200] См. «Народное хозяйство СССР в 1958 году». М., 1959, стр 658

[201] См. там же, стр 110.

[202] См. «Плановое хозяйство», 1932, № 6—7, стр. 170.

[203] См. «Профсоюзная перепись 1932/33 г», стр. 59.

§ 5. РОЛЬ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ В СОЦИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ РАБОЧЕГО КЛАССА

Анализ изменений социальной структуры рабочего класса не может быть полным без учета динамики его образовательной и профессиональной подготовки. Дело в том, что образовательная подготовка не только создает условия для более активной производственной деятельности рабочего, для более быстрого приобретения им квалификации, но и является существенным фактором роста его социально-политической активности, содействуя тем самым превращению его в кадрового рабочего. В. И. Ленин писал: «...государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно» [204].

Одним из серьезных источников, позволяющих судить об уровне образования рабочих масс в самом начале переходного периода, является перепись 1918 г. (см. табл. 19).

Наиболее высоким уровень грамотности был в отраслях, потребляющих квалифицированный труд, —

Таблица 19

ДОЛЯ ГРАМОТНЫХ РАБОЧИХ ПО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕРЕПИСИ 31 АВГУСТА 1918 г (В %) [205]

Отрасли производства	Мужчины	Женщины	Оба пола
В среднем по всем отраслям . .	79,1	43,2	64,0
В том числе:			
в обработке металлов . . .	81,4	50,3	76,5
в машиностроении	86,7	60,0	83,6
в полиграфическом производстве	96,7	89,2	94,7
в обработке хлопка	76,4	38,3	52,2
в пищевой промышленности	74,9	48,4	66,0

[204] *В. И Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 21.

[205] Таблица составлена и подсчитана по материалам Всероссийской промышленной и профессиональной переписи 1918 г. См «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», т. XXVI, вып. 2. М., 1926, стр. 11, 17, 29, 31.

в полиграфической и машиностроительной промышленности. Но даже в этих отраслях значительная часть рабочих не умела ни читать, ни писать. Что касается пищевой, текстильной и ряда других отраслей промышленности, то здесь от одной до двух третей работниц были совсем неграмотными. Да и среди рабочих-мужчин доля неграмотных достигала 22% в деревообрабатывающей промышленности и 19,2% в обработке хлопка.

Конечно, капитализм в силу объективных потребностей развития производства также все в большей мере нуждался в грамотных рабочих. Об этом свидетельствует, в частности, разница в уровне грамотности между различными возрастными группами среди подростков и взрослых младших возрастов — она была выше, чем у старшего поколения рабочих. Но нет сомнения и в том, что российскому капитализму потребовались бы десятилетия для ликвидации неграмотности среди пролетарских слоев населения. Ведь если производство понуждает капиталистов обучать рабочих грамоте, то политические интересы буржуазии противостоят этой исторически прогрессивной тенденции, поскольку легче грабить, легче заставить повиноваться забитого неграмотного рабочего. Только после прихода к власти пролетариата тенденция развития производства, объективно требующая все более образованных производителей материальных благ, может проявиться с должной полнотой и не встречает уже никаких классовых преград.

Советской власти предстояла огромная работа по ликвидации неграмотности среди рабочих.

Мы не располагаем обобщенными данными об уровне образовательной подготовки рабочих. В источниках имеются сведения такого рода лишь об отдельных группах, например о безработных слесарях, зарегистрированных Петроградской биржей труда в июне 1918 г., о слесарях Путиловского завода, данные о которых были собраны в конце 1918 г., о табачниках, чей образовательный уровень изучили петроградские статистики в феврале 1919 г.

Среди слесарей, зарегистрированных биржей труда, грамотных было 93,5%, т. е. несколько больше, чем по переписи 1918 г. среди всех рабочих машиностроительной промышленности (89,4%). Оно и понятно, ибо данные по всей отрасли включали также чернорабочих,

Средняя продолжительность обучения у грамотных равнялась 2,1 года [206].

После обследования 767 слесарей Путиловского завода, проведенного под руководством С. Г. Струмилина, были обработаны данные по 724 рабочим, а данные об общем образовании опубликованы всего по 623 рабочим [207]. Между тем сохранившиеся и в публикациях отдела статистики труда Комиссариата труда Северной области, и в архивах подробные разработки этого обследования дают возможность получить более полные сведения. К тому же в материалах имеются данные об общем образовании по 685 человекам [208].

Произведенный нами подсчет показал, что средняя продолжительность образовательной подготовки грамотных слесарей равнялась 2,6 года.

По данным об образовательном уровне рабочих и работниц табачной промышленности, относящимся к концу 1918 и началу 1919 г., средняя продолжительность обучения у опрошенных равнялась одному году [209].

Можно считать, что данные по путиловским слесарям отражали уровень образовательной подготовки квалифицированных рабочих машиностроительной промышленности страны. Что касается табачников, то данные по ним также характерны (судя по материалам профессиональной переписи 1918 г.) для рабочих ряда отраслей промышленности: пищевой, химической, деревообрабатывающей, текстильной.

То, что данные по этим частным обследованиям могут быть распространены на страну, подтверждают материалы переписи 31 августа 1918 г. Доля грамотных среди полиграфистов-мужчин по стране и по Петрограду составляла одну и ту же величину — 96,7%; среди машиностроителей доля грамотных равнялась: по стране — 86,7%, по Петрограду — 89,4, среди текстильщиков — соответственно 76,4 и 80,8% [210]. Таким образом,

---

[206] ЛГАОРСС, ф. 3299, оп 2, д. 6, л 15.

[207] См. *С. Г. Струмилин.* Проблемы экономики труда. М., 1957, стр. 89.

[208] ЛГАОРСС, ф 3299, оп. 2, д. 74, л. 4; см. также «Материалы по статистике труда» (Пг), 1919, вып. 5

[209] См. *Е. Смитген.* Квалификация петербургских табачников. — «Вестник труда» (М), 1921, № 10-11, стр 123—124

[210] Данные по Петрограду подсчитаны по: «Материалы по статистике труда» (Пг.), 1920, вып. 2, стр. 42.

требуется лишь некоторая поправка (в сторону снижения) показателей образования, полученных по обследованиям в Петрограде.

Итак, для первой группы рабочих, т. е. квалифицированных машиностроителей, средняя продолжительность обучения, видимо, равнялась 2,5 — 2,6 года. Около 50% этой категории рабочих окончили двухклассные училища, около четверти (как правило, самоучки) имели образовательную подготовку в объеме до одного года обучения. Иначе говоря, подготовка даже передовой в отношении образования части рабочего класса практически сводилась к умению читать, писать и знанию начальных правил арифметики.

Данные о табачниках можно распространить на всю массу неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих промышленности, а показатели образовательного ценза грамотных табачников, по всей вероятности, близки к средним по всей промышленности. Процент неграмотных поднимается среди табачников до 16,5% (против 6,1% у слесарей-путиловцев) и до 48,1% у табачниц. Средний срок обучения здесь у мужчин равен 1,8 года, а у женщин — всего лишь 1 году.

Мы привели столь подробные данные об образовательном уровне отдельных групп рабочих потому, что в литературе обычно ограничиваются по этому периоду лишь сведениями о грамотности рабочих, не говоря об уровне образовательной подготовки самих грамотных. Связано это прежде всего со скудностью источников по данному вопросу. Между тем, чтобы судить о социальных потенциях пролетариата, необходимо иметь отчетливое представление не просто о том, грамотны или неграмотны рабочие, но и о том, в какой мере они грамотны.

Судя по приведенным данным, среди грамотных рабочих преобладали не получившие даже начального образования. Правда, статистика не раскрывает нам реального образовательного уровня тех передовых рабочих, которые самостоятельно или с помощью прогрессивной части интеллигенции приобрели познания, намного превосходившие формальные показатели школьного обучения.

Решающее место в культурном развитии трудящихся масс занимает повышение их общеобразовательного

уровня. Поэтому Советское правительство сразу же после победы Октябрьской революции уделило школьному и внешкольному образованию особое внимание. «. . .Наше дело в области школьной, — отмечал В. И. Ленин, — есть та же борьба за свержение буржуазии. . .» [211]

Осуществление этой задачи шло в двух направлениях. Одна группа мероприятий касалась детей рабочих и должна была содействовать тому, чтобы новые пополнения рабочего класса получали хорошую подготовку в общеобразовательных учебных заведениях. Другая группа мероприятий сводилась к повышению образовательного уровня уже занятых в производстве рабочих. Мы лишены возможности детально проследить ход этого процесса и поэтому ограничимся приведением только итоговых табл. (20, 21).

Таблица 20

ЧИСЛО УЧАЩИХСЯ В СССР ПО ВИДАМ ОБУЧЕНИЯ (НА НАЧАЛО УЧЕБНОГО ГОДА, В ТЫС ЧЕЛОВЕК) [212]

Виды обучения	1914—1915 гг.		1927—1928 г.	1940—1941 г.
	В современных границах	В границах до 17 сентября 1939 г.		
В общеобразовательных школах	9 656	7 896	1 638	35 552
В том числе в 8—10-х классах . . .	152	123	170	2 571
В училищах и школах системы трудовых резервов и школах ФЗУ . .	106	93	243	717
В техникумах и других средних специальных учебных заведениях (включая заочников) .	54	36	189	975
В высших учебных заведениях (включая заочников)	127	112	169	812
Всего	9 943	8 137	12 239	38 056

[211] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 77.

[212] «Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах», стр. 273. В таблице в число учащихся общеобразовательных школ включены и занимавшиеся в школах рабочей молодежи, и в школах для взрослых.

Таблица 21

ЛИКВИДАЦИЯ НЕГРАМОТНОСТИ И МАЛОГРАМОТНОСТИ ВЗРОСЛЫХ В СССР (ЧИСЛО ОБУЧАВШИХСЯ ПО ДАННЫМ ЕДИНОВРЕМЕННОГО УЧЕТА НА НАЧАЛО 1922—1939 гг; В ТЫС. ЧЕЛОВЕК) [213]

Годы	Обучалось взрослых			Из них обучалось					
				в городах			в сельских местностях		
		В том числе			В том числе			В том числе	
	Всего	неграмотных	малограмотных	Всего	неграмотных	малограмотных	Всего	неграмотных	малограмотных
1922	463,3	463,3	—	88,7	88,7	—	374,6	374,6	—
1927	1 540,6	1 351,5	189,1	172,8	97,1	75,7	1 367,8	1 254,4	113,4
1929	2 055,8	1 799,6	256,2	366,8	255,7	111,1	1 689,0	1 543,9	145,1
1932	14 245,5	7 663,6	6 582,1	2 553,8	843,0	1 710,8	11 691,9	6 820,6	4 871,3
1936	7 105,5	3 329,6	3 775,9	1 218,7	410,9	807,9	5 886,8	2 918,8	2 968,0
1939	6 953,0	3 313,2	3 639,8	1 647,6	547,0	1 100,6	5 305,4	2 766,2	2 539,2

Из этих таблиц видно, сколь энергично и решительно проводились мероприятия как по обучению молодежи, так и по ликвидации неграмотности среди взрослого населения страны. Здесь специально приведены таблицы, касающиеся всего населения, а не только рабочего класса, поскольку при повышенной социальной мобильности в обществе нельзя узкоклассово решать задачи подъема уровня культуры. Именно бурные темпы ликвидации неграмотности и повышения культуры сельского населения позволили создать устойчивые предпосылки для постоянного и непрерывного роста уровня образования рабочего класса.

Уже в первые годы Советской власти были достигнуты заметные успехи в ликвидации неграмотности среди рабочих. Это отчетливо обнаружила Всесоюзная перепись 1926 г.[214] Достаточно сказать, что средняя доля неграмотных в общей численности промышленных рабочих снизилась с 36,0% в 1918 г. до 15,9% в 1926 г., т. е. более чем вдвое.

Материалы переписей рабочих, проведенных в 1929 г., показали, что, несмотря на весьма значительное общее

[213] «Культурное строительство в СССР». М., 1940, стр. 92.

[214] См. «Всесоюзная перепись населения 1926 года», т. XXXIV. М., 1930, стр. 16—37.

уменьшение неграмотности за послереволюционный период, все же к началу первой пятилетки процент неграмотных среди рабочих отдельных отраслей промышленности оставался еще довольно высоким. Так, в целом по учтенным переписями производствам доля неграмотных составляла 13,9%, в том числе среди мужчин — 8,1%, а среди женщин — 26,6%. Значительными были колебания по отраслям и возрастным группам. Наименьшим среди крупных отраслей процент неграмотных был у металлистов (4,5%), у металлургов он доходил до 10,2%, у текстильщиков превышал 20%, у шахтеров — составлял 15,6, у нефтяников — 21%.

Молодежь отличалась более высокими показателями грамотности. Так, среди рабочих в возрасте до 22 лет доля неграмотных составляла 5,2, тогда как в возрастной группе 40 лет и старше она поднималась до 30,9% [215].

Как видно из данных переписи, ценз грамотности вырос незначительно по сравнению с 1926 г. Следует иметь в виду, что в этот период в промышленность пришли сотни тысяч вчерашних крестьян, среди которых было немало совершенно неграмотных людей. Поэтому за относительно стабильными показателями грамотности скрывалась огромная работа школ ликбеза, обучавших элементарной грамоте огромное число выходцев из деревни.

Материалы профсоюзной переписи 1932/33 г. показывают, что за годы первой пятилетки произошло дальнейшее снижение доли неграмотных среди рабочих: у металлистов — с 4,5% в начале 1929 г. до 3% в 1932 г., у текстильщиков — соответственно с 20,2% до 16,5% [216]. Появился первый в стране город сплошной грамотности — Ленинград; здесь в 1931 г. была ликвидирована неграмотность среди рабочих [217].

М. Гольцман в свое время опубликовал данные о снижении неграмотности среди рабочих, входивших в промышленные профсоюзы, за 1930—1934 гг. (см. табл. 22).

За 1930—1934 гг. численность промышленных рабочих интенсивно возрастала. Новые пополнения притекали главным образом из сельских местностей. И все же

---

[215] См. «Труд в СССР». М., 1930, стр. 30.

[216] См. «Профсоюзная перепись 1932/33 г.», стр. 42, 44.

[217] См. *В. Грудинин, В. Тресвятский.* Город сплошной грамотности (Ленинград). Л., 1931.

Таблица 22

ДИНАМИКА ЛИКВИДАЦИИ НЕГРАМОТНОСТИ СРЕДИ РАБОЧИХ В 1930—1934 гг. [218]

Дата учета	Количество неграмотных (в тыс. человек)	% неграмотных среди работающих	% неграмотных, охваченных обучением
Май 1930 г.	306,2	7,2	48,6
» 1932 »	307,5	4,4	68,3
» 1934 »	281,8	3,6	61,3

в результате работы органов Наркомпроса и профсоюзов [219] доля неграмотных среди рабочих промышленной группы профсоюзов понизилась за это время вдвое — с 7,2 до 3,6%. В 1934 г. свыше половины неграмотных промышленных рабочих были охвачены учебой.

Проведенная в 1939 г. перепись населения учла незначительное число неграмотных среди рабочих [220].

Выше приводились отдельные отрывочные сведения об уровне школьной подготовки некоторых обследованных групп рабочих. Систематические данные об этом впервые содержались в материалах профсоюзной переписи 1929 г. Они показывают, что за первые 12 лет Советской власти, несмотря на гражданскую войну и послевоенные трудности, произошел значительный рост уровня образования рабочих. Если оценивать объем школьной подготовки рабочих в 1918 г. в 1—1,5 года, то в 1929 г. он увеличился до 3,5 года. При этом в машиностроении и металлообработке соответствующий показатель равнялся 4 годам, в металлургии — 3,5 года, в текстильной промышленности — 3,3 года, в каменноугольной промышленности — 3 годам и т. д.

Из данных той же переписи следует, что в целом по промышленности доля лиц, получивших школьную подготовку, составила уже 83,9%, хотя средняя продолжительность такой подготовки значительно колебалась по возрастным группам. Наиболее образованными были

---

[218] *М. Гольцман.* Полностью завершить ликвидацию неграмотности. — «Вопросы профдвижения», 1935, № 2—3, стр. 107.

[219] См. «Культурное строительство в СССР», стр. 92, и другие материалы.

[220] См. там же, стр. 7.

молодые рабочие в возрасте до 22 лет, у которых продолжительность обучения в школе составляла в среднем 4,3 года; у рабочих же старше 40 лет она не превышала 2,9 года [221].

Материалы профсоюзной переписи 1932/33 г. показали, что, несмотря на приток кадров из деревни, рост образовательной подготовки в годы первой пятилетки продолжался. Так, в черной металлургии средняя продолжительность школьного обучения поднялась с 3,5 года до 3,7 лет, по хлопчатобумажной промышленности — с 3,1 года до 3,5 лет (данные не совсем сопоставимы — за 1932 г. взяты лишь предприятия Московской области) [222].

По второй половине 30-х годов такого рода сведения отсутствуют. Материалы переписи 1939 г. опубликованы недостаточно развернуто, чтобы получить аналогичную информацию. Однако, если судить по данным о развитии школьной сети и об увеличении численности учащихся старших классов, по материалам о развертывании системы вечернего образования для рабочих, можно предположить, что средний уровень школьной подготовки именно в эти годы стал расти особенно быстро [223]. Так, в 1932/33 учебном году в 8—10-х классах средних школ СССР обучалось 67,2 тыс. человек, в 1938/39 учебном году — уже 1 404 тыс. [224], а в 1940/41 учебном году — 2 571 тыс. [225] Кроме того, в вечерних неполных средних и средних школах в 1935 г. обучалось 120,1 тыс. горожан, а в 1939 г. — уже 515,6 тыс. [226] Дело шло к тому, что на заводы должен был хлынуть поток молодежи с законченным средним образованием. Война затормозила этот процесс.

Единственные известные нам сведения об уровне образования молодых рабочих относятся к январю 1936 г. и получены на основе специального обследования, проведенного ЦК ВЛКСМ в ряде крупных городов стра-

---

[221] См. «Труд в СССР». М., 1930, стр. 30—31.

[222] См. «Профсоюзная перепись 1932/33 г.», стр. 49—51. К сожалению, публикация подготовлена таким образом, что соизмерить данные 1929 и 1932/33 гг. затруднительно.

[223] См. «Культурное строительство в СССР», стр 92—100, 51—55 и др.

[224] См. там же, стр. 51.

[225] См. «Народное хозяйство СССР в 1958 году», стр. 809.

[226] См. «Культурное строительство в СССР», стр. 96.

ны — Москве, Ленинграде, Днепропетровске, Харькове, Иванове, Горьком, Свердловске и в Донбассе. Полученные по этому обследованию, охватившему 7138 молодых рабочих, данные сведены в табл. 23. Из нее видно, что

Таблица 23

УРОВЕНЬ ОБРАЗОВАНИЯ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ (ПО ДАННЫМ НА 15 ЯНВАРЯ 1936 г.) [227]

Отрасли	Пол	% молодых рабочих				
		неграмотных	не окончивших начальной школы	с начальным образованием	с неполным средним образованием	со средним образованием
Вся рабочая молодежь	Мужчины	0,5	13,1	43,6	40,0	2,8
	Женщины	1,7	30,3	38,6	27,6	1,8
	Оба пола	1,0	20,7	41,4	34,6	2,3
В том числе *машиностроение*	Мужчины	0,2	9,0	40,9	46,3	3,6
	Женщины	0,8	22,0	36,1	38,1	3,0
	Оба пола	0,4	13,5	39,2	43,5	3,4

практически задача ликвидации неграмотности среди молодежной части рабочего класса была уже разрешена. Однако значительную долю составляли еще лица, не окончившие начальной школы и обладавшие лишь навыками письма и чтения (20,7%), основной группой были молодые рабочие, имевшие образовательную подготовку в объеме начальной школы (41,4%). Доля лиц с законченным средним образованием была ничтожно мала (2,3%). Таким образом, задачу овладения широкими слоями рабочих образовательной подготовкой, соответствовавшей нуждам современного механизированного производства, еще предстояло выполнить.

Итак, в переходный период от капитализма к социализму была полностью ликвидирована неграмотность ра-

[227] См. «Молодежь СССР», Статистический сборник. М., 1936, стр. 238—239.

бочих, непрерывно повышался их общеобразовательный уровень, росло число лет школьного обучения как за счет более образованного пополнения, так и за счет обучения взрослых рабочих в вечерних школах.

Хотя общеобразовательная подготовка не являлась решающим фактором формирования слоя кадровых рабочих, она все же заметно влияла на процесс выращивания наиболее активной и политически зрелой авангардной части рабочего класса. Характерно, что, по данным переписи 1929 г., средняя продолжительность школьного обучения у молодых металлистов в возрасте до 22 лет, являвшихся коммунистами и комсомольцами, равнялась 5,5 года, тогда как у беспартийных — 4,5 года. Аналогичные данные были получены в ходе переписи по возрастным группам рабочих от 23 лет и старше. Из табл. 24

Таблица 24

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РАБОЧИХ МЕТАЛЛОПРОМЫШЛЕННОСТИ ПО ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ В СВЯЗИ С ВОЗРАСТОМ И ПАРТИЙНОСТЬЮ (ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСИ 1929 г.) [228]

Производства, районы и возрастные группы	Партийность	Учтено рабочих	% рабочих со школьным обучением	Распределение по продолжительности школьного обучения в % к итогу				Средняя продолжительность школьного обучения (в годах)
				до 2,5 года	2,6—4,5 года	4,6—6,5 года	Свыше 6,6 года	
I. Металлообработка и машиностроение Ленинграда								
23—29 лет . . .	Коммунисты	2 445	97,0	11,7	42,8	21,7	23,8	4,8
	Беспартийные	3 592	95,2	14,4	50,7	15,4	19,5	4,4
30—39 » . . .	Коммунисты	1 522	92,9	14,3	56,8	17,5	11,4	4,0
	Беспартийные	3 892	90,1	17,6	58,8	12,7	10,9	3,8
ЦПО								
23—29 » . . .	Коммунисты	1 774	98,0	11,7	56,7	16,7	14,9	4,2
	Беспартийные	5 056	93,1	18,4	66,6	8,9	6,1	3,5
30—39 » . . .	Коммунисты	1 082	94,8	17,7	61,9	12,9	7,5	3,6
	Беспартийные	4 490	89,4	20,2	67,2	8,8	3,8	3,3
II Металлургия Урала								
23—29 » . .	Коммунисты	771	90,8	18,7	59,8	13,5	8,0	3,6
	Беспартийные	2 862	81,4	32,4	55,2	8,0	4.4	3,1
30—39 » . . .	Коммунисты	425	85,2	19.0	65,7	11,9	3.4	3,3
	Беспартийные	2 273	72,3	30,0	61,5	6,8	1,7	2,9

[228] См. «Перепись рабочих и служащих 1929 года», т. 1. Металлисты СССР, стр. 91, 92.

Таблица 25

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ШКОЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ У РАБОЧИХ-МЕТАЛЛИСТОВ, ПРИНАДЛЕЖАЩИХ К РАЗНЫМ КВАЛИФИКАЦИОННЫМ ГРУППАМ (ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСИ 1929 г.) [229]

Квалификационные группы	Учтено рабочих	Из них со школьным обучением	Распределение по продолжительности школьного обучения в % к итогу				Средняя продолжительность школьного обучения (лет)
			до 2,5 года	2,6—4,5 года	4,6—6,5 года	6,6 года и более	
Высококвалифицированные	4 055	90,6	12,6	58,6	16,2	12,6	4,1
Квалифицированные	19 872	90,5	15,4	59,4	13,2	12,0	3,9
Полуквалифицированные	42 379	89,1	17,6	55,7	12,9	13,8	4,0
Неквалифицированные	29 976	85,8	21,3	50,5	14,5	13,7	3,9
Итого	100 745	88,2	17,5	53,6	14,4	14,5	4,0

следует вывод, что во всех случаях образовательная подготовка коммунистов была выше, чем у беспартийных рабочих.

Уже в тот период образовательная подготовка оказывала определенное влияние и на производственно-квалификационные показатели рабочих. Это видно, например, из табл. 25, обрисовывающей взаимосвязь квалификации и образования рабочих по данным переписи 1929 г. Правда, образование в то время оказывало намного меньшее влияние на квалификацию, чем стаж. Так, у высококвалифицированных металлистов средний стаж в профессии равнялся 16 годам, у квалифицированных — 13,1 года, у полуквалифицированных — 7,1 года, у неквалифицированных — 4 годам. Соизмерение воздействия образования и стажа на квалификацию с применением коэффициента Чупрова показало, что влияние первого фактора (образования) измерялось $T=0{,}044$, а второго (стажа) — $T=0{,}120$.

При расчете коэффициента Чупрова мы не учитывали рабочих, не имевших вообще школьного образования

[229] *См. там же, стр. 88.*

(11,8% — среди всех металлистов, в том числе 9,4% — среди высококвалифицированных, 9,5 — среди квалифицированных, 10,9 — в числе полуквалифицированных и 14,2% — среди неквалифицированных). Поэтому можно полагать, что по уровню образования рабочие разной квалификации на самом деле различались больше, чем лишь по объему школьной подготовки, указанной в таблице. Роль образования окажется более существенной в приобретении квалификации, если выровнять квалификационные группы по возрасту и стажу. Ведь более 75% неграмотных приходилось на долю лиц в возрасте свыше 30 лет, т. е. имевших стаж более 10 лет [230]. Незначительность же колебаний среднего срока школьного обучения была связана с притоком в низшие квалификационные группы молодежи, не накопившей еще производственных навыков, но имевшей более высокий уровень образовательной подготовки. При выравнивании рабочих по возрасту совершенно отчетливо вырисовывается активная роль образования в квалификации.

Таблица 26

УРОВЕНЬ КВАЛИФИКАЦИИ МЕТАЛЛИСТОВ СССР В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ [231]

Возрастные группы	Продолжительность школьного обучения в годах			
	Высококвалифицированные рабочие	Квалифицированные рабочие	Полуквалифицированные рабочие	Неквалифицированные рабочие
До 22 лет	5,5	5,8	5,0	4,5
С 23 до 29 лет	4,8	4,5	4,0	3,8
» 30 до 39 лет	4,3	3,8	3,4	3,3
» 40 лет и старше . . .	3,7	3,4	3,1	3,1
В среднем по всем группам	4,1	3,9	4,0	3,9

Как показывает табл. 26, почти по всем возрастным группам увеличение продолжительности школьного обучения содействовало достижению высших квалификаци-

[230] См. там же, стр. 83.
[231] Там же, стр. 196.

онных показателей. Единственное исключение — группы высококвалифицированных рабочих в возрасте до 22 лет. Естественно, что в таком возрасте достичь высших показателей квалификации могли тогда лишь рабочие, имевшие значительный производственный стаж, но тем самым рано прервавшие учебу в школе [232].

В других отраслях народного хозяйства роль образования в повышении квалификации была в то время меньшей, чем у металлистов. Так, высококвалифицированные металлурги имели среднюю продолжительность школьной подготовки 3,5 года, квалифицированные и полуквалифицированные — также 3,5 года и лишь неквалифицированные — 3,3 года. У текстильщиков соответствующие показатели по квалификационным группам составляли: 3,6; 3,1; 3,2; 3,3 года [233].

Выше уже отмечалось, что в общественно-политических характеристиках работника советской промышленности в переходный период от капитализма к социализму квалифицированные показатели имели меньшее значение, чем социальное происхождение и стаж. Тем не менее не следует игнорировать этот показатель. Ведь очевидно, что квалифицированный рабочий прочнее закреплялся не только в профессии, но и в социальном положении члена своего класса.

Весьма показательны данные о соотношении уровня квалификации и общественной активности рабочих, приведенные в табл. 27 и 28.

Известно, что ко времени Октябрьской революции определенная часть рабочих высшей квалификации была политически индифферентной: более того, часть таких рабочих входила в «рабочую аристократию» и находилась под влиянием мелкобуржуазных партий Одной из задач революционного перевоспитания населения после Октября являлось приобщение этой части рабочих к активному участию в социалистическом строительстве. Из показателей обеих таблиц видно, что данная задача была успешно решена. Уже к 1929 г. высококвалифицированные рабочие стали активной силой в рядах своего клас-

---

[232] По материалам переписи 1929 г этот вопрос был специально исследован Е Люстих в статье «Влияние образования и стажа на эффективность труда рабочих» — «Плановое хозяйство», 1930, № 7—8

[233] См «Труд в СССР» М , 1930, стр. 32—33.

Таблица 27

КВАЛИФИКАЦИЯ И ПАРТИЙНОСТЬ РАБОЧИХ — МЕТАЛЛИСТОВ И МЕТАЛЛУРГОВ
(ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСИ 1929 г.) [234]

Группы по квалификации	Всего учтено рабочих (без учеников)	Из них в % к итогу по партийности		
		членов и кандидатов ВКП(б)	членов и кандидатов ВЛКСМ	беспартийных
Высококвалифицированные	6 670	21,0	0,8	78,2
Квалифицированные	30 210	20,9	2,6	76,5
Полуквалифицированные	61 099	17,9	9,0	73,1
Неквалифицированные	39 347	12,7	14,4	72,9
В среднем	137 326	17,2	8,8	74,0

Таблица 28

ОБЩЕСТВЕННАЯ АКТИВНОСТЬ МЕТАЛЛИСТОВ И МЕТАЛЛУРГОВ РАЗЛИЧНЫХ КВАЛИФИКАЦИОННЫХ ГРУПП
(ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСИ 1929 г.) [235]

Группы по квалификации	Распределение выборных общественных работников по видам организаций (в % к итогу по данной группе)				
	советских	партийных	профсоюзных	прочих общественных организаций	всех
Высококвалифицированные	5,8	5,0	17,8	9,8	30,5
Квалифицированные	4,8	5,2	17,4	9,4	29,1
Полуквалифицированные	2,9	3,7	12,8	9,3	23,3
Неквалифицированные	2,2	2,0	8,8	8,6	18,2

са. Отсюда следует вывод: в условиях построения социализма задачи подготовки квалифицированных рабочих и формирования новых отрядов кадровых, сознатель-

[234] «Перепись рабочих и служащих 1929 года», т. 1. Металлисты СССР, стр. 104
[235] Там же, стр 113.

ных членов самого передового общественного класса совпадают.

В период перехода от капитализма к социализму подготовка рабочих кадров осуществлялась преимущественно по двум каналам: по линии индивидуально-бригадного ученичества на заводах и в системе профессиональных школ. Последние, носившие наименование школ фабрично-заводского ученичества, давали стране кадровых, наиболее квалифицированных рабочих, хотя по первому каналу в рассматриваемый период была подготовлена бо́льшая часть всех новых рабочих. В нашу задачу не входит рассмотрение всей системы подготовки рабочих кадров. Те краткие сведения, которые приводятся ниже по школам ФЗУ, необходимы для раскрытия методов подбора и воспитания коммунистически сознательного костяка рабочего класса в переходный период от капитализма к социализму, т. е. для обоснования идеи о единстве и целостности проблем воспроизводства квалифицированной рабочей силы и регулирования социальной структуры рабочего класса в условиях диктатуры пролетариата [236].

До революции рабочие кадры готовились в порядке индивидуального ученичества. Практически отсутствовала система подготовки квалифицированных рабочих через школы профессионального обучения. Такую систему начало создавать лишь государство диктатуры пролетариата. Первым типом технических учебных заведений

---

[236] Обширная литература по истории школ фабзавуча и других систем подготовки рабочих кадров в значительной мере суммирована в библиографическом указателе «Профессионально-техническое образование в СССР». Составитель Г. А. Липатова. М., 1960; см. также *О. Г. Аникст.* Подготовка квалифицированных кадров. М.—Л., 1928; *А. Н. Веселов.* Низшее профессионально-техническое образование в РСФСР. М., 1955; *А. А. Штейнберг.* Подготовка квалифицированной рабочей силы в РСФСР в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.). М., 1958; *М. В Мольский.* Расширенное воспроизводство квалифицированной рабочей силы в промышленности СССР в переходный период от капитализма к социализму. Харьков, 1949; *А. Н. Веселов.* Профессионально-техническое образование в СССР. М., 1961; *Л. Е. Анкудинова.* Подготовка кадров молодых рабочих. — В сб.: «История рабочего класса Ленинграда», вып. 1. Л., 1962; *Е. Г. Осовский.* Основные этапы развития школ фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) (1918—1940 гг.). — «Доклады Академии педагогических наук РСФСР». М., 1962, № 5, и другие работы.

явились школы-клубы. Они просуществовали недолго, так как были слабо связаны с производством, не давали необходимой профессиональной подготовки. В конце 1918 — начале 1919 г. появились первые школы фабрично-заводского ученичества, получили активную поддержку ранее существовавшие технические и профессиональные учебные заведения [237].

Однако широкий размах дело подготовки новых рабочих кадров приобрело лишь после декрета СНК о создании Главного комитета профессионально-технического образования при Наркомпросе, подписанного В. И. Лениным 29 января 1920 г. Во главе Главпрофобра был поставлен народный комиссар просвещения [238].

К 1 февраля 1921 г. в стране действовало 43 школы ФЗУ, в которых обучалось около 2 тыс. подростков [239]. Эти школы создавались при предприятиях. С 1922 г. они финансировались хозяйственными органами, но методическое руководство сохранялось в руках Наркомпроса. За годы своего существования (1920—1940 гг.) эта система неоднократно модифицировалась. О решающей роли,

Таблица 29

ПОДГОТОВКА РАБОЧИХ КАДРОВ ЧЕРЕЗ ШКОЛЫ ФЗУ [240]

Годы	Число учебных заведений	Число учащихся (в тыс.)
1922/23	2 097	146,1
1925/26	2 276	228,3
1929/30	2 711	323,1
1932/33	3 900	958,9
1938/39	1 535	242,2

[237] См. *О. Г. Аникст.* Подготовка квалифицированных рабочих кадров, стр. 10; «Профессионально-техническое образование в России за 1917—1921 гг.» Юбилейный сборник. Под ред. О. Г. Аникст. М., 1922; *В. И. Носач, О. И. Шкаратан.* Петроградские рабочие в борьбе за социалистическую культуру (октябрь 1917—1918 гг.). — В сб.: «От Октября к развернутому строительству коммунизма». М., 1967, стр. 103—104.

[238] См. СУ, 1920, № 6, ст. 41.

[239] См. *Гр. Шварц и Вл. Зайцев.* Положение труда молодежи в СССР в 1923—1925 гг. М.—Л., 1925, стр. 68.

[240] «Культурное строительство в СССР», стр. 170.

которую сыграли школы ФЗУ в подготовке квалифицированных рабочих кадров, можно судить по данным табл. 29.

Основные этапы развития школ ФЗУ тесно связаны с развитием социалистической промышленности. В годы восстановления народного хозяйства, когда основным источником пополнения предприятий рабочей силой были кадровые рабочие, число учеников в ФЗУ росло сравнительно медленно. В годы индустриализации, особенно в годы первой пятилетки, количество обучающихся в школах ФЗУ увеличивалось весьма интенсивно.

Однако возможности школ ФЗУ были сравнительно ограничены (длительность сроков обучения, перегруженность программы общеобразовательными дисциплинами). Темпы социалистического строительства вынуждали искать другие пути ускоренной подготовки кадров. Ведь практически бóльшая часть новых рабочих поступала на заводы в годы первой пятилетки вообще без предварительной подготовки, лишь в процессе работы они получали необходимую квалификацию, проходили техническую учебу в школах и на курсах, организованных предприятиями.

В 1932/33 учебном году, т. е. к концу пятилетки, как и раньше, школы ФЗУ давали общеобразовательную подготовку в таком объеме, который позволял их выпускникам поступать в технические вузы. Исторически эти особенности школ ФЗУ, превратившихся по существу в профессионально-политехнические учебные заведения с расширенной общетеоретической подготовкой, объяснялись невысоким уровнем народного образования в первые послеоктябрьские годы. Школы ФЗУ были вынуждены восполнять этот недостаток, но чрезмерно увлекались побочной для них целью — общим образованием. Кроме того, не учитывался заметный рост общеобразовательной подготовки подростков, становившихся учениками ФЗУ.

На основании постановления ЦИК и СНК СССР от 15 сентября 1933 г.[241] школы ФЗУ были преобразованы в профессиональные школы квалифицированных рабочих массовых специальностей. Срок обучения сократился до 6 месяцев, а для подготовки наиболее квалифицирован-

[241] См. СЗ, 1933, № 59, ст. 356.

ных групп рабочих допускался годичный срок. Начальник Главного управления трудовых резервов при Совете Министров СССР Г. И. Зеленко писал в 1958 г.: «Жизнь показала, что некоторые из мероприятий по перестройке школ ФЗУ были целесообразны только на очень короткое время, и после того, как особенно острая нехватка рабочей силы в промышленности была смягчена, от них следовало отказаться»[242]. Сокращение сроков обучения с 2 лет до 6 месяцев позволило резко увеличить пропускную способность школ ФЗУ, обеспечить промышленность большим притоком кадров при меньшем количестве обучающихся. Вместе с тем качество подготовки заметно ухудшилось. Поэтому в августе 1935 г. СНК СССР разрешил Наркомтяжпрому удлинить в своих школах ФЗУ срок обучения по наиболее сложным и ответственным специальностям до 1,5—2 лет. Затем это решение было постепенно распространено на школы ФЗУ других ведомств[243].

Всего школы ФЗУ за 20 лет подготовили 2,5 млн. квалифицированных рабочих[244], влившихся в кадровый костяк рабочего класса.

В школы ФЗУ обычно принималась (до ликвидации безработицы в СССР) молодежь, включенная в броню подростков, т. е. в тот обязательный для каждого предприятия минимальный процент подростков к общему числу работников предприятия, который устанавливался законом[245]. В броню попадали прежде всего выходцы из рабочей среды.

---

[242] *Г. И. Зеленко.* Подготовка квалифицированной рабочей силы. — В сб.: «Вопросы труда в СССР». М., 1958, стр. 92.

[243] См. там же, стр. 99.

[244] См. *П. Г. Москатов.* Государственные трудовые резервы — основной источник пополнения рабочего класса СССР. М., 1955, стр. 7, 11, 12.

[245] Броня подростков была впервые установлена на основе решения XI съезда партии «По вопросу о РКСМ» (см. «КПСС в резолюциях.. », изд 7, ч. I. М., 1954, стр. 640). 2 мая 1922 г М И. Калининым было подписано известное постановление ВЦИК «Об установлении предельного минимума количества подростков в предприятиях» (см. СУ, 1922, № 39, ст. 447). В дальнейшем на основе постановления ЦК ВКП(б) «Вопросы рационализации промышленности» (см. «Известия ЦИК», 25 марта 1927 г) началась работа по уточнению норм брони подростков. Новые нормы вошли в жизнь с постановлением ЦИК и Совнаркома СССР «Нормы брони подростков», принятым в августе 1928 г. (см. СУ, 1928, № 49, стр. 437).

Благодаря жесткому регулированию социального состава молодежи, принимавшейся на предприятия по броне подростков, среди учащихся в школах ФЗУ основную массу составляли дети рабочих. Так, на Ижорском заводе и на заводе «Красный Путиловец» в ФЗУ принимались только дети рабочих этих предприятий [246]. В 1927/28 г. среди выпускников школ ФЗУ в металлопромышленности Ленинграда дети рабочих составляли 86,4%, в текстильной промышленности — 84,8, в полиграфической — 100% [247]. По всей промышленности Ленинграда среди учеников ФЗУ на долю детей рабочих приходилось в 1926/27 гг. — 76,5%, в 1928 г. — 77,6% [248].

Общеобразовательный уровень учащихся ФЗУ был относительно высоким. По данным переписи 1929 г. в электропромышленности Москвы и Ленинграда средняя продолжительность школьного обучения составляла у учеников ФЗУ 6,7 класса, а у учеников на заводах — 5,1 класса. На машиностроительных предприятиях Украины соответствующие показатели равнялись 6,4 и 4,8 года, в каменноугольной промышленности Донбасса — 5,6 и 4 годам. Аналогичная картина наблюдалась и в других отраслях промышленности [249].

Школы ФЗУ выполняли огромной важности задачу. XII съезд партии в резолюции о работе РКСМ отмечал: «Первостепенное значение не только для РКСМ, но и для всей партии и Советской власти, при настоящих перспективах развития промышленности, приобретают всемерное развитие и укрепление школ фабрично-заводского ученичества. Подготовляя квалифицированного и классово-сознательного рабочего, они выполняют важнейшую роль в деле восполнения рядов передового промышленного пролетариата.

Съезд поэтому считает необходимыми всемерную поддержку и возможное расширение сети школ фабзавуча, неразрывно связанных с производством, усиление в них воспитательной и прежде всего политической работы,

---

[246] ЛГАОРСС, ф. 5870, оп. 1, д. 308, л. 34—35; ф. 4591, оп. 11, д. 1175, л. 2.

[247] ЛГАОРСС, ф. 2279, оп. 2, д. 545, л. 48.

[248] См. «Статистический справочник по г. Ленинграду». Л., 1930, стр. 78

[249] См. *А. Г. Рашин.* Состав фабрично-заводского пролетариата СССР, стр. 117—119.

а также улучшение материального состояния этих школ»[250]. На XIII съезде партии в резолюции «О работе среди молодежи» вновь подчеркивалась чрезвычайно важная роль школ ФЗУ. Расширение их сети съезд объявлял очередной задачей партии, профсоюзов и Советской власти[251].

С помощью партии работникам в области профессионально-технического образования удалось неплохо организовать подготовку рабочих через систему фабрично-заводского ученичества. Характерно, что инициаторы ударничества и стахановского движения, выдающиеся рационализаторы производства вышли преимущественно из числа выпускников ФЗУ. Именно поэтому XVI съезд партии признал школы ФЗУ основной формой подготовки квалифицированных кадровых рабочих[252].

* * *

Изложенные материалы о социальной структуре рабочего класса позволяют сделать следующие выводы.

В рассматриваемый период социальная структура рабочего класса определялась соотношением двух основных слоев рабочих. Первый из них представляли кадровые рабочие, порвавшие экономические связи с мелкобуржуазной средой, не имевшие иных источников дохода, кроме заработка и поступлений из общественного фонда потребления, второй — рабочие, сохранившие еще экономические связи с мелкособственническим хозяйством. Второй тип рабочих — переходный, формирующийся. Между первым и вторым типами масса промежуточных форм, неустойчивых, подвижных, с тенденцией перерастания в тип кадрового рабочего. Кроме того, в составе рабочего класса того времени имелся особый тип рабочих — людей, связанных с капиталистическими классами, особенно с кулачеством. «Рабочая аристократия», которая в русской промышленности капиталистической эпохи так и не сложилась в сколько-нибудь заметную величину, в переходный период от капитализма к социализму со-

---

[250] «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр 757—758.
[251] См. «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 82.
[252] См. «КПСС в резолюциях...», ч. III, стр. 45.

вершенно исчезла, так как для ее существования не было объективных предпосылок.

Сдвиги в социальной структуре рабочего класса за этот период не дают единого цикла, а распадаются на ряд этапов, различных по характеру протекавших в них процессов, которые и были рассмотрены в данной главе.

В итоге за указанный период окрепло социальное единство рабочего класса. Это обусловливалось, во-первых, завершением перехода всех предприятий в собственность социалистического государства (что объединило всех рабочих в класс, целиком и полностью функционирующий на предприятиях, являющихся общенародной собственностью), во-вторых, ликвидацией безработицы и вытекавшего из нее разделения рабочего класса на занятую и резервную армию труда, в-третьих, полным торжеством социалистического уклада и превращением его в систему, охватывающую все народное хозяйство. Следовательно, были ликвидированы причины, приводившие к той дифференциации в рядах рабочего класса, которая была связана с наличием у определенной части рабочих собственных средств труда, а отсюда и непролетарских источников дохода.

Материалы по социальной структуре рабочего класса СССР показывают прямую взаимосвязь между соотношением основных компонентов этой структуры и степенью поддержки, оказываемой всем рабочим классом своему авангарду — Коммунистической партии в процессе строительства социализма. В условиях наличия значительных мелкобуржуазных слоев в населении страны чрезвычайно важное значение имели борьба государственных органов и общественных организаций за чистоту рядов рабочего класса, жесткое регулирование источников комплектования новых рабочих кадров. Именно кадровые рабочие были основной опорой партии в деле социалистического строительства. Именно с их помощью вливавшиеся в ряды рабочего класса выходцы из непролетарской среды, еще не «переварившиеся» в фабричном «котле» и проявлявшие в трудные моменты (например, весной 1921 г.) известные колебания, становились в конце концов под знамена Коммунистической партии, с исключительной полнотой выражающей интересы рабочего класса и всех трудящихся.

ГЛАВА III

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РАБОЧЕГО КЛАССА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

§ 1. ИЗМЕНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ СССР И РАБОЧИЙ КЛАСС

Исторически складывающиеся при социализме формы движения населения находятся в прямой зависимости от социального строя общества, более того, от степени зрелости социалистических производственных отношений. Именно через различные формы мобильности населения осуществляется перестройка социальной структуры общества, строящего социализм и коммунизм.

Начавшееся с конца 30-х годов формирование развитого социалистического общества в нашей стране было прервано Великой Отечественной войной. Потери населения, особенно мужской его части, в ходе войны были еще большими, чем в первой империалистической и гражданской войнах, вместе взятых. Тем не менее благодаря относительно высокому уровню рождаемости и резкому снижению смертности в послевоенные годы был достигнут значительный прирост численности населения. На 15 января 1970 г. количество граждан СССР составило 241,7 млн. человек против 194,1 млн. человек в 1940 г.[1]

[1] См. «Народное хозяйство СССР в 1968 году». Статистический ежегодник. М., 1969, стр. 7; «О предварительных итогах Всесоюзной переписи населения 1970 года». — «Правда», 19 апреля

Однако огромные потери в годы войны не могли не сказаться на поло-возрастных пропорциях населения страны, а тем самым и рабочего класса.

Героические советские женщины в дни войны сыграли огромную роль в обеспечении наших войск вооружением, боеприпасами, одеждой, продовольствием. Нужно, правда, иметь в виду, что в период войны и послевоенные годы тяжелая необходимость вынудила широко прибегнуть к женскому труду в таких производствах, где технико-гигиенические условия делают применение его нежелательным. Процесс замены на таких видах работ женщин мужчинами еще до сих пор не завершен.

Таким образом, в послевоенные десятилетия проблема вовлечения женщин в общественное производство не являлась уже предметом дискуссии или агитации. Речь шла и идет о целесообразном распределении и использовании женских трудовых ресурсов, а также о создании условий занятым еще в домашнем хозяйстве женщинам для перехода на производство.

По мере улучшения условий труда, происходящего на основе технического прогресса, использование женщин в различных отраслях промышленности становится более равномерным. Помимо традиционных профессий текстильщиц, швейниц, резинщиц женщины занимают все более заметное место в рядах рабочих тяжелой индустрии. Например, с 1932 по 1959 г. доля женщин в машиностроении увеличилась с 21,4 до 39%, тогда как в текстильной и швейной промышленности аналогичное изменение выразилось в 5,7% прироста (с 70,1 до 75,8%) [2].

Если в 1940 г. в народном хозяйстве насчитывалось около 13 млн. женщин-работниц и служащих (39% к об-

---

1970 г. О проблемах динамики и структуры населения СССР см. *П. Г. Подъячих.* Население СССР. М., 1961; *Д. И. Валентей.* Теория и политика народонаселения. М., 1967; *Б. Ц. Урланис.* Динамика и структура населения СССР и США. М., 1964; *И. Ю. Писарев.* Население и труд в СССР. М., 1966; «Изучение воспроизводства населения. Сб. статей». «*Ученые записки по статистике*», т. XIV. М., 1968; «Вопросы марксистско-ленинской теории народонаселения. Всесоюзный симпозиум. Москва. 24—26 ноября 1966 г.». Отв. ред. Ю. Н. Козырев. М., 1969; «Демографические проблемы занятости». Под ред. П. П. Литвякова. М., 1969, и другие работы.

[2] См. «Трудовые ресурсы СССР». М., 1961, стр. 136; «Женщина в СССР». М., 1960, стр. 37.

щему числу работающих), то в 1958 г. — уже 25,9 млн. (46%), а в 1968 г. — 42,6 млн. (50%). За эти же годы доля женщин в промышленности выросла с 38% (1940 г.) до 47% (1968 г.) [3].

Дальнейшему вовлечению женщин, а главное их закреплению на производстве, мешает прежде всего недостаточное количество детских учреждений. Так, с 1940 по 1958 г. число женщин-работниц и служащих увеличилось на 13,3 млн. человек, а число мест в детских яслях и садах — на 1,5 млн. Лишь 15% детей дошкольного возраста было охвачено общественным воспитанием. Между тем примерно 44% женщин, занятых в домашнем хозяйстве, имели детей в возрасте до 7 лет. За последние годы была проделана значительная работа по строительству новых детских садов и яслей. В 1958 г. в детских учреждениях было 2 млн. 354 тыс. мест, а в 1968 г. — почти 7,5 млн. В результате темпы строительства детских учреждений обогнали прирост числа женщин-матерей, имеющих детей-дошкольников. Но нужда в таких учреждениях еще велика. Поэтому трудно ожидать в ближайшие годы прекращения неустойчивости женских кадров на производстве. На этом народное хозяйство продолжает терпеть большие убытки, наносится ущерб росту квалификации работниц, затрудняется их использование в отраслях и на производственных участках, требующих длительной выучки и устойчивых кадров [4].

Великая Отечественная война привела к огромному изменению состава рабочего класса не только в половом, но и в возрастном разрезе. Доля рабочих и служащих в возрасте до 18 лет в общей численности промышленного персонала поднялась с 6% в 1939 г. до 15% в 1942 г., а доля работников старше 50 лет — с 9 до 12%. Доля же лиц в возрасте 18—49 лет за эти же годы снизилась с 85 до 73%.

---

[3] См. «Народное хозяйство СССР в 1968 году», стр. 552; «Труд в СССР». М., 1968, стр. 73, 76.

[4] См. «Женщина в СССР», стр. 31, 37; «Трудовые ресурсы СССР», стр. 136, 151—154; «Народное хозяйство СССР в 1962 году», стр. 560; «Народное хозяйство СССР в 1968 году», стр. 676—677. См. также *Н. И. Татаринова.* Женский труд в народном хозяйстве СССР. — В сб.: «Вопросы труда в СССР». М., 1958; *А. Л. Пименова.* Семья и перспективы развития общественного труда женщин при социализме. — «Философские науки», 1966, № 3; *Е. З. Данилова.* Социальные проблемы труда женщины-работницы. М., 1968.

В итоге сложилась неблагоприятная для роста производства структура кадров. Например, на заводах тяжелого машиностроения в 1945 г. подростки до 18 лет составляли 15% общего числа рабочих. Чрезмерно велик был их процент и в других отраслях промышленности. Таковы были последствия войны, унесшей миллионы человеческих жизней.

В 1957 г. доля подростков в общей численности рабочих тяжелого машиностроения упала до 1,5%. Зато быстро росла доля рабочих в наиболее цветущем, работоспособном возрасте. В 1951 г. в тяжелом машиностроении было 46,6% рабочих в возрасте от 18 до 25 лет и 47,9% — в возрасте от 26 до 49 лет. В 1957 г. на долю рабочих в возрасте от 27 до 49 лет приходилось уже 63%.

Как показала перепись 1959 г., наша промышленность располагала рабочими кадрами в таких возрастных пропорциях, которые позволяли ей успешно решать поставленные перед ней задачи. Работники промышленности в возрасте до 19 лет (включительно) составляли 10,2%, от 20 до 29 лет — 39,5, от 30 до 39 лет — 26,0, от 40 до 49 лет — 15,3, 50 лет и старше — 9%.

Улучшение возрастных пропорций в рабочем классе привело к снижению доли подростков и молодежи до 25 лет и возрастанию доли рабочих в самом ценном трудовом возрасте — от 25 до 35 лет[5]. Это видно из данных табл. 30.

За последние годы на возрастных пропорциях вновь стали сказываться последствия войны, так как в трудовой возраст вступили люди, родившиеся в 1941—1945 гг. В результате на 1 июня 1967 г. доля лиц в возрасте до 25 лет упала до 15,8%, а лиц в возрастном интервале от 25 до 35 лет сохранилась на уровне 33,1% (относительно всей массы рабочих и служащих в народном хозяйстве СССР). В промышленности страны рабочие и служащие на ту же дату распределялись по возрастным группам следующим образом: до 25 лет — 18,8%, 25—34 года —

---

[5] Материал по возрастной характеристике рабочего класса взят из публикаций: «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года» (сводный том), стр. 117; *Н. А. Вознесенский* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948, стр. 112—113; *А. В. Смирнов*. Рабочие кадры тяжелого машиностроения СССР в 1946—1958 гг. — «Исторические записки», т. 71, стр. 11.

Таблица 30

ИЗМЕНЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ В НАРОДНОМ ХОЗЯЙСТВЕ ПО ВОЗРАСТУ [6]

Годы	Всего рабочих и служащих (млн. человек)	В том числе в возрасте (в % к итогу)		
		До 18 лет	18—25 лет	26—35 лет
1947 г. — на 1 марта	30,3	4	28	27
1953 г. — » 5 мая	41,5	2	25	31
1957 г. — » 1 апреля	50,7	2	23	35
1963 г. — » 1 июля	70,0	2	21	34

35,4, 35—44 года — 29,3, 45—54 года — 12,4, 55 лет и старше — 4,1 % [7].

Эти возрастные пропорции вполне благоприятны для решения народнохозяйственных и общественно-политических проблем, стоящих перед советским народом. Однако дальнейшее «старение» кадров было бы уже настораживающим. К счастью, вступление в трудовой возраст поколения, родившегося в послевоенные годы, снимает эту проблему, так как приведет к новому «омоложению» рабочего класса. Правда, доля рабочих средних возрастов будет в ближайшие годы явно меньшей, чем это бывает при нормальном демографическом развитии общества. Последствия войны все еще влияют на жизнь нашей страны.

В годы построения развитого социалистического общества и начавшегося созидания коммунизма продолжалась планомерная работа по более рациональному расселению граждан на огромной территории страны с целью более эффективного использования ее природных богатств. Территориальные перемещения в восточные районы оставались и остаются одной из важнейших задач регулирования движения населения в СССР.

В годы Великой Отечественной войны значение этих районов сильно возросло. Сюда шел основной приток новых рабочих кадров. В 1942 г. в стране насчитывалось

[6] «От съезда к съезду. Комсомол в цифрах и фактах». М., 1966, стр. 36.

[7] См. «Труд в СССР». М., 1968, стр. 234.

18,4 млн. рабочих и служащих (59% к уровню 1940 г.), в том числе в промышленности — 7,2 млн. (65,5% к уровню 1940 г.). Из позднее оккупированных районов удалось эвакуировать на Восток 30—40% рабочих. В восточных же районах страны численность рабочих и служащих увеличилась в 1942 г. на 800 тыс., а в 1943 г. — еще на 500 тыс. человек. На Урале численность рабочих и служащих в 1943 г. по сравнению с 1940 г. возросла на 36%, в том числе в промышленности — на 65%; в Западной Сибири прирост составил соответственно 23 и 71%, в Казахстане и Средней Азии — 7 и 54%.

Вместе с тем даже к концу войны численность рабочих и служащих в промышленности Московской области составляла 72,3% от уровня 1940 г., в Ленинградской области — 73,1, в Ивановской области — 73, в Курской области — 49% и т. д.

В результате доля рабочих и служащих, занятых в промышленности Урала, увеличилась в 1943 г. по сравнению с 1940 г. с 8,5 до 20,5% (по отношению к общесоюзной численности), в Западной Сибири — с 4 до 9%, в Казахстане и Средней Азии — с 3,5 до 8% (в 1943 г.) [8].

В послевоенный период, включая и последние годы, несмотря на быстрое экономическое развитие областей Европейской части СССР, восточные районы продолжают развиваться с опережением. Обширная миграция рабочих и служащих на Восток идет с высокой интенсивностью. Это видно из табл. 31.

Однако данные таблицы требуют дополнительного комментария. В 1959—1970 гг. население Сибири увеличивалось главным образом за счет естественного прироста. Наряду с перемещением рабочей силы на Восток наблюдалась и обратная миграция населения на Украину, в Молдавию и в другие трудоизбыточные районы страны. Как показал анализ, проведенный сотрудниками Сибирского отделения АН СССР В. И. Переведенцевым и Ж. А. Зайончковской, причины этого крылись в более низком реальном уровне жизни в Сибири в связи с ликвидацией надбавок и льгот при плохо развитой службе быта. Так, в 1962 г. на 100 прибывших выбывало: в За-

[8] См *Н. А. Вознесенский.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны, стр. 108—110; *В. Б. Тельпуховский* Изменения в составе рабочих СССР в 1941—1945 гг — «Вопросы истории», 1960, № 6, стр. 29—30.

Таблица 31

РОСТ НАСЕЛЕНИЯ ПО ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЙОНАМ (В ТЫС. ЧЕЛОВЕК) [9]

Территориально-экономические районы	На 1 января 1940 г.	На 15 января 1959 г.	На 15 января 1970 г.
СССР	194 077	208 827	241 748
РСФСР	110 098	117 534	130 090
В том числе районы:			
Северо-Западный	11 204	10 865	12 160
Центральный	27 044	25 718	27 653
Уральский	10 520	14 184	15 184
Западно-Сибирский	9 177	11 252	12 110
Восточно-Сибирский	4 914	6 473	7 464
Украинская ССР	41 340	41 869	47 136
Белорусская ССР	9 046	8 056	9 003
Среднеазиатский	11 000	13 824	19 954
Казахская ССР	6 054	9 153	12 850

падной Сибири — 108 человек, в Восточной Сибири — 105, на Дальнем Востоке — 121, на Украине — 84, в Молдавии — 78 человек и т. д. [10]

Таким образом, предстоит еще громадная работа по планомерно организуемому перемещению рабочих и служащих из западных в восточные районы страны [11]. Мере-

---

[9] См. «СССР в цифрах в 1963 году». М., 1964, стр. 12—14; «О предварительных итогах Всесоюзной переписи населения». — «Правда», 19 апреля 1970 г.

[10] См. *В. И. Переведенцев.* К вопросу о моделировании миграции населения. — В *сб.*: «Количественные методы в социологических исследованиях». Новосибирск, 1964, стр. 399.

[11] По вопросам территориального размещения населения, в том числе и рабочего класса, см. в дополнение к цитированной литературе: *Ж. А. Зайончковская* и *В. И. Переведенцев.* Современная миграция населения Красноярского края. Новосибирск, 1964; «Население и трудовые ресурсы Киргизской ССР». Фрунзе, 1965; *Л. И. Орловская.* Особенность формирования кадров народного хозяйства Магаданской области. — «Труды Северо-Восточного комплексного НИИ», вып. 7, 1964; *Н. И. Шишкин.* Сдвиги в географии трудовых ресурсов за годы Советской власти. — В сб.: «Формирование и развитие советского рабочего класса»; «Использование трудовых ресурсов в районах Дальнего Востока». Хабаровск, 1965; *В. Н. Галкин.* Вопросы структуры и занятости населения Узбекистана. — «Научные записки Ташкентского ин-та народного хозяйства», вып. 28, 1966; *В. И. Переведенцев.* Миграция населения и трудовые проблемы Си-

приятия партии и правительства по увеличению льгот населению восточных районов, которые были проведены в 1967 г., по-видимому, позволят усилить активный приток сюда населения из трудоизбыточной Европейской части страны.

Важной стороной мобильности населения, существенно влияющей на воспроизводство классов и социальных групп, является движение из сельских местностей в города.

После Великой Отечественной войны рост городского населения шел еще более быстрыми темпами, чем в 30-е годы. На 15 января 1970 г. из общего числа граждан СССР (241,7 млн.) в городах проживало 136,0 млн. (56%), в селах — 105,7 (44%).

Движение населения из сел в города было столь значительным по масштабам, что превысило естественный прирост деревенского населения и привело к падению его абсолютной численности со 130,3 млн. в 1939 г. (в границах 1941 г.) до 105,7 млн. на 15 января 1970 г. Правда, определенная часть сельских жителей стала горожанами в результате преобразования крупных сел, где развивалась промышленность, в города и поселки городского типа (с 1939 по 1970 г. таким путем перешли в категорию горожан 13 млн. человек).

В итоге этой гигантской миграции численность горожан выросла с 28,5 млн. в 1913 г. до 136,0 млн. в 1970 г., т. е. без малого в 5 раз. Таких темпов прироста городского населения не знала ни одна страна в мире. Характерно, что в США в 1960 г. сельское население достигало 54,1 млн. человек, т. е. было немного менее трети всех жителей страны. Так называемое фермерское население составляло 13,5 млн. человек [12].

Говоря о сокращении сельского населения, следует учитывать, что далеко не все, оставаясь жителями села,

---

бири. Новосибирск, 1966; «Трудовые ресурсы Прибалтийских республик». Рига, 1967; *Е. Маневич.* Проблемы воспроизводства рабочей силы и пути улучшения использования трудовых ресурсов в СССР. — «Вопросы экономики», 1969, № 10, и другие работы.

[12] Данные о миграции населения из сел в города взяты из: «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года» (сводный том), таблицы 1, 7, «О предварительных итогах Всесоюзной переписи населения 1970 года». — «Правда», 19 апреля 1970 г.; *Б. Ц. Урланис.* Динамика и структура населения СССР и США, стр. 115—116, 125—126.

сохраняли занятие сельским хозяйством в качестве основного источника дохода. Поэтому доля лиц, трудившихся в сельскохозяйственном производстве, была намного меньше доли всего сельского населения [13] и, как показывает табл. 32, в 1968 г. сократилась до менее $^1/_3$ населения. При этом, конечно, пропорции далеко не соответствуют рациональному использованию трудовых ресурсов. В связи с недостаточной механизацией и интенсификацией сельскохозяйственное производство все еще потребляет чрезмерно большое количество рабочих рук. В 1960 г. 35% годового фонда рабочего времени расхо-

Таблица 32

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ, ЗАНЯТОГО В НАРОДНОМ ХОЗЯЙСТВЕ, ПО ОТРАСЛЯМ (БЕЗ УЧАЩИХСЯ И ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, в %) [14]

Отрасли	1940 г.	1968 г.
Всего занято в народном хозяйстве .	100	100
В том числе:		
в сельском и лесном хозяйстве (включая личное подсобное сельское хозяйство)	54	29
в промышленности и строительстве	23	36
на транспорте и в связи	5	8
в торговле, общественном питании, материально-техническом снабжении, сбыте и заготовках . .	5	7
в просвещении, здравоохранении, науке, научном обслуживании и искусстве	6	15
в аппарате органов государственного управления, органов управления общественных и кооперативных организаций, в кредитных и страховых учреждениях .	3	2
в прочих отраслях народного хозяйства (жилищно-коммунальное хозяйство и т. д.)	4	3

[13] См. *Н. П. Голубкова.* Перераспределение рабочей силы из сельского хозяйства в несельскохозяйственные отрасли в период развернутого строительства коммунизма. — «Труды Московского института народного хозяйства», вып. 28, 1964; *Л. Логвинов.* Всеобщность труда, производство, накопление. — «Коммунист», 1968, № 15.

[14] «Народное хозяйство СССР в 1968 году», стр. 545.

довалось в сельском хозяйстве. Однако неодолимая тенденция заключается в том, что последнее поглощает и впредь будет поглощать все меньше рабочих кадров[15].

Существенно изменялось и распределение занятых по другим отраслям народного хозяйства. В составе рабочих и служащих возрастала ведущая роль промышленных рабочих. К 1940 г. их насчитывалось без малого 11 млн. человек (из 31,2 млн. рабочих и служащих).

В послевоенные годы (до 1953 г.) доля работников промышленности выросла уже незначительно по сравнению с 30-ми годами. В 1952 г. она составляла 36,9% (15,6 млн. человек) к общей численности рабочих и служащих (42,2 млн. человек). Более того, слабый прирост доли промышленных кадров в первые послевоенные годы сменился в последнее десятилетие иного рода тенденцией — стабилизацией, а затем и некоторым снижением доли рабочих промышленности в общей численности лиц наемного труда. Так, уже в 1963 г. из 70,5 млн. рабочих и служащих в промышленности было занято 24,3 млн. человек (34,5%), а в 1968 г. из 85,1 млн. — 30,4 млн. (35,7%)[16].

Вообще надо заметить, что в нашей стране, как и в других высокоиндустриальных странах, наблюдается сокращение доли населения, занятого в сфере материального производства. В общей численности трудящихся СССР она составляла: в 1940 г. — 87,9%, в 1953 г. — 84,7, в 1968 г. — 78,7%.

Хотя численность кадров, занятых в материальном производстве, абсолютно росла, воспроизводство работников непроизводственной сферы осуществлялось опережающими темпами. До сих пор доля работников материальной сферы сокращалась за счет уменьшения численности колхозников и людей, занятых в личном подсобном хозяйстве[17]. Эта тенденция сохранится и в

---

[15] См. *В. Н. Старовский.* Производительность общественного труда и проблемы народонаселения. — «Вестник Академии наук СССР», 1962, № 5, стр. 48.

[16] См. «Народное хозяйство СССР в 1962 году», стр. 451; «Народное хозяйство СССР в 1965 году», стр. 143, 145; «СССР в цифрах в 1963 году», стр. 143, 145, «Народное хозяйство СССР в 1968 году», стр 548.

[17] Следует отметить, что именно на основе межотраслевой миграции и увеличения доли городского населения продолжался процесс коренизации рабочего класса в национальных республиках. См,

будущем. Во-первых, резко вырастет служба быта. Во-вторых, будет быстро увеличиваться численность врачей, учителей, воспитателей и других работников просвещения, здравоохранения, культуры и науки.

В ходе развития социализма и строительства коммунизма продолжается перелив рабочей силы из домашнего и личного подсобного хозяйства в обобществленное крупное производство. Несмотря на то что за 1920—1959 гг. основные отрасли народного хозяйства получили огромные пополнения кадров из этого источника, он остается еще значительным резервом трудовых ресурсов. В 1959 г. в домашнем хозяйстве было занято 9,9 млн., а в личном и подсобном хозяйстве 12,8 млн. человек в трудоспособном возрасте. Чтобы привести эти резервы в действие, нужны специальные меры по развитию общественного обслуживания в сфере быта и воспитания детей, а также резкий подъем общественного животноводства, овощеводства. С личным и подсобным хозяйствами связаны еще миллионы семей. Эти хозяйства в 1958 г. давали 82% производившихся в стране яиц, 49% молока, 47% мяса и сала, 66% картофеля. В 1963 г. на долю личных подсобных хозяйств колхозников приходилось 23,8% всей продукции растениеводства, 45,6% продукции животноводства [18]. Поэтому в ближайшие годы нельзя рассчитывать на существенное отвлечение занятой здесь части трудовых ресурсов в обобществленный сектор. Заня-

---

С. Л Сенявский. Рост рабочего класса СССР (1951—1965 гг.) М., 1966, стр. 222—225; *Х. Салимов.* Изменения численности, плотности и национального состава населения Узбекистана и их территориальные особенности (в период между двумя переписями 1939—1959 гг). — «Научные записки Ташкентского ин-та народного хозяйства», вып 22, 1965; *Л. Я Зиле* Формирование и развитие рабочего класса Латвии (1940—1964 гг.). — «Ученые записки аспирантов Латвийского ун-та», т. 4. Рига, 1965; *А. М. Эльдаров.* Об изменениях в численности и составе рабочего класса промышленности Азербайджана в послевоенный период (1946—1958 гг.) — «Ученые записки Азербайджанского университета». Серия исторических и философских наук, 1966. № 7; *Г. А Шаджюс.* Промышленность и рабочий класс Прибалтийских республик после восстановления Советской власти (1940—1965 гг.) — «История СССР», 1966, № 1; *Р. Кузеев.* Рабочий класс — созидатель коммунизма (Рабочий класс Башкирии в 50—60 гг). Уфа, 1969, и другие работы

[18] Данные о движении рабочей силы из домашнего и подсобного хозяйства в обобществленное см. *П. Г. Подъячих.* Население СССР, стр 129, 132; *Г. Шмелев* Экономическая роль личного подсобного хозяйства. — «Вопросы экономики», 1965, № 4, стр. 27.

тых же в домашнем хозяйстве можно использовать в основных отраслях народного хозяйства быстрее и при значительно меньших капиталовложениях в предприятия и учреждения общественного обслуживания.

Рассмотренные выше формы движения населения выступают как подчиненные по отношению к основным формам социальной мобильности, непосредственно воспроизводимым социальным строем, — социально-классовым перемещениям.

Какова же классовая структура сложившегося социалистического общества? Как показывает табл. 33, в нем уже совершенно исчезают группы населения, не связанные с социалистическим производством, резко возрастает доля рабочих и служащих, уменьшается доля колхозного крестьянства. Последняя тенденция продолжается и на современном этапе. Межклассовое движение идет в направлении увеличения доли работников, связанных с общенародной формой собственности.

Таблица 33

КЛАССОВЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ СССР (В %) [19]

Классы и социальные группы	1937 г.	1959 г.	1968 г.
Все население (включая неработающих членов семьи) . . .	100	100	100
В том числе:			
рабочие и служащие . . .	45,7	68,3	77,70
колхозное крестьянство и кооперированные кустари	48,8	31,4	22,27
крестьяне-единоличники и некооперированные кустари	5,5	0,3	0,03

Однако приведенные данные имеют слишком общий характер и недостаточно раскрывают социальную структуру советского общества. Более конкретное представление о ней может дать табл. 34, исчисленная нами на основе материалов переписи населения 1959 г. и других источников [20].

[19] См «Народное хозяйство СССР в 1968 году», стр 35; «Труд в СССР», стр 3

[20] Имеющиеся в статистических изданиях материалы по социальной структуре советского общества разрозненны, а по некото-

При этом нами учитывалась прежде всего та часть социального состава, которая занята общественно полезным трудом. Под это понятие подходят лица, работающие в государственных учреждениях и предприятиях, кооперативах, единоличном хозяйстве, личном подсобном хозяйстве, как в сфере производства, так и в сфере услуг (т. е. домашние хозяйки, воспитывающие детей).

Основная часть населения современного советского общества, занятая общественно полезным трудом, работает на государственных предприятиях и в учреждениях, являющихся общенародной собственностью.

Костяк этой все возрастающей части населения составляют лица, непосредственно занятые производительным трудом в крупной промышленности; это преемники фабрично-заводского пролетариата капиталистической эпохи.

Высокая доля основного отряда рабочего класса — индустриальных рабочих в составе трудового населения страны оказывает положительное воздействие на весь ход социально-экономической и социально-политической жизни общества.

Регулирование процесса воспроизводства рабочего класса и других общественных групп, управление этим процессом и контроль за всеми его элементами — крупная народнохозяйственная и социально-политическая задача.

В отличие от капиталистического общества, в котором межклассовые переходы не только не приводят к качественным изменениям социальной структуры, а, напротив, закрепляют ее, в социалистическом обществе социальная мобильность направлена на сближение социальных общностей, содействует преодолению социально-экономических различий между ними. Она связана с активной мобилизацией из рядов работников неквалифицированного труда в ряды работников квалифицированного труда, с постепенным стиранием социальных различий между ру-

---

рым группам населения отсутствуют Кроме того, группировка населения, применяемая в статистических публикациях, отвечает на вопрос о структуре населения в большей мере по производственному признаку, чем по социальному Поэтому, нижеприведенная таблица составлена автором по данным как имевшимся уже в готовом виде в материалах, опубликованных ЦСУ, так и по ориентировочно исчисленным показателям.

Таблица 34

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ СССР, ЗАНЯТОГО ОБЩЕСТВЕННО ПОЛЕЗНЫМ ТРУДОМ. 1959 г. [21]

Социальные группы	Абсолютная численность (в млн.)	%
А. Работники государственных и общественных предприятий и организаций и члены их семей, занятые в личном подсобном и домашнем хозяйстве	68,7	66,4
1. Работники преимущественно физического труда	37,5	36,2
в том числе промышленные рабочие	18,8	18,2
2. Работники умственного труда и исполнительского труда обслуживания	19,0*	18,4
3. Занятые в личном подсобном и домашнем хозяйстве	12,2	11,8
Б. Члены социалистических кооперативов	34,4	33,3
1. Колхозники, занятые в общественном хозяйстве (включая работников умственного труда — членов колхоза)	24,7	23,9
2. Члены артелей промысловой кооперации	1,3	1,3
3. Члены потребительской кооперации, работающие в ней	1,0	0,9
4. Занятые в личном подсобном домашнем хозяйстве членов кооперативов	7,4	7,2
В. Неосновные (остаточные) социальные группы		
1. Кустари некооперированные	0,174	
2. Крестьяне-единоличники	0,092	0,3
Итого	103,4	100,0

* По подсчетам В. С. Семенова, в целом в стране к моменту переписи 1959 г. работников собственно умственного труда было 12,8 млн. человек и работников исполнительского труда обслуживания — 8,4 млн. человек (см. «Строительство коммунизма и развитие общественных отношений». М., 1966, стр. 171).

[21] Составлена по источникам: «Народное хозяйство СССР в 1958 году», стр. 131, 658—659, 660, 672, 674; «Народное хозяйство СССР в 1959 году», стр. 11, 21, 119, 584, 138, 602; *М. Я. Сонин.* Воспроизводство рабочей силы в СССР и баланс труда. М., 1959, стр. 48; «Сельское хозяйство СССР». М., 1960, стр. 13, 450; «О распределении населения СССР по общественным группам, отраслям народного хозяйства и занятиям и об уровне образования работников физического и умственного труда». — «Вестник статистики», 1960, № 12, стр. 2—5.

ководителями и исполнителями и т. д. Отсюда исключительная подвижность советского населения в смысле перемены занятий, постепенная ликвидация наследственной и внутрипоколенной закрепленности в профессии и социальной группе. Этот процесс идет как в обществе в целом, так и в пределах общественных классов.

Необходимо признать, что в истории человечества мы вообще далеко не всегда даже в классовом обществе сталкиваемся с наследуемым, кастово закрепленным положением индивида. Действительно, в одних странах движение (*буржуазия, мелкая буржуазия, пролетариат*) совершается в значительных масштабах, в других — менее активно. Это зависит от целого ряда исторических факторов. Само по себе наличие социальной мобильности еще ни о чем не говорит. Ведь в любом случае сохраняется и воспроизводится определенная социальная структура, в которой субординированы многочисленные структурные организации общества. Социальная же мобильность — путь к воспроизводству заданной системой экономических отношений социальной структуры.

Исторический анализ показывает, что социализм есть общество переходной, перестраивающейся социальной структуры. Поэтому особые исторические функции выполняет в нем и социальная мобильность.

Важнейшая особенность социальной мобильности в развитом социалистическом обществе заключается в том, что социальные перемещения не закрепляются в частном присвоении средств производства, в частной собственности. Поэтому при социализме нет классообразующей мобильности, а имеет место совокупный общественный подъем, следствием которого является дальнейшее укрепление социально-экономического и идейно-политического единства общества, укрепление единства интересов личности и общества.

Социальные перемещения — один из существенных объектов регулирующей деятельности социалистического государства, они носят планомерный характер. Впервые в истории человечества общество само регулирует социальные перемещения, содействуя ускоренному формированию коммунистических бесклассовых общественных отношений.

§ 2. НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И КВАЛИФИКАЦИОННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РАБОЧЕГО КЛАССА

Стала уже общепризнанной мысль о том, что развернувшаяся научно-техническая революция является обязательной предпосылкой социального переустройства общества на коммунистических принципах. Однако в трактовке ее социальных последствий, в частности вызываемых ею в структуре рабочего класса, остается пока много неясных, неизученных моментов.

Уже сегодня очевидно многообразное воздействие научно-технической революции на структуру и функции рабочего класса. Внедрение в производство новых материалов, новой техники, сужение границ применения ручного труда в промышленности, усложнение производства, требующее автоматизации, и возникновение условий для автоматизации производственного цикла — все эти совокупно взятые изменения в орудиях и предметах труда обусловливают сдвиги в отраслевой структуре всего народного хозяйства и внутри его важнейшего подразделения — промышленности.

При этом особенность изменений состоит в том, что применение новейшей техники вплоть до автоматических устройств позволяет резко увеличивать масштабы производства без привлечения большого числа новых рабочих. Сравним, например, две отрасли промышленности — угольную и нефтяную. В угольной промышленности с 1952 по 1962 г. число рабочих увеличилось с 763 тыс. до 996 тыс. человек, т. е. примерно на 31%. В нефтяной промышленности за тот же период число рабочих выросло с 102 тыс. до 150 тыс. человек, т. е. почти на 47%. Однако при этом добыча угля увеличилась с 300,9 млн. до 517,4 млн. *т*, т. е. на 72%, а добыча нефти — с 47,3 млн. до 186,2 млн. *т* (почти в 4 раза). Даже если рассматривать уголь и нефть лишь как источники энергии, то получается, что в 1962 г. 150 тыс. нефтяников (включая и занятых переработкой нефти) дали народному хозяйству 34,1%, а 996 тыс. шахтеров — 48,7% всего условного топлива [22]. К тому же в нефтяной промышленности лучшие

[22] Подсчитано по: «Народное хозяйство СССР в 1962 году», стр. 130, 152, 154, 156.

условия труда, меньший процент людей занят неквалифицированным трудом. В дальнейшем при росте общего объема производства доля угольной промышленности в добыче топлива снизилась (до 39,2% в 1967 г.). Одновременно несколько уменьшилась и абсолютная численность рабочего персонала (с 1 031 тыс. в 1960 г. до 997 тыс. человек в 1968 г.). Это явилось результатом роста фондовооруженности работающих в процессе механизации и автоматизации производства, охватившего также и угольную промышленность. За 1940—1966 гг. производительность труда в нефтяной промышленности повысилась на 391%, а в угольной — на 166% [23].

В химической промышленности, приобретающей столь важное значение, валовая продукция с 1940 по 1967 г. выросла в 19 раз при увеличении численности рабочих примерно в 3,4 раза; производительность труда за эти годы поднялась на 671%. А вот данные по легкой индустрии. Здесь за тот же период валовая продукция выросла в 3,6 раза при увеличении численности рабочих примерно в 1,7 раза и росте производительности труда на 232% [24]. Абсолютная численность рабочих (без служащих и ИТР) составила в химической промышленности: в 1940 г. — 297 тыс., в 1966 г. — 991 тыс., в легкой промышленности — соответственно 2 334 тыс. и 3 876 тыс. человек.

При всей масштабности перелива значительных групп рабочего класса в новые отрасли промышленности следует все же отметить, что значение новых, технически более совершенных производств в валовой продукции народного хозяйства возрастает намного быстрее, чем доля занятых в них рабочих в общей численности рабочего класса.

В литературе вполне оправданно большое внимание уделяют социальным последствиям автоматизации как в новых, так и в «старых» отраслях промышленности.

---

[23] См. «Страна Советов за 50 лет». М., 1967, стр. 68; *Л. Логвинов.* Всеобщность труда, производство, накопление, — «Коммунист», 1968, № 15, стр. 53; «Народное хозяйство СССР в 1968 году», стр. 205.

[24] См. «Страна Советов за 50 лет», стр. 51, 52, 63; «Труд в СССР». М., 1968, стр 84, 85; также см. *Л. Берри.* Сдвиги в отраслевой структуре общественного производства. — «Вопросы экономики», 1967, № 11.

В принципе, если брать отдаленную перспективу, бесспорно, что научно-техническая революция приведет к коренному изменению профессиональной структуры рабочего класса, исчезновению профессий узкоспециализированного и малоквалифицированного труда и к еще большему распространению рабочих профессий широкого профиля, связанных с наблюдением за ходом технологического процесса, наладкой и настройкой станков. Рост производства автоматических и полуавтоматических линий для машиностроения и металлообработки значителен: в 1952 г. 57, в 1958 г. 88, в 1960 г. 174, в 1967 г. 298 [25] комплектов оборудования. Однако абсолютные показатели весьма скромны. Поэтому и доля работников, органически сочетающих физический и умственный труд в своей деятельности, возрастает медленно и в ближайшие годы будет возрастать также медленно. Достаточно сказать, что в 1965 г. рабочие, занятые управлением и наблюдением за работой автоматического оборудования, составляли: в машиностроении и металлообработке страны — 0,6%, в химической промышленности — 3, в легкой, включая текстильную, — 0,2% общей численности рабочих [26].

Уже эти данные заставляют крайне осторожно подходить к рассуждениям, ставшим нередкими в нашей социологической литературе, о наличии некой особой социальной группы рабочих — интеллигентов [27]. Речь, конечно, идет не об отрицании растущей общей культуры широких слоев рабочего класса, изменений в их потребностях, привычках, всем складе быта, повышении в этом смысле интеллигентности рабочего, а о наличии особого слоя в рабочем классе, выполняющего специфические социальные функции и обладающего устойчивыми социальными свойствами.

Естественно, что данные, подобные только что приведенным, свидетельствуют об определенных изменениях

[25] См. «Страна Советов за 50 лет», стр. 83; «Народное хозяйство СССР в 1962 году», стр 124.

[26] См. *В. Р. Полозов, Г. Ф. Комаров.* Проблемы планомерного формирования и использования промышленных рабочих. Л., 1968, стр. 23.

[27] См, например, *С. П. Гоголюхин.* К вопросу о структуре советского рабочего класса. — В кн.: «Процессы изменения социальной структуры в советском обществе», Свердловск, 1967, и другие работы.

в профессиональной структуре рабочего класса. В связи с этим интересно проследить, как названные изменения (отражающие определенные сдвиги в структуре производительных сил) сказываются на социальной структуре рабочего класса.

Сохраняющаяся и поныне социально-экономическая неоднородность труда находит свое выражение в связи определенного круга профессий с социальными группами в рабочем классе. Профессия выступает как атрибут социальной группы. В то же время существует и обратная зависимость: изменения в профессиональной структуре, включая перемены в содержании профессий, в конце концов влияют на социально-экономическую структуру работников производства. В качественно различных уровнях квалификации профессий (хотя и не только в них) и проявляется социально-экономическая неоднородность труда.

Во взаимодействии изменений в структуре производительных сил и перемен в социальной структуре работников нет никакого автоматизма. В самом деле, рассмотрим сперва связь между изменением орудий труда и изменением содержания труда. Один из авторов, проводивших специальные исследования по проблемам функционального разделения труда в связи с автоматизацией производства, Б. В. Степанов, сделал из полученных им данных следующий вывод: «С развитием автоматизации, особенно на ее высших этапах, уменьшается доля как преимущественно физических, так и преимущественно умственных затрат труда. Основой содержания труда рабочего комплексно-автоматизированного производства становится выполнение трудовых функций, органически сочетающих применение умственного и физического труда» [28].

И вывод этот совершенно правилен.

Однако Г. Ф. Комаров и В. Р. Полозов, проводя анкетный опрос рабочих, заметили, что наладчики автоматических линий комплектовались, например на заводе имени Воскова (Ленинград), из опытных рабочих, имевших до того профессии слесарей, станочников и т. д.

[28] *Б. В. Степанов.* Об исследовании структурных сдвигов в содержании труда рабочих в связи с автоматизацией производства. — В сб.: «Человек и общество». Ученые записки НИИКСИ ЛГУ, вып. 1. Л., 1966, стр. 23.

У большинства из них образовательная подготовка была в объеме 7—8 классов и даже меньше. Сами рабочие отмечали, что имевшиеся у них в тот период знания недостаточны для выполнения их обязанностей [29].

Нами был проведен специальный опрос 37 механиков-наладчиков, занятых выпуском продукции, чей труд по своему содержанию, по своей функциональной характеристике качественно отличен от деятельности работников преимущественно физического труда. В работе этих механиков-наладчиков гармонически сочетаются умственные и физические функции. Если бы существовала прямая, непосредственная зависимость между функциональным (техническим) разделением труда и социальными особенностями лиц, занятых данным конкретным видом труда, то все социально значимые характеристики этой группы механиков-наладчиков качественно отличались бы от подобных характеристик других рабочих. На самом же деле это не так. Средний образовательный уровень 37 опрошенных равнялся 7 классам, средний разряд — несколько ниже IV, средняя заработная плата — около 100 руб.; показатели социально-производственной и общественно-политической активности были на том же уровне, что и у работников преимущественно физического ручного труда (типа слесарей). Иначе говоря, социальные свойства у группы индивидов, занятых этим видом труда, свойства, отличающие их от других социальных групп работников промышленности, еще не образовались, хотя в целом, в массе работников высококвалифицированного труда, сочетающих умственные и физические функции, формируются свойства, которые позволят отличать их от других групп работников машиностроения.

Здесь уместно напомнить тривиальную истину: как первая водяная мельница еще не предопределила формирования феодального строя, а первая паровая машина еще не дала капиталистической системы, так и автоматизация отдельных производственных участков еще не приводит нас к коммунизму.

Между тем в литературе имеют место попытки делать

---

[29] См. *Г. Ф. Комаров, В. Р. Полозов* Автоматизация и преодоление старого разделения труда. — В сб.: «Труд и развитие личности». Л., 1965, стр. 38—39.

далеко идущие социальные выводы из фактов, касающихся пока еще частичных изменений в структуре производительных сил. В частности, некоторые авторы изменения в функциях частичного рабочего, интеллектуализацию его деятельности в процессе исполнительского, преимущественно физического, труда выдают за процесс исчезновения различий между работниками умственного и физического труда. При этом приводятся данные хронометража рабочего времени и т. д.[30] Суть изменений в характере труда тем самым сводится к сдвигам в культурно-техническом уровне работника, тогда как речь должна идти о сдвигах в социально-экономическом разделении труда.

Материальной предпосылкой коммунизма является *полностью автоматизированное производство*, поставляющее в изобилии материальные блага для удовлетворения всех разумных потребностей членов общества. Именно такая материальная основа, связанная с целостными совокупными революционными изменениями как в орудиях, так и в предметах труда, обеспечивает базу для ликвидации социально-экономического неравенства, имеющего еще место при социализме.

В коммунизм не вступают ни отдельными предприятиями, ни отдельными передовыми группами передового класса.

Социальная структура рабочего класса предопределена в нашем обществе не состоянием производительных сил, как таковых, а уровнем развития производственных отношений, обусловленных данным состоянием производительных сил.

Таковы некоторые моменты сложного взаимодействия изменений в производительных силах, вызванных научно-технической революцией, и социальных изменений в рабочем классе в условиях социалистического общества.

* * *

В Программе КПСС говорится: «Технический прогресс значительно повысит требования к культуре производства, к специальной и общеобразовательной подготовке всех трудящихся. Развитие новой техники будет исполь-

---

[30] См. «Изменения социальной структуры советского общества», вып. 1. М., 1965, стр. 49.

зовано для коренного улучшения и облегчения условий труда советского человека, сокращения рабочего дня, благоустройства быта, ликвидации тяжелого физического труда, а затем и всякого неквалифицированного труда»[31].

Совокупность изменений как в орудиях труда, так и в предметах труда делает необходимым рост квалификации рабочих. Он находит выражение в следующих показателях: 1) снижение доли занятых ручным трудом, 2) изменение профессиональной структуры, 3) рост квалификации в пределах профессии.

Основной задачей на современном этапе является ликвидация тяжелого ручного неквалифицированного труда. Группа экономистов совершенно правильно писала несколько лет назад: «Комплексная механизация и автоматизация производственных процессов в связи с увеличением совершенства машин приведет к некоторому усложнению труда высших квалификаций. Но в то же время неизмеримо усложнится деятельность работников, занятых ранее простым трудом. Степень повышения квалификации работника, осуществляющего переход от одной машины к другой, более сложной, как правило, меньше, чем скачок квалификации производителя, меняющего ручной труд на деятельность с помощью машин. В условиях комплексной механизации и все более широкой автоматизации производства рост высших квалификаций будет более медленным, чем повышение качества труда рабочих, ранее занятых простым неквалифицированным низкооплачиваемым трудом»[32].

Советские экономисты и социологи классифицируют рабочих по уровню механизации и вытекающему отсюда содержанию их труда на следующие основные группы.

Первая группа — рабочие неквалифицированного и малоквалифицированного ручного труда, не использующие машин и механизмов, занятые трудом, не требующим профессиональной подготовки. В эту группу входят подсобные рабочие, грузчики, складские рабочие, уборщики помещений, землекопы, возчики, подносчики и т. д. Ликвидация тех видов трудовой деятельности, которыми за-

---

[31] «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 369.

[32] *О. Козлова, М. Бишаев, С. Ленская, К. Мурзов.* Общественный труд в период развернутого строительства коммунизма. М., 1963, стр. 73.

нята эта группа рабочих, является первоочередной задачей. Она может быть разрешена путем механизации тяжелых, трудоемких работ. Как справедливо отмечает А. А. Зворыкин, при комплексной механизации, особенно при автоматизации, есть возможность включить погрузочно-разгрузочные работы в основной производственный процесс; тогда рабочие, занятые этими операциями, будут работать у машин, занимаясь специализированным трудом [33].

Вторая группа — рабочие, занятые трудом на конвейере с принудительным ритмом, а также механизированным трудом, требующим средней профессиональной подготовки (обувщики, швейницы и т. д.).

Третья группа — рабочие, которые трудятся на машинах и механизмах и получили специальную профессиональную подготовку, заняты механизированным трудом без принудительного ритма (станочники-операторы типа токарей).

Четвертая группа — рабочие, управляющие автоматическим оборудованием, выполняющие функции операторов (автоматчики и полуавтоматчики в машиностроении).

Пятая группа — рабочие, занятые ручным квалифицированным трудом, требующим специальной профессиональной подготовки (слесари, регулировщики, наладчики и т. д.).

Шестая группа — рабочие, занятые управлением и наладкой автоматического оборудования (щитовые-пультовики, механики-наладчики, занятые выпуском продукции) [34].

---

[33] См. *А. А. Зворыкин.* Наука и производство. М., 1965, стр. 111; ценные данные по уровню механизации труда у различных групп рабочих см. *Я. Б. Кваша.* Статистика новой техники. М., 1966, стр. 49—56.

[34] В литературе есть различные, хотя и качественно сходные, точки зрения на квалификацию рабочих по уровню механизации и содержанию труда. Основы такой группировки были впервые разработаны Я. Б. Квашей в его книге «Статистическое изучение механизации труда». М., 1959; один из вариантов был создан А. А. Зворыкиным в статье «Труд и технический прогресс». — «Вопросы экономики», 1961, № 10 (дальнейшее развитие автором его группировки содержится в только что упоминавшейся книге); нами названа группировка, предложенная А. Г. Здравомысловым и В. А. Ядовым, см. «Человек и его работа». М., 1967, стр. 27. Эта группировка, как думается, наиболее соответствует задачам социологического анализа функционального разделения и содержания труда.

Менее дробная классификация применяется ЦСУ СССР. В ней промышленно-производственные рабочие по степени механизации работ подразделяются на: 1) занятых управлением и наблюдением за работой автоматов; 2) выполняющих работу при помощи машин и механизмов; 3) выполняющих работу вручную, занятых при машинах и механизмах; 4) выполняющих работу вручную не при машинах и механизмах; 5) выполняющих работу вручную по наладке и ремонту машин и механизмов. Как отмечает О. Шафранова, «выделение каждой из пяти групп рабочих по степени механизации труда имеет определенный экономический смысл. Так, например, выделение третьей группы рабочих, выполняющих работу вручную, но занятых при машинах и механизмах, позволяет более полно изучить вопросы, связанные с комплексной механизацией и автоматизацией производственных процессов» [35].

Какие же тенденции можно обнаружить в изменении квалификационно-профессиональной структуры рабочего класса за годы развития социализма в нашей стране? К сожалению, мы не располагаем базисными данными, относящимися к концу 30-х годов. Поэтому для сопоставления приходится использовать данные середины 20-х годов. По подсчетам М. Д. Плинера [36], обработавшего материалы профессиональных переписей в промышленности СССР, в советской промышленности, особенно в послевоенный период, шел интенсивный процесс ликвидации ручного труда. Наиболее успешно протекал он на основных производственных операциях, а на вспомогательных был явно недостаточен. В частности, на погрузочно-транспортных работах доля ручного труда снизилась с 90,8% в 1925 г. до 80,3% в 1948 г. и до 50,8% в 1962 г. Оставшийся немеханизированным это не просто ручной, а неквалифицированный и физически тяжелый труд, на

[35] *О. Шафранова.* Единовременный учет численности рабочих по профессиям. — «Вестник статистики», 1965, № 6, стр. 58; см. также *П. Лабок.* Об учете профессионального состава рабочих на 1 августа 1962 года. — «Вестник статистики», 1962, № 6. Эта группировка ЦСУ СССР получила развитие и обоснование в статье З. И. Файнбурга и Г. П. Козловой «К вопросу о группировках рабочих по содержанию их труда» (см. «Социальные исследования», вып. 2, 1968).

[36] См. *М. Д. Плинер.* Проблемы воспроизводства рабочей силы в промышленности СССР. Диссертация. Л., 1965. Приложение 1, стр. 461—466.

который в последние годы стало нелегко находить рабочих. На сортировочно-упаковочных и складских работах положение еще менее благополучно. В 1954 г. они на 100% оставались ручными, немеханизированными, а к 1962 г. — на 84,3% [37].

По данным НИИтруда, переписью профессионального состава 1959 г. учтено в 10,6 раза больше рабочих, чем в 1925 г. За эти 34 года численность рабочих, занятых управлением машинами и автоматами, увеличилась в 18 раз, а рабочих ручного труда — в 8 раз.

С 1948 по 1958 г. численность рабочих в промышленности возросла на 89,5%, при этом количество рабочих машинного труда и занятых ремонтом и наладкой оборудования увеличилось на 113,9%, а рабочих ручного труда — лишь на 70,1%. В итоге доля рабочих машинного труда поднялась за десятилетие с 44,3 до 50% [38].

Эти изменения наиболее перспективны. Ведь полностью автоматизированное производство в предстоящее пятилетие поглотит лишь небольшую часть рабочих кадров, тогда как комплексная механизация предприятий сопровождается теперь и будет сопровождаться в ближайшее время значительным ростом численности рабочих машинного труда и слесарей-ремонтников, монтажников, сборщиков, т. е. рабочих «старых профессий».

Поэтому первоочередными задачами являются механизация труда в уже сложившихся отраслях народного хозяйства, в которых занята бóльшая часть рабочих; пе-

---

[37] Рассматриваемый вопрос фундаментально освещается в ряде публикаций: *Я. Б. Кваша.* Статистическое изучение механизации труда. М., 1959; «Социально-экономические проблемы технического прогресса». М., 1961; *В. П. Корниенко.* Общественное разделение труда в период перехода к коммунизму. М., 1963; «Технический прогресс и вопросы труда при переходе к коммунизму». М., 1962; *А. М. Вейнберг.* Влияние технического прогресса на характер труда. М., 1964; *И. А. Розенберг.* Исследование содержания трудового процесса как средство выбора первоочередных направлений механизации труда. — «Известия Сибирского отделения Академии наук СССР». Серия общественных наук, 1964, № 5, вып. 2; *Г. П. Козлова.* Механизация труда и подъем культурно-технического уровня рабочих промышленности. — «Научные труды Пермского политехнического ин-та», № 22, 1966; *Г. Н. Черкасов.* Социально-экономические проблемы интенсификации труда в СССР. М., 1966; *А. А. Зворыкин.* Наука и производство. М., 1965; *Ю. Ф. Новгородский.* Технический прогресс и рабочие кадры. М., 1967, и другие работы.

[38] См. «Трудовые ресурсы СССР». М., 1961, стр. 58.

реход работников, занятых тяжелым неквалифицированным ручным трудом, к механизированному труду.

По данным экономистов, специально изучающих этот вопрос, темп ликвидации ручного неквалифицированного труда весьма высок и изменения прослеживаются даже на коротком отрезке времени.

В промышленности Латвии в 1954 г. тяжелым ручным трудом было занято 50% вспомогательных рабочих (грузчики, подносчики, кочегары с ручной загрузкой топлива и т. д.), что составляло 24% общей численности всех рабочих. Всего же, включая основных производственных рабочих, тяжелым физическим трудом было занято около 35% всех рабочих. В 1959 г. доля этой группы снизилась до 20% в основном за счет сокращения численности грузчиков, работавших вручную [39].

На шахтах комбината «Карагандауголь» за 1948—1963 гг. численность рабочих, занятых управлением машинами и механизмами, увеличилась на 269%, рабочих, занятых обслуживанием и ремонтом оборудования, — на 256, а рабочих ручного труда — на 117% [40].

Состав рабочих, занятых на промышленных предприятиях Пермской области, изменился с 1959 по 1965 г. следующим образом: доля операторов на автоматах и полуавтоматах увеличилась с 0,4 до 1,1%; удельный вес рабочих, занятых на машинах и аппаратах, — с 33,0 до 38,2; доля наладчиков, электриков, дежурных слесарей и других рабочих квалифицированного ручного труда — с 8,9 до 12,3; численность рабочих неквалифицированного и малоквалифицированного ручного труда уменьшилась с 47,4 до 39,9% [41].

На 1 августа 1959 г. в промышленности СССР выполняло работу вручную, не при машинах и механизмах 7,8 млн. человек, т. е. 47% всех рабочих, в том числе в машиностроении и металлообработке — 49%, в угольной промышленности — 55% [42]. В 1959—1965 гг. в промышленности и строительстве численность рабочих ручного

[39] См. *А. М. Вейнберг.* Влияние технического прогресса на характер труда, стр. 60—63.

[40] См. *Р. А. Клещева.* Об изменении профессионального облика советских рабочих — «Вопросы философии», 1964, № 7, стр. 51.

[41] *Г. П. Козлова, З. И. Файнбург.* Изменение содержания и характера труда в промышленном производстве. — «Молодежь и труд». Сб. статей. Под ред. В. А. Ядова. М., 1970, стр. 9—10.

[42] См. «Вестник статистики», 1962, № 6, стр. 66.

неквалифицированного и малоквалифицированного труда (забойщиков, отбойщиков, крепильщиков, кузнецов ручной ковки, навалоотбойщиков, проходчиков, путевых рабочих, землекопов, подсобных рабочих и грузчиков на строительных работах) сократилась. В то же время значительно увеличилось число водителей авто- и электрокаров, газо- и электросварщиков, рабочих-лаборантов, машинистов, мотористов, электромонтеров, шоферов, чей труд связан по преимуществу с обслуживанием техники [43].

Таблица 35

ЧИСЛЕННОСТЬ РАБОЧИХ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ПРОФЕССИЯМ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ (В ТЫС. ЧЕЛОВЕК) [44]

Профессии	1948 г. на 1 мая	1954 г. на 5 мая	1959 г. на 1 августа	1962 г. на 2 августа	1965 г. на 2 августа	1965 г. в % к 1948 г.
I. Профессии квалифицированного труда						
Газосварщики, газорезчики, электросварщики . . .	66	117	193	283	360	545
Гальваники . . .	—	23	34	50	61	нет сведений
Лаборанты-рабочие	43	80	112	136	183	425
Машинисты, мотористы и их помощники . . .	290	545	890	1 070	1 242	429
Наладчики автоматов и станков, настройщики, установщики инструмента . . .	*76*	*138*	*164*	*219*	*262*	*344*
Слесари	710	1 199	1 527	2 021	2 366	333
Станочники по металлу	505	759	1 011	1 221	1 336	264
II. Профессии тяжелого ручного труда						
Кузнецы и подручные кузнецов ручной ковки . . .	72	67	52	49	43	60
Подсобные рабочие	*659*	*934*	*790*	*787*	*914*	*138*
Такелажники . .	20	51	56	79	96	480
Грузчики	371	525	571	587	648	174

[43] См. «Труд в СССР», стр. 177—232.

[44] Составлено и подсчитано по: «Народное хозяйство СССР в 1965 году», стр. 569—570.

Происходящие на основе механизации труда изменения профессионально-квалификационного состава рабочего класса хорошо прослеживаются по материалам промышленно-профессиональных переписей.

Табл. 35 показывает, что рост квалификационного уровня рабочих идет особенно интенсивно за счет изменения в соотношениях различных профессиональных групп. В 2—5 раз увеличилось за 17 лет количество рабочих по профессиям квалифицированного труда; почти не изменилась, а в ряде случаев заметно уменьшилась численность рабочих профессий, не требующих длительной выучки и значительного образовательного ценза (за исключением такелажников). Как уже говорилось, эти процессы связаны с изменениями материально-технической основы производства.

Совершенно отчетливо проявляется тенденция к возрастанию доли лиц, занятых высококвалифицированным трудом, требующим совмещения умственных и физических функций. Так, на Минском тракторном заводе численность рабочих-наладчиков автоматических линий увеличилась с 66 до 196 человек за короткий период — с августа 1962 до августа 1965 г.[45] За эти же три года, по данным статистического управления, в ленинградском машиностроении удвоилась численность механиков-наладчиков автоматических линий, занятых выпуском продукции. Одновременно осталась почти неизменной численность станочников, слесарей и других рабочих основных на данном этапе для машиностроения профессий. Несколько уменьшилась численность подсобников. К концу 1970 г. на основе механизации и автоматизации производственных процессов и других мероприятий предполагается высвободить по СССР 17,1% подсобных рабочих, на 40% уменьшится численность неквалифицированных рабочих, занятых в литейном производстве[46].

---

[45] См. *В. С. Родин.* Научно-технический прогресс и изменения профессионального состава рабочего класса Белоруссии в годы семилетки. — В кн.: «Изменение внутриклассовой структуры рабочего класса. Тезисы докладов на Всесоюзной научной конференции «Изменение социальной структуры советского общества»». Киев, 1965, стр. 36.

[46] *Ю. В. Грибовский, Г. Н. Ионова.* Некоторые социально-экономические вопросы преодоления неквалифицированного труда. — В сб.: «Человек и общество», вып V. Л., 1969, стр. 91—92.

Итак, для современного этапа научно-технической революции характерно сравнительно быстрое исчезновение групп рабочих неквалифицированного ручного труда при преимущественном росте групп рабочих механизированного квалифицированного труда и постепенном формировании групп рабочих смешанного умственно-физического труда, занятых главным образом в комплексно-автоматизированном производстве. Особенно быстро возрастает численность двух групп: работников, занятых нефизическим трудом средней квалификации (контролеры, браковщики, перфораторщики и операторы на счетной технике и т. д.) и занятых квалифицированным умственным трудом.

С 1955 по 1966 г. численность работников с высшим и средним специальным образованием увеличилась по всему народному хозяйству в 2,5 раза при общем росте числа рабочих и служащих в 1,7 раза. В промышленности количество специалистов за эти же годы возросло в 3,9 раза при увеличении численности всего персонала в 1,5 раза. В итоге в 1966 г. на 1 тыс. рабочих приходилось 132 инженерно-технических работника против 37 в 1928 г. и 99 в 1940 г. При этом особенно быстрыми темпами увеличивались научно-инженерные кадры в научно-конструкторских центрах, не входящих в состав заводов и фирм. Так, численность научных работников в СССР достигла к 1967 г. 769,6 тыс. против 98,3 тыс. человек в 1940 г.[47]

Рост доли инженерно-технических работников в составе «совокупного рабочего» — наиболее яркое выражение процесса повышения квалификационно-профессиональных показателей.

Изменения профессионального состава, возрастание доли лиц, принадлежащих к профессиональным группам более высокого квалификационного уровня, имеют еще одну особенность: они все теснее переплетаются с переходом рабочих от занятий менее квалифицированным к занятию более квалифицированным трудом. Движение рабочей силы в народном хозяйстве все чаще приобретает форму межпрофессионального движения. С каждым годом все большая часть молодежи стремится заняться трудом содержательным, творческим, что связано зачастую со сменой профессии. Как показали обследования,

[47] Подсчитано по: «Труд в СССР», стр 24, 25, 84, 247, 253.

текучесть рабочих кадров охватывает группы по профессиям в пропорции, обратной степени сложности и квалифицированности труда.

В то же время прогрессивные сдвиги в структуре производства способствуют устойчивости профессий. Здесь решающим фактором выступает уровень механизации и автоматизации труда, уровень его квалификации. Из результатов обследований сменивших место работы в 1962—1963 гг. в Ленинграде видно, что переход на новую работу сопровождается и переменой профессии (см. табл. 36).

Таблица 36

ИЗМЕНЕНИЕ ПРОФЕССИЙ ПРИ ПЕРЕХОДЕ НА НОВОЕ МЕСТО РАБОТЫ (ПО ДАННЫМ ОБСЛЕДОВАНИЯ 1963 г. В ЛЕНИНГРАДЕ)

Профессия на прежнем месте работы	Доля сменивших профессию при смене места работы в % к числу опрошенных, имевших указанную профессию на прежнем месте работы
Слесари	26,8
Электрорадиомонтажники	35,4
Металлурги и литейщики	35,5
Химики и резинщики	40,6
Обувщики и кожевники	41,0
Прочие профессии в промышленности	42,5
Станочники	48,6
Швейники	49,4
Строители	61,1
Подсобные рабочие в промышленности	62,8
Текстильщики	65,4
Прочие непромышленные профессии	75,8*

* Профессиональные группы расположены по возрастающему числу рабочих, отказавшихся от данной профессии при переходе на новое предприятие.

Действие закона перемены труда приводит к закономерной смене профессий на более сложные, квалифицированные[48]. Особенно в этом смысле подвижны работники, имеющие среднее образование. Электрорадиомонтажная

[48] Мы здесь не касаемся других причин, вызывающих текучесть рабочей силы: неполадки в организации труда и т. д.

группа профессий единственная (из числа приведенных в таблице), в которой задерживается большинство рабочих, имеющих среднее и среднее специальное образование [49].

Сходные сведения были получены при обработке материалов опроса, проведенного в 1968 г. среди окончивших средние школы Ленинграда в 1963—1967 гг. Оказалось, что среди выпускников сразу же после школы пошли работать только 29,3%, в том числе из юношей — 18,8%, а из девушек — 37,4%. Остальные стали в основном студентами вузов и техникумов. При этом колебания по годам незначительны. Из работающих не учились только 28%, в том числе предполагали продолжать учебу 21%. Остальные занимались в вузах, техникумах, на подготовительных курсах. Поэтому авторы исследования (Э. К. Васильева, Г. Г. Зайцев) сделали справедливый вывод: в современной ситуации можно прогнозировать сохранение на рабочих местах, не требующих высшего или специального среднего образования, только примерно 15% выпускников средних школ Ленинграда. Показатели по другим крупным городам, вероятно, близки к названным. Характерна низкая устойчивость выпускников средних школ в рабочих профессиях. Если спустя год после окончания школы такие профессии имели 42% выпускников, в том числе профессии неквалифицированного физического труда — 6,4%, то спустя пять лет доля имевших рабочие профессии снизилась до 30%, а рабочих неквалифицированного физического труда не осталось совсем.

Работающая часть обследованной совокупности выпускников 10-х классов ленинградских школ сосредоточена преимущественно в следующих социально-профессиональных группах: 35,2% — инженерно-технические работники средней квалификации (механики, лаборанты и т. д.), 25,7% — работники учета, канцелярии и другие работники нефизического труда без специального образования, 38,4% — рабочие преимущественно физического

---

[49] См. *Л. С. Бляхман, А. Г. Здравомыслов, О. И. Шкаратан.* Движение рабочей силы на промышленных предприятиях. М., 1965. В этой книге приведены подробные данные обследования, проведенного в 1963 г. по изучению причин текучести рабочей силы в Ленинграде.

труда (в том числе 3,2% — рабочие неквалифицированного физического труда, 15,5% — работающие на машинах, механизмах, аппаратах).

Причины отказа от первоначальных рабочих профессий весьма разнообразны (по отзывам самих юношей и девушек), но наиболее часто называются две: 1) однообразная работа, не заставляющая думать (18,4% ответов), 2) невозможность повысить квалификацию (10,7%).

Таким образом, наблюдается определенное противоречие между ожиданиями молодежи, сформировавшимися под воздействием социальных норм, потенциями нового пополнения рабочей силы и возможностями общества предоставить этой молодежи рабочие места с соответствующей сложностью труда, создающей предпосылки для реализации в производственной деятельности полного среднего образования.

По подсчетам некоторых экономистов, уже к 1968 г. примерно для 90% специальностей в черной металлургии и для 80% специальностей в машиностроении была необходима общеобразовательная подготовка в объеме средней школы или среднетехническое образование. Сюда относятся и такие массовые профессии, как электро- и газосварщики, электрослесари, сталевары и их подручные, операторы прокатных станов и т. д.[50] Однако, по мнению других исследователей, в том числе и автора этих строк, круг таких профессий гораздо у́же. С точки зрения выполнения регламентированных производственных функций примерно для 70% общего числа рабочих преимущественно физического труда в машиностроении достаточно образования в объеме 8 классов школы[51]. Но этим, естественно, не исчерпываются критерии, определяющие социально необходимый уровень общеобразовательной подготовки. С учетом перспектив развития производства, участия в общественно-политической жизни, задач воспитания детей в молодых семьях и т. д. этот уровень, по-видимому, уже сегодня должен соответствовать полному среднему образованию[52].

---

[50] См. *В. А. Жамин, Г. А. Егиазарян.* Эффективность квалифицированного труда. М., 1968, стр. 27—28.

[51] См. *Л. С. Бляхман, Б. Г. Сочилин, О. И. Шкаратан.* Подбор и расстановка кадров на предприятии. М., 1968, стр. 78—90.

[52] В. А. Ядов правильно отмечает: «Однако нельзя не считаться с тем, что изменение содержания труда происходит менее быст-

В то же время неизбежная в данной ситуации неустойчивость образованной молодежи в профессиях низкой квалификации при введении всеобщего среднего образования вызывает серьезные затруднения в народном хозяйстве, поскольку в ближайшей перспективе эти рабочие места сохранятся, а следовательно, должны быть заняты определенным контингентом рабочей силы. Нельзя рассматривать борьбу предприятий за закрепление своих кадров как местничество. Но нельзя и переход работника на более устраивающую его работу оценивать во всех случаях как проявление эгоизма, «шкурничества». Необходимо искать какое-то оптимальное решение, которое удовлетворило бы и предприятия, и работников, ибо интересы и тех и других важны для социалистического общества. Чтобы достичь здесь единства интересов, необходимо, по нашему мнению, на базе комплексных планов социального развития предприятий давать конкретным работникам определенные гарантии по переобучению и продвижению. А это возможно сделать лишь при резком повышении научного уровня практики подбора и расстановки кадров на предприятиях[53].

рыми темпами, чем рост образовательного уровня рабочих. По нашим подсчетам, доля рабочих, занятых в профессиях с относительно высокими творческими возможностями, вполне удовлетворяющими запросам людей с образованием выше 7 классов средней школы, составляет приблизительно 30,8% в промышленности СССР на 1962 год... По сведениям ЦСУ СССР, в 1962 году доля рабочих с образованием не менее 7 классов составляла 38,6% .. Иначе говоря, уже в 1962 году мы имели некоторый «избыток» рабочих с относительно высоким уровнем образования, которые не могли удовлетворить свои запросы в относительно содержательных видах трудовой деятельности... Причем эта диспропорция имеет тенденцию к увеличению вследствие резкого возрастания числа выпускников средней школы, вливающихся в промышленность... и относительной стабилизации соотношения между числом занятых в профессиях сравнительно творческого и сравнительно нетворческого характера. Эта стабилизация обусловлена особенностями современной стадии технического прогресса в нашей стране, этапом комплексной механизации производства» (*В. А. Ядов.* Ориентация — творческий труд. — В сб · «Общество и молодежь». М., 1968, стр. 140—141).

[53] Этот вопрос не рассматривается в настоящей книге. Точка зрения автора изложена в специальной публикации: *Л. С. Бляхман, Б. Г. Сочилин, О. И. Шкаратан.* Подбор и расстановка кадров на предприятии.

* * *

Перейдем теперь к вопросу о профессиональной квалификации рабочих.

В экономической литературе зачастую придают определяющее значение именно тем показателям, которые характеризуют внутрипрофессиональное распределение рабочих по квалификации. Выше (см. § 4, гл. 1) уже отмечалась ограниченность такого подхода. Ведь основой перехода от занятий менее квалифицированным трудом к более квалифицированному является смена профессии. Вопрос же о квалификационном росте в пределах профессии — вопрос вторичный, не главный при социологическом анализе квалификационного движения рабочей силы с точки зрения социальной мобильности. В данном случае речь идет о социальной мобильности в крайне ограниченной зоне — профессии, хотя, конечно, есть профессии как с узким, так и с широким диапазоном социальных положений и ролей.

Поэтому качественные различия в квалификации по совокупно взятой рабочей силе весьма неточно соизмеряются тарифными разрядами, не говоря уже о том, что значительная часть рабочих вообще не тарифицируется по разрядам и что в разных отраслях применяются разные критерии отнесения рабочих к разрядам тарифной сетки. Кстати, последнее обстоятельство вынуждает нас вовсе отказаться от суммарной оценки профессиональной квалификации рабочих по всей промышленности.

Необходимо также учитывать постоянные изменения в критериях оценок квалификации по каждой профессии в связи с техническим прогрессом и ростом культуры общества.

Сейчас трудно даже перечислить все публикации, где со ссылкой на «Экономическую газету» от 23 октября 1961 г. используются данные о росте квалификации рабочих СССР, полученные по формальному признаку (тарифному разряду), за период 1925—1959 гг.

Более осторожный автор (В. Е. Комаров) привел эти данные, объединив в одну группу малоквалифицированных и неквалифицированных рабочих[54]. В составленной им таблице (см. табл. 37) сразу же бросается в глаза

[54] См. *В. Е. Комаров.* Указ. соч., стр. 90.

Таблица 37

РОСТ УРОВНЯ КВАЛИФИКАЦИИ РАБОЧИХ
В ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР (В %) [55]

Категории рабочих	1925 г.	1927 г.	1950 г.	1953 г.	1959 г.	1961 г.
Квалифицированные и высококвалифицированные	18,5	40,5	49,6	50,6	51,7	64,6
Малоквалифицированные	81,5	59,5	50,4	49,4	48,3	35,4

скачок между показателями 1925 и 1927 гг. За эти два года, если верить таблице, произошли грандиозные изменения в квалификации рабочих. На самом же деле никакого качественного прироста квалификации в рабочем составе не было. Более того, анализ конкретного материала по отдельным трестам, проведенный автором этих строк, *показал, что в связи с начавшимся* притоком в промышленность молодежи из города и деревни на начальном этапе реконструктивного периода имел место даже некоторый спад квалификации рабочих [56].

Что касается данных таблицы за 1959 и 1961 гг., то и здесь без особого труда опять-таки обнаруживается нарушение ритмики процесса постепенного повышения квалификации. Выходит, что доля квалифицированных рабочих снова скачкообразно возросла. Между тем очевидно, что такой скачок за два года произойти не мог. А суть дела изложена самим В. Е. Комаровым в его примечании к таблице. За основу им взяты тарифные сетки. Тарифные же сетки в период 1959—1960 гг. претерпели существенные изменения. Самое любопытное в том, что В. Е. Комаров оспаривает утверждение ряда авторов, будто к 1959 г. доля неквалифицированных рабочих в нашей промышленности составляла всего лишь 1,9%. Он

[55] В. Е. Комаров сослался на «Экономическую газету» от 23 октября 1961 г. Этот год рассчитан по данным: «Вестник статистики», 1962, № 6, стр. 90—92 (*за основу взяты рабочие, тарифицирующиеся* по шести- и семиразрядной сетке. К квалифицированным и высококвалифицированным отнесены III—VI разряды при шестиразрядной сетке и IV—VII разряды при семиразрядной сетке, к малоквалифицированным и неквалифицированным — соответственно I—II и I—III разряды).

[56] См. «Ленинградские рабочие в борьбе за социализм», Л., 1965, стр. 44.

справедливо отмечает, что если даже исходить из тарифных разрядов, то по I разряду шестиразрядной сетки в промышленности СССР на 31 марта 1961 г. числилось 14,1% всех производственных рабочих, которых, как он считает, вполне можно причислить к неквалифицированным рабочим [57].

Еще более удивительно использовал подобного рода данные о распределении рабочих по разрядам экономист А. М. Омаров (см. табл. 38).

Таблица 38

РОСТ КВАЛИФИКАЦИИ РАБОЧИХ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР (В % К ИТОГУ) [58]

Категории рабочих	1925 г.	1937 г.	1950 г.	1959 г.	1962 г.
Квалифицированные и высококвалифицированные	18,5	40,5	49,6	51,7	61,0
Малоквалифицированные . . .	41,3	34,1	47,9	46,4	24,0
Неквалифицированные	40,2	25,4	2,5	1,9	15,0

Его нисколько не смутило то обстоятельство, что вдруг с 1959 по 1962 г. количество неквалифицированных рабочих в промышленности увеличилось примерно в 8 раз. Причем его таблица приводится после фразы, в которой говорится о быстром и непрерывном росте доли рабочих высокой квалификации при соответствующем сокращении доли рабочих неквалифицированного труда.

О. В. Козлова еще десять лет назад убедительно показала на основе анализа тарифно-квалификационных справочников по различным профессиям за 1938, 1947—1948, 1957 гг., что одни и те же разряды за разные отрезки времени отражают несоизмеримые уровни квалификации работников [59].

Таким образом, тарифные разряды можно использовать для оценки изменения в квалификации рабочих лишь за сравнительно короткие временные интервалы, когда

[57] См. *В. Е. Комаров.* Указ. соч., стр. 65—66.

[58] *А. М. Омаров.* Техника и человек. М., 1965, стр. 100.

[59] См. *О. В. Козлова.* Подъем культурно-технического уровня рабочего класса СССР. М., 1959, стр. 177, 201.

действовала одна и та же система оценки, т. е. до пересмотра тарифно-квалификационных справочников.

С учетом сказанного приведем данные о росте квалификации рабочих на предприятиях такой ведущей отрасли промышленности страны, как тяжелое машиностроение, за 1947—1957 гг.

Таблица 39

РОСТ КВАЛИФИКАЦИИ РАБОЧИХ ТЯЖЕЛОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ ЗА 1947—1957 гг. [60]

Квалификация	1947 г.	1950 г.	1957 г.
Рабочие I—III разрядов . . .	28,5	25,3	20,5
» IV—V » . . .	46,3	51,1	55,1
» VI—VIII » . . .	21,3	22,0	24,0
» без разряда	3,9	1,6	0,4
Средний разряд	4,1	4,3	4,7

Из табл. 39 со всей отчетливостью видно, что в 1947—1957 гг. средняя квалификация рабочих за счет сокращения доли малоквалифицированных рабочих I—III разрядов поднялась с 4,1 до 4,7 разряда. Если принять во внимание, что в послевоенное десятилетие при пересмотре разрядов требования к ним были повышены, такую динамику квалификационного состава можно признать весьма успешной.

Об изменениях, происходивших в 60-е годы, после введения новых тарифных справочников, можно судить по данным профессиональных учетов 1962—1965 гг. У рабочих, занятых в производстве электроэнергии и теплоэнергии и тарифицируемых по шестиразрядной сетке, средний разряд за эти три года остался неизменным — 3,3. В машиностроении у рабочих, тарифицируемых по такой же сетке, средний разряд несколько вырос — с 2,6 до 2,7. В текстильной промышленности при такой же сетке средний разряд не изменился — 3,5, а в пищевой промышленности поднялся с 3,0 до 3,1 [61]. По другим отраслям

[60] См. *А. В. Смирнов.* Рабочие кадры тяжелого машиностроения СССР в 1946—1958 гг. — «Исторические записки», т. 71, стр. 22, 23.

[61] См. «Вестник статистики», 1966, № 3, стр. 92—94.

в связи с переходом на новые сетки сравнение оказалось затруднительным. Проверка, проведенная по отдельным фирмам, подтвердила, что за 1962—1965 гг. наблюдался незначительный рост профессиональной квалификации, тогда как общий рост квалификации рабочего класса (если подразумевать под ним степень развития способности к труду [62]) был весьма интенсивным и происходил в основном за счет межпрофессиональных перемещений.

Каковы же основные факторы, влияющие на профессиональную квалификацию рабочих в нашей стране? Экономисты Р. А. Баткаев и В. И. Марков пишут: «...основными моментами, определяющими квалификацию, являются уровень и продолжительность общего и профессионального образования и обучения, стаж практической работы и накопленный производственный опыт, индивидуальные физические и умственные способности работника» [63].

В современной литературе все большее признание получает использование регрессионного анализа для построения многофакторных моделей формирования квалификации рабочих [64].

Наиболее полное обоснование метода статистической обработки массовых материалов для нахождения устойчивых пропорций между факторами, формирующими квалификацию рабочего определенной профессии, дала В. А. Калмык [65].

Построенная нами многофакторная корреляционная модель квалификации отличается от модели В. А. Калмык двумя основными особенностями. Во-первых, изменен конечный показатель, характеризующий уровень ква-

---

[62] См. *В. Р. Полозов.* Указ. диссертация, стр. 97.

[63] *Р. А. Баткаев, В. И. Марков.* Дифференциация заработной платы в промышленности СССР. М., 1964, стр. 32. Этот вопрос подробно рассматривается в трудах: *Е. И. Капустин.* Качество труда и заработная плата. М., 1964; *Я. И. Гомберг.* Редукция труда. М., 1965; *В. Ф. Майер.* Заработная плата в период перехода к коммунизму. М., 1963

[64] См. «Количественные методы в социологии». М., 1966, гл. XI. — Многофакторная модель квалификации рабочего; *В. С. Немченко.* Модель квалификационного движения рабочих кадров на предприятии — «Вестник Московского ун-та», 1966, № 2; *Г. Г. Бажутин.* Развитие профессионально-технического образования на Западном Урале (1959—1965 гг.). — «Научные записки Пермского политехнического ин-та», № 22, 1966

[65] См. «Количественные методы в социологии», стр. 280.

лификации. У В. А. Калмык таким показателем выступал разряд. По нашему мнению, разряд рабочего не может служить единственным показателем уровня его квалификации. Разряд характеризует лишь сложность тех операций, которые в состоянии выполнять работник, и не отражает степень его выучки и его способности, выражающихся в выполнении сменных заданий, участии в техническом творчестве и т. д. Второе отличие нашей модели — в ином отборе факторов, оказывающих влияние на квалификацию. В. А. Калмык включила в свою модель шесть факторов: возраст, общий стаж работы, стаж работы в отрасли, стаж работы на данном предприятии, стаж работы по специальности, образование (классы). Как показали наши данные, многие из этих факторов находятся в тесной зависимости друг от друга. Например, в нынешних условиях такая зависимость существует между общим стажем работы и возрастом. В среднем рабочие начинают свою трудовую биографию в 17 лет; следовательно, данные о них практически почти совпадают как по общему стажу, так и по возрасту. Рабочие Ленинграда формируются главным образом за счет городского населения, поэтому между общим стажем работы и стажем работы в промышленности также не наблюдается существенных различий. Стаж работы на данном предприятии, по нашему мнению, не оказывает заметного влияния на уровень квалификации работника. Дело не в том, сколько лет он работает на данном заводе, а в том прежде всего, сменил ли он специальность при смене места работы.

Вместе с тем в модель В. А. Калмык неоправданно не включен такой фактор, как время профессионального обучения, которое, по нашим данным, оказывает определяющее влияние на многие характеристики рабочего.

Г. Г. Бажутин в отличие от В. А. Калмык ввел в многофакторную модель квалификации следующие характеристики: общий стаж, возраст и образование (включая общее и специальное образование). В результате у него получилось, что образование (суммарное) является более значимым фактором, чем общий стаж. Однако нельзя признать верным смешение продолжительности общего образования и специальной подготовки. Год или месяц, т. е. время обучения, здесь не равны, несоизмеримы. Кроме того, по нашим данным, общий трудовой стаж менее существенный показатель, чем стаж в промышленности.

В качестве критериального признака Г. Г. Бажутин, как и В. А. Калмык, взял тарифный разряд рабочих[66].

Рассмотрим теперь полученные нами модели квалификации.

Данные о наборе факторов, которые следует включить в модель, дали нам матрицы коэффициентов парной корреляции, полученные из уравнений прямолинейной парной регрессии. В итоге были отобраны для модели три линейно независимых фактора, которые неявно коррелируют между собой, но, безусловно, оказывают влияние на уровень квалификации. К их числу относятся продолжительность обучения по профессии в месяцах (t_1), общее образование в годах (t_2), трудовой стаж в промышленности в годах (t_3).

При анализе воздействия стажа на квалификацию рабочего возникает вопрос, какой же из показателей стажа является наиболее обобщающим и значимым. Мы уже упоминали, что, по данным обследования машиностроителей Ленинграда в 1965 г., наиболее значимым оказался стаж в промышленности. Так, коэффициент Чупрова при соизмерении связи заработной платы со стажем в промышленности был равен 0,0839, тогда как соизмерение связи заработной платы со стажем по профессии и общим трудовым стажем дало соответственно 0,0695 и 0,0614.

Но в 1967 г. обследование рабочих объединения «Красная заря», где налицо более квалифицированный состав рабочей силы, чем во всем машиностроении, дало в показателях коэффициента Чупрова следующее соизмерение связи заработной платы с тремя показателями стажа: со стажем в промышленности — 0,075, со стажем по профессии — 0,077, с общим трудовым стажем — 0,076. Что касается стажа на предприятии, то он оказался наименее значимым — 0,071.

Можно предположить, что по степени воздействия на социально-производственные характеристики рабочего класса различные показатели стажа сближаются. Это, конечно, еще не обоснованный анализом вывод, а лишь предварительное соображение, указывающее на необходимость исследования данной проблемы.

В качестве функционального признака (т. е. конечно-

---

[66] См. «Научные записки Пермского политехнического ин-та», № 22, 1966, стр. 86, 89 и др.

го показателя квалификации) были взяты средний заработок в профессии ($\bar{t}'_{0,1,2,3}$) и средний тарифный разряд по профессии ($\bar{t}''_{0,1,2,3}$).

Дифференциация работников по заработной плате наиболее адекватно отражает реальную квалификацию рабочей силы, проявляющуюся в ее производственных показателях, в ее производственной отдаче. Поэтому заработная плата может служить среднестатистическим отражением количественной оценки качества рабочей силы в пределах профессии с учетом отрасли и планируемого показателя средней заработной платы по предприятиям.

Таким способом были построены две системы моделей.

Итоговые уравнения множественной регрессии в натуральном масштабе (рассчитанные по станочникам) [67] имеют следующий вид:

$$\bar{t}'_{0,1,2,3} = 0{,}515\,t_1 + 0{,}498\,t_2 + 0{,}438\,t_3$$

$$\bar{t}''_{0,1,2,3} = 0{,}270\,t_1 + 0{,}393\,t_2 + 0{,}450\,t_3.$$

Эта модель [68] позволяет сделать предположение о сравнительной силе влияния различных факторов на квалификацию станочников. Если в качестве ее мерила принять тарифный разряд, то наши выводы в общем совпадают с выводами В. А. Калмык: наиболее значимый фактор — стаж работы в промышленности, на втором месте — образование и на третьем — время профессиональной подготовки. Следует отметить при этом, что роль образования в повышении квалификации по нашей модели существен-

---

[67] Методика применения регрессионного анализа к конкретным социальным исследованиям описана Ф. М. Бородкиным (см. «Количественные методы в социологии», гл. I. Корреляционный анализ в социологических исследованиях) и Г. И. Сагоненко (см. «Человек и его работа». Приложение Б. Статистический аппарат анализа первичных данных); см. также *Ф. Миллс.* Статистические методы. М., 1958.

[68] Следует отметить, что определение точной формы корреляционной зависимости аргумент — функция весьма затруднено большим рассеянием частот появлений признаков. Наши расчеты производились при предположении линейной связи, что заведомо неточно, поэтому модель отражает изучаемый процесс лишь в самом первом приближении.

но выше, чем это вытекает из данных обследования, проведенного в Новосибирске.

Однако, если использовать в качестве критерия уровень оплаты, картина меняется. Из трех факторов на первом месте окажется, как и можно было предположить, время профессиональной подготовки, на втором — образовательный ценз и на последнем месте, хотя и с небольшим разрывом, — стаж работы в промышленности. Таким образом, время профессиональной подготовки и образование особенно влияют на те стороны квалификации, которые не находят отражения в среднем разряде.

Для выявления этих факторов были прежде всего подсчитаны коэффициенты парной корреляции, полученные из уравнений прямолинейной парной регрессии для измерения взаимосвязи влияния ряда характеристик рабочей силы с уровнем оплаты.

Подсчеты показали, что наиболее тесная связь существует между такими показателями реальной квалификации, как выполнение сменного задания, участие в рационализаторстве, и уровнем оплаты труда.

Более подробная характеристика сравнительного влияния образования и стажа на различные показатели квалификации рабочих не входит в нашу задачу [69]. Отметим лишь в общей форме, что школьная подготовка за пределами 7—8 классов образования пока менее значима в производстве для большинства профессий, чем специальная подготовка, а также стаж работы в промышленности и по профессии.

И все же роль образования в росте профессиональной квалификации рабочих весьма существенна. Вот факты, собранные исследователями по ряду районов страны. Так, на Новогрозненском нефтеперерабатывающем заводе среди рабочих с образованием ниже 7 классов получили в течение года более высокий разряд 2,8%, тогда как среди рабочих с образованием 7—8 классов аналогичный показатель равняется 6,9—7,5% (низший показатель относится к тем, кто не получил специальной подготовки, а высший — к имеющим специальную профессиональную

[69] Ьыше изложены результаты анализа факторов квалификации, проведенного автором совместно с Л С. Бляхманом Вычислительная работа была выполнена тогдашним дипломантом Ленинградского механического института В А Петровым, за что автор, пользуясь случаем, выражает ему признательность.

подготовку). Среди рабочих с образованием в объеме 9—10 классов получили очередной разряд в течение одного года 11,1% всех не имеющих специальной профессиональной подготовки и 12,6% имеющих таковую. В среднем же по заводу доля рабочих, повысивших свой тарифный разряд за год, составила 7%. На Харьковском тракторном заводе для приобретения V разряда слесари-ремонтники затрачивают при четырехклассном образовании 7,7 года, а при девяти-десятиклассном — 4,4 года. На нефтеперерабатывающих заводах страны у слесарей по ремонту контрольно-измерительных приборов и установок автоматического регулирования с образованием 7—8 классов время, затрачиваемое на прирост одного разряда, составляет 2,5 года, с образованием 10 классов — 1,6 года. Обследование, проведенное на Московском тормозном заводе, показало, что токари с образованием 7—8 классов осваивают I разряд в 2,6 раза, II разряд в 4 раза, а III разряд — в 5,5 раза быстрее, чем токари с четырехклассным образованием [70].

Рабочие со средним образованием — главный резерв для выдвижения на должности мастеров, бригадиров, для обучения новым, более квалифицированным видам труда — новым профессиям.

* * *

Таким образом, вопрос о квалификационной структуре в широком и узком смысле этого слова сложен и неоднозначен. Рассмотренные выше модели квалификации раскрывают лишь специфические факторы внутрипрофессиональной квалификации и исходят из теории стоимости. Между тем уже анализ квалификационной структуры в этом узком смысле (т. е. в пределах профессии) показывает возрастание роли неспецифических факторов по мере перехода от отраслевых моделей к регионально-отраслевым, к заводским, цеховым. Наконец, в индивидуальной судьбе конкретного рабочего неспецифические факторы (например, условия воспитания) могут оказаться определяющими. И это верно, поскольку в личности

[70] См. *Е. Жильцов* Рост квалификационных требований и вопросы общеобразовательной подготовки рабочих кадров — «Экономические науки», 1965, № 6, стр 87—88.

комбинируется совокупность общественных отношений в их целостности. Социология же подходит к данной, как и другим проблемам, целостно, структурно. Она познает и прогнозирует судьбы людей как личностей, как выразителей социальных типов и социальных норм, как носителей и исполнителей социальных ролей. С этой точки зрения вопрос о квалификации в узком смысле — действительно лишь вопрос о возможностях оптимизации социальной мобильности в крайне ограниченной зоне — профессии. Поэтому-то образование и не является зачастую определяющим фактором. Но главной формой социальной мобильности выступает движение между профессиями различного квалификационного уровня, так же как в квалификационной структуре рабочего класса определяющим аспектом является квалификация профессий. А здесь образование играет определяющую роль.

Каковы же возможные методы измерения квалификационно-профессиональных различий и соответственно характеристик формирующейся на основе этих различий структуры?

Всесоюзный научно-исследовательский институт профтехобразования предложил в основу классификации положить определенный уровень общеобразовательной и специальной подготовки, необходимой для исполнения сложного квалифицированного труда. При этом авторы методики отнесли:

а) к профессиям квалифицированного труда те профессии, для овладения которыми требуются определенный минимум общеобразовательных и научно-технических знаний и специальная профессиональная подготовка в профессионально-технических учебных заведениях или непосредственно на производстве сроком не менее трех месяцев;

б) к профессиям малоквалифицированного труда — профессии и специальности, не вошедшие в перечни профессий и специальностей, по которым осуществляется подготовка квалифицированных рабочих в профучилищах и непосредственно на производстве, и требующие краткосрочной подготовки непосредственно на рабочих местах;

в) к профессиям неквалифицированного труда — профессии, овладение которыми не зависит от наличия у работника определенных общеобразовательных знаний, не

требует специальной подготовки и ограничивается производственным инструктажем и изучением правил техники безопасности [71].

Однако приведенная классификация недостаточно дифференцированно представляет рабочие профессии квалифицированного труда, уже в силу этого возможности ее применения сравнительно ограниченны. Под руководством автора настоящей книги в Ленинградском финансово-экономическом институте Р. И. Гопиной была выполнена дипломная работа, в которой указанная классификация была применена для анализа профессионально-квалификационной структуры и для планирования ее на перспективу на ленинградском мясокомбинате имени С. М. Кирова. Р. И. Гопина дополнила изложенную выше группировку профессий разделением их на сквозные, межотраслевые и технологические. По ее подсчетам, доля рабочих неквалифицированного и малоквалифицированного труда с каждым годом падает (в 1959 г. — 46,1%, в 1964 г. — 40,2, в 1968 г. — 37,7%). Особенно быстро этот процесс развивается по основным технологическим профессиям, по которым доля рабочих квалифицированного труда с 1959 по 1968 г. выросла в 2 раза.

Чтобы заключить рассмотрение квалификационной структуры рабочего класса в широком смысле слова, вернемся к поставленной ранее проблеме о возможных методах измерения динамики этой структуры за длительные периоды времени. В свете сказанного выше можно принять в качестве критерия дифференциации работников промышленности размер заработной платы. Конечно, за сравнительно короткие периоды времени возможны различные отклонения, связанные с ошибками субъективистского толка в подходе не только к оценке квалификации рабочей силы, но и к оплате труда. Однако за длительные периоды, надо полагать, отклонения подобного рода оказываются малосущественными.

В. Ф. Майер отмечает, что если в начале 30-х годов средняя заработная плата инженерно-технических работников промышленности более чем в 2,5 раза превышала

---

[71] См. «Основные методические положения по анализу профессионального состава и перспективному планированию подготовки квалифицированных рабочих кадров», ВНИИ профтехобразования. Л., 1968, стр. 9.

заработную плату рабочих, то в 60-е годы разрыв сократился примерно до 1,5 раза[72]. В октябре 1934 г. средняя месячная заработная плата рабочих ленинградского машиностроения составляла 220 руб. При этом отношение 10% получавших наименьшую заработную плату к 10% получавших максимальную заработную плату равнялось 1 : 4[73].

Спустя 30 лет, в 1964 г., по данным Ленинградского городского статистического управления, аналогичное соотношение крайних групп в машиностроительной промышленности Ленинграда, включая инженерно-технический персонал и служащих, составило 1 : 3,7, т. е. даже с включением инженерно-технического персонала разрыв в оплате значительно сократился, что, на наш взгляд, является главным свидетельством сближения квалификации рабочей силы в промышленности. Это подтверждается и данными выборочного обследования ленинградских машиностроителей в 1965 г.: 5,9% всех опрошенных имели зарплату 60 руб. в месяц, 19,4% — от 60 до 80 руб., 19,1% — от 80 до 100 руб., 19,6% — от 100 до 120 руб., 21,7% — от 120 до 150 руб., 9,6% — от 150 до 200 руб. и, наконец, 4,7% — свыше 200 руб. Средняя заработная плата опрошенных на март — апрель 1965 г. (период опроса) составила 112,8 руб. при среднем квадратичном отклонении, равном 45,08 руб.

По этим данным можно прийти к выводу: в нашей промышленности, как и во всем народном хозяйстве, наблюдается тенденция повышения квалификации совокупного рабочего.

§ 3. ИЗМЕНЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УРОВНЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ

Как уже установлено выше, основными моментами, определяющими уровень квалификации рабочего класса, выступают общее образование, специальная подготовка и стаж. Естественно, что эти показатели оказывают на облик рабочего класса значительно более широкое воз-

---

[72] См *В. Ф. Майер.* Заработная плата в период перехода к коммунизму, стр. 98

[73] См. «Заработная плата рабочих крупной промышленности в октябре 1934 г.». М., 1935, стр. 288—295 (расчет автора).

действие, не ограниченное сферой регламентированных производственно-профессиональных функций. Именно поэтому самым значимым из них является уровень общего образования. Уровень образования предопределяет степень знакомства с научными основами производства, темпы приобретения профессиональных навыков и, наконец, что важно учитывать в плане перемещения рабочей силы, возможности рабочего менять профессию и производство при относительно быстром освоении нового типа работ не только на аналогичном, но и на принципиально ином оборудовании.

От образовательного уровня рабочего зависит бóльшая или меньшая эффективность его вклада в развитие производства, т. е. бóльшая или меньшая возможность совершенствовать производство и участвовать в его организации. Ликвидация неравенства общеобразовательной подготовки — важное социальное мероприятие, которое отвечает объективным потребностям производства, основанного на автоматике и кибернетике. Складывающаяся материально-техническая база коммунизма нуждается в новом типе работника, способного на основе высокой общеобразовательной подготовки сочетать функции умственного и физического труда.

В 1939 г. в составе городского населения (в возрасте от 9 до 49 лет) доля грамотных достигла 93,8%, на селе — 84, в целом по стране — 87,4%. В составе промышленных рабочих неграмотных практически уже не было.

Развитие социализма, совершенствование социалистических производственных отношений привели к дальнейшему быстрому росту образованности населения[74]. Несмотря на войну и трудности послевоенного восстановления, число лиц, имеющих неполное среднее, среднее и высшее образование, увеличилось с 15 866 тыс. в 1939 г. до 58 708 тыс. в 1959 г., а в расчете на 1 тыс. человек населения — примерно в 3,5 раза[75].

---

[74] См. по этому вопросу *Л. С. Рогачевская.* Образовательный уровень рабочего класса СССР накануне развернутого строительства коммунизма. — В сб.: «Формирование и развитие советского рабочего класса (1917—1961 гг.)». М., 1964; *Е. И. Седова.* Рост общеобразовательного уровня рабочего класса в 1959—1965 годах. — «Ученые записки Калининградского педагогического ин-та», т. 49, 1968.

[75] См. «Народное хозяйство СССР в 1959 году», стр. 21—22 (подсчет автора).

За последнее десятилетие рост образовательного уровня трудящихся продолжался стремительными темпами. К началу 1967 г. высшее и среднее (включая неполное среднее) образование имели 56,4% работающего населения страны против 43,3% в 1959 г.[76].

О том, как соизмеряются данные, касающиеся всего населения страны, с показателями роста образовательного уровня рабочего класса, можно судить по табл. 40. Она показывает, что и во всем населении страны, и среди рабочих за двадцатилетний период доля лиц, имеющих

Таблица 40

УРОВЕНЬ ОБРАЗОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СССР, В ТОМ ЧИСЛЕ РАБОЧИХ, В 1939 и 1959 гг [77]

Категории населения	На 1000 занятых имеют высшее и среднее образование, включая *неполное среднее*			
	все общественные группы		в том числе рабочие	
	1939 г.	1959 г.	1939 г.	1959 г.
Городское и сельское население				
Оба пола	123	433	82	386
В том числе:				
мужчины	136	434	100	393
женщины	104	431	44	377
Городское население				
Оба пола	242	564	96	424
В том числе:				
мужчины	235	537	122	430
женщины	255	597	54	413
Сельское население				
Оба пола	63	316	60	311
В том числе:				
мужчины	81	337	73	320
женщины	42	294	24	296

[76] См. «Народное хозяйство СССР в 1968 году», стр. 34; «Страна Советов за 50 лет», стр. 277.

[77] См. «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года» (сводный том), стр. 116

высшее, среднее и неполное среднее образование, повысилась в несколько раз.

Важно отметить сближение в образовательном уровне между сельским и городским населением. Если в 1939 г. во всем сельском населении доля лиц, имеющих образование не ниже семилетнего, составляла 6,3% против 24,2% в городском населении, т. е. была в 4 раза ниже, то в 1959 г. разрыв уменьшился примерно до $1^3/_4$ (31,6% имеющих указанный уровень образования в сельском населении и 56,4% в городском). Что касается рабочих, то, если судить по формальным показателям переписи, подобного сближения не наблюдалось. В 1939 г. среди рабочих, проживающих на селе, доля имеющих образование не ниже семилетнего равнялась 6%, а среди рабочих-горожан она достигала 9,6%. К 1959 г. доля таких рабочих-селян составляла 31,1%, а рабочих-горожан — 42,4%. Разрыв уменьшился, но не качественно. Связано это было в значительной мере с тем, что огромная масса колхозников стала в послевоенные годы работниками государственных предприятий — совхозов и тем самым перешла в ряды рабочего класса.

Значительный прирост уровня образования имел место у женщин. Так, доля работниц-селянок, имеющих образование не ниже семилетнего, увеличилась за этот период в 12 раз, а работниц-горожанок — без малого в 8 раз.

Рост образовательного уровня рабочего класса весьма интенсивно продолжался и в дальнейшем. На 1 января 1967 г. среди рабочих преимущественно физического труда доля имеющих образование свыше 7 классов поднялась до 50% против 38,6% в 1959 г. [78]

Если в 1939 г. в промышленности доля рабочих с образованием не ниже семилетнего составила 9.9%, то, по данным специальной переписи рабочих по образованию, проведенной в 1952 г., уже 28,3% всех промышленных рабочих имели семилетнее, среднее и высшее образование, свыше половины всех промышленных рабочих имели общеобразовательную подготовку не ниже 5—6 классов, а более 60% рабочих черной металлургии, тяжелого машиностроения, станкостроения и не менее 50% рабочих

[78] См. «Народное хозяйство СССР в 1965 году», стр. 41; «Страна Советов за 50 лет», стр. 277.

угольной, нефтяной и легкой промышленности имели образование выше начального. Такой уровень, намного более высокий, чем в 1939 г., явился итогом блестящих достижений трудных послевоенных лет. К 1959 г., по данным переписи населения, доля промышленных рабочих с образованием не ниже семилетнего поднялась до 45,1%. По расчетам работников НИИтруда, в 1959 г. средний образовательный уровень рабочих промышленности равнялся 6 классам, а по молодежным группам — 7 классам. К 1967 г. доля рабочих с образованием не ниже семилетнего поднялась до 59,4% [79].

Характерно, что в процессе повышения уровня образования выявилась тенденция к сближению показателей по объему школьного обучения среди рабочих, имеющих разные профессии и работающих в разных отраслях. В 1939 г. наблюдались большие колебания в уровнях образования между рабочими различных отраслей промышленности, что, естественно, было связано с неодинаковой профессионально-квалификационной структурой в отраслях. Например, если среди металлистов и металлургов имели образование не ниже семилетнего 17,6%, то аналогичная доля среди химиков падала до 11,3%, у рабочих леса — до 3,1, у строителей — до 3%. В 1959 г. картина оставалась еще пестрой, тем не менее столь больших разрывов уже не было. Доля лиц с неполным средним, средним и высшим образованием у металлистов поднялась до 53,5%, а у химиков — до 51,4%, т. е. вплотную подошла к показателям металлистов. В наиболее отстававших отраслях рост был поистине грандиозным. У рабочих леса доля имеющих указанный уровень образования достигла 24,8%, т. е. увеличилась в 8 раз, а у строителей — более чем в 10 раз, достигнув к 1959 г. 31,8% [80].

Интенсивно шел процесс сближения по образовательному уровню и между рабочими, принадлежащими к разным национальным отрядам.

---

[79] См. «Народное хозяйство СССР в 1968 году», стр. 34; *А. Осипов, И. Коваленко, Е. Петров.* Советский рабочий и автоматизация. М., 1960, стр. 56; *М. Я. Сонин.* Воспроизводство рабочей силы в СССР и баланс труда. М., 1959, стр. 20; «Трудовые ресурсы СССР». М., 1961, стр. 62; «Страна Советов за 50 лет», стр. 277.

[80] См. «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года» (сводный том), стр. 177—179.

Таблица 41

УРОВЕНЬ ОБРАЗОВАНИЯ РАБОЧИХ В 1939 И 1959 гг. ПО СОЮЗНЫМ РЕСПУБЛИКАМ [81]

Территория	На 1000 занятых имеют высшее и среднее образование, включая неполное среднее			
	все общественные группы		в том числе рабочие	
	1939 г.	1959 г.	1939 г.	1959 г.
СССР	123	433	82	386
РСФСР	124	440	75	370
Украинская ССР	139	438	109	456
Белорусская ССР	113	331	114	362
Узбекская ССР	61	447	47	377
Казахская ССР	99	447	63	365
Грузинская ССР	163	492	124	488
Азербайджанская ССР	122	473	83	436
Литовская ССР	—	250	—	220
Молдавская ССР	—	280	—	332
Латвийская ССР	—	502	—	463
Киргизская ССР	56	429	35	381
Таджикская ССР	45	407	45	352
Армянская ССР	135	527	132	477
Туркменская ССР	78	497	40	381
Эстонская ССР	—	448	—	384

Рабочие ранее отставáвших народов, например киргизы, таджики, туркмены, повышали образовательный уровень гораздо быстрее, чем передовые в культурном отношении рабочие Украины и России.

Эти же выводы подтверждаются материалами об образовательной подготовке населения, принадлежащего к основным национальностям союзных республик. Если в 1959 г. число лиц, имеющих высшее, среднее и неполное среднее образование, было среди русских в 3,4 раза больше, чем в 1939 г., то среди узбеков число таких лиц увеличилось в 14 раз, среди казахов — в 8,3 раза, среди киргизов — в 22 раза, среди таджиков и туркменов — в 17 раз и т. д. [82]

Следует отметить, что в рабочем классе более высоким уровнем образования обладают молодежные груп-

[81] См. там же, стр. 116.
[82] См. там же, стр. 234—237.

пы. В этом отношении характерны данные обследования (1965 г.) молодых рабочих в возрасте до 28 лет Кутаисского, Львовского, Минского, Харьковского, Ташкентского, Рубцовского заводов автомобиле- и тракторостроения. Обследование охватило отрасль, имеющую примерно средний для рабочих страны уровень образования. Образование в объеме до 4 классов имели 0,8%, 5—6 классов — 2,6%, 7—9 классов — 31%, 10—11 классов — 36,5% опрошенных, у остальных было законченное или незаконченное среднее специальное и высшее образование. Эти данные совпадают с материалами, касающимися всех молодых рабочих указанных заводов. Здесь люди с образованием не ниже 10—11 классов составляли в 1965 г. от 30 до 50% всех рабочих в возрасте до 28 лет.

Обследование показало, что в 1965 г. средний образовательный уровень молодых рабочих был равен 8 классам, тогда как у рабочих старше 40 лет по тем же заводам он составлял 5,2 класса. 96% молодых работников имели законченное семилетнее образование. Однако низкая образовательная подготовка наблюдалась у части подростков и юношей в возрасте до 17 лет; хотя на обследованных заводах их было всего 4,5% среди всех рабочих-мужчин, они составляли 30% лиц, имеющих начальное образование. При этом часть подростков все еще нигде не училась.

По уровню образования от центральных районов страны отстают пока Сибирь и Средняя Азия. Если в среднем по обследованным заводам не имели семилетнего образования 3,4% мужчин, то в Рубцовске — уже около 6%, а в Ташкенте даже 8,8%. Как и повсюду на обследованных заводах, доля имеющих среднее и специальное среднее образование среди женщин гораздо выше, чем среди мужчин. Число учащихся техникумов среди женщин в 1,5 раза больше, чем среди мужчин. Естественно, что различия в уровне образования между коллективами разных предприятий в определенной мере связаны с размахом тех специальных мероприятий, которые проводятся администрацией и общественными организациями каждого из них. Например, на Львовском автобусном заводе работают две сменные и одна очно-заочная средние школы. 10% молодых рабочих учатся в вузе. На Кутаисском автозаводе учится каждый пятый молодой рабочий.

Здесь мы подходим к вопросу о роли такого фактора

повышения уровня культуры рабочего класса, как совмещение образования с работой. Численность работников, продолжающих обучение в школах для взрослых и молодежи, растет в нашей стране из года в год. Данные об этом приведены в табл. 42.

По сравнению с довоенным периодом численность учащихся в школах для взрослых и работающей молодежи увеличилась примерно в 6 раз. При этом число обучающихся в 5—8-х классах возросло в 3 с лишним раза, а в старших классах — в 15 раз. Количество же учащихся младших классов даже сократилось. Это значит, что вечерняя школа сейчас осуществляет принципиально иные задачи, соответствующие курсу партии на введение в стране всеобщего среднего образования для молодежи.

Таблица 42

ШКОЛЫ РАБОЧЕЙ, СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ И ШКОЛЫ ВЗРОСЛЫХ (НА НАЧАЛО УЧЕБНОГО ГОДА) [83]

Ступени обучения	1940/41 г.	1959/60 г	1968/69 г.
Численность учащихся, включая обучающихся заочно (тыс. человек)	768	2 318	4 118
Из них:			
в 1—4 классах	107	63	56
» 5—8 »	458	1 366	1 161
» 9—11 »	203	889	2 901

Рост образовательного уровня рабочего класса связан не только с продолжением обучения тех, кто не завершил подготовку в дневной школе, но и с увеличением доли молодежи, получающей образование с отрывом от производства.

Из табл. 43 видно, что по сравнению с последним предвоенным годом общая численность обучающихся в стране, не считая повышающих квалификацию, увеличилась без малого вдвое, причем особенно заметен рост

[83] См. «От съезда к съезду. Комсомол в цифрах и фактах», стр 46; «Народное хозяйство СССР в 1968 году», стр 671

Таблица 43

ЧИСЛЕННОСТЬ УЧАЩИХСЯ ПО ВИДАМ ОБУЧЕНИЯ (НА НАЧАЛО УЧЕБНОГО ГОДА, В ТЫС. ЧЕЛОВЕК) [84]

Виды обучения	1940/41 г.	1968/69 г.
Всего обучалось	38 056	77 526
В том числе:		
в общеобразовательных школах всех видов	35 552	49 195
в училищах и школах ПТО и школах ФЗУ	717	2 263
в средних специальных учебных заведениях	975	4 262
в высших учебных заведениях	812	4 470

количества учащихся в средних специальных учебных заведениях и вузах.

Общеобразовательной подготовкой не исчерпываются проблемы формирования и воспитания квалифицированных, классово сознательных рабочих. Другой важной составной частью процесса воспроизводства рабочего класса выступает профессиональное обучение.

Когда страна вступила в период построения развитого социалистического общества, школы ФЗУ сменила более совершенная система подготовки кадров. 2 октября 1940 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах СССР» [85].

Организация училищ системы государственных трудовых резервов обеспечивала 17—19-летним юношам и девушкам возможность получить квалификацию еще до начала работы на фабриках и заводах. По указу создавались ремесленные и железнодорожные училища с двухгодичным сроком обучения и шестимесячные школы ФЗО. Учебная работа осуществлялась на основе единых научно обоснованных программ. Учащиеся находились на полном государственном обеспечении; была создана хоро-

[84] См. «Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах», стр. 273; «Народное хозяйство СССР в 1968 году», стр. 669.

[85] См СП, 1940, № 25, ст. 602.

шая учебно-производственная база; в государственном порядке на преподавательскую работу были направлены опытные инженеры и мастера. Ремесленные училища ориентировались на прием лиц, имеющих семилетнее образование. Таким образом, подготовка кадров была поднята на качественно новую ступень.

Однако из-за начавшейся Великой Отечественной войны подготовка рабочих кадров развернулась на первых порах преимущественно по линии краткосрочных школ ФЗО, а не двухлетних ремесленных училищ. Из общего числа в 2475 тыс. рабочих, подготовленных в системе трудовых резервов за период 1941—1945 гг., 1790 тыс. человек (72,3%) окончили школы ФЗО.

После войны перед системой трудовых резервов встала двуединая задача — расширить подготовку кадров и резко поднять качество обучения, которое в условиях военного времени из-за необходимости перехода к ускоренным выпускам заметно снизилось [86].

Советское государство оказало училищам большую помощь. Только за два года после окончания войны оно выделило на развитие их учебной базы в 2 раза больше средств, чем за все предыдущие годы. Лишь в 1946 г. училища и школы трудовых резервов получили 9 тыс. станков, на работу в них было направлено 4 тыс. мастеров [87].

За 1941—1958 гг. ремесленные и другие училища системы трудовых резервов и школы ФЗО окончили 10,3 млн. человек, влившиеся затем в ряды рабочего класса страны.

В годы семилетки перестройка системы профессионально-технического образования позволила улучшить и расширить подготовку квалифицированных рабочих из молодежи. В 1965/66 учебном году в профессионально-технических училищах обучалось 1,7 млн. юношей и девушек против 0,8 млн. в 1958 г. [88] Еще в 1960 г. общеобразовательный ценз 97% всех принятых в школы и училища профессионально-технического образования (по данным Управления планирования, подготовки, распределения и учета квалифицированных рабочих при Совете

---

[86] См. *Г. И. Зеленко.* Подготовка квалифицированной рабочей силы. — В сб.: «Вопросы труда в СССР». М., 1958, стр. 98.

[87] См там же.

[88] См. «От съезда к съезду. Комсомол в цифрах и фактах», стр. 44.

Таблица 44

ПОДГОТОВКА (ВЫПУСК) РАБОЧИХ ДЛЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, СТРОИТЕЛЬСТВА, ТРАНСПОРТА И СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В УЧИЛИЩАХ И ШКОЛАХ СИСТЕМЫ ТРУДОВЫХ РЕЗЕРВОВ [89]

Виды учебных заведений	1941—1945 гг.	1946—1950 гг.	1951—1955 гг.	1956—1958 гг.
Всего подготовлено в училищах и школах Главного управления трудовых резервов при Совете Министров СССР . .	2 475	3 392	2 364	2 014
В том числе:				
в технических училищах*	—	—	27	269
в ремесленных, железнодорожных и горнопромышленных училищах . .	685	1 024	719	320
в училищах механизации сельского хозяйства и ремесленных училищах по механизации сельского хозяйства	—	—	628	841
в школах фабрично-заводского обучения, строительных и горнопромышленных школах	1 790	2 368	990	584

* Созданы в 1954 г. Готовили высококвалифицированных рабочих из числа окончивших полную среднюю школу. Срок обучения — 1—2 года.

Министров РСФСР) составил 7—10 классов. За все послевоенные годы профессионально-технические училища дали примерно 25% производственников, необходимых народному хозяйству (по данным того же управления).

В течение 1966—1970 гг. должно завершиться в основном введение всеобщего среднего образования для молодежи. В связи с этим меняются и задачи подготовки

[89] «Народное хозяйство СССР в 1958 году», стр. 692.

кадров через систему ПТО. В принятом в апреле 1969 г. ЦК КПСС и Советом Министров СССР постановлении «О мерах по дальнейшему улучшению подготовки квалифицированных рабочих в учебных заведениях профессионально-технического образования» признано необходимым осуществить постепенное преобразование профессионально-технических учебных заведений в училища по подготовке квалифицированных рабочих со средним образованием из числа молодежи, окончившей восьмилетние школы, по наиболее сложным профессиям. Срок обучения в таких училищах установлен в 3—4 года [90].

К 1969 г. в стране насчитывалось более 5 тыс. училищ с числом учащихся свыше 2 млн. человек. За 1966—1968 гг. училища системы ПТО подготовили 3,2 млн. рабочих, в том числе почти 1 млн. для промышленности. Прием в училища, достигший в 1969 г. 1,7 млн. человек, намечено довести к 1975 г. до 1,9 млн., в том числе в училища, дающие одновременно полное среднее образование, — до 300 тыс. юношей и девушек [91].

Одновременно по постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 2 февраля 1966 г. «О мероприятиях по расширению обучения и устройству на работу в на-

Таблица 45

СООТНОШЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ ПОДГОТОВКИ РАБОЧИХ [92]

Годы	Подготовлено рабочих (тыс. человек)	
	в училищах и школах ПТО	непосредственно на предприятии
1950	493	2 326
1960	689	2 807
1965	1 042	3 407
1966	1 064	3 716
1967	1 273	3 922

[90] См. «Правда», 17 апреля 1969 г.

[91] См. «Правда», 6 мая 1969 г.; см. также сб. «О совершенствовании подготовки рабочих в профессионально-технических училищах». М., 1968.

[92] По данным ВНИИ профтехобразования; см. также «Труд в СССР». М., 1968, стр. 303—305, 320—321.

родное хозяйство молодежи, оканчивающей общеобразовательные школы в 1966 г.» были развернуты технические училища, рассчитанные на прием выпускников средних школ.

Каков реальный удельный вес различных форм подготовки рабочих кадров?

По данным ВНИИпрофтехобразования, приведенным в табл. 45, около 80% рабочих получают первоначальную подготовку непосредственно на предприятии путем индивидуально-бригадного и курсового обучения. На курсовую форму, несмотря на очевидные ее преимущества, приходится всего лишь около 29% подготовленных рабочих [93].

Но жила ли промышленность в указанные годы прежде всего за счет этих кадров? Как показывает практика, реально закрепляются в профессии и на заводе главным образом выпускники профессионально-технических училищ, а рабочие, получившие подготовку на производстве, склонны менять профессию и предприятие. По данным московских экономистов, в 1964 г. на группе предприятий столицы лишь 21,9% всех учеников не имели другой специальности [94]. Следовательно, за огромным численным преобладанием подготовки рабочих непосредственно на предприятии зачастую скрывается межпрофессиональное движение рабочей силы, никем и ничем не регулируемое, а потому в значительной степени избыточное и неоправданное.

Отсюда понятно, между прочим, почему на заводах и фабриках пропорции между рабочими, обученными в разных системах, иные, чем по отчетным данным о подготовке рабочей силы.

Возьмем наш материал по ленинградским машиностроителям (1965 г.), в частности по молодежным группам. В возрасте до 18 лет обнаружено 52 человека, получивших подготовку на предприятии, и 41 человек из числа закончивших училища системы профессионально-техни-

---

[93] См. по этому вопросу *В. Б. Белкин* Профессиональное разделение труда и подготовка рабочих кадров в СССР. М., 1966, стр. 61 и др.; *В. В. Шарапов.* Пути совершенствования подготовки рабочих кадров. М., 1967; *Ю. Ф. Новгородский, Н. М. Хайкин.* Подготовка кадров для промышленности. М., 1968.

[94] См. *В. А. Жамин, Г. А. Егиазарян.* Эффективность квалифицированного труда, стр. 208—209.

ческого обучения. В возрасте 18—19 лет 146 человек подготовлены на предприятии, 47 человек — в профессиональных училищах, 9 человек — в средней школе. В возрасте 20—24 лет получили профессиональную подготовку на предприятии 194 человека, в училище — 42 человека, в средней школе — 7 человек и в армии — 5 человек. В самые последние годы, по крайней мере в машиностроении, наблюдается активизация роли системы профессионально-технического образования в подготовке кадров для нашей индустрии. И это нельзя не оценить положительно.

Всего, по нашим данным, 45,2% работников приобрели профессию непосредственно на предприятии, 23,6 — в профтехучилищах, 2,8 — в школах с политехническим обучением, 4,3 —во время службы в армии, 13,8 — в техникумах и 10% — в вузах. К сожалению, 18% работников машиностроения по существу не имеет никакой специальной подготовки, а у 6,3% она длилась менее месяца; лишь 7,3% работников имеют подготовку в пределах от 6 до 12 месяцев, 15,1% — от 1 до 2 лет, 5,7% — в интервале от 2 до 3 лет и 17% — свыше 3 лет. Таким образом, значительная часть рабочих в настоящее время не получает профессиональной подготовки в тех размерах, которые необходимы для овладения современными методами производства. Только дальнейшее развитие сети профессионально-технических училищ и вечернего специального образования с длительными сроками подготовки могут содействовать выправлению положения дел.

Оценка сравнительной эффективности различных форм профессиональной подготовки выходит за рамки настоящего обзора. Поэтому ограничимся кратким выводом: продолжительность обучения по профессии активно влияет на закрепление работников за данной специальностью. Если взять две категории рабочих — первую со сроком профессиональной подготовки до 3 месяцев (т. е. прошедших индивидуально-бригадное обучение на предприятиях) и вторую — со средним сроком подготовки в 1—3 года (т. е. закончивших профтехучилище), то, как показывают данные, среди всех, чей стаж по профессии не превышает одного года, соотношение обеих категорий равно 8 : 1, среди лиц со стажем от 1 до 3 лет это соотношение снижается до 3 : 1, при стаже свыше 10—20 лет — до 2 : 1, а при стаже свыше 20 лет — до 1 : 1. Таким обра-

зом, более длительное профессиональное обучение является не напрасной тратой государственных средств, а единственной, к тому же высокорентабельной, формой подготовки кадров рабочих, любящих свою специальность. Эти рабочие гораздо чаще занимаются рационализаторством и изобретательством. Так, средний размер вознаграждений за рационализаторство у выпускников профессионально-технических училищ на $^1/_3$ выше, чем у получивших профессию на предприятиях. Среди последних ниже и доля лиц высокой квалификации (IV—VI разряды). Она составляет 35,3%, тогда как среди выпускников профтехучилищ — 50,9%. Средняя заработная плата у выпускников профтехучилищ 115,5 руб., а у обученных на предприятии — 105,3 руб. Даже выпускники средних школ, работающие по полученной в школе профессии, несмотря на неизмеримо меньший стаж, зарабатывают в среднем заметно больше получивших профессию на заводах, а именно — 114,8 руб.

Стремление к повышению своей производственной квалификации также наблюдается в большей мере у лиц, подготовленных не на самом предприятии. Да и средний стаж работы по профессии у них выше: из опрошенных одинакового возраста у выпускников профтехучилищ он составил 11,6 года, а у получивших подготовку на предприятиях — 9 лет.

§ 4. СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ В РАБОЧЕМ КЛАССЕ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Социальная структура рабочего класса, как уже отмечалось выше, весьма сложна. В данном разделе она рассматривается далеко не во всех возможных ее измерениях. В частности, остается за пределами анализа разделение рабочего класса на городскую и сельскую части. Этот вопрос заслуживает специального изучения. Мы не располагаем какими-либо конкретными исследованиями, которые помогли бы во всей полноте осветить столь сложную проблему. Что касается имеющихся (довольно скромных) материалов, то они уже основательно проанализированы С. А. Кугелем и В. С. Семеновым [95].

---

[95] См. *С. А. Кугель.* Закономерности изменения социальной структуры общества при переходе к коммунизму. М., 1963; *В. С. Се-*

Вычленение и описание основных социальных групп, предлагаемое ниже, опираются на информацию, собранную в ходе проведения трех конкретно-социологических исследований: 1) по машиностроителям Ленинграда (1965—1966 гг.), 2) по фирме «Красная заря» (1967 г.), 3) по городскому населению Татарии (1967—1968 гг.) [96].

Приступая к исследованиям, мы исходили из того, что социальная структура рабочего класса воспроизводится прежде всего в основной общественной ячейке — предприятии, где индивид вступает в общественные отношения по поводу присвоения средств производства.

По мере накопления информации (основным ее носителем служил выработанный нами «Опросный лист для интервью») проверялись первоначальные гипотетические положения, которые в ходе последующего теоретического анализа в сочетании с рассмотрением эмпирического материала, полученного в итоге опроса, были уточнены, а затем и подтверждены собранными данными.

Основной вывод сводился к тому, что внутриклассовая структура аккумулирует в себе внутриобщественные различия, причем соподчиненность этих различий предопределена соподчиненностью их во всем обществе.

При социализме состояние производительных сил обусловливает сохранение социально-экономической неоднородности труда. Это означает, что, будучи равными совладельцами социалистической собственности, члены общества не в равной мере участвуют в организации и совершенствовании производства, вносят неравный вклад в развитие экономики и культуры, не в равной мере выступают субъектом общественной деятельности.

Этими моментами и обусловлено при социализме членение рабочего класса на основные социальные группы, различающиеся вкладом в развитие средств производства и мерой участия в общественной организации труда, базирующиеся на сохраняющейся еще в обществе социально-экономической неоднородности труда. Таковы

менов. Рабочий класс и его роль в строительстве коммунизма. — В кн.: «Строительство коммунизма и развитие общественных отношений». М., 1966.

[96] Краткую характеристику этих изысканий см. выше, в главе I, § 5, а теоретические посылки, положенные в их основу, — в § 1—4 той же главы.

существенные моменты предложенной гипотезы, которая и была проверена в ходе специального исследования.

При отборе эмпирических показателей социальной дифференциации рабочего класса следует учитывать, что на поверхности столь глубокого явления, как социально-экономическая неоднородность труда, лежат показатели: квалификация (в разрядах), должность (от рабочего или рядового инженера до руководителя предприятия), заработная плата, принадлежность к группам, объединяющим профессии с учетом сложности, квалифицированности труда. Каждый из этих показателей сам по себе не дает достаточных оснований для группировки трудящихся. Например, если использовать квалификацию рабочих в разрядах, абстрагируясь от разделения по профессиям, то можно получить совершенно искусственные группировки, ибо в разных отраслях промышленности для различных профессий используются несоизмеримые критерии оценки работника в разрядах. В итоге в одной группе окажутся швея-мотористка и механик-наладчик, имеющие формально один и тот же V разряд, хотя сложность их труда значительно разнится. Заработная же плата учитывает наряду со сложностью труда его тяжесть, его условия, общественную значимость отрасли и т. д. Подобному рассмотрению могут быть подвергнуты и должность, и блокировка профессий по характеру труда. Следовательно, в анализе перечисленные характеристики нужно сочетать, чтобы получить группировку, в основе которой лежал бы принцип близости включаемых в нее лиц по сложности и общественным функциям труда. При этом необходимо учитывать следующие моменты: занятие умственным или преимущественно физическим трудом, качественные различия в квалификации, участие в управлении производством, принадлежность к профессиональной группе.

Попутно отметим, что результирующие признаки социальных групп могут быть разделены на две группы: а) профессия и квалификация; б) заработная плата, должность, участие в общественном управлении. Первая описывает заданную социально-экономической ситуацией реальную группировку по социальной неоднородности труда, вторая отражает восприятие обществом объективной группировки и общественную оценку социальной значимости групп, различающихся по занятиям

социально неоднородным трудом. При количественно определенной оценке всех признаков можно представить обе группы в виде сторон уравнения, описывающего в формализированном виде социальные отношения групп в обществе. Если равновесие между признаками реального фактического неравенства и отражающими его общественную оценку признаками нарушается, то это может усилить социальные противоречия, например выдвижение некомпетентных лиц на руководящую работу, сближение или, напротив, увеличение разрывов в оплате труда без учета реальных изменений в квалификационной структуре и т. д. При этом именно вторая группа признаков является регулируемой, т. е. именно через них общество способно воздействовать на всю систему.

Отбор признаков производился по матрицам коэффициентов Чупрова и корреляционных коэффициентов с предварительным и сопутствующим содержательным анализом. Ниже представлены матрицы коэффициентов сопряженности признаков результирующей структуры.

По матрице коэффициентов Чупрова [97] было установлено, что основные признаки, в которых находят проявление различия по роли в организации и по общественной значимости труда, тесно связаны между собой.

Таблица 46

ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ ПРИЗНАКОВ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП ПО МАТРИЦЕ КОЭФФИЦИЕНТОВ ЧУПРОВА (T)

Признаки	Блок-профессия	Квалификация	Должность	Заработная плата	Классовое происхождение
Блок-профессия . .	1	0,16	0,10	0,08	0,03
Квалификация . .	0,16	1	0,14	0,08	0,04
Должность . . .	0,10	0,14	1	0,06	0,05
Заработная плата	0,08	0,08	0,06	1	0,03
Классовое происхождение . . .	0,03	0,04	0,05	0,03	1

[97] Формула коэффициента Чупрова: $T = \sqrt{\frac{\chi^2}{N\sqrt{(m-1)(n-1)}}}$.

Преимущества этого коэффициента, повышающие его надежность по сравнению с коэффициентом парной корреляции, состоят в том, что позволяют избежать введения метрики для таких качественных характеристик, как должность, классовое происхождение и т. д.

Табл. 46 рисует взаимозависимость указанных признаков. Наряду с ними введен признак классового происхождения, чтобы проверить действенность этого критерия по сравнению с критериями дифференциации по социально неоднородному труду.

Нами был проведен также расчет коэффициента парной корреляции (r_{xy}) (хотя он и не очень надежен ввиду несовершенства «взвешивания» качественных признаков), и по нему составлена матрица, включенная в табл. 47.

Таблица 47

ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ ПРИЗНАКОВ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП ПО МАТРИЦЕ КОЭФФИЦИЕНТОВ ПАРНОЙ КОРРЕЛЯЦИИ

Признаки	Блок-профессия	Квалификация	Должность	Заработная плата	Классовое происхождение
Блок-профессия . .	1	0,65	0,59	0,40	0,13
Квалификация . .	0,65	1	0,64	0,30	0,12
Должность . . .	0,59	0,64	1	0,20	0,15
Заработная плата .	0,40	0,30	0,20	1	0,08
Классовое происхождение	0,13	0,12	0,15	0,08	1

Как оказалось, полученные результаты совпали с теми, которые дала матрица коэффициентов Чупрова.

Из данных обеих таблиц видно, что классовое происхождение в развитом социалистическом обществе уже в слабой степени влияет на внутриклассовую дифференциацию. В то же время из всей суммы данных обследования обнаруживается тесная связь признаков, описывающих различия, которые отражают социально-экономическую неоднородность труда.

В 1967 г. при изучении социальной структуры работников фирмы «Красная заря» эти выводы были еще раз проверены и подтверждены. Была установлена следующая взаимозависимость признаков[98]:

---

[98] Напоминаем, что предприятия фирмы расположены в Ленинграде, Пскове, Порхове, Невеле.

1) Блок-профессия ←——→ квалификация:
Ленинград — $T = 0{,}12$, $r_{xy} = 0{,}57$;
Псков — $T = 0{,}12$; $r_{xy} = 0{,}43$;
Порхов — $T = 0{,}12$; $r_{xy} = 0{,}42$;
Невель — $T = 0{,}13$, $r_{xy} = 0{,}45$;
2) Блок-профессия ← → должность:
Ленинград — $T = 0{,}17$; $r_{xy} = 0{,}65$;
Псков — $T = 0{,}18$, $r_{xy} = 0{,}63$;
Порхов — $T = 0{,}20$; $r_{xy} = 0{,}59$;
Невель — $T = 0{,}15$, $r_{xy} = 0{,}50$;
3) Блок-профессия ← → заработная плата:
Ленинград — $T = 0{,}07$; $r_{xy} = 0{,}45$;
Псков — $T = 0{,}08$, $r_{xy} = 0{,}35$;
Порхов — $T = 0{,}09$, $r_{xy} = 0{,}40$;
Невель — $T = 0{,}10$; $r_{xy} = 0{,}51$.

Аналогичные данные были получены при исследовании взаимосвязи между должностью и квалификацией, квалификацией и заработной платой и т. д.

Возросшее воздействие должности на остальные характеристики социально-профессионального положения по сравнению с данными, приведенными в матрице по обследованию машиностроителей Ленинграда (1965 г.), следует отнести за счет улучшенной группировки работников по должностям. В исследовании 1965 г. все исполнители были разделены на две группы — рабочие и «остальной персонал»; в исследовании же 1967 г. были выделены «служащие, занятые на должностях, не требующих специального образования», и «специалисты», более четко охарактеризованы группы руководителей производства.

Обращает на себя внимание то, что показатели взаимодействия мало варьируют в зависимости от типа городского поселения.

Обследование по фирме «Красная заря» позволило проверить еще одну гипотезу. Предыдущее исследование (1965 г.) показало, что классовое происхождение слабо воздействует на социальные характеристики. Но там шла речь именно о *классовом* происхождении в обычном, «паспортном» смысле (рабочие, колхозники, крестьяне-единоличники, служащие, прочие). При исследовании же 1967 г. выяснялось, каково воздействие социального происхождения с учетом не только классовой, но и социально-профессиональной принадлежности. Нами были взяты следующие группы глав семей, опрошенных к моменту начала их (опрошенных) трудовой деятельности: колхоз-

ник; рабочий в сельском хозяйстве; неквалифицированный рабочий в городе или поселке; квалифицированный рабочий в городе; служащий на должности, не требующей специального образования; работник на должности, требующей специального среднего образования; работник на должности, требующей высшего образования.

А теперь сравним полученную информацию по коэффициентам Чупрова.

Таблица 48

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ С ПРИЗНАКАМИ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПО КОЭФФИЦИЕНТАМ ЧУПРОВА

Социальное происхождение	Блок-профессия	Квалификация	Должность	Заработная плата
1. По данным обследования машиностроителей Ленинграда (1965 г.)	0,03	0,04	0,05	0,03
2. По данным обследования рабочих предприятий фирмы «Красная заря» (1967 г.)				
а) в Ленинграде . .	0,06	0,06	0,07	0,04
б) » Пскове	0,06	0,06	0,05	0,05
в) » Порхове . . .	0,07	0,06	0,05	0,06
г) » Невеле	0,12	0,09	0,12	0,07

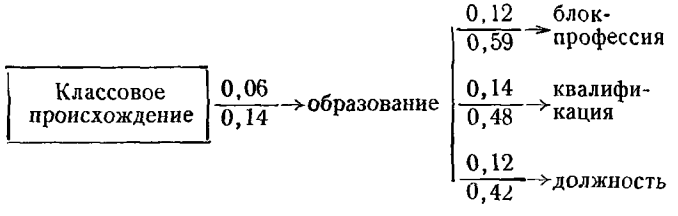
Даже при беглом взгляде на приведенные в табл. 48 данные становится очевидным резкое возрастание «влияния» социального происхождения на основные характеристики социально-профессионального положения. Но речь идет уже не о классовом происхождении, а о происхождении из города или села, из той или иной социально-профессиональной среды.

Этот вопрос более подробно рассматривается в следующем разделе. Здесь же мы остановимся лишь на одной его стороне. Говоря о критериях внутриклассовой дифференциации, мы уже обращали внимание на возрастающее значение образования как фактора, определяющего возможность конкретного индивида заняться трудом той или иной меры сложности и социальной значимости. Однако при анализе процессов слоеобразования нас, естественно, занимает еще и вопрос, данные для которого могут быть зарегистрированы в конкретно-социо-

логическом изыскании, — вопрос о воздействии социального происхождения на социальное положение в связи с возможностями получения образования.

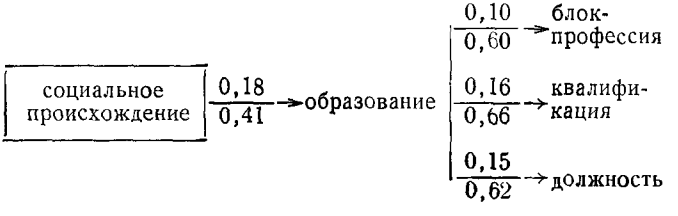
Такое опосредствованное воздействие проверялось при обследовании машиностроителей Ленинграда. Оказалось, что на получение большего или меньшего образования *классовое происхождение в условиях крупного промышленного и культурного центра* влияет сравнительно слабо ($T=0{,}06$; $r_{xy}=0{,}14$). Различия, связанные с разделением на городское и сельское население, и особенности городского населения в зависимости от типа городов не учитывались ввиду регионального характера исследования.

Представим теперь схематично взаимосвязь некоторых факториальных и итоговых признаков социальной дифференциации по результатам обследования машиностроителей (на стрелках вверху обозначены коэффициенты Чупрова (T), внизу — коэффициенты парной корреляции (r_{xy}).

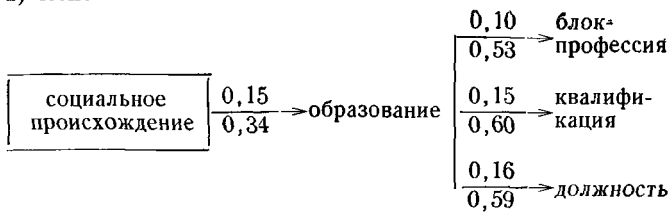


В последующих обследованиях социальное происхождение учитывало уже не только классовую, но и социально-профессиональную принадлежность глав семей, из которых происходили опрошенные. В итоге были получены следующие данные по фирме «Красная заря» (на стрелках в верхней строке — коэффициенты Чупрова, в нижней — коэффициенты парной корреляции):

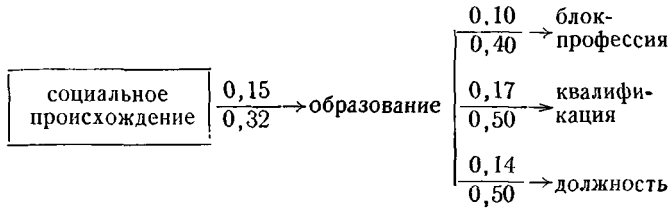
1) **Ленинград**



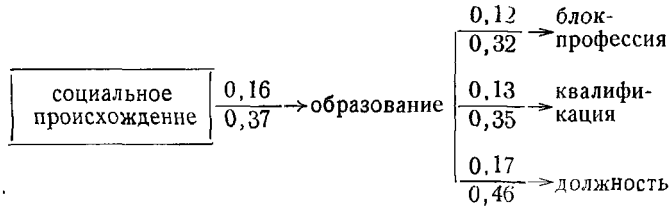
2) **Псков**



3) **Порхов**



4) **Невель**



Из приведенных схем видно, что образование во всех типах городских поселений выступает важнейшим фактором, определяющим социально-профессиональные характеристики. В свою очередь объем образовательной подготовки в значительной мере обусловлен социальным происхождением, если в основу учета последнего положена социально-профессиональная принадлежность.

Таким образом, и эти данные подтверждают, что уже не классовое происхождение, не деление общества на классы, а сохраняющаяся еще социальная неоднородность труда оказывает существенное влияние на тип социальной карьеры.

Исследование, проведенное в городах Татарии, позволило уточнить влияние важнейших социальных факторов на социально-профессиональную принадлежность работников (см. табл. 49).

Таблица 49

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС (В КОЭФФИЦИЕНТАХ ЧУПРОВА)

Факторы	Казань	Альметьевск	Мензелинск
Образование на момент опроса	0,313	0,314	0,325
Образование к началу трудовой деятельности	0,258	0,260	0,297
Социальное положение глав семей к началу трудовой деятельности опрошенного	0,160	0,113	0,145
Социальное положение семьи на момент опроса (усредненный социальный статус) . .	0,172	0,150	0,171
Национальная принадлежность	0,078	0,053	0,111

Оно опять выявило важнейшую роль образования в определении социального положения индивида на современном этапе развития советского общества.

Вместе с тем этот общий вывод может быть осмыслен более широко. Есть все основания предположить, что влияние социальной среды, социального происхождения сказывается прежде всего на получении образования к началу трудовой деятельности (соответствующие данные приводятся ниже, в § 5). Этот первоначальный образовательный ценз тесно коррелирует с социальным положением в момент приступа к трудовой деятельности (в Казани $T=0{,}44$, в Альметьевске $T=0{,}39$, в Мензелинске $T=0{,}41$). На социальном положении ко времени опроса, когда в среднем у обследованных трудящихся имелся более чем десятилетний трудовой стаж, влияние этого фактора сказывается значительно меньше (см. табл. 49). Хотя первоначальная подготовка тесно взаимосвязана с образованием на момент опроса (в Казани $T=0{,}56$, в Альметьевске $T=0{,}59$, в Мензелинске $T=0{,}64$), в ходе трудовой деятельности возрастает значение других факторов, формирующих социальный статус. Не случайно, что влияние социального происхождения на образова-

тельную подготовку к моменту опроса выражено более скромными величинами коэффициентов Чупрова (в Казани $T=0{,}20$, в Альметьевске $T=0{,}14$).

После рассмотрения этих показателей вернемся к данным таблицы 49. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что влияние первоначального образования (т. е. к началу трудовой деятельности) на социальный статус уменьшается по мере перехода к более крупному городу. Особенно заметна разница между Казанью и Мензелинском — городом с минимальной горизонтальной и вертикальной мобильностью. Ситуация в Альметьевске, молодом промышленном центре, почти совпадает с казанской. Оба этих города — и Казань (где социальная структура населения представляет основные социальные слои нашего общества), и Альметьевск — создают неизмеримо лучшие условия для нивелирования влияния социального происхождения в ходе социальной деятельности.

Воздействие происхождения на социальное положение опрошенных выражается, как следует из табл. 49, в Альметьевске $T=0{,}11$ против $T=0{,}16$ в Казани и $T=0{,}14$ в Мензелинске.

Что касается взаимовлияния социального положения семьи (усредненный социальный статус), в которую входил опрошенный к моменту обследования, и его собственного социального положения, то здесь опять-таки наблюдается значимая связь. Она составляет в городах со сложившейся социальной структурой — Казани и Мензелинске $T=0{,}17$, а в Альметьевске $T=0{,}15$. Таким образом, определенную роль в формировании социально-профессиональных групп играет и тип городского поселения.

Весьма скромно выглядит значение такого фактора, как национальная принадлежность. Его взаимосвязь с образованием выражается в Казани $T=0{,}08$, в Альметьевске и Мензелинске $T=0{,}07$[99]. По существу этот фактор почти не сказывается на социальной судьбе индивида, и если очень слабая зависимость прослеживается, то она связана с незначительным отставанием татар в образовании и профессиональных показателях.

Следует заметить, что мы не считаем возможным измерение «веса» факторов в формировании социально-

[99] Средний уровень образования в Казани: у русских — 9,4 класса, у татар — 9 классов.

профессионального положения. Поэтому здесь и далее ограничиваемся лишь определением их рангов значимости, опираясь на коэффициенты Чупрова.

Рассмотрим теперь методику вычленения основных социальных групп рабочего класса, образующихся под воздействием анализированных факторов.

При составлении первоначальной блокировки профессий и должностей, вошедшей в опросный лист, с которым мы адресовались к машиностроителям Ленинграда, учитывались особенности производственной деятельности работников, связанные с техническим разделением труда на его конкретные виды [100]. Идея последующей блокировки сводилась к выявлению крупных групп, существенно отличающихся по социально-экономическим характеристикам. Исходные профессиональные группы объединялись с учетом не только особенностей трудовой деятельности, степени механизации и уровня сложности труда [101], но и проверки на однородность по величине полученных в ходе исследования средних показателей и размаху колебаний таких признаков, как уровень образования, заработная плата, квалификация в разрядах, участие в рационализаторстве и общественной работе, продолжительность производственного и профессионального стажа.

В результате были выделены следующие группы:

1) работники неквалифицированного физического труда — подсобники;

2) работники нефизического труда средней квалификации — счетно-конторские работники, контролеры, браковщики и т. д.;

3) работники квалифицированного, преимущественно физического, труда, занятые на машинах и механизмах, — станочники, штамповщики, прессовщики, машинисты, мотористы всех наименований и т. д.;

4) работники квалифицированного, преимущественно физического, ручного труда — слесари всех наименований, сборщики-монтажники, электромонтеры и т. д.;

[100] Первоначальная блокировка была произведена совместно с экономистами В. Р. Полозовым и Г. Ф. Комаровым на базе материалов профессиональных переписей при консультации работников Ленгорстатуправления В. А. Яковлева и Л. И. Денисюка (см. перечисление групп в § 5 главы I).

[101] Эта работа была проведена на основе опроса экспертов (работников бывшего Ленсовнархоза и машиностроительных предприятий, а также экономистов).

5) работники высококвалифицированного труда, сочетающие умственные и физические функции при обслуживании сложной техники, — наладчики, настройщики автоматических линий, станков, автоматов, механики-наладчики автоматических линий, занятые выпуском продукции;

6) работники квалифицированного умственного труда — технологи, экономисты, плановики, бухгалтеры и т. д.;

7) работники высококвалифицированного научно-технического труда — конструкторы;

8) организаторы производственных коллективов; в эту группу первоначально попали все инженерно-технические работники, занятые функцией управления производственными коллективами.

Однако при анализе статистического материала вскрылось известное несовершенство такой группировки, в ней, в частности, недостаточно отчетливо была видна специфика работников, выполняющих организаторские функции. Поэтому для окончательной группировки мы из всей массы организаторов выделили работников, руководящих предприятием, цехом или отделом.

При изучении социальной структуры населения городов Татарии принималось в расчет то, что обследование машиностроителей Ленинграда подтвердило правильность гипотезы об основных группах работников государственных предприятий. Население городов Татарии было разделено на следующие социально-профессиональные группы, выражающие реально имеющуюся еще в нашем обществе социальную неоднородность:

1) работники неквалифицированного и малоквалифицированного физического и нефизического труда без специальной подготовки;

2) работники квалифицированного, преимущественно физического, труда, занятые на машинах и механизмах;

3) работники квалифицированного, преимущественно физического, ручного труда;

4) работники квалифицированного нефизического труда без специального образования;

5) работники высококвалифицированного труда, сочетающие умственные и физические функции;

6) работники квалифицированного умственного труда;

7) работники высококвалифицированного научно-технического труда;

8) работники высококвалифицированного труда так называемых творческих профессий;

9) руководители трудовых коллективов, общественных и государственных организаций.

В группировке представлена структурная характеристика населения, занятого социально неоднородным трудом, принадлежащего к группам, которые играют разную роль в общественной организации труда и выполняют функции труда разной степени сложности и ответственности.

Теперь возникает проблема: нельзя ли каким-либо способом проверить надежность предложенной классификации работников? Эта проблема имеет принципиальное значение.

При рассмотрении социальных явлений и процессов существенная трудность заключается в выделении из социальной общности ее составляющих, а из социального процесса — его основных этапов. К этому типу задач сводится весьма обширная область поисков решений в социологии. В методическом плане такие задачи требуют конструирования социальных типов на базе классификации присущих им социальных свойств.

В конкретных исследованиях носителями информации об этих свойствах для социолога выступает индивид, хотя объектом изучения являются категории индивидов. Индивид же всегда носитель большого числа социальных свойств, которые образуются как продукт его принадлежности к разным социальным общностям.

Множественность исторически обусловленных устойчивых социальных свойств, по которым производится классификация индивидов, обладает определенной субординированностью. Последняя в свою очередь является отражением всей системы общественных отношений, присущих конкретному социальному организму, чья социальная структура изучается.

Каждое из свойств, по которым производится типологизация индивидов, имеет свою логическую градацию, свою форму проявления интенсивности.

При анализе любой социальной структуры на социо-

логическом уровне одной из основных задач является выделение, с одной стороны, свойств, по которым можно судить о целостности общности рассматриваемой совокупности (скажем, общественный класс), а с другой стороны, свойств, определяющих ее неоднородность.

Эту задачу при конкретном исследовании социальных структур и процессов обычно стремились решать, используя те или иные методы прикладной статистики. Но огромное количество разнородных статистических данных затрудняет анализ. Распространенные статистические методы не дают возможности выделить признаки, которые либо объединяют, либо разделяют рассматриваемую совокупность. Отсутствие однозначного критерия отбора признаков по степени их значимости делает зачастую анализ статистических группировок недостаточно эффективным. К этому добавляются в нашем случае трудности, связанные с введением количественных оценок интенсивности многих признаков (например, пола или профессии) [102].

Чтобы избежать неопределенности шкал и ранжирования признаков при их арифметизации, нами использовался энтропийный анализ социальных структур, не связанный с измерением социальных характеристик. В распоряжении социолога, проводящего конкретные исследования, всегда имеется в качестве исходного материала информация о группе индивидуумов по какому-то набору признаков. Эта информация формально может быть представлена в виде статистики n-мерных логических векторов K_{ns}, где n — число признаков, а s — число логических градаций каждого из признаков. Информация об одном индивиде представляет собой один логический вектор. Каждый из возможных наборов признаков по всей рассматриваемой статистике является заполненным логическим пространством. Например, в нашем распоряжении имеется информация о группе промышленных рабочих. Сочетание, скажем, данных об их распределении по разрядам с данными об их же распределении по размерам заработной платы является двухмерным логическим пространством. Можно рассмотреть

---

[102] Далее до стр. 390 текст написан совместно с автором предложенного метода классификации доктором физико-математических наук И. Н. Тагановым.

различные варианты логических пространств с размерностью от 1 до n. Общее число возможных пространств будет определяться соотношением

$$N=\sum_{i=1}^{n} C_{n'}^{i}, \qquad (1)$$

где C_n^i — число сочетаний из n по i.

Если стоит задача выделения социальных групп, то в математическом смысле она может быть сведена к задаче нахождения из всего множества заполненных пространств именно того, в котором векторы статистики $\{K_{ns}\}$ лежат наиболее плотными группами. Под такими группами понимается в нашем случае объединение индивидов, в котором наблюдаются наименьшие отклонения от средних для рассматриваемой группы лиц показателей, например наименьшие отклонения в пределах группы от средних показателей заработной платы, дохода на члена семьи и т. д. Это означает в содержательном смысле, что необходимо выделить те комбинации признаков (социально обусловленных свойств), которые наиболее резко дифференцируют рассматриваемую общность.

Если бы в рассматриваемых пространствах (т. е. комбинациях признаков) можно было ввести ту или иную метрику, то задача обнаружения социальных групп свелась бы к известному классу задач об определении максимумов и минимумов некоторых функций точки в этих пространствах. Однако из-за отсутствия надежных методов взвешивания шкал такой подход не всегда возможен.

Для решения подобного типа задач, учитывая их содержательную сторону, целесообразно использовать концепцию энтропии. При этом энтропия понимается в теоретико-вероятностном смысле, как мера статистической неопределенности. Предлагаемый ниже метод можно было бы назвать энтропийным анализом социальных структур.

Заполненное n-мерное пространство при соблюдении некоторого условия нормировки можно рассматривать как некоторую n-мерную плотность вероятности [103].

---

[103] См. *Б. В. Гнеденко.* Курс теории вероятности М., 1961.

При этом вероятности $P_{ij\ldots l}$ могут быть определены как

$$P_{ij\ldots l}=\frac{n_{ij\ldots l}}{m}, \tag{2}$$

где $n_{ij\ldots l}$ — число элементов рассматриваемой статистики $\{K_{ns}\}$ с объемом m, попавших в ячейку $\{ij\ldots l\}$. При таком определении вероятностей $P_{ij\ldots l}$ условие нормировки выполняется автоматически.

Каждому заполненному пространству может соответствовать величина, однозначно характеризующая степень неопределенности заполнения его векторами статистики $\{K_{ns}\}$. Этой величиной в соответствии с теоремой Хинчина является энтропия как мера степени неопределенности рассматриваемой n-мерной плотности вероятности:

$$H=-\sum_{(ij\ldots l)} P_{ij\ldots l}\ log\ P_{ij\ldots l}. \tag{3}$$

Как известно, величина H достигнет максимума при равновероятном однородном заполнении рассматриваемого пространства, т. е. при

$$P_{ij\ldots l}=\frac{1}{r}, \tag{4}$$

где r — число ячеек заполнения рассматриваемого пространства. Величина энтропии H зависит, вообще говоря, от числа ячеек заполнения рассматриваемого логического пространства, т. е. от числа возможных комбинаций логических градаций рассматриваемого набора социальных признаков. Для того чтобы иметь возможность сравнить степень заполнения пространств одной и той же размерности, но с различным числом ячеек заполнения, т. е. пространств, соответствующих различным комбинациям социальных признаков, целесообразно ввести некоторую функцию энтропии, которая не зависела бы от числа ячеек заполнения, а определялась бы только неоднородностью заполнения пространства элементами статистики $\{K_{ns}\}$.

Такая функция может быть получена различными способами. Одним из возможных является использова-

ние величины относительного отклонения энтропии от своего максимального значения. Максимальное значение энтропии для n-мерного логического пространства, т. е. для совокупности n-признаков, каждый из которых имеет S_i градаций ($i=1,2,\ldots n$), будет:

$$H_{max}=\log \prod_{i=1}^{n} S_i. \tag{5}$$

Отклонение энтропии от максимального значения H_{max}:

$$H_{max}-H=\log \prod_{i=1}^{n} S_i+\sum_{(ij\ldots l)} P_{ij\ldots l}\ \log P_{ij\ldots l}. \tag{6}$$

Величина относительного отклонения энтропии от своего максимального значения, которая в дальнейшем именуется как «степень неоднородности», может быть получена из (5) и (6):

$$H_N=\frac{H_{max}-H}{H_{max}}=\frac{\log \prod_{i=1}^{n} S_i+\sum_{(ij\ldots l)} P_{ij\ldots l}\ \log\ P_{ij\ldots l}}{\log \prod_{i=1}^{n} S_i}. \tag{7}$$

При изменении величины энтропии H от нуля до максимального значения H_{max} величина степени неоднородности H_N изменяется от единицы до нуля.

Все множество заполненных заданной статистикой логических пространств $\{N\}$ можно сопоставить с множеством энтропий $\{H\}$ и множеством степеней неоднородности $\{H_N\}$:

$$\{N\}\longrightarrow\{H\}\rightarrow\{H_N\}. \tag{8}$$

При этом пространству A, в котором векторы статистики $\{K_{ns}\}$ расположены наиболее плотными группами, соответствует максимальное значение степени неоднородности H_N:

$$A=\max_{\{H_N\}} H_N. \tag{9}$$

Следует отметить, что имеющиеся в литературе примеры использования концепции энтропии в конкретных

социальных исследованиях[104] можно рассматривать как частные случаи энтропийного анализа одномерных заполненных пространств.

Предложенный метод был опробован на классе трехмерных логических пространств[105].

Из 54 признаков, обозначенных в опросном листе, который адресовался машиностроителям Ленинграда, были отобраны на основе анализа полученной на первом этапе статистической информации 27, которые представлялись наиболее существенными для классификации индивидов: образование, партийность, профессия, квалификация, должность, место приобретения профессии, продолжительность обучения по профессии, повышение квалификации, совмещение профессий, выполнение сменного задания, занятие рационализаторством и изобретательством, размер вознаграждения за рационализаторство, отношение к специальности, стаж работы в промышленности, стаж работы по профессии, социально-классовое положение отца, социально-классовое положение матери, социально-профессиональное положение жены (мужа), социально-профессиональное положение взрослых детей, наличие подсобного хозяйства (дачи, садово-огородного участка), среднемесячный заработок, среднемесячный доход на члена семьи, продолжение образования на момент опроса, участие в общественной работе, социально-профессиональное положение ближайших друзей, пол, возраст.

Число возможных сочетаний признаков, а следовательно, возможное число трехмерных логических пространств было исчислено по формуле

$$C_m^n = \frac{n(m-1)\dots[m-(n-1)]}{1,2\dots n}.$$

Оно оказалось равным 2925. Все эти сочетания были просчитаны для получения значения степеней неоднород-

---

[104] См. *В. А. Калмык, Ф. М. Бородкин, И. Н. Спесивцева.* Об оценках привлекательности профессий. — В кн.: «Социологические исследования. Вопросы методологии и методики». Новосибирск, 1966; «Человек и его работа». Под ред. А. Г. Здравомыслова, В. П. Рожина, В. А. Ядова. М., 1967.

[105] Задача решалась на БЭСМ-2М по программе, составленной И. Н. Тагановым.

Таблица 50

СТЕПЕНИ НЕОДНОРОДНОСТИ ДЛЯ ТРЕХМЕРНЫХ ЛОГИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ

Пространства (сочетания характеристик)	$n=3$, $\prod_{i=1} Si$	$n=3$, $\ln \prod_{i=1} Si$	$-H$	H_N^*
1. Должность × общественная работа × зарплата	6.5.7 = 210	5,347	—4,396	0,178
2. Профессия × квалификация × образование	14.8.7 = 784	6,664	—5,381	0,189
3. Образование × общественная работа × профессия	7.5.14 = 490	6,194	—5,391	0,131
4. Образование × зарплата × профессия	7.7.14 = 686	6,531	—5,452	0,165
5. Квалификация × зарплата × профессия	8.7.14 = 784	6,664	—5,522	0,168
6. Квалификация × должность × профессия	8.6.14 = 672	6,510	—5,690	0,127
7. Квалификация × должность × образование	8.6.7 = 336	5,817	—4,911	0,155
8. Общественная работа × зарплата × образование	5.7.7 = 245	5,501	—4,692	0,149
9. Должность × зарплата × образование	6.7.7 = 294	5,684	—4,686	0,175
10. Квалификация × зарплата × продолжение обучения по профессии	8.7.7 = 392	5,971	—5,181	0,132
11. Квалификация × зарплата × стаж работы по профессии	8.7.7 = 392	5,971	—4,978	0,166
12. Профессия × квалификация × место приобретения профессии	14.8.6 = 672	6,510	—5,742	0,119
13. Должность × стаж в промышленности × образование	6.7.7 = 294	5,684	—4,714	0,171
14. Должность × образование × социальное положение отца	6.7.5 = 210	5,347	—4,850	0,093
15. Должность × образование × занятия друзей	6.7.7 = 294	5,684	—4,852	0,147

* $H_N = 1$ — полная упорядоченность;
$H_N = 0$ — равновероятное заполнение (хаос).

ности H_N, с тем чтобы обнаружить максимальное значение этих величин и выявить тем самым наиболее плотно заполненные логические пространства. В табл. 50 сведены значения степеней неоднородности для пространств, лежащих в «окрестностях» наиболее плотно заполненных пространств и представляющих некоторый самостоятельный социологический интерес.

Полученные результаты представлены также в виде графика, изображенного на рис. 1.

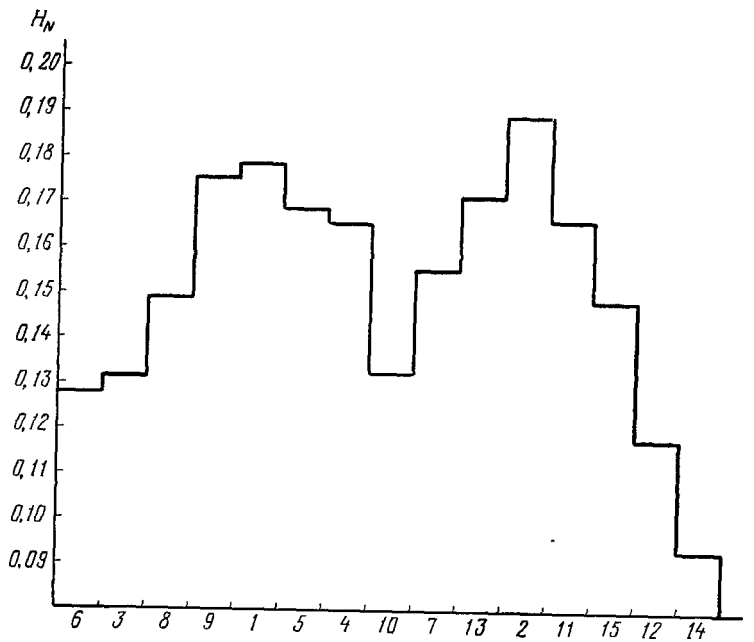


РИС 1 ЗНАЧЕНИЕ СТЕПЕНЕЙ НЕОДНОРОДНОСТИ H_N ДЛЯ НЕКОТОРЫХ ИЗ РАССМОТРЕННЫХ ТРЕХМЕРНЫХ ПРОСТРАНСТВ
НУМЕРАЦИЯ ОСИ АБСЦИСС СООТВЕТСТВУЕТ ТАБЛИЦЕ 50

Небезынтересна и зависимость величины H_N от объема статистики, M, позволяющая показать достаточность объема статистики для получения достоверных результатов.

Сходимость степеней неоднородности для трехмерных логических пространств показана на рис. 2 и в табл. 51.

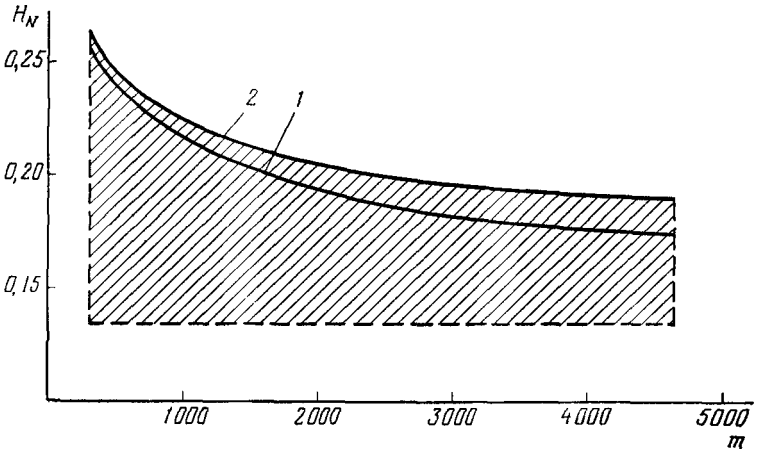


РИС 2 СХОДИМОСТЬ СТЕПЕНЕЙ НЕОДНОРОДНОСТИ H_{N_1} В ЗАВИСИМОСТИ ОТ M.
1 ПРОСТРАНСТВО № 1
2 ПРОСТРАНСТВО № 2 (В СООТВЕТСТВИИ С ТАБЛИЦЕЙ 51)

Таблица 51

ЭНТРОПИИ И СТЕПЕНЬ НЕОДНОРОДНОСТИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОБЪЕМА СТАТИСТИКИ

Объем статистики (число лиц) / Пространства (сочетание характеристик)	500	1 000	1 900	2 600	3 400	4 300	
Должность × общественная работа × зарплата (пространство № 1)	−4,131	−4,18	−4,292	−4,340	−4,395	−4,396	H
	0,236	0,218	0,197	0,188	0,178	0,178	H_N
Профессия × квалификация × образование (пространство № 2)	−5 083	−5,151	−5,264	−5 311	−5,378	−5,381	H
	0,237	0,227	0,210	0,203	0,193	0,189	H_N

Любое статистико-социологическое исследование предполагает, что устойчивые группы и группировки, присутствующие в статистике, уже достаточно представительны и степени неоднородности всех рассматривае-

мых логических пространств достигли значений, близких к предельным.

Для нашей задачи подтвердилась достаточность выборки в пределах до 2600—3000 единиц наблюдения. Максимальная степень неоднородности оказалась в пространстве (№ 2): профессия, квалификация, образование (H_N=0,189). Следующим по степени неопределенности является пространство (№ 1): должность, заработная плата, общественная работа (H_N =0,178).

По результатам анализа удалось, таким образом, установить то социальное пространство, в котором формируются социальные группы (ибо максимальная степень неоднородности указывала на максимальную дифференциацию групп именно в данном пространстве). Им оказалось гипотетически предположенное пространство: профессия, квалификация, образование.

Все пространства, степень неоднородности которых близка к максимальной, близки вышеназванному пространству и по своей социально-экономической природе. Они являются выражением социально-экономического неравенства, связанного с социально-экономической неоднородностью труда. Так, третьим по величине степени неоднородности является пространство, ограниченное показателями: должность, заработная плата, образование (H_N =0,175), четвертым — пространство: должность, стаж в промышленности, образование (H_N =0,171) и т. д.

Кроме того, по промежуточным результатам (трехмерные таблицы) можно было дать описание групп, т. е. в выясненном доминантном пространстве обнаружить «ядра» групп, «зоны» размыва, области трансгрессии, неустойчивые, случайные элементы внутриклассовых групп, наличие подгрупп, отличающихся специфическими устойчивыми признаками.

Так, рассмотрение пространства — профессия, квалификация, образование показало, что слесари, например, образуют весьма однородную группу с образованием преимущественно в 7—9 классов, вытянутую вдоль оси, по которой они градуируются по квалификации. При рассмотрении других пространств выявилась недостаточность этой характеристики. С учетом общественно-политических и трудовых показателей слесари

распадаются на две подгруппы: лица с более высокой образовательной подготовкой, социально более активные, и лица с меньшим образовательным потенциалом, социально неактивные.

По промежуточным результатам, путем «накладывания», «совмещения» выведенных пространств и логическим анализом полученной статистики была выявлена многоцветная гамма социальных типов внутри основных социальных групп рабочего класса.

Что же дало проведенное исследование?

Оно подтвердило правильность предложенной ранее гипотезы о критериях дифференциации рабочего класса и показало возможность применения энтропийного анализа к весьма широкому классу социологических задач, где возникает необходимость соизмерения силы воздействия факторов на совокупность «результирующих» характеристик, т. е. в случаях, когда отсутствует возможность прибегнуть, скажем, к регрессионному анализу.

Этот метод, как нам представляется, можно широко использовать при органической классификации социальных объектов (как коллективов, так и индивидов). Ведь чаще всего в социологических исследованиях приходится сталкиваться с необходимостью группировки не по одному, а по нескольким свойствам, отражающим одну и ту же сущность. Энтропийный анализ может оказаться особенно полезным в тех случаях, когда исследователь не смог выдвинуть научно обоснованную гипотезу для органической классификации.

Одним из направлений возможного развития метода является исследование параметрических зависимостей степеней неоднородности логических подпространств рассматриваемой социальной структуры. Выявление характера зависимостей степеней неоднородности, а тем самым и степени дифференциации социальных структур от таких параметров, как время, экономические и политические факторы, позволило бы прогнозировать предполагаемую эволюцию социальных структур, а привлечение концепций современной теории управления дало бы возможность выявить оптимальные управленческие воздействия, которые бы могли эффективно корректировать направление и темпы эволюции социальных структур.

Рассмотренный метод, по нашему мнению, более надежен, чем метод, предложенный в свое время П. Ла-

зарсфельдом, в основе которого лежат «пространства свойств».

Примененный нами метод энтропийного анализа (см. выше) позволил проверить правильность отбора признаков для классификации единиц наблюдения. Однако этот метод не дал возможности убедиться в надежности созданной на основе статистического анализа конкретной группировки. Новосибирские социологи в этом отношении получили ценные результаты, блокируя профессии методом таксономии. Приятно отметить, что полученные группировки оказались почти тождественными. Несовпадения можно отнести к реальным различиям в объектах: наши коллеги обрабатывали материалы по селу [106]. Сочетание методов энтропийного анализа (для отбора значимых признаков классификации) и таксономии (для вычленения самих социальных групп) представляется многообещающим путем для новых исследований.

В нижеприводимые таблицы включены некоторые данные о социальных группах работников промышленности.

В самостоятельную группу выделены руководители производственных коллективов [107]. Ввиду специфики выполняемых ими функций они приобретают относительную самостоятельность в регулировании и деятельности коллективов. Прав Ю. Е. Волков, который писал: «Они такие же труженики, как и все остальные члены социалистического общества; это отнюдь не особый класс, ибо они не монополизируют средства производства и потому управляют ими не в своекорыстных интересах, а в интересах всего общества. Но поскольку они составляют особый слой, специально занятый осуществлением функции управления, есть и существенные различия между ними и остальными слоями трудящихся (в том числе и работниками умственного труда, не выполняющими административно-управленческих функций), слоями трудящих-

---

[106] См. *Р. К. Иванова.* Блокировка профессий методом таксономии. — В *сб.*: «Распознавание образов в социальных исследованиях». Новосибирск, 1968, стр. 46—76.

[107] В таблицах, которые приводятся ниже, в группу организаторов производственных коллективов, как правило, включены начальники цехов, отделов, руководители предприятий и объединений. Исключения оговорены в примечаниях к соответствующим таблицам.

ся, являющихся преимущественно «управляемыми» и в этом смысле — «исполнителями» [108].

Две группы объединяют лиц умственного труда — конструкторов, технологов, экономистов и т. д. Они выполняют специфические функции в обществе, несущем еще бремя разделения на умственный и преимущественно физический труд.

В особую группу выделены лица, занятые нетворческими, исполнительскими функциями нефизического труда (канцелярские работники и т. д.).

Рабочие преимущественно физического труда по характеру труда разделяются на пять основных квалификационно-профессиональных групп.

Нами в обследовании ленинградских машиностроителей было взято три показателя стажа. Первый из них — общий трудовой стаж в отличие от государственной статистики включает стаж работы в колхозах. Было бы неверно сохранять разграничения по стажу, оставшиеся с того времени, когда крестьяне были заняты в единоличном хозяйстве. Если единоличник накапливал в процессе работы в своем хозяйстве социально-психологические навыки, традиции, образ мышления, качественно отличающиеся от пролетарских, то совсем иначе обстоит дело с традициями колхозного труда. Поэтому нет никаких оснований не учитывать труд в колхозе в общем трудовом стаже в социалистическом народном хозяйстве. Второй стаж, учтенный нами, — это стаж работы в промышленности. Данный показатель позволяет выяснить влияние крупного промышленного производства на формирование кадрового социалистического рабочего. Третий показатель — стаж по профессии отражает накопление профессиональных навыков, профессионального мастерства, но, видимо, не несет в себе моментов, связанных с накоплением социально-классовых качеств.

Общая картина по данным обследования машиностроителей видна из табл. 52.

Она показывает, что попавшие в выборку работники машиностроения — это люди, закрепившиеся в социальном и профессиональном положении. Их средний трудовой стаж, как и стаж работы в промышленности, изме-

---

[108] См. *Ю. Е. Волков.* Организация управления обществом. — «Вопросы философии», 1965, № 8, стр. 17.

Таблица 52

ВОЗРАСТ И СТАЖ РАБОТЫ РАБОТНИКОВ МАШИНОСТРОЕНИЯ ЛЕНИНГРАДА

Группы работников	Возраст		Общий трудовой стаж		Стаж работы в промышленности		Число опрошенных
	$\bar{X}$	σ	$\bar{X}$	σ	$\bar{X}$	σ	Σ
1. Работники неквалифицированного физического труда	39,2	12,5	18,9	8,8	14,5	8,3	115
2. Работники нефизического труда средней квалификации	32,3	10,7	13,6	8,9	11,4	7,9	353
3. Работники квалифицированного, преимущественно физического, труда, занятые на машинах и механизмах	35,7	11,1	15,4	9,0	13,5	8,1	837
4. Работники квалифицированного, преимущественно физического, ручного труда	39,1	10,6	15,7	8,9	14,0	8,1	1 002
5. Работники высококвалифицированного труда, сочетающие умственные и физические функции	35,3	11,0	18,5	8,9	15,5	7,7	67
6. Работники квалифицированного умственного труда	36,8	9,2	15,6	9,1	14,0	8,1	287
7. Работники высококвалифицированного научно-технического труда	35,7	10,3	14,5	8,6	13,5	7,8	135
8. Организаторы производственных коллективов	41,8	9,9	20,1	8,0	17,0	7,0	92

ряется достаточно весомым показателем, превышающим абсолютно по всем группам десятилетний период трудовой деятельности. Данные по возрасту также свидетельствуют о преобладании среди опрошенных людей, определивших свою роль в обществе. Средний показатель общего трудового стажа в значительной мере колеблется у работников, принадлежащих к различным социально-профессиональным группам. Характерно резкое постарение кадров, занятых неквалифицированным физическим трудом. Общий стаж у них выше, чем в любой другой социальной категории, кроме руководителей, и составляет 18,9 года, зато стаж работы в промышленности значительно ниже и равен 14,5 года; стаж же работы по профессии самый низкий по сравнению со всеми социально-профессиональными группами и равен 7 годам. Иначе говоря, эта категория работников представляет переменный состав, не закрепляющийся устойчиво в профессии. У квалифицированных рабочих типа станочников, т. е. рабочих, занятых у машин и механизмов, общий трудовой стаж составляет 15,4 года. Несколько ниже их стаж работы в промышленности — 13,5 года. Еще ниже их стаж по профессии — 8,2 года. Таким образом, и среди станочников значительна, хотя и неизмеримо в меньшей степени, чем у рабочих неквалифицированного физического труда, доля лиц, менявших занятия до работы по данной профессии.

Благополучней картина у рабочих квалифицированного ручного физического труда типа слесарей. Здесь общий трудовой стаж — один из наиболее высоких по рабочему персоналу и составляет 15,7 года. Стаж работы в промышленности у этих людей равен 14 годам, а стаж работы по профессии — 11,1 года.

Профессиональная подвижность рабочих имеет не только минусовую сторону. Как показало обследование, лица, имеющие вторую и третью профессию, близкие к их нынешней профессии, дают бóльшую производственную отдачу. Их ум гибче, их производственные навыки многообразнее.

Данные о руководителях производственных коллективов показывают, что эта категория персонала обладает большим жизненным и производственным опытом. Их средний трудовой стаж составляет 20,1 года, стаж работы в промышленности — 17 лет, а профессиональный

стаж — 12,5 года. 56,6% руководителей имеют общий трудовой стаж выше 20 лет. В этом есть свои плюсы и свои минусы. К сожалению, выдвижение молодежи на руководящие посты осуществляется явно недостаточно. Доля лиц со стажем от 5 до 10 лет среди руководителей, включая и низшее звено руководства, составляет всего лишь 9,3%, а лиц со стажем от 10 до 15 лет равна 11,3%.

Выводы, сформулированные на основании обследования машиностроителей Ленинграда в 1965 г., подтвердились последующими изысканиями. Так, на предприятиях объединения «Красная заря» (обследование 1967 г.) во всех четырех городах средний возраст работников неквалифицированного труда превосходил средний показатель не только по всему рабочему коллективу, но и по всем возрастным группам, включая даже группу руководителей. На ленинградских предприятиях объединения средний возраст работников неквалифицированного труда составил 40,4 года против 43,4 года у руководителей предприятий, в Пскове — соответственно 43,9 и 37,9 года, в Порхове — 39,0 и 35,6 года, в Невеле — 41,5 и 40,3 года. Более благополучная картина выявилась в городах Татарии. В Казани средний возраст работников неквалифицированного труда — 34,3 года, в Альметьевске — 36,6, в Мензелинске — 37,1 года. Средний возраст руководящего персонала как по промышленным, так и по непромышленным предприятиям составил соответственно 39,1 года, 35,9 года и 37 лет. Вместе с тем средний возраст работников квалифицированного, преимущественно физического, труда колеблется в этих городах в диапазоне 30—32 лет. Молоды и кадры работников квалифицированного научно-технического труда, их средний возраст: в Казани — около 34 лет, а в Альметьевске не достигает и 33 лет. Как и в Ленинграде, это люди, закрепившиеся в социально-профессиональном положении. Так, средний общий трудовой стаж во всех группах и во всех городах колеблется в диапазоне от 11,5 до 14 лет, естественно кроме группы руководителей трудовых коллективов, у которых средний общий трудовой стаж составляет 18—20 лет. Надо заметить, что стаж (как и возраст) работников неквалифицированного труда превосходит стаж работников квалифицированного труда и составляет 14—16,6 года. Аналогичная ситуация по стажу

имеет место в Пскове, Порхове, Невеле с тем, однако, отличием, что в этих русских городах общий трудовой стаж неквалифицированных рабочих на 5—7 лет выше, чем в Татарии, и равен 19—21 году.

Теперь обратимся к влиянию стажа на социальные характеристики работников. Роль этого фактора наиболее существенно проявляется в производственно-профессиональных показателях, о чем свидетельствуют данные об уровне заработной платы работников в зависимости от трудового стажа (Ленинград, 1965 г.).

Таблица 53

ЗАВИСИМОСТЬ СРЕДНЕМЕСЯЧНОГО ЗАРАБОТКА (В РУБ.) ОТ ОБЩЕГО ТРУДОВОГО СТАЖА У МАШИНОСТРОИТЕЛЕЙ ЛЕНИНГРАДА

Зарплата	Стаж (в годах)							
	До 1	1—3	3—5	5—10	10—15	15—20	20—25	Свыше 25
Заработок	81	84	100	106	115	120	123	126
Абсолютный прирост	—	3	16	6	9	5	3	3
Среднегодовой прирост	—	1,5	8,0	1,2	1,8	1,0	0,6	—

Из табл. 53 видно, что заработная плата растет не равномерно увеличению стажа. Наибольшие темпы роста наблюдаются в интервале от 3 до 5 лет. Именно в этот период происходит формирование кадрового промышленного работника. В дальнейшем наступает эффект насыщения. Стаж небеспредельно влияет на производственные характеристики работника. Постепенно среднегодовые темпы роста заработной платы снижаются.

Стаж работы по профессии в наших условиях содействует формированию у работников любви к своей специальности, т. е. влияет на его ценностную ориентацию. Так, те, кто на вопрос о степени удовлетворенности профессией ответил «нравится», имеют средний стаж по профессии 11,2 года, ответившие «в общем нравится» — 8,6 года. Те, кто ответил «скорее не нравится, чем нравится», обладали профессиональным стажем в 7,8 года. Лица, совершенно не удовлетворенные профессией, имели

аналогичный трудовой стаж — 7,8 года, у тех же, кто еще не определил своего отношения к профессии или не захотел высказать его, средний трудовой стаж составляет 6,5 года.

Таким образом, сформировать свое отношение к профессии могут, как правило, рабочие со стажем, превышающим 7 лет. У них это отношение становится более устойчивым. Отсюда очевидно, что задача сводится прежде всего к закреплению молодежи в профессии и к проведению продуманных мероприятий по воспитанию у нее любви к своей специальности.

Аналогичные данные были получены при изучении мотивов увольнения рабочих в Ленинграде (1963 г.). Большинство рабочих после трех лет работы и более уже не стремятся менять профессию. Именно после этого срока даже при оставлении места работы подавляющее большинство (свыше $^2/_3$) сохраняет профессию. У подсобных рабочих такой устойчивости, естественно, не образуется ни при каком стаже. Понятия «кадровый подсобный рабочий» в нашей индустрии не существует.

Рабочие с большим стажем лучше выполняют сменное задание, активнее участвуют в рационализаторстве. У тех, кто перевыполнял сменное задание, средний общий трудовой стаж составил 16,2 года, средний стаж работы в промышленности — 13,7 года. Аналогичные показатели у выполнявших сменное задание равнялись 15,1 года и 12,7 года. Невыполняющие сменное задание имели в среднем: общий трудовой стаж — 14,1 года, стаж в промышленности — 12,2 года.

Еще более отчетлива связь стажа с участием в рационализаторстве. У лиц, занимающихся рационализаторской деятельностью постоянно, средний общий трудовой стаж достигал 21 года, а средний стаж работы в промышленности — 17,9 года; у занимающихся этой деятельностью непостоянно средний общий трудовой стаж равнялся 19,2 года, а стаж работы в промышленности — 16,2 года; у неучаствующих в рационализаторстве средний общий трудовой стаж составил 13,9 года, а промышленный стаж — 11,4 года.

Рабочие с большим стажем активнее участвуют и в общественной деятельности. Здесь наибольшее значение, как обнаружилось, имеет стаж работы в промышленности. У тех, кто находился на выборной общественной ра-

боте, средний стаж в промышленности составил 14,9 года, у имеющих постоянные общественные поручения — 13,6 года, у выполняющих временные общественные поручения — 13,1 года, а у неучаствующих в общественной работе — 12,5 года.

Обследование в Татарии также подтвердило влияние трудового стажа на социально-производственные и общественно-политические характеристики работника. Вместе с тем оно показало, что стаж не является детерминантой этих характеристик, а вносит лишь определенные поправки в социальные показатели, поскольку содействует закреплению социальных навыков. Так, влияние общего трудового стажа на участие в общественно-политической деятельности выражается (в коэффициенте Чупрова) величиной, равной: по Казани — 0,07 и по Альметьевску — 0,08. Таковы же показатели влияния трудового стажа: на отношение к содержанию труда — 0,07 (Казань и Альметьевск), на отношение к размеру заработной платы — 0,05 (Казань) и 0,06 (Альметьевск), к возможности повысить квалификацию — 0,06 (Казань) и 0,07 (Альметьевск).

Отсюда ясно, что было бы неверным переоценивать воздействие стажа на социальный облик рабочего класса в современных условиях развитого социалистического общества. Картина здесь совершенно иная по сравнению, например, с 1920—1930 гг. Вместе с тем нельзя и игнорировать стаж как показатель накопления производственного и общественно-политического опыта.

* * *

Рассмотрим теперь некоторые данные, характеризующие социальные особенности групп работников, занятых социально неоднородным трудом. Поскольку важнейшим фактором сохранения социальных различий в рабочем классе становится образование, начнем с анализа различий социальных групп по этому показателю.

Обследование ленинградских машиностроителей показало, что низкий уровень образования в основном присущ рабочим неквалифицированного труда. Характерно, что среди рабочих неквалифицированного физического ручного труда без малого 60% имеют образование не

более шестилетнего, а их средний уровень образования — 6,5 класса.

Совсем иная картина вырисовывается по группе квалифицированных рабочих, связанных с обслуживанием машин и механизмов. У них средний уровень образования составляет 8,2—8,3 класса. В этой группе, несмотря на значительную долю пожилых рабочих, примерно $^1/_5$ часть ее общей численности приходится на людей с образованием до 7 классов и с законченным средним образованием, а почти половина имеет образование в объеме 7—9 классов. Примечательно и другое: работники нефизического труда, занятые на работах, не требующих специального образования, ныне близки по образовательной подготовке к рабочим преимущественно физического труда, чего в нашей промышленности не наблюдалось еще 10 лет назад, не говоря уже о довоенном периоде. У них средний показатель образования составил в 1965 г. 9,1 года обучения.

Работники, занятые высококвалифицированным научно-техническим трудом, типа конструкторов, как правило, имеют сейчас специальное образование, причем по большей части высшее.

Для того чтобы выяснить, каковы тенденции в росте образовательной подготовки работников различных профессионально-квалификационных групп, выровняем обследованных нами лиц по возрасту. При этом окажется, что в возрастном интервале от 18 до 24 лет при среднем возрасте, равном 20,9 года, уровень образования работников неквалифицированного физического труда составит 8,1 класса, у работников нефизического труда средней квалификации (типа конторских работников, контролеров и т. д.) — 9 классов, у работников квалифицированного, преимущественно физического, труда, занятых у машин и механизмов, — 9,4 класса, у молодежи, занятой квалифицированным, преимущественно физическим, ручным трудом, — 10,3 класса. Таким образом, в молодежных группах не условное разделение на умственный (а на самом деле малоквалифицированный нефизический) труд и труд преимущественно физический, а степень сложности труда выступает основным фактором распределения рабочей силы по различным занятиям в зависимости от образования.

Следует отметить, что разделение на работников ква-

лифицированного физического труда и работников нефизического труда, не требующего специального образования, все в большей мере приобретает естественный, а не социальный характер. Так, обследование выпускников 10-х классов школ Ленинграда, окончивших их в 1963—1967 гг.[109], показало, что среди юношей работниками нефизического труда типа канцелярских служащих стали лишь 4,7%, тогда как из девушек на этих видах работ оказались 33,7%. С другой стороны, квалифицированными рабочими физического труда стали 62,6% юношей и только 24,7% девушек, начавших работать после средней школы.

Таким образом, разделение на рабочих и служащих без учета типа труда и меры его сложности все в большей мере становится анахронизмом.

Обследование кадров объединения «Красная заря» подтвердило сделанные выше выводы. По всем предприятиям также выявились существенные различия в уровне образования между социально-профессиональными группами. Но средний уровень образования по каждой из групп и по всему заводскому коллективу значительно колебался в зависимости от типа городского поселения.

На головном заводе (Ленинград) средний уровень образования всех категорий работников составил 9,6 года против 9,3 года в Пскове, 8,4 года — в Порхове, 8 лет — в Невеле.

При этом обнаружилась любопытная тенденция. В низших социально-профессиональных группах уровень образования был не в пользу Ленинграда. Так, у подсобников он составил: на головном заводе «Красная заря» — 6 классов, на Псковском заводе автоматических телефонных станций — 7,1, в Порхове — 6,2, в Невеле — 6,5 класса; у конторских служащих, входящих в группу работников нефизического труда средней квалификации, в Ленинграде — 8,8 класа, в Пскове — 9,3, в Порхове и Невеле — 10 классов.

Далее картина меняется. У станочников (т. е. у работников квалифицированного, преимущественно физического, труда, занятых у машин и механизмов) уровень

---

[109] Осуществлено в 1968 г. межинститутской социологической лабораторией Института этнографии Академии наук СССР и Ленинградского финансово-экономического института.

образования составил: в Ленинграде — 8,2 класса, в Пскове — 8,4, в Порхове — 8, в Невеле — 8,1 класса; у слесарей-сборщиков (т. е. у работников квалифицированного, преимущественно физического, ручного труда): в Ленинграде — 8,5 класса, в Пскове — 9,2, Порхове — 8,1, в Невеле — 7,5 класса; у наладчиков: в Ленинграде — 8,2 класса, в Пскове — 8,3, в Порхове — 7,7, в Невеле — 6,5 класса.

Возьмем теперь работников умственного труда. У экономистов средний период обучения равнялся в Ленинграде 12,6 года, в Пскове — 12,3, в Порхове — 11,4, в Невеле — 10,9 года; у конструкторов: в Ленинграде — 14,3 года, в Пскове — 12,9 года. На других предприятиях эта группа работников практически отсутствовала.

Чтобы сравнение стало очевидным, отметим, что в Ленинграде самый «старый» по возрасту состав работников — в среднем 36,1 года — на головном заводе; в Пскове соответствующий показатель — 31,9 года, в Порхове — 31,9, в Невеле — 35 лет.

Итак, по мере перехода к группам работников, занятых более квалифицированным трудом, на первое место по уровню образования выходят Ленинград и Псков; что касается работников умственного труда, то здесь наиболее высокие показатели в Ленинграде. При этом выше и средний возраст: в Ленинграде (у конструкторов) — 35,9 года, в Пскове — 28,9 года.

Сведения по возрасту помогают понять, что эта тенденция проявила бы себя еще резче при одинаковом среднем возрасте заводских коллективов в целом и каждой социально-профессиональной группы в отдельности.

За кажущимся на первый взгляд более или менее уравненном (по образованию) положении Пскова (средний по размерам город), Невеля и Порхова (малые города) по сравнению с Ленинградом скрываются особенности социальной мобильности в разного типа населенных пунктах. Благодаря завершенности социальной структуры в Ленинграде, многоотраслевой структуре народного хозяйства города молодежь с более высоким образовательным цензом легче находит себе применение. Поэтому на рабочие места, требующие низкой квалификации, в основном приходят рабочие с небольшим объемом школьной подготовки, а они по преимуществу имеют преклонный возраст (в среднем 44,3 года).

По мере перехода от крупного города к среднему и от среднего к малому снижаются возможности выбора рабочего места, а критерии его оценки молодежью, вступающей в трудовой возраст, переосмысляются в соответствии с реальной социальной структурой своего поселения. Чем меньше поселение, тем больше совпадают производственные и поселенческие социальные контакты, тем, следовательно, большее значение приобретает вся совокупность социальных свойств личности конкретного человека, в его социальном статусе уменьшается значение рабочего места с точки зрения регламентированных производственных функций. Общественная активность, нерегламентированная производственная деятельность, лидерство в коллективе по месту жительства и т. д. — все это помогает молодому человеку компенсировать неудовлетворенность от недостаточно содержательного труда, не соответствующего его образованию. В малом городе при пространственной обозримости социальных связей индивидов и групп решение этой проблемы достигается несколько легче, чем в крупном городе.

По мере перехода к более квалифицированным видам работ наступает относительный баланс между образовательным потенциалом рабочей силы и мерой сложности труда на рабочем месте. По этой группе положение примерно одинаково во всех городах. Что касается рабочих мест, требующих высшего образования, то здесь по мере перехода от крупного города к мелкому наблюдается возрастающая нехватка рабочих рук — ситуация, прямо противоположная той, которая имеет место по группам низкой квалификации. Присущие крупному городу завершенность социальной структуры, наличие мощного вузовского комплекса, возможности продвижения на работу любой степени сложности и ответственности дают явные преимущества расположенным в нем предприятиям. Конечно, было бы неправильным на основании данных, полученных по одной фирме, делать какие-либо окончательные выводы. Однако при проведении социологических исследований взаимодействия городского поселения и предприятия в механизме социальной структуры общества эти предварительные соображения могут быть учтены.

Сходную картину мы наблюдаем в Татарии (1967 г.). Средний образовательный уровень руководителей про-

мышленных и непромышленных организаций и предприятий составляет 12,9 года в Казани и Альметьевске, 12,2 года — в Мензелинске[110]. В то же время работники квалифицированного физического труда имеют образовательную подготовку в объеме 8—9 классов, а работники высококвалифицированного научно-технического труда — 14,3—14,4 года. Следовательно, налицо известный разрыв между бурным ростом образования исполнительского персонала в промышленности и менее активным подъемом образования людей, выполняющих руководящие функции в ней.

Образовательный уровень даже неквалифицированных рабочих достаточно высок (6,5 года школьной подготовки), чтобы они могли продвинуться к более сложным видам трудовой деятельности. Характерно, что, по данным обследования причин текучести рабочей силы в Ленинграде (1963 г.), 62,8% подсобников сменили профессию при переходе на новое место работы. Случаи оставления работы, связанные с изменением социальной принадлежности, достигают на отдельных предприятиях 30% всего оборота рабочей силы. Этому в социалистическом обществе содействует общедоступная система профессионального и общего образования.

Деление работников на социально-профессиональные группы обусловлено также продолжительностью профессиональной подготовки. Продолжительность профессиональной подготовки составляла в Ленинграде (1965 г.) у работников неквалифицированного и малоквалифицированного труда около 4 месяцев, у работников квалифицированного, преимущественно физического, труда типа станочников — 7, а у работников высококвалифицированного труда, требующего сочетания умственных и физических функций, — 13,3 месяца.

Следует подчеркнуть, что основным путем перехода из одной социальной группы в другую является смена профессии менее квалифицированного труда на профессию более квалифицированного труда, а не повышение разряда в рамках той же профессии. Хотя средние разряды по группам также отражают в каких-то пределах социально-экономические различия (средний разряд станоч-

[110] В обследовании ленинградских машиностроителей соответствующий показатель составил 13,6 года обучения.

ников — 3,2 против 4,8 у наладчиков и механиков-наладчиков), все же в основном рост разряда — свидетельство накапливания производственных навыков с ростом возраста и стажа. По данным К. Варшавского, при существующей скорости продвижения в квалификации в пределах одной и той же профессии рабочий достигает высшего разряда за 10 лет, т. е. в среднем к 27 годам (средний возраст начала трудовой деятельности — 17 лет) [111]. Качественный скачок в квалификации, приводящий к изменению социального положения в обществе, связан с переменой занятий, что в свою очередь в решающей степени зависит от уровня образовательной подготовки.

Заработная плата в условиях современной социалистической экономики выступает как показатель, наиболее адекватно отражающий реальную квалификацию работника. Однако это верно лишь для групп, выполняющих работу одной и той же физической напряженности, где на заработную плату не влияют такие факторы, как значимость отрасли и тяжесть или вредность труда. Тем не менее и с этими оговорками совершенно очевидно, что разрыв в заработной плате в нашей промышленности, если взять средние показатели по группам, составляет примерно отношение 1 : 2 от самых низкооплачиваемых к самым высокооплачиваемым работникам [112]. Причем характерно равенство оплаты труда у групп высококвалифицированных работников типа наладчиков и механиков-наладчиков, сочетающих в своей деятельности умственные и физические функции, и у работников высококвалифицированного умственного труда. С известным отрывом от других групп идут организаторы производственных коллективов. Их уровень оплаты труда в среднем превышает уровень оплаты высококвалифицированных групп исполнителей почти в полтора раза.

Теперь сравним показатели зарплаты ленинградских машиностроителей с соответствующими показателями по различным социально-профессиональным группам в городах Татарии.

[111] См. *К. Варшавский.* Некоторые формы проявления закона перемены труда на современном этапе. — «Философские науки», 1965, № 2.

[112] Здесь и далее приводятся сведения по заработной плате, почерпнутые из обследований 1965—1967 гг., т. е. до повышения минимума заработной платы и других мероприятий, приведших к существенному росту оплаты труда рабочих в 1968—1969 гг.

Таблица 54

СРЕДНЯЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА ОПРОШЕННЫХ МАШИНОСТРОИТЕЛЕЙ ЛЕНИНГРАДА (1965 г.) И ОБСЛЕДОВАННОГО ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ТАТАРИИ (1967 г.)

Группы работников	Города							
	Ленинград		Казань		Альметьевск		Мензелинск	
	$\bar{X}$	σ	$\bar{X}$	σ	$\bar{X}$	σ	$\bar{X}$	σ
Работники неквалифицированного физического труда и малоквалифицированного нефизического труда без специальной подготовки	97,5	39,6	73,8	24,7	62,9	22,3	57,9	16,6
Работники квалифицированного нефизического труда без специального образования	83,6	31,1	75,7	20,0	77,4	25,3	67,1	18,5
Работники квалифицированного, преимущественно физического, труда, занятые на машинах и механизмах	107,5	34,7	99,1	32,3	114,6	35,8	93,4	39,8
Работники квалифицированного, преимущественно физического, ручного труда	120,0	34,8	99,9	27,7	95,8	32,5	81,2	24,9
Работники высококвалифицированного труда, сочетающие умственные и физические функции	129,0	37,3	97,9	27,6	115,6	36,5	119,9	42,4
Работники квалифицированного умственного труда	109,8	36,8	111,0	37,8	111,7	36,5	106,6	47,5
Работники высококвалифицированного научно-технического труда	127,0	36,6	156,9	68,9	146,3	57,9	187,4	37,5*
Руководители трудовых коллективов, общественных и государственных организаций	172,9	59,8	164,3	45,5	178,3	58,4	141,8	50,3

* Данные по этой группе (г. Мензелинск) нерепрезентативны.

Специфика отраслевой структуры промышленности этой республики, как и народного хозяйства в целом, обусловила некоторые смещения в той последовательности, какая наблюдается по данному показателю в машиностроении Ленинграда. Однако основные принципы остались неизменными (см. табл. 54). Работники квалифицированного физического труда в Казани зарабатывают меньше, чем работники квалифицированного умственного труда, но в Альметьевске, где в нефтяной промышленности сосредоточены высококвалифицированные кадры рабочих, картина уже иная. Здесь у рабочих квалифицированного физического труда, занятых у машин и механизмов, оплата на 2,9 руб. выше, чем у работников квалифицированного умственного труда; заработная же плата работников научно-технического труда превосходит заработную плату высококвалифицированных рабочих на 25%. В целом по городам Татарии общее соотношение максимальной и минимальной оплаты социально-профессиональных групп несколько превышает 1 : 2. Таким образом, разрыв в Татарии несколько больший, чем в Ленинграде.

Принадлежность работника к той или иной социальной группе рабочего класса находится в определенной взаимозависимости с уровнем его социальной активности и характером его участия в производственной и общественной жизни (в рационализации, в самоуправлении и т. д.).

Как видно из табл. 55, у машиностроителей Ленинграда наивысшие показатели дают две социальные группы: руководители производственных коллективов и работники, сочетающие в своей деятельности функции умственного и физического труда. У первых доля постоянно участвующих в рационализаторстве составляет 27,1%, члены партии — 54,4, доля выполняющих общественные поручения — 84,2%. Эти данные подтверждают, что механизм социалистической демократии обеспечивает продвижение на профессиональную работу по организации и управлению людьми лучших представителей трудящихся, обладающих большим жизненным, гражданским и производственно-техническим опытом (средний возраст — 41,8 года, средний стаж в промышленности — 17 лет).

Что касается работников второй из названных групп,

Таблица 55

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ГРУПП РАБОТНИКОВ МАШИНОСТРОЕНИЯ ЛЕНИНГРАДА

Группы работников	Партийность (%)	Участие в рационализаторстве (%)	Участие в общественной работе (%)	Число опрошенных
Работники неквалифицированного физического труда	КПСС — 3,7 ВЛКСМ — 10,1 б/п — 86,2	Пост. — 0,9 Непост. — 9,1 Не уч. — 90,0	Уч. — 35,1 Не уч. — 64,9	115
Работники нефизического труда средней квалификации	КПСС — 7,8 ВЛКСМ — 19,3 б/п — 72,9	Пост. — 3,1 Непост. — 12,0 Не уч. — 84,9	Уч. — 54,5 Не уч. — 45,5	353
Работники квалифицированного, преимущественно физического, труда, занятые на машинах и механизмах	КПСС — 12,2 ВЛКСМ — 27,3 б/п — 60,5	Пост. — 4,6 Непост. — 20,8 Не уч. — 74,6	Уч. — 54,3 Не уч. — 45,7	837
Работники квалифицированного, преимущественно физического, ручного труда	КПСС — 16,2 ВЛКСМ — 21,2 б/п — 62,6	Пост. — 10,8 Непост. — 34,7 Не уч. — 54,5	Уч. — 60,7 Не уч. — 39,3	1 002
Работники высококвалифицированного труда, сочетающие физические и умственные функции	КПСС — 23,4 ВЛКСМ — 14,2 б/п — 62,4	Пост. — 15,6 Непост. — 54,8 Не уч. — 29,6	Уч. — 79,2 Не уч. — 20,8	67
Работники квалифицированного умственного труда	КПСС — 19,6 ВЛКСМ — 23,2 б/п — 57,2	Пост. — 13,1 Непост. — 23,3 Не уч. — 63,6	Уч. — 82,4 Не уч. — 17,6	287
Работники высококвалифицированного научно-технического труда	КПСС — 19,8 ВЛКСМ — 20.4 б/п — 59,8	Пост. — 10,3 Непост. — 35,4 Не уч. — 54,3	Уч. — 70,4 Не уч. — 29,6	135
Организаторы производственных коллективов	КПСС — 54,4 ВЛКСМ — 6,4 б/п — 39,2	Пост. — 27,1 Непост. — 43,1 Не уч. — 29,8	Уч. — 84,2 Не уч. — 15,8	92

то для них характерна не только высокая общественная и производственная активность, но и наибольшая удовлетворенность содержанием своего труда. В этой группе наивысший процент лиц, полностью удовлетворенных своей профессией (80,0% против 25,4% у неквалифицированных рабочих, 60,9 — у станочников, 63,3% — у работников высококвалифицированного умственного труда).

Не менее красноречивы данные, полученные при других обследованиях. Например, взаимосвязь социально-профессиональной принадлежности с партийностью выразилась на Псковском заводе автоматических телефонных станций показателем $T=0{,}12$, в Казани — $T=0{,}15$, в Альметьевске — $T=0{,}18$, в Мензелинске — $T=0{,}22$. При очевидном колебании этого показателя он свидетельствует о наличии существенной связи исследуемых характеристик во всех населенных пунктах. Статистически это выглядит так. Если среди неквалифицированных рабочих Псковского завода было 3,1% членов партии, то среди высококвалифицированных рабочих их доля поднялась до 27,2%, а по руководящему персоналу — до 65,5%. В Казани в соответствующих группах доля членов партии равнялась 3,7, 20,0 и 61,3%, в Альметьевске — 3,8, 35,2 и 55,1%, в Мензелинске — 3,8, 33,3 и 54,5%.

Доля участвующих в рационализаторстве строго следует за мерой сложности и социальной значимости труда во всех обследованных объектах.

В Альметьевске картина следующая: участвуют в рационализаторстве почти 4% неквалифицированных рабочих, 32,4% работников высококвалифицированного умственно-физического труда и 50% работников научно-технического труда.

Таким образом, при всех отклонениях, связанных с особенностями производства, района и самой процедуры обследования, можно заключить, что участие в изобретательской и рационализаторской деятельности составляет важную социальную характеристику внутриклассовых групп.

Данные об участии в общественной работе также подтвердили выводы, полученные при обследовании машиностроителей Ленинграда. Коэффициенты Чупрова дали следующие показатели взаимосвязи: по Казани — $T=0{,}18$, по Альметьевску — $T=0{,}19$ и по Мензелинску —

$T=0{,}20$. Любопытно, что последовательность возрастания коэффициентов Чупрова та же самая, что и по партийности, т. е. при переходе от большего города к меньшему эта связь усиливается.

Было бы, пожалуй, преждевременным на основании проведенного обследования делать вполне определенные выводы о социальном поведении различных внутриклассовых групп в зависимости от типа городского поселения. На первый взгляд кажется, что крупный город с его многообразием официальных демократических институтов создает пока еще большие возможности для реализации социальной активности индивида как в формальной организации предприятия, так и в формальной организации города.

Однако на практике это не всегда так. Обратимся к цифровым показателям. Среди работников неквалифицированного физического труда и нефизического труда без специальной подготовки участвуют в общественной деятельности: в Казани — 21,7%, в Альметьевске — 21,1, в Мензелинске — 26,3%. Среди работников квалифицированного, преимущественно физического, труда, занятых на машинах и механизмах, общественно активны: в Казани — 35,4%, в Альметьевске — 38,4 и в Мензелинске — 34,5%. Доля участвующих в общественной работе работников квалифицированного, преимущественно физического, ручного труда составляет: в Казани — 37,3%, в Альметьевске — 39,1, в Мензелинске — 46,9%. У высококвалифицированных работников, сочетающих умственные и физические функции, этот показатель равен: в Казани — 56,7%, в Альметьевске — 51,4, в Мензелинске — 66,7%; у работников научно-технического труда — соответственно 87,1, 90,9 и 100%. Среди руководящего персонала организаций и предприятий участвуют в общественной деятельности в Казани — 93,5% против 100% в Мензелинске.

Вначале предполагалось, что причины различий кроются в уровне партийно-организационной работы, но ознакомление с состоянием этой работы на местах убедило участников обследования в том, что она достаточно успешно ведется во всех трех городах. По-видимому, есть причины более глубокие. Одна из них, вероятно, состоит в том, что в небольшом городе с его обозримыми социальными связями существующие системы вовлечения

трудящихся в общественную деятельность, связанные с непосредственными наблюдениями парткома и руководства, с их контактами с работниками, оправдывают себя в большей мере, чем в крупном городе, где необходимо введение новых, более совершенных форм регулирования социальной активности на базе постоянных зондажей общественного мнения и научно обоснованных программ планирования и управления ею. Конечно, подобные программы должны разрабатываться и в малых, и в средних городах, но особенно остра их необходимость в крупных городах. К тому же в крупном городе социальная активность индивида может быть более полно реализована в сфере культуры. К рассмотрению показателей уровня культуры мы сейчас и обратимся.

Нами во всех обследованиях учитывались такие показатели культуры, как чтение газет и художественной литературы, наличие собственных библиотек, посещение театров и кинотеатров, вечеров отдыха и просмотр телепередач. Остановимся в основном на показателях чтения газет и художественной литературы, наличия собственных книг и посещения театров.

Регулярность чтения газет существенно связана с социально-профессиональной принадлежностью. Коэффициент Чупрова по этому показателю в Ленинграде, Пскове и городах Татарии нигде не падает ниже 0,16. При переходе же от большого города к меньшему наблюдается та же тенденция его возрастания, что и по показателям участия в общественной работе, и партийности ($T=0{,}166$ — в Казани, $T=0{,}171$ — в Альметьевске, $T=0{,}172$ — в Мензелинске). Среди машиностроителей Ленинграда регулярно читают газеты: 55,5% работников неквалифицированного труда, 75—85% квалифицированных работников, 71,8% работников высококвалифицированного научно-технического труда и 85,4% руководителей производственных коллективов. Доля совсем не читающих газеты крайне мала во всех группах — 1—3%, за исключением группы работников неквалифицированного труда, где эта доля достигает 15,6%.

Сходное положение в Татарии. В Казани регулярно читают 31,3%, а совсем не читают 28,1% неквалифицированных работников. Среди квалифицированных работников соотношение регулярно читающих и совсем не читающих газеты — 55 и 8%, среди высококвалифи-

цированных рабочих — соответственно 73,3 и 3,3, а среди работников квалифицированного умственного труда — 70% и около 1%. У работников высококвалифицированного научно-технического труда регулярно читают газеты более 77,6%, а среди руководящего персонала — 93,5%.

Данные по Альметьевску и Мензелинску ничем существенным не отличаются от данных по Казани. В Альметьевске также выделяется группа работников неквалифицированного физического труда, 26,3% которых совсем не читают газет, тогда как среди работников квалифицированного физического труда, занятых на машинах и механизмах, доля нечитающих падает до 2,3%, а в интеллигентных группах таких вообще нет. В Мензелинске 26,9% неквалифицированных работников не читают газет, в группе же квалифицированных работников, преимущественно физического, ручного труда аналогичный показатель составляет всего 7,4%, а в группе работников умственного труда падает до 0.

Иначе выглядят показатели по чтению художественной литературы. Здесь разрыв между группами, если не касаться качественной стороны проблемы, а учитывать лишь объем чтения, немногим меньше. Показатель взаимосвязи социально-профессионального статуса с чтением этого вида литературы колеблется от $T=0{,}07$ в Ленинграде и Пскове до $T=0{,}13$ в Казани, $T=0{,}16$ в Мензелинске и $T=0{,}14$ в Альметьевске. Иначе говоря, при большей развитости социальной и культурной жизни уменьшаются разрывы между социальными группами.

Наличие собственных библиотек и посещение театров также в значительной степени предопределяется социально-профессиональной принадлежностью. Показатель связи последней с посещением театров и концертов составляет: в Казани — $T=0{,}126$, в Альметьевске — $T=0{,}117$, в Мензелинске — $T=0{,}140$; с наличием собственных библиотек: в Казани — $T=0{,}188$, в Альметьевске — $T=0{,}181$, в Мензелинске — $T=0{,}190$ против $T=0{,}06$—$0{,}07$ в Ленинграде и Пскове. Эти расхождения отчасти могут быть объяснены разницей в уровне жизни между группами. Однако более детальный анализ, проведенный нами по Ленинграду, убедил в том, что жесткость связи между уровнем заработка и такими показателями культурного потребления, как посещение театров, концертов, наличие собствен-

ных книг, количество выписываемых на семью газет, отсутствует.

В ряде случаев здесь была обнаружена даже обратная зависимость. Так, посещали театры и концерты не менее раза в месяц 80—85% низкооплачиваемых рабочих, в модальном интервале — 68, а среди высокооплачиваемых работников с заработками более 200 руб. в месяц — лишь 58—59%. Количество газет, выписываемых на семью, у рабочих с заработком до 100 руб. в месяц составляет 1,2, а при заработке свыше 150 руб. и свыше 200 руб. в месяц — 1,4—1,5. То же самое относится к количеству книг, находящихся в личной библиотеке работника. Газеты и книги давно уже перестали быть уделом избранных слоев интеллигенции, а превратились в необходимый атрибут быта всего промышленного персонала. Низкие цены на книги в нашей стране облегчают обзаведение значительными домашними библиотеками (среднее количество книг в домашней библиотеке достигает 75). Чем выше заработная плата работника, тем реже он посещает такие очаги массовой культуры, как кинотеатры. Например, лишь 1% рабочих с заработной платой 60 руб. в месяц не посетил кинотеатра в год обследования. Среди работников в модальном интервале 100—150 руб. доля таких лиц достигает 7%, а среди высокооплачиваемых работников — 16%. Обратная зависимость обнаруживается при просмотре телепередач. Среди работников с заработной платой 60—80 руб. в месяц 23% регулярно смотрит все передачи телевидения, при заработной плате 100—150 руб. — уже 33, а при заработной плате свыше 200 руб. — 50%. Вывод, который напрашивается из этих данных, состоит в том, что повысился общий культурный уровень всех слоев рабочего класса.

Достигнутый к настоящему времени средний уровень доходов создает всем категориям трудящихся возможности для учебы. Наши данные по машиностроителям Ленинграда не позволяют обнаружить четкую связь между доходом на одного члена семьи и учебой без отрыва от производства. Средний доход в семьях тех, кто не учится (61,6 руб. в месяц), лишь на один рубль ниже, чем в семьях, обучающихся без отрыва от производства. Средний доход семей, члены которых, работая на заводе, учатся в техникуме, составил 67,3 руб., а в семьях, где работающие являются студентами заочных и вечерних

вузов, — 65,7 руб. Интересно, что наибольшая доля учащихся в вузах без отрыва от производства приходится на семьи с доходом менее 30 руб. на одного члена семьи. Доля таких семей в этой группе составляет 7,2%, что превышает аналогичную долю в группе высокооплачиваемых семей. Общая тенденция заключается в том, что максимальная доля учащихся без отрыва от производства падает на выходцев из семей с относительно низким уровнем доходов на каждого члена, где существует наибольшее стремление к продвижению, а также из семей с высоким образовательным цензом и культурными традициями независимо от уровня их доходов. В то же время связь между доходом на одного члена семьи и учебой с отрывом от производства, безусловно, существует.

Данные опроса машиностроителей Ленинграда позволяют установить, на какие показатели и стороны поведения работников влияет их уровень жизни. Например, среди низкооплачиваемых категорий не участвует в общественной жизни предприятия почти $^2/_3$ работников. В модальном интервале (120—150 руб.), на который приходится наибольшее число работников, доля неучаствующих в общественной работе составляет уже 28%, а среди высокооплачиваемых категорий она падает до 8,4%.

Определенная взаимосвязь существует между уровнем заработной платы и общим культурным развитием работника. Среди низкооплачиваемых регулярно читают газеты только $^1/_3$ работников, в модальном интервале (120—150 руб.) — 85%. Следует отметить, что у высокооплачиваемых работников этот процент не увеличивается, а снижается.

Дополнительный заработок, который получают некоторые работники предприятия, в большинстве случаев служит средством компенсации падения нормы душевого дохода из-за возрастания числа членов семьи. Так, средний доход на одного члена семьи у тех работников, которые не имели дополнительного заработка или имели его в минимальных размерах, составил 69 руб., у работников, получавших дополнительный заработок в размере 10—13 руб. в месяц, — 66 руб., а при дополнительном заработке свыше 50 руб. в месяц средний доход на душу в семье не превышал 48 руб. Сопоставление этих, а также многих других данных с показателями социальной активности позволяет установить некий стандарт доходов

на душу населения, который определяет известный рубеж во многих сторонах поведения индивида. Этот рубеж находился в 1965—1967 гг. на уровне 65—75 руб. в расчете на одного члена семьи. У работников, доход которых находился ниже этого стандарта, проявлялась тенденция к снижению социальной активности; они уделяли больше внимания учебе и повышению квалификации, которые приводят к увеличению заработка лишь через длительное время.

Таким образом, причины расхождения показателей культурного потребления нужно искать не в уровне благосостояния, а в характере труда, содержательности работы, предопределяющих содержание потребления культурных ценностей, а тем самым и структуру досуга. Остановимся вкратце на некоторых цифровых показателях, более полно аргументирующих изложенные соображения. Начнем с объема чтения художественной литературы.

У машиностроителей Ленинграда среди работников неквалифицированного труда совсем не читают 25,5%, читают менее 1 книги в месяц 21,3%, 1—2 книги в месяц — 32,8, 1 книгу в неделю и более — 20,4%. Среди работников квалифицированного, преимущественно физического, ручного труда показатели заметно выше: доля совсем не читающих — около 6%, а доля читающих 1 книгу в неделю и более — 35%. Надо заметить, что по сравнению с этой группой объем чтения у работников высококвалифицированного научно-технического труда и у руководителей трудовых коллективов несколько ниже. У первых регулярно читают 1 книгу в неделю и более 28,5%, у вторых — 29,9%. Правда, совсем не читающих книги среди работников высококвалифицированного научно-технического труда 0,7%, а среди руководителей трудовых коллективов — 7,3%. У представителей последней категории это объясняется, конечно, не низкой потребностью в потреблении культурных ценностей, а большой перегрузкой служебными обязанностями и общественной работой.

Данные по Пскову не вносят каких-либо изменений в общую картину. Доля совсем не читающих художественной литературы высока лишь у неквалифицированных рабочих — 39,5%. Зато у квалифицированных рабочих она снижается до 7%, а у квалифицированных работников умственного труда до нуля; у руководителей же не

читают художественную литературу 3,4%. Таково же примерно соотношение показателей в Татарии, хотя здесь объем чтения по всем социально-профессиональным группам значительно меньше, чем в Ленинграде. Так, доля читающих 1 книгу в неделю и более составляет: у неквалифицированных рабочих — 9% в Казани, 5 — в Альметьевске, 15% — в Мензелинске; у работников квалифицированного труда — 14% в Казани, 18 — в Альметьевске, 18% — в Мензелинске; у работников умственного труда — 15—25% по всем городам. Доля же не читающих художественную литературу у неквалифицированных рабочих по всем трем городам поднимается до 42—47%, у квалифицированных рабочих — около 20%, у работников интеллигентных групп — около 5%.

Во всех городах, где проводились опросы, собственные книги имеет большинство трудящихся. Однако в количественном отношении наблюдаются существенные колебания. В Ленинграде среди неквалифицированных рабочих 26,9% совсем не имеют книг, 21,9% имеют 1—10 книг, у 26,9% есть небольшие библиотечки до 50 книг, 15,6% обладают библиотеками из 50—100 книг, 3,2% — библиотеками из 100—500 книг и 5,6% — библиотеками, насчитывающими свыше 500 книг. Неожиданное на первый взгляд возрастание доли имеющих большие библиотеки (свыше 500 книг) объясняется наличием в семьях неквалифицированных рабочих значительного количества выпускников средних школ, членов высших социально-профессиональных групп. У квалифицированных работников машиностроения Ленинграда доля не имеющих собственных книг падает примерно до 13%. Что касается обладателей небольшого числа книг, то их столько же, сколько и у неквалифицированных рабочих; заметно выше доля имеющих библиотеки из 100 книг и более — около 8%. Научно-техническая интеллигенция в большинстве случаев располагает библиотеками от 50 до 100 книг (27,4%) и от 100 до 500 книг (33,5%). Близки к этим показатели группы профессиональных руководителей. В Пскове доля рабочих, не имеющих собственных библиотек, значительно выше. Например, по группе неквалифицированных она поднимается до 53%, но характер взаимосвязи между наличием и объемом собственных библиотек, с одной стороны, и социально-профессиональной принадлежностью — с другой, тот же, что и в Ленин-

граде. Ничем в принципе не отличаются и данные по Татарии, хотя здесь прослеживается их зависимость от типа городского поселения. В Казани среди неквалифицированных рабочих совсем не имеют собственных книг 34,5%, имеют 1—10 книг 29%, 11—50 книг — 27%. На долю остальных приходятся значительно большие собственные библиотеки. Несколько хуже положение в Альметьевске. Здесь не имеют своих книг 48,4% неквалифицированных рабочих, 16,6% имеют от 1 до 10 книг, а 27,7% — от 11 до 50 книг. Еще ниже показатели в Мензелинске, где совсем не имеют книг в этой категории работников 54,4%, обладают 1—10 книгами 25%, располагают библиотечками в 11—50 книг 16,9%, а доля имеющих сколько-нибудь значительные собственные библиотеки совершенно ничтожна.

А вот каково положение в группе работников квалифицированного труда, занятых на машинах и механизмах: в Казани не имеют книг 26,9%, имеют 1—10 книг 25,9%, располагают библиотеками в 11—50 книг 33,6%. На долю обладателей библиотек с числом книг от 50 до 100 приходится 9,7% представителей данной группы, а библиотек в 100 и более книг — 2,6%. В Альметьевске и Мензелинске соотношение показателей в пользу последнего: 46,1 и 34,5% не имеющих книг, 16,2 и 28% имеющих до 10 книг, 27,1 и 29,5% имеющих до 50 книг. Ухудшение показателей по Альметьевску в данном случае связано со специфическими особенностями формирования рабочих кадров. В этой группе высока доля молодых рабочих, недавно приехавших в город и живущих в общежитиях или на частных квартирах. По группе работников научно-технического труда различия между городами еще более существенны. Если в Казани в этой среде 14,1% являются обладателями собственных библиотек объемом свыше 500 книг, а 29,4% располагают библиотеками из 100—500 книг, то в Альметьевске лишь 27,3% имеют библиотеки от 100 до 500 книг, а обладателей крупных библиотек здесь, как и в Мензелинске, не оказалось вовсе.

Что касается посещения театров, то по данному показателю суждение о воздействии типа поселения на объем потребления ограничено объективным обстоятельством: ни в Мензелинске, ни в Альметьевске своих постоянных русских театров нет. Поэтому целесообразно сравнить города Ленинград, Казань и Псков. По всем трем горо-

дам мы берем лишь один показатель: долю лиц, которые по их собственному отзыву не бывают в театрах. Эта доля составляет: в группе неквалифицированных рабочих 36,9% в Ленинграде, 40,6 в Пскове, 41,6% в Казани; в группе квалифицированных рабочих около 15% в Ленинграде и Пскове, примерно 24% в Казани. Научно-техническая интеллигенция в Ленинграде в подавляющем большинстве с той или иной регулярностью бывает в театрах. Лишь около 6% заявили, что они не посещают театральных представлений. В Пскове аналогичным образом ответили 20% работников этого вида труда, а в Казани — 15,2%.

Рассмотрим теперь некоторые показатели благосостояния и быта по основным социально-профессиональным группам. Начнем с обеспеченности трудящихся жильем. Колебания по этому показателю между группами не столь уж велики. Например, в Ленинграде (1965 г.) у руководителей трудовых коллективов средний размер жилой площади (7,0 *кв. м* на члена семьи) был лишь на 0,9 *кв. м* выше, чем у работников неквалифицированного физического труда. Сходное положение в Пскове (1967 г.). Здесь на заводе автоматических телефонных станций во всех группах метраж на одного члена семьи составлял 6,5—6,7 *кв. м.* А в Казани (1967 г.) данные разнятся больше: у неквалифицированных рабочих — 5,6 *кв. м*, у квалифицированных рабочих — около 6, у высококвалифицированных рабочих — 6,6, у работников научно-технического труда — 7,0 и, наконец, у руководителей трудовых коллективов — 7,8 *кв. м.*

Если перевести цифровые показатели в коэффициенты Чупрова, то взаимосвязь социально-профессиональной принадлежности работников с мерой их обеспеченности жильем выразится: по Пскову — $T=0{,}045$, по Казани — $T=0{,}093$, по Альметьевску — $T=0{,}105$ и по Мензелинску — $T=0{,}126$.

Таким образом, связь, хотя и наличествует, она нежестко детерминирована социально-профессиональным статусом.

Несколько иначе выглядят данные о жилищных условиях с точки зрения изолированности жилья. Доля имеющих отдельные квартиры и собственные дома среди руководителей предприятий и работников высококвалифицированного научно-технического труда в 2—2,5 раза выше,

чем у работников неквалифицированного физического труда.

Для измерения культурно-бытового уровня рабочих мы во всех обследованиях использовали в качестве показателя набор предметов обихода. Весь включенный в него инвентарь был сгруппирован по предложению экономиста Л. С. Бляхмана в четыре группы по степени распространенности предметов в быту:

1) обеденный стол, платяной шкаф, диван, велосипед;

2) письменный стол, телевизор, радиоприемник швейная машина, проигрыватель;

3) стиральная машина, холодильник, аккордеон (баян);

4) автомобиль, пианино (рояль).

Данные, полученные по этой шкале при обследовании машиностроителей Ленинграда, сведены в табл. 56, составленной И. П. Труфановым. Возможность для выводов из приведенных данных ограничена отсутствием стоимостных характеристик инвентаря. Однако и при этом очевидно, что от одной социально-профессиональной группы к другой возрастает доля более сложных и не являющихся предметами первой необходимости элементов инвентаря. Вывод, разумеется, не неожиданный, но он подтвержден здесь строгими данными.

Надо учесть, что с 1930 г. инвентарные обследования были прерваны. Интересно отметить, что теперь тот минимальный набор предметов культурно-бытового обихода, который обеспечивает повседневные нужды, имеется во всех группах, чего не было в 20-х годах, когда С. Г. Струмилин и его сотрудники проводили подобные же изыскания [113]. Нам с самого начала пришлось включить в набор такие виды инвентаря (телевизор, стиральная машина, холодильник и др.), которые являются плодом массовой культуры последних двух десятилетий, особенно последнего десятилетия. Заранее можно предвидеть, что различия социальных групп выявляются не столько в наборе предметов обихода, сколько в их качественных, а следовательно, и стоимостных показателях.

---

[113] См. *С. Г. Струмилин.* К проблеме рождаемости в рабочей среде. — В его же книге «Проблемы экономики труда». М., 1957.

Таблица 56

СТРУКТУРА КУЛЬТУРНО БЫТОВОГО ИНВЕНТАРЯ У МАШИНОСТРОИТЕЛЕЙ ЛЕНИНГРАДА (1965 г.)

Группы работников	Доля наборов культурно-бытового инвентаря (в %) *					Количество опрошенных, давших ответ на вопрос об инвентаре
	1-й набор	2-й набор	3-й набор	4-й набор	Итого	
Работники неквалифицированного физического труда	44,2	41,7	11,8	2,3	100	125
Работники квалифицированного, преимущественно физического, труда, занятые на машинах и механизмах	43,8	40,6	13,4	2,2	100	807
Работники квалифицированного, преимущественно физического, ручного труда	41,7	40,0	15,5	2,8	100	978
Работники нефизического труда средней квалификации	43,3	40,6	13,1	3,0	100	364
Высококвалифицированные работники, сочетающие физический и умственный труд	40,8	38,9	16,7	3,6	100	67
Работники квалифицированного умственного труда	38,2	37,0	19,1	5,7	100	286
Работники высококвалифицированного умственного труда	35,9	34,5	22,8	6,8	100	136
Руководители производственных коллективов	37,3	37,3	19,8	5,6	100	254
Итого	40,7	39,6	15,7	4,0	100	3017

* За 100% принято все количество предметов культурно бытового обихода, имевшихся в наличии у опрошенных представителей соответствующих социально профессиональных групп.

В заключение общей характеристики социально-профессиональных групп рабочего класса остановимся на некоторых данных, рисующих численность и структуру семьи.

Как видно из табл. 57, во всех социальных группах работников машиностроения Ленинграда преобладают семьи малого состава, преимущественно двухпоколенные. В годы первых пятилеток наблюдалась тенденция к снижению численности семьи у работников высокой квалификации, особенно у инженерно-технического персонала. Повышенная плодовитость имела место в группах с более низким социальным статусом и культурным уровнем, с меньшей материальной обеспеченностью.

К середине 60-х годов положение существенно изменилось. Сравнительно большие семьи мы обнаруживаем как раз в группах высокодоходных и более квалифицированных. В этих же семьях на одного члена семьи, имеющего самостоятельный источник дохода, приходится и больше иждивенцев (например, 1,0 у организаторов коллективов против 0,7—0,9 у рабочих преимущественно физического труда и служащих).

Что касается данных о размере среднего дохода на одного члена семьи, то, как показывает таблица, в отличие от заработной платы здесь максимальный разрыв между группами не превышает 11,4 руб. Это значит, что семьи работников социалистического народного хозяйства представляют собой коллективы, в которых малооплачиваемыми являются обычно вторые и третьи члены семей. Анализ социальной структуры семьи, приводимый ниже, также подтверждает вывод о том, что советская семья, как правило, состоит из представителей разных социально-профессиональных групп.

Таким образом, табл. 57, данные которой выходят за пределы характеристики социально-производственной структуры, как таковой, свидетельствует об относительно высокой степени социальной однородности нашего общества.

Материал последующих обследований во многом подтвердил высказанные здесь соображения. Так, в Казани средний размер семьи составляет у неквалифицированных рабочих 3,4 человека, у работников научно-технического труда — 3,7, у руководителей трудовых коллекти-

Таблица 57

ПОКАЗАТЕЛИ СЕМЬИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К РАЗЛИЧНЫМ ГРУППАМ РАБОТНИКОВ МАШИНОСТРОЕНИЯ ЛЕНИНГРАДА

Группы работников	Средний размер семьи		Среднее число лиц, имеющих самостоятельный источник дохода		Количество иждивенцев на одного члена семьи, имеющего самостоятельный источник дохода	Средний доход на одного члена семьи	
	$\overline{X}_1$	σ_1	$\overline{X}_2$	σ_2	$(\overline{X}_1-\overline{X}_2)$	$\overline{X}$	σ
Работники неквалифицированного физического труда	2,9	1,2	2,2	1,1	0,7	60,8	23,5
Работники нефизического труда средней квалификации	3,2	1,2	2,3	0,9	0,9	62,3	21,3
Работники квалифицированного, преимущественно физического, труда, занятые на машинах и механизмах	3,0	1,2	2,3	0,9	0,7	58,4	19,7
Работники квалифицированного, преимущественно физического, ручного труда	2,9	1,3	2,1	0,9	0,8	64,5	22,2
Работники высококвалифицированного труда, сочетающие умственные и физические функции	3,4	1,3	2,5	1,0	0,9	62,6	20,0
Работники квалифицированного умственного труда	3,0	1,2	2,3	1,1	0,7	67,2	21,8
Работники высококвалифицированного научно-технического труда	3,2	1,3	2,4	1,0	0,8	72,2	19,3
Руководители производственных коллективов	3,2	1,2	2,9	0,9	1,0	71,1	22,7

вов — 3,6 человека [114]. Количество иждивенцев на одного члена семьи у неквалифицированных рабочих такое же, как у квалифицированных и у работников научно-технического труда, — 1,3 человека, а у руководителей трудовых коллективов немного больше — 1,4 человека.

В Казани средний размер дохода на одного члена семьи существенно колеблется по социально-профессиональным группам: от 58—59 руб. у квалифицированных рабочих до 73,8 руб. у работников научно-технического труда и 74,1 руб. у руководителей трудовых коллективов. Но это связано с тем, что обследовано было совокупно взятое городское население, т. е. в число работников физического труда и малоквалифицированных работников нефизического труда оказались включенными группы населения, занятые в отраслях с низкой оплатой труда (сфера услуг и т. д.), а в состав руководителей и работников научно-технического труда попали члены семей занятых высокооплачиваемым трудом в научных учреждениях и в аппарате управления.

В целом же данные по Казани, отражая дифференциацию, которая еще существует в нашем обществе, также показывают его неуклонное движение к социальной однородности.

Попробуем теперь суммировать рассмотренные особенности социально-профессиональных групп.

По материалам обследования, проведенного в Татарии, нами исчислены коэффициенты Чупрова, показывающие степень взаимосвязи социально-профессионального положения с отдельными социальными характеристиками. В табл. 58 эти коэффициенты ранжированы по данным, полученным в Казани. На первом месте оказалось образование, которое выступает не только как фактор, приводящий тех или иных индивидов в соответствующие социальные группы, но и как атрибут последних. На втором месте — заработная плата. На третьем — наличие собственной библиотеки, т. е. признак, характеризующий уровень культуры. На четвертом и пятом местах — пока-

[114] Эти сведения взяты из материалов социологического обследования, но их можно уточнить по данным государственной статистики. Эта работа была проведена Э. К Васильевой (см ее статью «Этнодемографическая характеристика семейной структуры населения Казани в 1967 году (По материалам социологического исследования)». — «Советская этнография», 1968, № 5).

Таблица 58

ВОЗДЕЙСТВИЕ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ НА ИНТЕНСИВНОСТЬ ПРОЯВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК (В КОЭФФИЦИЕНТАХ ЧУПРОВА)

Социальные характеристики	Казань	Альметьевск	Мензелинск
1. Образование	0,313	0,314	0,325
2. Заработная плата . .	0,225	0,264	0,230
3. Наличие собственной библиотеки	0,188	0,181	0,190
4. Участие в общественной работе	0,180	0,188	0,197
5. Занятие рационализаторством или изобретательством	0,180	0,146	0,124
6. Чтение газет	0,166	0,171	0,172
7. Партийность	0,145	0,180	0,216
8. Изолированность жилья	0,131	0,167	0,132
9. Посещение театров	0,126	0,117	0,140
10. Чтение художественной литературы . . .	0,125	0,142	0,158
11. Денежный доход на одного члена семьи в месяц	0,122	0,134	0,150
12. Возраст	0,114	0,108	0,212
13. Общий трудовой стаж	0,097	0,103	0,129
14. Стаж работы на предприятиях в городах	0,093	0,092	0,105
15. Жилая площадь на одного члена семьи в метрах	0,093	0,105	0,126
16. Удовлетворенность содержанием работы	0,077	0,080	0,092
17. Размер семьи . . .	0,064	0,096	0,103
18. Число лиц, имеющих самостоятельный источник дохода . . .	0,061	0,080	0,078

затели общественной активности. Что касается показателей благосостояния (доход и жилая площадь в метрах на члена семьи), то они, как видно из таблицы, заняли достаточно скромное место. Таблица в целом дает возможность судить о степени ликвидации различий между социально-профессиональными группами в конкретных сферах жизнедеятельности общества. При этом, чем

дальше мы удаляемся от производственной сферы, тем менее активно сказываются эти различия. Можно, в частности, констатировать, что в таком типичном районе страны, как Татария, городское население в общем удовлетворено содержанием своей трудовой деятельности, т. е. функции, которые оно выполняет, адекватны личностным структурам социальных групп. Показатели участия в нерегламентированной производственной деятельности, т. е. в рационализаторстве, в общественно-политической работе, обнаруживают достаточно значимую зависимость от принадлежности к соответствующей группе.

Интересно, что из всех показателей культуры наиболее тесно связан с принадлежностью к социально-профессиональной группе показатель наличия собственных библиотек. И это не случайно. Собственные библиотеки свидетельствуют об активном восприятии культуры: нужно иметь определенный вкус к книге, достать ее, купить, изменить в связи с этим структуру семейного бюджета и т. д.

Следующим по значению из показателей культуры явилось, как и можно было ожидать, чтение газет, которое также свидетельствует и об определенной социальной активности. Он стоит в ряду таких важных характеристик, как партийность и участие в общественной работе.

Два включенных в таблицу показателя сопряженности стажа с социальным статусом выражены более скромными величинами. Это значит, что не только как фактор дифференциации, но и как атрибут группы стаж в настоящее время не выступает значимой характеристикой.

Из табл. 58 видна зависимость атрибутивных характеристик социально-профессиональных групп и от типа городского поселения. Конечно, для содержательного анализа сведений, обобщенных этой таблицей, недостаточно. Однако можно формулировать следующую первоначальную гипотезу: более развитый тип городского поселения должен предъявлять бóльшие требования к индивиду, т. е. городские поселения разного типа как бы по-разному оценивают людей по их социальному потенциалу. Город с определенным образом жизни (а каждый город имеет определенный образ жизни) задает некий социально-профессиональный отбор. Поскольку социально-профессиональная структура сегодняшнего города определяет

тип завтрашнего города, то процесс такого отбора, поразному проходящий в разных городах, определяет меру прогрессивности и разных типов городских поселений. С этой точки зрения крупный город, содержащий все элементы нынешней социально-профессиональной структуры и несущий в себе зародыши будущей социально-профессиональной структуры населения, является и более прогрессивным.

Близость конкретного типа поселения к оптимальному может быть определена по требованиям, которые город предъявляет к индивидам для выполнения тех или иных социально-профессиональных ролей. Рассмотрим в качестве примера два ряда показателей, один из которых характеризует связь социального статуса с возрастом, а другой — с доходом на одного члена семьи.

Очевидно, что мера проявления возрастных характеристик как атрибутивных должна падать при переходе к типу города, где возможности продвижения менее жестко предопределены возрастом. И действительно, на первом месте оказывается город, в котором еще идет формирование профессиональных групп, город с еще не сложившимися окончательно группами — новый промышленный центр Альметьевск. Второе место занимает Казань, а третье — Мензелинск, город с крайне ограниченными перспективами для продвижения молодежи. Соответствующие показатели коэффициента Чупрова составляют: по Альметьевску — 0,108, по Казани — 0,114, по Мензелинску — 0,212.

При оценке данных о доходе на члена семьи будем исходить из того, что выравнивание уровней дохода является свидетельством сближения социально-профессиональных групп, их смешения, большей «открытости» этих групп и, следовательно, совпадает с основными тенденциями периода перехода от социализма к коммунизму. Исчисленные коэффициенты показывают, что при такой интерпретации на первом месте оказывается наиболее развитый в социальном отношении город Казань, на втором — Альметьевск, на третьем — Мензелинск.

Аналогичным образом могут быть проанализированы и другие показатели, сведенные в табл. 58. В целом можно заключить, что тип поселения активно влияет на интенсивность проявления социальных свойств групп: чем дальше зашел процесс урбанизации населения, тем бо́ль-

шие требования предъявляются к социальному потенциалу индивидов, входящих в более продвинутые социально-профессиональные группы.

Итак, проведенные исследования подтвердили гипотезу о том, что внутриклассовые группы образуются на базе сохраняющейся пока социально-экономической неоднородности труда, а отсюда еще существует различие членов общества по их роли в общественной организации труда, их вкладу в развитие социалистической экономики и культуры, по значимости для общества их производственной деятельности, в основе которой лежит неравная сложность и социальная ценность труда.

Измерение сложности труда, сведéние труда сложного к простому — одна из трудноразрешимых проблем современной экономической науки. В нашу задачу не входит ее специальное рассмотрение. Отметим лишь, что в предложенных рядом авторов [115] коэффициентах редукции труда исходным является расчет либо времени, либо издержек на воспроизводство рабочей силы данного уровня квалификации (т. е. на общее образование, профессиональную подготовку, стажирование на производстве). В этих предложениях не учитывается воздействие всего комплекса социальных условий, позволяющих индивиду заняться трудом данного уровня сложности.

Наличие коэффициентов редукции труда было бы весьма полезным для анализа внутриклассовой дифференциации, так как позволило бы замерить степень различия по сложности труда уже установленных социальных групп. Конечно, сами по себе эти коэффициенты не могут служить критерием разделения работников на социально различные типы, ибо в образовании последних важное значение имеют факторы, несводимые к прямолинейной связи простой — сложный труд. Но определить социально-экономическую роль выявленной по совмещенным характеристикам социальной группы при помощи коэффициентов редукции труда вполне возможно и целесообразно.

---

[115] См *Р. А. Баткаев, В. И. Марков.* Дифференциация заработной платы в промышленности СССР. М., 1964, стр. 50—91; *В. Ф. Майер.* Заработная плата в период перехода к коммунизму, стр. 67—90; *Е. И. Капустин.* Качество труда и заработная плата. М., 1964, стр. 116—178; *Я. И. Гомберг.* Редукция труда. М., 1965, и др.

На практике из числа рассмотренных нами признаков сложность труда характеризуют (непосредственно): профессия, образование, профессиональная подготовка, квалификация, стаж работы по профессии и в промышленности и, наконец, заработная плата.

Вторым важным моментом в социальной дифференциации классов при социализме выступает мера участия в организации производства и управлении обществом. Здесь нами учитывались должность, участие в общественном самоуправлении, членство в партии, занятие изобретательством и рационализаторством

Оба момента тесно связаны между собой и рисуют картину размещения членов класса в социально-профессиональных группах. Правда, уже участие в общественном управлении и рационализаторстве ломает ту иерархизированную структуру, которая задана формальным положением индивида в производственной системе в силу выполнения им регламентированных производственных обязанностей. Вся система социализма содействует смешению социальных групп, их сближению и выравниванию через механизм социалистической демократии.

Третьим существенным моментом внутриклассовой дифференциации является положение индивида в семье и средах общения. Его характеризуют показатели· происхождение, социальное положение супруга, взрослых детей, дружеское окружение в социальном разрезе, доход на одного члена семьи. Рассмотрению этого момента и посвящен следующий раздел настоящей главы.

§ 5 СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ И СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ

Полученные нами материалы о социальных связях, реализующихся в дружеских и семейно-брачных отношениях, позволяют более конкретно изучить меру «открытости» социальных групп, т. е. степень активности межгрупповых контактов

Остановимся сначала на дружеском окружении опрошенных В инструкции разъяснялось, что речь идет о лицах, не принадлежащих к семье опрошенного. Насколько нам известно, такой вопрос еще не ставился в социологических обследованиях как в прошлом, так и в настоя-

щем. Поэтому ввиду отсутствия соизмеримого материала необходима проверка полученной информации в других изысканиях. Понятно, что на данный вопрос было получено по два и три ответа и общее их число превышает число опрошенных [116].

Из табл. 59 и 60 видно, что во всех социально-профессиональных группах наблюдаются разнообразные социальные связи, нет «замкнутости», кастовости, неприятия контактов с лицами, принадлежащими к полярным социально-профессиональным группам. У рабочих неквалифицированного физического труда, хотя их дружеское окружение складывается по преимуществу из рабочих, имеются значительные контакты со средой лиц, занятых на должностях, требующих среднего специального и высшего образования. С другой стороны, у работников высококвалифицированного умственного труда есть определенный процент друзей среди рабочих. Характерно, что у руководителей производственных коллективов, чьи социальные связи в силу особенностей производственной деятельности более многосторонни, доля дружеских связей с рабочими превышает 21% в Ленинграде и 10% в Пскове. Руководители наших трудовых коллективов комплектуются из тех людей, которые активно вступают в контакты с представителями всех социальных групп и тем самым образуют не кастовую, не замкнутую группу, а группу открытую, активно потребляющую информацию из разных слоев населения. Наиболее дисперсны социальные связи у работников нефизического труда средней квалификации и у квалифицированных рабочих.

---

[116] Надо отметить, что мы, естественно, не могли распределять друзей опрошенных по тем же социальным градациям, по каким были распределены сами опрошенные, поскольку зачастую люди не располагали достаточно точной информацией о социально профессиональном положении своих друзей Поэтому друзья опрошенных нами в исследованиях 1967 г были градированы на такие группы колхозники, рабочие сельского хозяйства, неквалифицированные городские рабочие, квалифицированные городские рабочие, служащие, не имеющие специального образования, техники и другие работники со специальным средним образованием, инженеры и другие работники с высшим образованием, студенты, домохозяйки и прочие В Казани, как и в других городах, на долю категории «прочие», т е на долю неучтенных в заданной градации, почти никого не осталось (колебания по группам — от 0,1 до 0,2%) Можно принять, что наша классификация оказалась удовлетворительной для тех целей, которые были поставлены в ходе опроса

Таблица 59

СОЦИАЛЬНЫЕ КОНТАКТЫ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГРУППЕ (МАШИНОСТРОИТЕЛИ ЛЕНИНГРАДА, 1965 г.; В % К ИТОГУ)

Группы опрошенных	Кем является ближайший друг (друзья)							
	рабочий (работница)	Техник, другой работник со средним специальным образованием	Инженер, другой работник с высшим образованием	Служащий (служащая) прочих категорий	Колхозник (колхозница)	Студент (студентка)	Домохозяйка	Всего
Работники неквалифицированного физического ручного труда	77,6	9,2	5,0	2,5	1,6	4,1	—	100
Работники нефизического труда средней квалификации	46,5	17,6	13,2	11,8	0,4	7,4	3,1	100
Работники квалифицированного, преимущественно физического, труда, занятые у машин и механизмов	68,8	12,5	6,7	4,3	1,2	4,7	1,8	100
Работники квалифицированного, преимущественно физического, ручного труда	60,3	13,3	11,0	4,3	1,4	7,0	2,7	100
Высококвалифицированные работники, сочетающие физический и умственный труд	60,9	18,9	14,4	2,9	—	2,9	—	100
Работники квалифицированного умственного труда	20,2	27,3	32,5	7,9	1,2	7,2	3,7	100
Работники высококвалифицированного научно-технического труда	9,1	21,5	50,3	6,7	—	8,6	3,8	100
Организаторы производственных коллективов (от мастеров до руководителей предприятий)	21,2	23,3	41,7	5,4	1,2	5,4	1,8	100
Итого	51,9	15,9	16,4	6,0	1,1	6,0	2,7	100

Таблица 60

СОЦИАЛЬНЫЕ КОНТАКТЫ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГРУППЕ (ПСКОВСКИЙ ЗАВОД АТС, 1967 г.; В %)

Группы опрошенных	Профессиональная принадлежность друзей								
	Колхозники	Рабочие в сельском хозяйстве	Неквалифицированные рабочие в городе или рабочем поселке	Квалифицированные рабочие в городе или рабочем поселке	Служащие без специального образования	Работники со средним специальным образованием	Работники с высшим специальным образованием	Прочие	Число опрошенных
Работники неквалифицированного физического труда . . .	—	—	47,0	15,6	18,7	—	—	18,7	32
Работники нефизического труда . . .	—	1,4	22,6	25,3	16,9	19,7	9,9	4,2	71
Работники квалифицированного ручного труда . . .	—	0,7	6,1	67,1	3,0	10,7	4,5	7,9	265
Работники квалифицированного физического труда, занятые на машинах и механизмах . .	0,9	0,9	6,9	74,0	5,2	7,8	1,7	2,6	146
Работники квалифицированного умственного и научно-технического труда . .	—	—	—	20,8	22,2	22,2	32,0	2,8	72
Руководители трудовых коллективов . .	—	—	—	10,0	5,0	30,0	50,0	5,0	20

Такие же данные были получены нами в Казани, где группировка как опрошенных, так и их друзей близка к использованной в Ленинграде и Пскове. То обстоятельство, что взаимосвязь социально-профессионального статуса опрошенного с социальным положением его друзей не является очень «сильной», видно из величины коэффициентов Чупрова, которые в данном случае составили: по Казани — $T=0{,}140$, по Альметьевску — $T=0{,}126$ и по Мензелинску — $T=0{,}101$.

Данные по Казани подтвердили, что наибольшим диапазоном связей отличаются две группы трудящихся: квалифицированные рабочие и руководящие работники в разных отраслях народного хозяйства. При этом из рабочих наибольшая открытость связей наблюдается среди работников, занятых трудом повышенной степени сложности, сочетающих физические и умственные функции в процессе труда. В этой группе лишь 14,3% дружеских контактов приходится на долю городских рабочих. Значителен удельный вес друзей в деревне (7,6% работников сельского хозяйства и 5% колхозников). Высока доля друзей, имеющих специальное среднее образование и высшее образование (в сумме эти группы составляют 42,9% дружеского окружения). Это наиболее открытая группа из групп работников, занятых исполнительским трудом.

Надо полагать, что подобные результаты наблюдений не являются случайными. Сочетание умственных и физических функций в процессе трудовой деятельности — наиболее перспективный вид труда, которому принадлежит будущее. И для этой социально наиболее прогрессивной группы характерны широкие контакты со всеми группами, далеко выходящие за рамки непосредственно профессиональной и социально-профессиональной среды.

Второй группе — группе руководителей, на формировании которой сказываются результаты партийно-государственной политики отбора руководящих кадров, также присущи социальные связи, адекватные природе нашего социального строя (21,5% друзей — рабочие и колхозники, 17,5 — служащие без специального образования и т. д.).

Перейдем теперь к рассмотрению семейно-брачных отношений.

Таблица 61

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ НА СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ РАБОТНИКА ПРОМЫШЛЕННОСТИ (МАШИНОСТРОЕНИЕ ЛЕНИНГРАДА, 1965 г.)

Группы работников	Социальное положение отца				
	Рабочий	Колхозник, крестьянин-единоличник	Служащий	Прочие	Число опрошенных
Работники неквалифицированного физического труда	43,9	37,5	8,4	10,2	107
Работники малоквалифицированного труда смешанного типа (кладовщики и т. п.)	47,9	37,9	11,6	2,6	269
Работники квалифицированного, преимущественно физического, труда, занятые у машин и механизмов	55,6	24,7	15,4	4,3	693
Работники квалифицированного, преимущественно физического, ручного труда	58,6	17,9	19,0	4,5	829
Работники нефизического труда средней квалификации	57,9	14,2	20,6	7,3	316
Работники высококвалифицированного труда, сочетающие умственные и физические функции	53,5	22,4	15,5	8,6	58
Работники квалифицированного умственного труда	46,6	10,6	33,9	8,9	245
Работники высококвалифицированного научно-технического труда	31,9	3,5	54,0	10,6	113
Руководители производственных коллективов, включая низшее звено (от мастеров до руководителей предприятий)	42,8	20,5	31,5	5,2	248
Итого	52,9	20,8	20,8	5,5	2878

В результате обследования ленинградских машиностроителей были получены данные о взаимосвязи принадлежности работника к той или иной социально-профессиональной группе и его социально-классового происхождения (социального положения родителей). Как показывает табл. 61, во всех группах имеются выходцы из различных классов и социальных слоев. Вместе с тем характерно, что среди всех работников квалифицированного, преимущественно физического, труда, работников, сочетающих умственный и физический труд, а также работников нефизического труда средней квалификации особенно много — значительно больше половины — потомственных рабочих. С другой стороны, среди работников, занятых научно-техническим трудом, преобладают выходцы из семей служащих, на долю детей рабочих приходится 31,9%, а на долю детей колхозников — всего 3,5%, т. е. меньше, чем в любой из остальных категорий промышленно-производственного персонала. Последний показатель свидетельствует о пока еще недостаточном притоке выходцев из села в ряды научно-технической интеллигенции.

Эти выводы были проверены в ходе более обстоятельного обследования, проведенного в объединении «Красная заря» (1967 г.). Оказалось, что здесь среди рабочих неквалифицированного труда выходцы из семей колхозников составляют 36,4%, из семей сельскохозяйственных рабочих — 15,2, из семей неквалифицированных рабочих в городе — 16,7, из семей квалифицированных городских рабочих — 21,2 и лишь 10,5% — из семей работников нефизического, в том числе квалифицированного умственного труда.

В числе рабочих квалифицированнного, преимущественно физического, ручного труда положение заметно другое. В этой социально-профессиональной группе широко представлены выходцы из различных социальных категорий населения страны: дети колхозников — 18,7%, сельскохозяйственных рабочих — 2,2, неквалифицированных городских рабочих — 17,2, квалифицированных городских рабочих — 34,9, служащих без специального образования — 13,8, работников со специальным средним образованием — 3,4, работников с высшим образованием — 4,9% (около 5% составили дети «прочих», т. е. имевших иной, чем учтенный нами, социальный статус).

Таблица 62

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РАБОТНИКОВ КАЗАНИ (1967 г.) В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СОЦИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ГЛАВЫ СЕМЬИ ОПРОШЕННОГО (в % К ИТОГУ)

Группы опрошенных	Социальное положение главы семьи опрошенного к моменту начала трудовой деятельности последнего								
	Колхозники или крестьяне-единоличники	Рабочие в сельском хозяйстве	Работники неквалифицированного физического труда	Работники квалифицированного, преимущественно физического, труда	Служащие на должности, не требующей специального среднего образования	Служащие на должности, требующей специального образования	Служащие на должности, требующей высшего образования	Число не ответивших	Число опрошенных
Работники неквалифицированного физического труда и малоквалифицированного нефизического труда без специальной подготовки	41,7	7,4	16,7	18,6	2,6	4,4	0,8	7,8	562
Работники квалифицированного, преимущественно физического труда, занятые у машин и механизмов	25,9	8,4	23,5	22,7	5,2	5,3	1,9	7,1	1 045
Работники квалифицированного, преимущественно физического, ручного труда	33,2	6,1	18,0	22,6	5,6	4,9	2,2	7,4	1 049
Работники квалифицированного нефизического труда без специального образования	24,3	4,4	18,4	26,9	7,9	9,2	2,0	6,9	452
Работники высококвалифицированного труда, сочетающие умственные и физические функции	13,3	16,7	13,3	20,1	3,3	10,0	10,0	13,3	30
Работники квалифицированного умственного труда	10,4	2,3	15,4	12,3	14,9	21,5	16,8	6,4	656
Работники высококвалифицированного научно-технического труда	8,2	1,2	7,2	17,6	14,1	18,8	27,0	5,9	85
Работники высококвалифицированного труда так называемых творческих профессий	4,6	2,3	9,3	9,3	20,9	23,4	25,6	4,6	43
Руководители трудовых коллективов и государственных организаций	27,9	1,1	9,7	23,7	12,9	10,7	8,6	5,4	93

Обратимся теперь к работникам научно-технического труда (конструкторы, научные работники). Среди них намного меньше детей колхозников — 3,9%, совсем нет выходцев из семей сельскохозяйственных рабочих, сравнительно низка доля детей неквалифицированных городских рабочих — 7,8%, значительны доли тех, кто произошел из семей квалифицированных городских рабочих — 17,9, семей служащих без специальной подготовки — 25,1, семей работников со средним специальным образованием — 16,4 и семей работников с высшим образованием — 20,3, детей «прочих» — 8,6%.

Данные по фирме «Красная заря» заслуживают особого внимания, поскольку в них группировка родителей произведена с учетом более детальной классификации социальных групп в нашем обществе. Они также подтвердили те наблюдения, которые были суммированы выше по материалам опроса машиностроителей Ленинграда.

Ничем существенным не отличаются и сведения, полученные нами при опросе горожан Татарии. Как видно из табл. 62, и здесь во всех социально-профессиональных группах широко представлены все социальные слои нашего населения. Обращают на себя внимание лишь два обстоятельства. Во-первых, в Казани большинство групп более активно, чем в Ленинграде, комплектуется за счет выходцев из деревень.

Во-вторых, во многих группах дети служащих всех категорий составляют по сравнению с теми же группами в Ленинграде меньшую долю работников, а в сумме по всем группам — 12,7 против 19%. Однако данные о выходцах из семей служащих не вполне сопоставимы, так как в Казани обследованием были охвачены все отрасли народного хозяйства, а в Ленинграде — только машиностроение, куда, естественно, наблюдается большее движение из социально продвинутых групп. Поэтому можно лишь повторить, что во второй половине 60-х годов все социально-профессиональные группы комплектовались из одних и тех же социальных источников, хотя определенное неравенство в социально-профессиональном статусе из-за разных условий воспитания еще сохранялось. Особенно это заметно по группам высококвалифицированных работников научно-технического труда и так называемых творческих профессий. Например, в Казани в этих группах доля выходцев из семей колхозников составила соот-

ветственно 8,2 и 4,6%, из семей неквалифицированных рабочих — 7,2 и 9,3%, тогда как из семей работников высококвалифицированного умственного труда она достигла 27,0 и 25,6% [117].

Материал обследования ленинградских машиностроителей содержал информацию о современном социальном положении работника, о занятиях его взрослых детей и, наконец, о социально-классовой принадлежности его родителей. Тем самым мы получили возможность проследить судьбы семей трудящихся в трех поколениях. Естественно, что группа работников, у которых уже есть взрослые дети, оказалась численно сравнительно небольшой, поэтому говорить о репрезентативности данных по этой группе затруднительно. И все же с точки зрения тенденций имеющиеся сведения весьма интересны. Группа лиц, у которых имеются взрослые работающие дети и чьи отцы были рабочими, составляет 252 человека. 37% их детей (93 человека), т. е. внуков рабочих, стали сами рабочими. При этом далеко не все их отцы (промежуточное поколение) были рабочими: в 27 случаях (из 93) они являлись инженерами, техниками и служащими. Таким образом, отсутствует непрерывный ряд в преемственности занятий. Да оно и понятно, ибо высокий уровень социальной мобильности, быстрое перемешивание социальных слоев, отсутствие кастовости — отличительная черта социальной структуры нашего общества. Среди внуков рабочих помимо 93 человек, также ставших рабочими преимущественно физического труда, 56 человек стали техниками, 30 человек — инженерами, 45 человек учились в вузах и техникумах.

Любопытна судьба внуков колхозников. Среди них доля ставших рабочими преимущественно физического труда (34,1%) примерно такая же, как и среди внуков рабочих. При этом их отцы (промежуточное поколение — те, кого опрашивали) в 49 случаях из 56 сами были рабочими, в 4 случаях — инженерами и техниками, в 3 случаях — служащими. Таким образом, в отличие от промежуточного поколения выходцев из рабочей среды промежуточное поколение выходцев из крестьянской среды

[117] Мы опускаем данные по Альметьевску и Мензелинску, которые не вносят ничего принципиально нового в исследование этой проблемы.

в социальном отношении более однородно. Иначе говоря, представители поколения, впервые попавшего на работу в город, как правило, остаются рабочими, но уже их потомство проходит тот же жизненный путь, что и дети потомственных рабочих. Всего нами прослежена генеалогия 164 внуков колхозников и крестьян-единоличников, из них 56 человек стали рабочими, 41 — техниками и другими работниками со специальным средним образованием, 13 — инженерами, врачами и т. д., 14 — служащими без специального образования, а 26 человек проходили учебу в вузах и техникумах. Все это опять-таки свидетельствует о высокой социальной подвижности населения.

Теперь рассмотрим подробнее, кем становятся взрослые дети в зависимости от должности и принадлежности к различным социально-профессиональным группам опрошенных родителей. Прежде всего отметим, что и в нынешнем поколении не наблюдается социальной закрепленности занятий. Среди детей рабочих 34,9% стали рабочими, 7,9% — служащими без специального образования, остальные поступили учиться или уже получили специальное среднее или высшее образование. У руководителей предприятий, начальников цехов и у другого руководящего персонала 8,4% детей стали рабочими, 11,6% — служащими без специального образования, остальные либо получили среднее специальное и высшее образование, либо продолжают обучение. Как видим, нет ни одной категории работников промышленности, которая не была бы своими взрослыми детьми представлена в различных социальных группах. О какой-либо кастовости, закрепленности групп говорить не приходится. Однако пока что наблюдается определенная преемственность в занятиях интеллектуальным или преимущественно физическим трудом.

Такой же вывод следует из табл. 63, которая группирует опрошенных по характеру труда. Примечательно, что даже в группе высококвалифицированных рабочих, сочетающих умственный и физический труд, в чьих семьях материальные возможности и условия быта создают все необходимые предпосылки для приобретения детьми понравившейся профессии и соответствующего ей социального статуса (малое число лиц, попавших в выборку, ставит ограничения нашим выводам), 40% взрослых де-

Таблица 63

ЗАНЯТИЯ ВЗРОСЛЫХ ДЕТЕЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ РОДИТЕЛЕЙ (МАШИНОСТРОЕНИЕ ЛЕНИНГРАДА, 1965 г.; В % К ИТОГУ)

Группы опрошенных	Кем работают взрослые дети						
	Рабочие	Работники со средним специальным образованием	Работники с высшим образованием	Служащие	Студенты	Домохозяйки	Всего
Работники неквалифицированного физического ручного труда	37,3	20,9	11,6	13,9	16,3	—	100
Работники нефизического труда средней квалификации	37,6	22,8	11,3	7,9	15,9	4,5	100
Работники квалифицированного, преимущественно физического, труда, занятые у машин и механизмов	43,2	21,6	7,5	7,5	16,5	3,7	100
Работники квалифицированного, преимущественно физического, ручного труда	34,4	23,4	14,3	7,5	17,7	2,7	100
Высококвалифицированные работники, сочетающие физический и умственный труд	40,2	19,9	—	—	34,9	5,0	100
Работники квалифицированного умственного труда	28,6	27,0	17,5	4,7	14,3	7,9	100
Работники высококвалифицированного научно-технического труда	26,3	10,6	26,3	5,3	31,5	—	100
Организаторы производственных коллективов (от мастеров до руководителей предприятий)	13,0	39,4	19,7	6,5	15,9	5,5	100
Итого	32,9	24,8	13,2	8,1	16,6	4,4	100

тей повторили жизненный путь своих родителей, став тоже рабочими. Кстати говоря, и у работников высококвалифицированного умственного труда значительная часть (26,3%) взрослых детей избрала рабочие профессии. Следует еще раз отметить: такой высокий уровень социальной мобильности — свидетельство глубоко укоренившегося социалистического демократизма.

Об этом же говорят данные о связи уровня образования с социальным происхождением детей опрошенных. Среди них доля имеющих образование до 7 классов наиболее велика у детей крестьян (31,1%), далее следуют дети рабочих (16,9%) и дети служащих (7,6%). Доля работников с образованием 8—11 классов наиболее высока среди детей рабочих (64,9%), затем следуют дети колхозников (53,2%) и дети служащих (52,6%). Доля специалистов с высшим или средним образованием наибольшая у детей служащих — 39,5%, затем следуют дети рабочих — 17,7% и дети колхозников — 15,3%.

Другие данные указывают на то, что роль социально-классовых различий в получении образования с течением времени уменьшается. Например, у работников с образованием 5—6 классов являются студентами 15% взрослых детей, а у работников с образованием 7—9 классов и специалистов со средним и высшим образованием — 13%.

Особенно интересны сведения о социальном составе студентов, обучающихся без отрыва от производства. 47% из них — дети рабочих, 25% происходят из колхозной среды, 23% — дети служащих.

Всего среди детей рабочих продолжают учебу 24%, среди детей колхозников — 23%, среди детей служащих — 31%. Но более заметны различия в удельном весе обучающихся в вузах и аспирантуре без отрыва от производства среди выходцев из разных социально-классовых групп. В числе детей рабочих доля таких лиц составляла 5,5%, у детей колхозников — 6,9, у детей служащих — 10,1%.

Первые шаги молодежи в трудовой жизни существенно зависят от происхождения, от культурного и образовательного уровня семьи. Но в последующем продвижении социальные институты социалистического общества через систему заочного и вечернего образования в значительной мере смягчают роль этого фактора; все боль-

шее значение приобретает личная производственная и социально-политическая активность работника.

В этом отношении показательны данные, которые получил В. Н. Шубкин при изучении реализации жизненных планов молодежи, окончившей среднюю школу в 1963 г. в Новосибирской области. Выяснилось, что существует определенная взаимосвязь между реализацией жизненных планов выпускников средних школ и социальным положением их родителей. Бóльшая часть молодежи стремится приобрести творческие профессии. Однако уже при формировании установки на выбор профессии социальный статус родителей оказывает определенное влияние.

Так, дети колхозников и сельских рабочих не предполагают начинать свой жизненный путь с занятий умственным трудом, свое продвижение в отличие от родителей они видят в переходе на работу в город, в промышленность. Жизненные же планы детей горожан сравнительно мало различаются у выходцев из среды работников преимущественно физического или умственного труда.

Конечно, условия жизни в интеллигентных семьях дают молодежи бóльшие возможности реализовать свои жизненные планы. И все же значительная доля детей рабочих добилась этого. Менее успешно решали свои проблемы дети колхозников [118]. Следует учесть и то, что в ходе обучения в старших классах школ часть выходцев из низкооплачиваемых и менее культурных групп населения отсеивается.

Группа московских авторов приводит следующие данные, относящиеся к первой половине 60-х годов: в 10—11-х классах школы дети отцов, имеющих высокую квалификацию, составляют 42,8%, а в ремесленных училищах, ФЗУ и т. п. — 4% учащихся; в 4-м классе на долю детей, имеющих отца и мать, приходится 81,4%, а в профтехучилищах 57,6% учащихся. Авторы делают справедливый вывод: «...с переходом из класса в класс происходит значительный отсев детей, родители которых заняты неквалифицированным и среднеоплачиваемым тру-

[118] См. *В. Н. Шубкин.* Выбор профессии в условиях коммунистического строительства (Опыт конкретно-социологического исследования профессиональных склонностей школьников). — «Вопросы философии», 1964, № 8, стр. 18, 24, 27; *его же.* Молодежь вступает в жизнь. — «Вопросы философии», 1965, № 5, стр. 65.

дом, и резко возрастает процент детей, родители которых заняты трудом высокой квалификации» [119].

Сходные данные были получены в Новосибирске И. М. Мусатовым. Он установил, что учащиеся из социально менее продвинутых групп отсеиваются из-за худшей успеваемости. Последняя же, естественно, не биологически предопределена, а социально обусловлена уровнем культурного развития среды, из которой происходят школьники. По результатам проведенного И. М. Мусатовым выборочного обследования успеваемости учащихся средних школ Новосибирска в 1963/64 учебном году при средней доле неудовлетворительно занимающихся, равной 8%, в числе детей неквалифицированных рабочих доля неуспевающих составляла 15,6%, а среди детей квалифицированных рабочих — всего 7,8%; среди детей малоквалифицированных служащих она повышалась до 8,8%, а среди детей работников высшей квалификации падала до 3,2%. Хотя всего 16% учащихся были детьми неквалифицированных рабочих, на них приходилось 40% всех переростков и 34% всех второгодников [120].

По материалам Государственного комитета Совета Министров СССР по профессионально-техническому образованию, дети из малообеспеченных групп населения пока еще из-за всей совокупности указанных обстоятельств зачастую не завершают полного среднего образования и поступают в профессионально-технические училища после 8-го класса школы. Так, на 1 января 1965 г. в обследованных училищах (65,5% от всей численности обучающихся в этой системе) не имели родителей или одного из родителей 30,9% учащихся. В числе тех, кто имел обоих родителей, 56% были выходцами из семей с доходом на одного члена семьи до 20 руб. в месяц, 22,3% — с доходом от 21 до 30 руб. и лишь 4,3% — с доходом свыше 50 руб. в месяц [121].

Отсюда очевидно принципиально важное значение постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР

---

[119] «Рабочий класс и технический прогресс» М., 1965, стр. 258.

[120] См *И. М. Мусатов.* Социальные проблемы трудовых ресурсов в СССР (Опыт конкретного экономико-социологического исследования). М., 1967, стр 47.

[121] Материалы получены в ВНИИ профтехобразования дипломантской автора Л. А. Кести.

о постепенном преобразовании учебных заведений профессионально-технического образования в такого рода учебные комбинаты с 3—4-летним сроком обучения, в которых подростки, оставшиеся без родителей или вышедшие из малообеспеченных семей, смогут получить полное среднее образование и тем самым фактическую возможность выбрать себе жизненный путь, соответствующий их способностям и склонностям.

Хотелось бы добавить к этому, что, по данным уже упоминавшегося обследования окончивших ленинградские школы в 1963—1967 гг. (руководители темы Э. К. Васильева и Г. Г. Зайцев, консультант — автор настоящей книги), доля тех, кто не смог пойти учиться в высшие учебные заведения из-за материальных затруднений, уменьшилась с 21,4% в 1963 г. до 7,3% в 1967 г. по отношению к числу работающих выпускников средних школ.

Таким образом, система социализма в нашей стране уже к концу 60-х годов практически ликвидировала для подавляющего большинства влияние материально-бытовых факторов на реализацию жизненных планов выходцев из различных социальных групп. Однако еще сохраняется влияние неравенства в социально-культурной сфере жизни. Так, по тому же обследованию выпускников ленинградских школ, 52% поступающих в вузы — дети родителей, имеющих высшее образование (или 80% всех юношей и девушек из этой среды), 31% — дети родителей со средним специальным образованием.

Сохраняется ли в дальнейшей социальной судьбе индивида такое же влияние семьи, какое обнаруживается при вступлении его в самостоятельную жизнь? Исследование, проведенное в Татарии, позволило в какой-то мере проверить гипотезу об уравнительном воздействии социальных институтов общества на последующую трудовую карьеру. По нашим данным, в Казани взаимосвязь социального происхождения с образованием к началу трудовой деятельности выразилась $T = 0{,}198$, а с образованием на момент опроса — $T = 0{,}203$. На языке статистики это выглядит следующим образом. В Казани среди жителей с высшим образованием доля детей колхозников составляла 7,8%, тогда как доля выходцев из этой же среды в числе начавших трудовую деятельность с высшим образованием составляла всего 2,9%. На долю выходцев из

семей работников неквалифицированного физического труда приходилось 10,3% всех жителей с высшим образованием, но только 7,4% тех, кто начал свой трудовой путь после окончания высшей школы. По выходцам из квалифицированных городских рабочих разрыв еще меньше — 11,4 и 10,3%. А вот у выходцев из среды работников, занятых на должности, требующей высшего образования, соотношение обратное: они составляли 25,6% работников с высшим образованием и 32,5% тех, кто начал трудовую деятельность после получения такого образования.

Аналогичные данные, свидетельствующие об уменьшении влияния социального происхождения на социальный статус работника в процессе его трудовой деятельности, были получены нами по Альметьевску и Мензелинску.

Теперь рассмотрим влияние социального происхождения на трудовую и общественно-политическую активность.

По материалам обследования машиностроителей Ленинграда, средняя квалификация рабочих составила: у детей рабочих физического труда 3,75 разряда, у детей колхозников — 3,67, у детей служащих — 4,55 разряда. Эти различия строго следуют за разницей в средней продолжительности профессионального обучения, которая равнялась в первом случае 12 месяцам, во втором — 9, в третьем — 20 месяцам.

Ценностная ориентация потомственных рабочих представляет особый интерес для предприятий. Среди детей рабочих физического труда наибольшее число (56%) удовлетворенных своей специальностью. Для детей служащих характерна частичная удовлетворенность («В общем работа нравится»).

Какой-либо отчетливой взаимосвязи между производственными показателями и социальным происхождением у рабочих современной советской промышленности не наблюдается. Так, среди машиностроителей Ленинграда перевыполняли сменное задание 36,8% детей рабочих и 39,4% детей колхозников. Зато невыполняющих сменное задание среди потомственных рабочих почти нет (0,8%), тогда как среди выходцев из деревни они составляют 4,2%. Причина этого явления не разница в отношении к труду (ее нет), а особенности воспитания на селе. Ведь не выполняют сменное задание в основном совсем молодые

дети крестьян, еще не привыкшие ни к городу, ни к предприятию. Некоторое же превосходство выходцев из деревни в перевыполнении норм выработки связано с более продолжительным производственным стажем этой группы рабочих, а также с активным переходом детей рабочих физического труда в ряды технической интеллигенции, переходом, охватывающим наиболее энергичную и профессионально способную часть потомственных рабочих. Этим объясняются и различия по участию в рационализаторстве (8,2% детей рабочих против 10,5% выходцев из колхозных семей). Имеются также определенные различия в оплате труда: средняя заработная плата у детей колхозников на 5% выше, чем у детей рабочих. Но пока что в нашей промышленности значительное влияние на многие стороны производственной деятельности людей оказывает стаж. А он, как и возраст, у детей колхозников примерно на три года выше, чем у потомственных рабочих. Это вполне понятно. Вплоть до середины 50-х годов основным поставщиком рабочих кадров служила деревня. Лишь за последние годы роль рабочего класса в воспроизводстве своего пополнения резко возросла, в результате чего доля выходцев из крестьян в современном поколении ленинградских рабочих-машиностроителей сократилась до 12,3%.

Различия в стаже, а тем самым в социально-политическом опыте объясняют различия и в показателях партийности. Среди машиностроителей — потомственных рабочих 15,2% коммунистов, а среди машиностроителей — детей колхозников — 26,8%; доля комсомольцев — соответственно 19,5 и 10,4%. Участие в общественной жизни (выборная работа и общественные поручения) строго следует этим же закономерностям: у потомственных рабочих доля имеющих общественные поручения — 56,9%, а у детей колхозников — 61,5%.

Отсюда очевидно, что на интенсивности проявления основных классовых свойств социальные связи по линии родители — дети (т. е. классовое происхождение) существенно не сказываются. В то же время в некоторых особенностях быта и культуры они (вернее, сохраняющиеся еще различия между городом и деревней) проявляются. Например, число книг в домашних библиотеках у потомственных рабочих больше (в среднем 74, а у выходцев из крестьян 60), больше и число прочитанных

в среднем за месяц книг. У приехавших из деревни сильнее тяга к телевидению (они регулярно смотрят все передачи), зато у детей рабочих выше доля посещающих театры и концертные залы. И в этом сказываются в первую очередь не различия в материальном достатке (душевой доход и обеспеченность жилой площадью в обеих группах примерно одинаковы), а разница в социальных традициях и общем культурном уровне.

Теперь рассмотрим, сколь обширны социальные связи между различными группами работников промышленности, существуют ли, например, чисто рабочие семьи, или на сегодняшний день типична семья со смешанным социальным составом. Мы уже убедились в сложности генеалогических линий, в переплетении социальных занятий в рамках трех поколений. С этой точки зрения представляют интерес табл. 64 и 65, в которых сгруппированы данные, рисующие взаимосвязь между принадлежностью опрошенных к социально-профессиональной группе и занятиями их жен (мужей).

Из таблиц видно, что семейно-брачные связи формируются, охватывая все общество в целом, а не замыкаясь на социальных группах. Однако нельзя не заметить, что в полярных группах (с одной стороны, рабочие неквалифицированного физического ручного труда, а с другой стороны, работники высококвалифицированного умственного труда) наблюдается большая однородность брачных связей. Наибольшей дисперсностью семейно-брачных отношений отличаются квалифицированные рабочие, особенно высококвалифицированные работники, сочетающие физические и умственные функции (типа наладчиков, механиков-наладчиков). В их среде супружеские пары чисто рабочего состава составляют менее половины — 47,9%, остальные пары — смешаны в социальном отношении. Высока дисперсия брачных связей и у работников квалифицированного умственного труда, требующего преимущественно среднего специального образования. В Ленинграде в этой среде брачные связи почти равномерно рапределены по трем группам: 27,9% вторых супругов являются рабочими, 22,1% — работниками со средним специальным образованием, 31,5% — работниками с высшим образованием. Близкая ситуация наблюдается на Псковском заводе автоматических телефонных станций, где работники квалифицированного умствен-

Таблица 64

ЗАНЯТИЕ ЖЕНЫ (МУЖА) В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ОПРОШЕННОГО (МАШИНОСТРОЕНИЕ ЛЕНИНГРАДА, 1965 г.; В % К ИТОГУ)

Группы опрошенных	Кем работает жена (муж)						
	Рабочие	Работники со средним специальным образованием	Работники с высшим образованием	Служащие	Студенты	Домохозяйки	Всего
Работники неквалифицированного физического труда	66,4	8,1	5,3	5,3	—	14,9	100
Работники нефизического труда средней квалификации	65,2	13,7	6,6	7,0	3,1	4,4	100
Работники квалифицированного, преимущественно физического, труда, занятые у машин и механизмов	61,5	15,3	5,4	13,0	1,0	3,8	100
Работники квалифицированного, преимущественно физического, ручного труда	52,9	17,3	6,3	16,1	1,7	5,7	100
Высококвалифицированные работники, сочетающие физический и умственный труд	47,9	14,8	6,2	24,9	—	6,2	100
Работники квалифицированного умственного труда	27,9	22,1	31,5	10,7	2,9	4,9	100
Работники высококвалифицированного научно-технического труда	10,5	23,2	53,8	6,3	3,1	3,1	100
Организаторы производственных коллективов (от мастеров до руководителей предприятий)	25,7	17,4	27,9	17,8	1,7	9,5	100
Итого	51,2	16,3	12,6	12,7	1,7	5,5	100

Таблица 65

ЗАНЯТИЕ ЖЕНЫ (МУЖА) В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ОПРОШЕННОГО (ПСКОВСКИЙ ЗАВОД АТС, 1967 г.; В %)

Группы опрошенных	Кем работает жена (муж)								
	Колхозник	Рабочий в сельском хозяйстве	Неквалифицированный рабочий в городе или рабочем поселке	Квалифицированный рабочий в городе или рабочем поселке	Служащий без специального образования	Работник со средним специальным образованием	Работник с высшим специальным образованием	Прочие	Число опрошенных
Работники неквалифицированного физического труда	—	—	23,0	26,8	38,6	7,7	3,9	—	26
Работники нефизического труда	—	—	13,2	51,0	5,6	22,7	7,5	—	53
Работники квалифицированного, преимущественно физического, ручного труда	—	—	10,2	45,7	9,8	21,6	8,5	4,2	166
Работники квалифицированного физического труда, занятые на машинах и механизмах .	1,2	1,2	13,4	61,0	8,6	14,6	—	—	82
Работники квалифицированного умственного и научно-технического труда	2,4	—	—	23,8	19,0	28,6	23,8	2,4	42
Руководители трудовых коллективов	—	—	—	27,3	9,1	27,3	36,3	—	11

ного труда в 23,8% случаев вступили в брачные связи с рабочими, а в 19% случаев — со служащими без специального образования. Важно отметить, что дисперсность семейно-брачных отношений, взятых в социальном разрезе, стимулирует социальный прогресс общества.

Среди машиностроителей Ленинграда, чьи жены (мужья) являются рабочими, продолжали учебу 10,9%, в том числе в вузах 2,1%, у супругов техников доля продолжавших учебу — 39%, в том числе в вузах — 10,5%. Среди тех, чьи жены (мужья) являются студентами, продолжали обучение 59,8%, в том числе в вузах — 17,6%. Как это ни кажется парадоксальным, мужья домохозяек продолжали обучение в меньшем числе случаев — 24%, в том числе в вузах — 5%. Аналогичные данные мы получаем по чтению книг, посещению театров и другим сторонам культурного развития работника. Естественно, что показатели взяты нами при одинаковых (сопоставимых) возрастных интервалах. И вот оказывается, что если жена — домохозяйка, то это еще не лучшие условия для продолжения обучения, для социального продвижения мужа. Напротив, как показывает статистика, при прочих равных условиях, в том числе возрастных, более активное участие супруги в социальной жизни, включая учебу, стимулирует и социальный рост мужа.

Чтобы уточнить картину социальных связей, мы при обследовании в Татарии попытались рассмотреть интегративный социально-профессиональный статус членов семьи опрошенного (исключая его самого). И получили весьма любопытные результаты. Социально-профессиональные связи опрошенного с членами его семьи оказались более коррелированными, чем связь его социально-профессиональной принадлежности с социальными показателями его друзей. Впрочем, этого следовало ожидать, хотя, как уже отмечалось выше, в нашем обществе преобладают семьи смешанного типа. По коэффициентам Чупрова связь социально-профессионального статуса опрошенного с соответствующими показателями членов его семьи выразилась: в Казани — $T=0{,}172$, в Альметьевске — $T=0{,}150$ и в Мензелинске — $T=0{,}171$.

Материалы, приведенные выше, уже в значительной мере раскрывают характер социальной мобильности в современном советском обществе.

Для рассмотрения социальной мобильности особое

значение имеет анализ динамики социального положения семьи от поколения к поколению.

В семейной карте, включенной в опросный лист, который использовался при обследовании в Татарии, были выделены все члены семьи, работавшие или находившиеся на пенсии в момент опроса. Семьи были разделены на десять групп. Первая группа — семьи, где наблюдался рост социального уровня без перехода членов семьи в группы, занятые на должностях и видах работ, которые требуют высшего образования. Вторая группа — семьи, в которых рост социально-профессионального статуса от поколения к поколению был связан с переходом части членов семьи на работу, требующую высшего образования. Третья группа — семьи, в которых младшее и старшее поколения сохранили примерно равный социально-профессиональный статус, но в пределах занятий, требующих не более среднего специального образования. Четвертая группа — семьи, где от старшего к младшему поколению не наблюдался рост социального статуса, но и в старшем и младшем поколениях имелись лица, занятые видами труда, которые требуют высшего образования. Пятая группа — семьи, в которых имел место спад, переход младшего поколения на более низкий социально-профессиональный статус, причем и в старшем, и в младшем поколениях в пределах видов труда, не требующих образования выше среднего. Шестая группа — семьи, где в старшем поколении имелись лица, занятые трудом, который требует высшего образования, а в младшем поколении представителей этого вида труда не было.

Седьмая — десятая группы охватывали семьи, в которых работали представители трех поколений. Таких семей, естественно, оказалось сравнительно немного, поэтому полученные нами данные статистически нерепрезентативны, однако для характеристики определенных процессов их можно использовать. В седьмую группу были отнесены семьи, где в младшем поколении произошли более прогрессивные изменения, чем в среднем, но и младшее поколение не выходило за пределы видов труда, которые не требуют высшего образования. Восьмую группу составили семьи, где в младшем поколении произошли более прогрессивные изменения, чем в среднем, но при этом в младшем поколении уже были лица, занятые на видах работ, которые требуют высшего обра-

зования. Девятая группа — это семьи, в которых в младшем поколении были изменения менее прогрессивные, чем в среднем, однако социальный статус младшего поколения был более высок, чем в старшем, при наличии высшего образования и у среднего, и у младшего поколений. К десятой группе были отнесены семьи, в которых в младшем поколении произошли менее прогрессивные изменения, чем в среднем, причем во всех случаях изменения не выходили за пределы видов труда, требующих образования не выше среднего. В данном случае социальный статус семьи определяли с учетом самого опрошенного [122].

Обратимся теперь к некоторым цифровым показателям. С учетом объема статистики мы вынуждены ограничиться данными по Казани.

К первому типу относилось 36,2% обследованных семей, ко второму типу — 14,5%. Это значит, что более половины семей (50,7%) обладает высоким уровнем социальной мобильности.

Значителен процент семей, в которых происходит стабилизация социального уровня, — это семьи третьего (27,6%) и четвертого (2,9%) типов.

Характерно, что семьи, в которых уровень среднесемейного социального статуса падает, представлены неизмеримо более скромной величиной, а именно — 17,1%. При этом к пятому типу относится 10,5% и к шестому — 6,6%. Но в семьях шестого типа младшее поколение при наличии среднего образования еще имеет перспективу социального роста. Следовательно, говорить о том, что величиной в 6,6% выражается доля семей со снижающимся статусом, было бы опрометчиво.

Что касается семей седьмого — десятого типов, то их доля оказалась ничтожно мала — всего лишь 1,8%. Поэтому мы опускаем их рассмотрение.

Таким образом, здесь нет распределения, при котором, скажем, на 50% семей, повысивших свой социальный статус, приходилось бы 50% семей, снизивших его. Речь идет о принципиальных изменениях социальной структуры, которые сопровождаются интенсивным возрастанием доли семей, социально продвинутых, об

---

[122] Методика группировки разработана Э. К. Васильевой. Нам кажется, что положенные в ее основу принципы могут быть полезными при дальнейших изысканиях на более широкой статистике.

активном процессе повышения социальной однородности общества.

Из приведенного материала с очевидностью следует вывод о том, что чрезвычайно важной особенностью социальной структуры социалистического общества является отсутствие устойчивых, наследственно воспроизводящихся, замкнутых, «закрытых» социальных слоев.

Эти же сведения вместе с тем могут быть использованы и для характеристики социальных источников пополнения рабочего класса. Они показывают, что все социально-профессиональные группы работников промышленности формируются сегодня из представителей разных социальных слоев, что эти группы сближаются по источникам пополнения. Такой вывод подтверждается анализом данных о социально-классовом происхождении различных возрастных групп работников машиностроения Ленинграда.

По старшим возрастным группам первоначальная структура пополнения была, естественно, другой, чем та, что зарегистрирована нашим обследованием. По-видимому, в ней было больше выходцев из рабочей среды, впоследствии мигрировавших в ряды интеллигенции, кадровых военнослужащих и т. д. Однако здесь не требуется столь же энергичная оговорка, какую мы сделали в связи с интерпретацией данных переписи рабочих и служащих, проведенной ВЦСПС в 1929 г. Полученные тогда данные действительно не могли быть без существенных ошибок использованы для изучения источников пополнения рабочего класса в годы империалистической и гражданской войн, поскольку происходившие на протяжении 20-х годов качественные миграционные процессы совершенно изменили структуру старших возрастных групп рабочего класса по сравнению с первоначальной. Нет оснований полагать, что столь большие искажения внесли также годы Великой Отечественной войны и последующего мирного социалистического строительства, ибо, как показывает анализ приведенных выше материалов, социальная мобильность в пределах и за пределы рабочего класса более или менее равномерно охватывает выходцев из всех социальных слоев.

Нами для анализа взяты три возрастные группы машиностроителей Ленинграда — от 20 до 24 лет, от 30 до 34 лет и от 50 до 54 лет. Возрастные группы юношеского

состава не рассматриваются, поскольку они не закрепились в своих занятиях. Что касается возрастной группы от 55 лет и старше, то она малопредставительна в выборке. Данные по трем основным возрастным группам позволяют судить о структуре пополнений рабочего класса в конце 20-х — начале 30-х годов, в конце 40-х годов и в современный период.

Старшее поколение рабочего класса на 58% вышло из рабочей среды, на 27,7% — из среды колхозников, на 10,9% — из среды служащих, на 3,4% — из среды «прочих». В послевоенном пополнении рабочего класса 49,5% составили дети рабочих, 19,8% — дети колхозников, 24,1% — дети служащих, 6,6% — дети «прочих». В современном поколении рабочих 55,3% приходится на долю выходцев из рабочих, 12,3% — выходцев из среды колхозников, 25,9% — выходцев из рядов служащих, 6,5% — из «прочих».

Несмотря на возможные неточности этих данных в силу социальной миграции, имевшей место за протекший период, из них можно сделать выводы, которые совпадают с наблюдениями публицистов и свидетельствами хозяйственников и партийных работников промышленности, а именно: резко падает доля выходцев из колхозной среды (более чем в 2 раза по сравнению со второй половиной 20-х — началом 30-х годов); решительно возрастает доля детей служащих; после естественного спада в послевоенные годы несколько поднимается доля выходцев из рабочей среды.

В 1965 г. ЦК ВЛКСМ было проведено социологическое исследование факторов, определяющих удовлетворенность молодежи автомобильных и тракторных заводов работой и продвижением на производстве (см. первую главу). Оказалось, что среди рабочих этих весьма типичных для современной промышленности СССР по источникам рекрутирования рабочей силы предприятий дети городских рабочих составляли 49,6%, дети сельскохозяйственных рабочих — 9,8%, дети колхозников — 15,5%, дети служащих — 21,1% и дети «прочих» — 4%. Однако по городам данные резко различаются: в Кутаиси и Минске кадры в основном поставляет село, во Львове и Харькове, напротив, $^3/_4$ пополнения — потомственные горожане.

Экономист М. Я. Сонин в книге, вышедшей еще

в 1959 г., отметил, что ряды рабочих физического труда пополняются как детьми самих рабочих, так и за счет детей колхозников и интеллигенции. Таковы же источники комплектования рядов интеллигенции. Колхозное крестьянство воспроизводится по преимуществу на своей собственной основе, хотя в известной мере пополняется выходцами из рабочего класса и интеллигенции. Следовательно, отличительной чертой воспроизводства классов социалистического общества является систематическое сближение источников их воспроизводства. В связи с этим группировка источников по социально-классовому признаку недостаточна и должна быть дополнена рядом других. М. Я. Сонин предлагает при регулировании источников пополнения учитывать в первую очередь два момента: а) деление на городское и сельское население в связи с наличием существенных различий в условиях их жизни; б) пол и возраст, а также степень подготовленности к общественному труду [123]. Эти, по нашему мнению, правильные выводы сохранят на ближайшие годы свое значение.

Трудно согласиться с утверждением Н. А. Аитова, будто «в настоящее время в нашей стране крестьянство является главным источником пополнения рабочего класса» [124]. Н. А. Аитов ссылается при этом на следующие данные: среди рабочих казанских предприятий в 1963 г. было 48% детей колхозников (или крестьян); на некоторых (подчеркиваем — «на некоторых») литовских заводах рабочие — выходцы из крестьян составили 53—56,7% (данные взяты из кн.: «Развитие рабочего класса в национальных республиках СССР». М., 1962, стр. 111—112); в 1960 г. 37% рабочих — участников движения за коммунистический труд на 9 предприятиях Москвы являлись выходцами из крестьян (см. данные из кн.: «Вопросы организации и методики конкретно-социологических исследований». М., 1963, стр. 124).

Автор здесь не учел два обстоятельства: 1) его примеры относятся преимущественно к зонам повышенного притока рабочей силы из деревни; 2) эти данные охватывают *все* возрастные группы рабочих, а для изучения

---

[123] См. *М. Л. Сонин.* Воспроизводство рабочей силы в СССР и баланс труда. М., 1959, стр. 59.

[124] «Вопросы философии», 1965, № 3, стр. 7—8

источников пополнения необходимо выровнять показатели происхождения по времени прихода на работу в промышленность. Наконец, сами цифры не только не подкрепляют, а скорее опровергают вывод автора: кроме сведений по Литве они указывают на преимущество внедеревенских источников пополнения рядов рабочего класса.

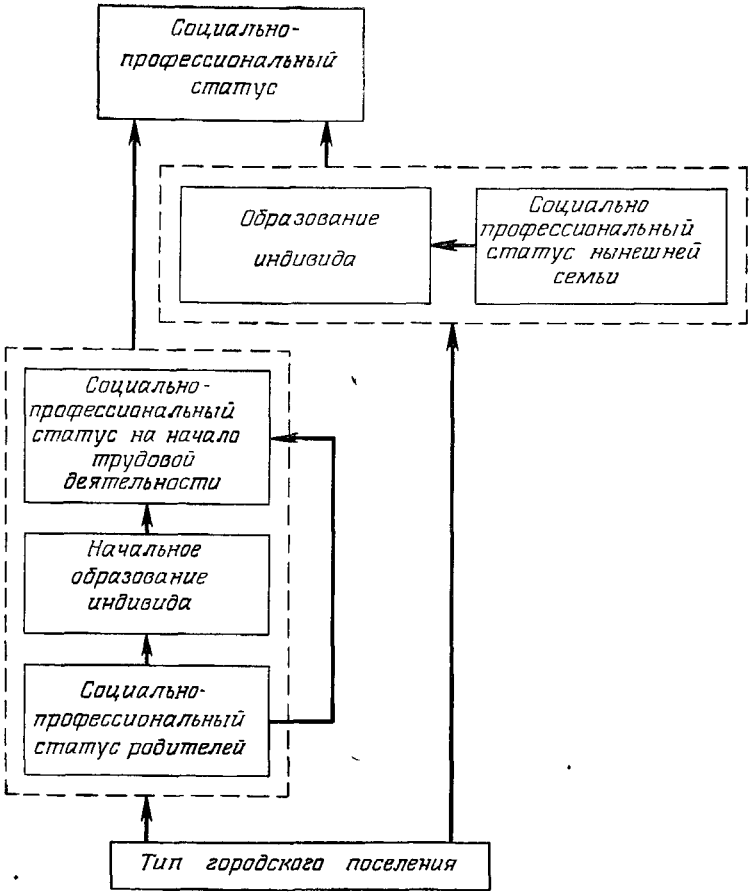
Для современной теории и практики управления социальными процессами при анализе источников пополнения рабочего класса недостаточен один только социально-классовый аспект. Нельзя также ограничиться изучением этих источников применительно лишь к совокупно взятому рабочему классу. По-видимому, с учетом рассмотренной в предыдущем разделе главы дифференциации рабочего класса следовало бы оценить источники его пополнения с точки зрения социально-профессиональной принадлежности глав семей, из которых происходят работники, относящиеся к разным социально-профессиональным группам. Итак, в анализе целесообразно сочетать данные с классовой, социально-профессиональной и поселенческой (село — город с подразделением по типам городов) принадлежности пополнений рабочего класса.

К сожалению, фундаментальной информацией такого рода мы не располагаем. Все же приведенные выше данные о социально-профессиональной принадлежности опрошенных и их взрослых детей в известной мере помогают понять основную тенденцию в развитии источников пополнения различных социальных групп рабочего класса, а она сводится к процессу неуклонной унификации этих источников.

* * *

На основании всего материала, приведенного в настоящей главе, процесс формирования основных социальных внутриклассовых групп можно представить в виде схемы на стр. 454.

Взаимодействие отдельных элементов этой схемы и было предметом нашего рассмотрения. Как видно из схемы, социально-профессиональные группировки детерминированы исходным состоянием социальных отношений в обществе, реализуемых в показателях социального статуса семей, в которых происходило воспитание новых по-



полнений социальных групп. Эти семьи в значительной мере предопределили уровень первоначального образования, полученного индивидами к началу их трудовой деятельности, что в значительной мере сказалось на распределении новых трудовых пополнений по социально-профессиональным группам. Исследование показало, что образование, приобретаемое в процессе трудовой деятельности, и усредненный социальный статус новой семьи, формируемой индивидом, относительно автономно воздействуют на конечный социально-профессиональный статус того же индивида.

Кроме того, существует достаточно четкая взаимосвязь между типами городских поселений и характеристиками социально-профессиональных групп. Можно считать установленным, что в общем по мере перехода от крупного города к малому требования к социально-профессиональному и социально-культурному потенциалу индивида при достижении им одного и того же социально-профессионального статуса снижаются. Обнаруживаются также снижение уровня социальных ожиданий и уменьшающаяся притязательность населения по линии социального продвижения. Это в значительной мере объясняется тем, что малый город выталкивает избыточное социально-активное население, тогда как крупные города со стабилизировавшейся и относительно консервативной системой социальных групп удерживают и перераспределяют в своих границах социально мобильную часть горожан.

Можно признать, что крупные города выражают собой тип интенсивной органической урбанизации общества, поэтому их следует оценить как некий эталон, образец ближайшего социального будущего. Остальные типы городских поселений выражают менее развитый тип совокупности социальных отношений. Не случайно в нашу схему включен тип городского поселения, воздействующий как на начальный отрезок социальной карьеры индивида, так и на последующие. Типом городского поселения задана и сама социально-профессиональная структура, которая, как мы убедились, значительно разнится по городам прежде всего пропорциями социально-профессиональных групп, а отсюда масштабами и темпами социальной мобильности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходными методологическими принципами изучения социальной структуры для нас являются:

а) выделение в качестве структурных элементов социальных групп, различающихся условиями непосредственной жизни и вытекающими из этих условий специфическими экономическими интересами;

б) признание историзма социальных структур, т. е. того, что последние базируются на исторически конкретной системе экономических отношений, присущих определенной общественно-исторической формации, а в пределах данной формации — конкретным социальным организмам;

в) признание примата реально развивающихся и более динамичных общественных отношений перед менее подвижной социальной структурой;

г) учет того обстоятельства, что в марксистской традиции социальная структура есть понятие, помогающее выявить социальное неравенство в целях борьбы за его ликвидацию;

д) признание того положения, что между периодами разложения первобытнообщинного строя и утверждения коммунизма главными, коренными во всей совокупности социальных отношений являются классовые отношения, которыми и определяется социальная структура общества на этом отрезке истории. Периодизация социальных изменений в рабочем классе не может существенно отличаться от периодизации социальной истории всего общества.

Действительно, за годы Советской власти в социальной динамике рабочего класса можно отметить два крупных этапа. Первый из них совпадает с периодом перехода от капитализма к социализму, т. е. от Великой Октябрьской социалистической революции до середины 30-х годов, второй начался со второй половины 30-х годов и продолжается до наших дней.

Как показал опыт строительства социализма в СССР

и в других странах с преобладающим мелкобуржуазным населением, после социалистической революции основные социальные различия в рабочем классе базируются на качественно-количественных различиях в отношениях собственности. Они связаны с подвижностью классовых границ, с одной стороны, и с расширенным воспроизводством рабочего класса за счет выходцев из других классов (преимущественно мелкой буржуазии), с другой стороны. При этом выделяются два основных слоя: слой кадровых рабочих, не имеющих собственных средств производства и иных источников дохода, кроме получаемой на предприятии заработной платы и поступлений из общественных фондов потребления, и слой формирующихся рабочих, сохранивших остаточные отношения присвоения собственных средств производства и имеющих в итоге доходы от собственного частного, мелкотоварного, как правило, крестьянского хозяйства. Между первым и вторым типами рабочих масса промежуточных форм, неустойчивых, подвижных, с тенденцией перерастания в тип кадрового рабочего. Кроме того, в состав производственных коллективов переходного периода от капитализма к социализму входят рабочие особого типа — лица, связанные с нетрудовыми слоями населения, особенно кулачеством.

Для характеристики основных слоев рабочего класса в переходный период важны данные о наличии и характере связей с мелкособственническим (а иной раз и буржуазным, например, кулацким) хозяйством, о наличии и доле непролетарских (т. е. не за счет собственного труда в крупном производстве) источников дохода, о закрепленности в положении наемного работника (стаж труда по найму, потомственность принадлежности к рабочему классу), наконец, в качестве вспомогательных данные об общественно-политическом облике групп рабочих.

Изложенная схема отражает лишь главные, определяющие различия в рабочем классе, на основе которых воспроизводятся его социальные слои в переходный период от капитализма к социализму. Однако в рабочем классе и того времени есть немало других связей, приводящих к разграничениям, достаточно стабильным и устойчивым для того, чтобы на их базе выделить в нем определенные группы, хотя принадлежность к последним не является доминирующей. Имеются в виду различия,

связанные с квалификацией, с типом поселения, в котором проживает данная группа рабочих, с отраслью народного хозяйства, в которой она работает, со средой общения.

Социальная структура рабочего класса играла первостепенную роль в решении задач построения нового общества, в выборе конкретных форм социалистического строительства. От нее в значительной мере зависело определение возможных темпов и способов вовлечения в русло социалистического строительства непролетарских слоев трудящегося населения (прежде всего крестьянства); она оказывала влияние на формирование авангарда рабочего класса — Коммунистической партии, а также предопределяла в значительной степени уровень трудовой и политической активности самих рабочих. Существовала прямая взаимосвязь между соотношением основных компонентов социальной структуры рабочего класса СССР в годы борьбы за построение социализма и поддержкой, оказываемой всем рабочим классом Коммунистической партии. Именно кадровые рабочие были основной опорой партии в деле социалистического строительства.

Сдвиги в социальной структуре рабочего класса за этот период не образуют единого цикла, а распадаются на ряд этапов, различных по характеру протекавших в них процессов:

1. Социальная структура рабочего класса в канун Октябрьской революции. В 1917 г. доля слоя кадровых рабочих составляла примерно 40% в промышленности страны. Доля слоя формирующихся рабочих, недавних выходцев из бедняцко-середняцких трудовых групп городского населения, приближалась к 50%. Рабочая аристократия была представлена группой порядка 4% от общей численности индустриального пролетариата. Кроме того, в своеобразных условиях мировой войны в составе производственных коллективов появился новый слой — выходцы из буржуазной среды, укрывавшиеся от мобилизации (примерно 7%).

2. Социальная структура рабочего класса в начале гражданской войны. На момент промышленной и профессиональной переписи августа 1918 г. доля кадровых рабочих поднялась до 60—70%. Были уволены с предприятий выходцы из буржуазных слоев населения,

3. Социальная структура рабочего класса ко времени завершения гражданской войны. Доля слоя кадровых рабочих упала до 40%. Соотношение между слоем формирующихся рабочих и выходцами из буржуазии, мобилизованными на предприятия в порядке трудовой повинности, не может быть установлено по наличным источникам.

4. Социальная структура в начале реконструктивного периода. На момент переписи рабочих и служащих 1929 г. доля слоя кадровых рабочих снова поднялась до 70%. Доля слоя формирующихся рабочих составляла 25—27%. Остальные были выходцами из буржуазной, в том числе кулацкой, среды.

5. Социальная структура рабочего класса к середине 30-х годов. Доля слоя кадровых рабочих значительно уменьшилась (по-видимому, до 45—50%). Резко выросла роль формирующихся рабочих. Правда, следует учесть, что именно в эти годы происходили изменения в соотношении самих факторов, формирующих социальную структуру рабочего класса.

В целом в переходный период от капитализма к социализму, в процессе завершения обобществления промышленности, ликвидации безработицы, достижения полного торжества социалистического уклада в городе и деревне рабочий класс преобразовался, в нем исчезли различия, связанные с наличием у части рабочих собственных средств производства, и его социальное единство окрепло.

Второй, принципиально новый этап в развитии социальной структуры рабочего класса начался с середины 30-х годов и совпадает с периодом становления и дальнейшего развития зрелого социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму. Социальной структуре рабочего класса на этом этапе присущи новые черты, которые по мере развития социализма проявляются все более отчетливо.

Уже на первой фазе коммунистической формации решающее значение в механизме социальной структуры приобретают те стороны производственных отношений, которые являются общими для обеих фаз, прежде всего непосредственно общественное отношение коллективности всех членов общества по поводу средств производства. Эта экономическая основа обусловливает неантагонистический характер отношений социальных групп,

глубокую общность их интересов и закономерное перерастание социальной структуры, присущей социализму, в социальную структуру коммунистического типа.

В то же время совокупность производственных отношений социализма содержит в себе элементы, приводящие к воспроизводству социально-экономического неравенства. В силу состояния производительных сил сохраняется еще социально-экономическая неоднородность труда. Поэтому члены общества, социально закрепленные за экономически различными видами труда, фактически в неравной мере реализуют свои равные права как сохозяева социалистической собственности. Социализм именно ради осуществления перехода к полному коммунизму, в чем заинтересовано все общество, требует учета индивидуального и группового вклада в развитие производства и культуры, т. е. вклада в развитие социалистической собственности. А этот вклад зависит не только и не столько от субъективной воли человека, сколько от его объективного места в системе производства. Более квалифицированный работник может принести обществу больше пользы.

Это фундаментальное разделение сохранится вплоть до полного коммунизма, когда уровень развития производства позволит на деле осуществить принцип «от каждого по способностям».

Противоречия, вытекающие из специфики интересов групп работников, занятых разным по характеру трудом, не носят антагонистического характера, ибо в их преодолении заинтересованы все члены социалистического общества.

Этот подход к основам социальной дифференциации социалистического общества позволяет понять некоторые тенденции в изменениях социальной структуры. Следует учитывать, что социальная структура социалистического общества не исчерпывается классами, что в ней важное место занимает разделение людей, связанное с социально-экономической неоднородностью труда, а, как показывают прогнозы в развитии техники, различия такого рода исчезают сравнительно медленно.

Первоначально отмирают классы и классовые различия. Для нашей страны — это недалекое будущее. Более длительного времени потребует постепенное стирание различий между квалифицированным и неквалифициро-

ванным, умственным и физическим трудом, между городом и деревней. Социально-экономическое неравенство людей, связанное с этими различиями, конечно, не идет по своей остроте ни в какое сравнение с классовым неравенством в капиталистическом обществе. Тем не менее корни его более глубоки. Итак, в ходе развития зрелого социалистического общества и его перерастания в коммунистическое социальная структура претерпевает реконструкции, вследствие которых постепенно на первый план выдвигаются не классовые, а иные социально дифференцирующие признаки.

Отсюда следует, что и в рабочем классе (поскольку субординированность дифференциации в обществе в целом отражается в соподчиненности признаков дифференциации в элементах его социальной структуры) меняются слоеобразующие признаки.

Так же как и во всем обществе, в рабочем классе на первый план выдвигаются различия, связанные с социально-экономической неоднородностью труда, которая обусловливает неравенство по количеству и качеству труда, неравное участие в организации и совершенствовании производства. Они находят, конечно, свое проявление и в распределении материальных и (в меньшей мере) духовных благ.

На этой основе в рабочем классе образуются группы, обладающие устойчивыми специфическими социальными свойствами, — от работников неквалифицированного физического труда до работников высококвалифицированного научно-технического труда.

Основными показателями социальных внутриклассовых групп при социализме служат профессия, квалификация, тип трудовой деятельности, должность, участие в общественном управлении.

Все группы работников социалистических предприятий входят в состав совокупного рабочего, непосредственно включены в производственный процесс, находятся в одинаковых отношениях по поводу распоряжения средствами производства.

Рассмотренные в книге данные конкретных социологических исследований говорят о весьма высокой однородности выделенных групп по уровню социальной мобильности, по размерам дохода на члена семьи и по ряду других характеристик, в то же время обнаруживаются

значительные различия между ними в уровне социально-политической активности, масштабе участия в техническом творчестве, размере заработка и особенно в объеме образовательной подготовки.

Необходимо, однако, учесть, что эта группировка основана на материалах, собранных на промышленных предприятиях, что определенным образом ограничивает значение сделанных выводов.

Интересно сопоставить роль различных факторов дифференциации рабочих-металлистов Ленинграда в 1929 и 1965 гг. Подсчет, произведенный при помощи статистического коэффициента Чупрова, показал, что наиболее «чувствительными» для характеристики принадлежности к кадровым рабочим — основному слою рабочего класса — в 1929 г. являлись такие показатели, как партийность (а это довольно точный вторичный признак, если принять во внимание политику классового контроля состава партии в то время), наличие или отсутствие связи с собственным хозяйством и рабочий стаж, тогда как квалификация и образование примерно в 1,5 раза «меньше» воздействовали на дифференциацию внутри рабочих-металлистов.

Аналогичный расчет по материалам 1965 г. вскрыл совершенно иную картину: профессия, образование и квалификация выдвинулись на первый план, став решающими признаками внутриклассовых группировок.

Из анализа данных конкретных социологических исследований, проведенных в разных районах страны, следует, что в рабочем классе, как и во всем советском обществе, не образуется устойчивых, наследственно воспроизводящихся социальных слоев. Например, в ленинградском машиностроении 54,2% руководителей производственных коллективов являются выходцами из семей рабочих преимущественно физического труда и колхозников; примерно половина из них начинала свою трудовую биографию рабочими.

Развитие социализма приводит к усилению социальной однородности рабочего класса. Прежде всего в нем уменьшается доля представителей профессий неквалифицированного труда. Только с 1948 по 1965 г. в 2—5 раз увеличилась численность по профессиям квалифицированного труда; почти не изменилась, а в ряде случаев заметно уменьшилась численность рабочих по профес-

сиям, не требующим длительной выучки и значительного образовательного ценза.

Важнейшее значение имеет рост образованности широких рабочих масс. Если в 1939 г. доля лиц с образованием не меньше семилетнего составляла среди рабочих преимущественно физического труда 8,2%, то в 1959 г. она поднялась до 38,5%, а к 1967 г. достигла 50%. Характерно, что наблюдается тенденция к сближению образовательного уровня у рабочих, имеющих разные профессии и занятых в разных отраслях промышленности. А ведь, как показал приведенный анализ данных специального исследования, образовательная подготовка все в большей мере выступает решающим фактором в социальной судьбе членов социалистического общества.

К сожалению, приходится пользоваться этими и подобными им косвенными данными (по профессиональному составу, образованию и т. д.) для характеристики тенденций в изменении социальной структуры рабочего класса нашего общества за последние 35 лет. Пока нет каких-либо надежных источников, чтобы выявить пропорции основных социальных групп в рабочем классе в конкретные исторические периоды. Можно лишь заметить, что в связи с Отечественной войной и послевоенным восстановительным циклом устойчивость черт, присущих социальной структуре рабочего класса развитого социалистического общества, закрепилась, видимо, лишь к середине 50-х годов.

Десятилетия социалистического строительства укрепили и еще более усилили авангардную роль рабочего класса как главной силы общественного прогресса. Но в нем самом произошли важные перемены. Во главе рабочего класса встали те отряды, которые широтой своего политического кругозора, своими специальными знаниями и реализацией этих знаний в борьбе за построение нового общества наиболее полно выражают как требования научно-технической революции, так и задачи социального прогресса. В условиях развитого социалистического общества ведущей силой рабочего класса становятся высококвалифицированная часть рабочих преимущественно физического труда и техническая интеллигенция. Эти группы работников обладают высоким уровнем идейно-политической зрелости и производственной активности. Они служат основным источником комплектования

рядов профессиональных руководителей. Они являются носителями лучших черт рабочего класса, его социальным ядром.

Социальная структура современного советского рабочего класса зависит от социально-экономической неоднородности труда, что приводит к неравенству в мере присвоения и вклада в развитие общенародной социалистической собственности. Это в свою очередь определяет удельный вес и взаимоотношения групп работников, занятых трудом разного уровня квалификации и ответственности, различающихся по роли в организации общественного производства.

В то же время социальные группы, неравные в силу различия их положения в производстве, не образуют жесткой иерархической системы. В реальной действительности социализма они вступают в сложные многосторонние связи друг с другом и с социальными институтами, порожденными социалистической действительностью. Тем самым расширяется сфера неформальных, личных контактов индивидов, принадлежащих к разным группам.

Социальная структура рабочего класса при социализме обладает известной устойчивостью, изменения в ней в отличие от переходного периода от капитализма к социализму происходят относительно медленно.

Тенденции в изменениях внутриклассовой структуры определяются всем механизмом социальной структуры общества, преодолевающего социальное неравенство на пути формирования коммунистических общественных отношений.

Основой исчезновения нынешней дифференциации в рабочем классе служат:

1. Комплексная механизация и автоматизация производства, социальные последствия которой выражаются в уменьшении удельного веса, а позднее и в полном исчезновении профессий неквалифицированного и малоквалифицированного труда, прежде всего тяжелого ручного труда.

2. Рост и расширение рамок производственной демократии, постепенный переход от государственного управления к общенародному самоуправлению.

Важную роль в ускорении ликвидации сохраняющегося еще фактического неравенства групп работников, занятых социально неоднородным трудом, играют:

1. Выравнивание и повышение издержек на воспроизводство рабочей силы.

2. Повышение и сближение уровней общеобразовательной подготовки, поскольку образование — основной фактор социально-профессионального роста; совершенствование деятельности всей системы воспитания подрастающего поколения для компенсации социально-культурных различий семей в воспитании детей.

3. Происходящее по мере сближения квалификационного уровня рабочих и уравнения их вклада в развитие экономики сокращение разрывов в размерах заработной платы при одновременном росте доли общественных фондов потребления; сближение уровня и образа жизни, объема и структуры материальных и духовных потребностей и потребления.

4. Расширение сферы социальных связей индивидов как на производстве, так и вне производства, содействующее увеличению социальной мобильности общества, ликвидации остатков замкнутости социальных групп и слоев; постепенная ликвидация наследственной и внутрипоколенной закрепленности видов деятельности.

5. Сближение по уровню коммунистической сознательности, выступающее мощным социальным фактором, который содействует выравниванию вклада рабочих одинаковой квалификации и образовательной подготовки в развитие социалистической экономики. Здесь решающее значение имеет идеологическая работа, ее воспитательное воздействие. Происходит также повышение общественной активности всех рабочих. Коммунистические начала во взаимоотношениях и быту постепенно все более равномерно охватывают все группы рабочих.

В пределах предприятий важной стороной регулирования социальной структуры коллективов выступает научно обоснованная кадровая политика, обеспечивающая наиболее рациональную расстановку и продвижение работников с учетом максимальной производственной и социальной эффективности их деятельности.

Естественно, что главным путем планомерного и направленного воздействия на все эти процессы остаются мероприятия, осуществляемые в масштабах общественной макроструктуры. Они связаны с планомерной реализацией прежде всего требований закона перемены труда, именно при социализме получившего простор для

своего действия в экономической и социальной сферах, а также из потребностей закономерного процесса перерастания государственного (профессионального) управления в общественное самоуправление.

Конкретно это означает направленное воздействие на темпы и характер технического прогресса, обеспечивающего изменение структуры рабочих мест. Социальная направленность технического прогресса при переходе к коммунизму состоит в том, что комплексная механизация и автоматизация производства и рост технической вооруженности труда приводят к превращению рабочего из агента производства в его регулятора. Именно на этой основе преодолевается социально-экономическая неоднородность труда, а соответственно и сложившаяся социальная структура работников производства.

Выявление основных тенденций и процессов, происходящих в рабочем классе советского общества, позволяет наметить прогнозы возникновения и снятия некоторых неизбежных противоречий в его развитии.

Вряд ли оправдано прогнозировать на ближайшее время ту «идеальную модель» социально-профессиональной структуры, которая в последнее время выдвигается в литературе (механик — наладчик — конструктор — научный работник — организатор производства). Следует ориентироваться на структуру, которая предполагает: а) резкое возрастание численности работников квалифицированного, преимущественно физического труда, занятых у машин и механизмов, и работников квалифицированного, преимущественно ручного, физического труда, связанных с обслуживанием машин и механизмов; б) значительное увеличение групп работников квалифицированного нефизического труда; в) опережающий (по сравнению со всеми другими социально-профессиональными группами) рост численности работников квалифицированного умственного труда.

Конкретные расчеты в подобного рода прогнозах должны, очевидно, исходить из реальной динамики социальной структуры. А эта динамика предопределена двумя комплексами показателей: 1) подвижной (и регулируемой) структурой рабочих мест; 2) социальной структурой населения, воспроизводящей социальные группы в определенных пропорциях, в которых отражаются ожидания роста вертикальной социальной мобильности.

Такая тенденция воспроизводства рабочих мест еще, однако, не предполагает, что реализация жизненных планов молодежи, ориентированных на быстрые темпы социальных эгалитарных процессов в нашем обществе, может протекать вполне безболезненно, гладко, без всяких противоречий.

Рабочие места, имеющие тенденцию к возрастанию, как бы размываются на две резко отличные группы: первую — с содержанием труда, требующим образовательного ценза в объеме 8 лет обучения, и вторую — с содержанием труда, требующим высшего образования или по крайней мере среднего специального образования. Между тем вступает в жизнь поколение, имеющее примерно равную культурно-образовательную подготовку (полное общее среднее образование). Каждый (или почти каждый) представитель этого поколения претендует на рабочее место, соответствующее по сложности труда полученному образованию. Но с точки зрения требований, предъявляемых должностью и профессией, большинство молодых рабочих в настоящее время обладает избыточным образовательным цензом.

С чем же связаны эти требования? Они связаны с оценкой регламентированных социально-производственных функций работника, занимающего определенное место в строго иерархизированной формальной структуре предприятия. Но если взять всю социальную структуру социалистического предприятия, включающую также формально-неадминистративную структуру (общественные организации) и неформальную структуру, то нетрудно обнаружить, что социальный статус конкретного работника и групп работников представляет собой весьма сложную величину. Она складывается не только из профессионально-квалификационных и должностных показателей (т. е. места в формальной структуре), но и из участия в общественной деятельности, в управлении предприятием через партийные и иные общественные организации, из участия в совершенствовании производства, из лидерства в малой группе и т. д.

При таком подходе к показателям образования никакой его «избыточности» нет. Более того, само по себе законченное среднее образование оказывается лишь минимумом, необходимым для реализации совокупно взятых социальных функций советского рабочего. Мы уже не

говорим о том, что участие в политической деятельности, воспитание детей и другие общественные функции также требуют высоких показателей образования.

Однако сказанным никак не снимается реальное социальное противоречие между уравнительностью образовательной подготовки молодежи и иерархией рабочих мест на производстве, которая сохраняется на современном этапе научно-технической революции. Неудовлетворенность молодых рабочих содержанием регламентированных функций может быть смягчена (а не снята) мероприятиями по расширению рамок производственной демократии, более широким вовлечением их в техническое творчество и активную политическую деятельность, а также развитием их непрофессиональных дарований и интересов (занятия спортом, искусством и т. д.).

Реально существует и другое противоречие — между уровнем механизации производства и требованиями рабочих, особенно молодых, к содержанию труда. Уже сегодня, как показали итоги конкретных социологических исследований, в советской промышленности практически исчезла категория кадрового подсобного рабочего. Кадровиками в этих видах труда выступают в основном люди старше 50 лет. Молодежь на крайне малый срок задерживается на такой работе. По нашему мнению, это относится не к минусам, а к бесспорным плюсам социалистического производства, однако определенные трудности подобное явление порождает Отсюда необходимость, во-первых, сделать этот труд временным для рабочего и, во-вторых, ускорить его механизацию.

Сложнее обстоит дело с профессиями так называемых средних слоев рабочего класса (станочники, слесари и т. п.). Тенденция к возрастанию профессиональной подвижности наблюдается и здесь. Причем особенно часто меняют указанные профессии рабочие с десятилетним образованием, которые, естественно, быстрее осваивают новые профессии.

Важнейшей причиной повышенной социально-профессиональной мобильности молодежи является возросшее несоответствие условий работы в заданном круге профессий новым социальным нормам. Это противоречие связано именно с влиянием научно-технической революции. Хотя число рабочих мест по профессиям умственного и умственно-физического труда еще недостаточно,

в социальных средах, в том числе и в семьях, к которым принадлежат молодые люди, ищущие применения своему труду, уже сформировались довольно прочные установки на содержательную трудовую деятельность в современном автоматизированном производстве или в сфере науки. Весь уклад воспитания детей в большинстве городских рабочих семей готовит новые поколения к подобного типа труду. (Например, опрос выпускников ленинградских средних школ 1963—1968 гг. показал, что 85% из них реализовали свое намерение поступить в вуз или техникум, хотя и не сразу после окончания школы.)

Ясно, что в перспективе необходимы специальные мероприятия по расширению нерегламентированных функций работника на производстве. И здесь научно-техническая революция на нынешнем своем этапе порождает определенные социально противоречивые последствия. Так, внедрение кибернетических устройств в сферу управления резко усиливает профессионализм в выполнении управленческих функций. Это явление заслуживает специального анализа и выработки эффективных рекомендаций.

Широкое применение вычислительной техники приводит также к оптимизации решений в конструировании машин и разработке технологических схем. Тем самым ограничиваются возможности рационализаторской работы. Творческие потенции рабочих в автоматизированных комплексах могут найти проявление лишь на более высоком уровне — в изобретательстве, а это требует новых изменений роли рабочего на производстве.

Однако и социальные роли рабочих, и социальные нормы «закладываются» не только на предприятии. Здесь важное значение имеет тип поселения, в котором проживает работник или группа работников. В социологическом смысле целесообразно классифицировать поселения не в зависимости от отраслевой структуры производства и разделения проживающих на работников сельского хозяйства и других отраслей, а по степени завершенности социальной структуры и темпам социальной мобильности в данном поселении, т. е. в зависимости от наличия в социальной структуре города или села всех элементов социальной структуры общества, взятого в целом.

На почве усиливающегося процесса урбанизации, ко-

торый тесно взаимосвязан и в значительной мере предопределен научно-технической революцией, несмотря на «идеальные» схемы размещения населения, стихийно складываются определенные пропорции между различными по размеру городами, между городом и селом. Стремление населения в города, особенно в крупные, обусловлено, в частности, и, пожалуй, в первую очередь неодинаковыми в разных поселениях возможностями социального и экономического порядка.

В связи со сказанным о некоторых основных процессах, происходящих в рабочем классе под воздействием научно-технической революции, естественно, возникает вопрос о корнях рассмотренных противоречий. Такие проблемы индустриализации, как механизация труда, решаются уже в ходе научно-технической революции. Благодаря этому они решаются быстрее и лучше, чем могли бы быть решены на более ранних этапах, в рамках самой индустриализации, но по той же причине имеют место известная неравномерность и диспропорции в развитии. В этом, по-видимому, главный источник некоторых противоречий, возникающих в обществе, в том числе и в рабочем классе. Успешное социальное и экономическое строительство, углубление научно-технической революции приведут к преодолению естественно возникающих на этом пути трудностей и к дальнейшим преобразованиям рабочего класса.

В процессе перехода к коммунизму будет преодолено разделение на работников умственного и физического, организаторского и исполнительского, квалифицированного и неквалифицированного труда. Всесторонне развитая личность, способная к перемене занятий, станет на место профессионально ограниченного, социально-закрепленного за определенным видом труда работника. Этому также будет содействовать поголовное привлечение всех трудящихся к участию в управлении.

Однако результатом этих процессов будет не некая новая структурная организация рабочего класса, а ликвидация общественных классов, формирование социальной структуры бесклассового коммунистического общества. Ныне существующая социальная структура классов в советском обществе представляет собой исторически конечный, завершающий этап эволюции классов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

Глава I МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СОВЕТСКОГО РАБОЧЕГО КЛАССА 16

§ 1. Проблемы изучения социальной структуры общества —

§ 2. Классовая структура общества. Развитие классов при социализме 52

§ 3. Рабочий класс в его исторически подвижных границах 94

§ 4. Критерии дифференциации рабочего класса социалистического общества 130

§ 5. Методика исследования. Характеристика основных групп источников 162

Глава II. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РАБОЧЕГО КЛАССА В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД ОТ КАПИТАЛИЗМА К СОЦИАЛИЗМУ 192

§ 1. Некоторые данные о структуре российского пролетариата в 1917 г. . . . . —

§ 2. Социалистическое переустройство общества, миграция населения и рабочий класс 220

§ 3 Политика пролетарского государства по регулированию социальных источников пополнения и пропорций элементов социальной структуры рабочего класса 236

§ 4. Основные социальные слои в рабочем классе и их взаимоотношения 246

§ 5. Роль общего образования и профессиональной подготовки в социальном развитии рабочего класса 285

Глава III СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РАБОЧЕГО КЛАССА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА 307

§ 1. Изменения в структуре населения СССР и рабочий класс . . . . . —

§ 2. Научно-техническая революция и квалификационно-профессиональная структура рабочего класса 322
§ 3. Изменения в образовательном уровне и профессиональной подготовке 352
§ 4. Социальные группы в рабочем классе развитого социалистического общества 366
§ 5. Социальные связи и социальная мобильность . . . 426

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 456

Академия наук СССР
Институт научной информации
и фундаментальная библиотека
по общественным наукам

Шкаратан, Овсей Ирмович

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РАБОЧЕГО КЛАССА СССР

(Историко-социологическое исследование)

Редакторы *Е. И. Михлин, О. П. Бочкова*
Младший редактор *Т. В. Яглова*
Оформление художника *Л. А. Кулагина*
Художественный редактор *А. А. Брантман*
Технический редактор *В. Н. Корнилова*
Корректор *Л. Ф. Кирилина*

Сдано в набор 14 мая 1970 г. Подписано в печать 22 октября 1970 г. Формат бумаги 84 × 108¹/₃₂. № 2. Усл. печатных листов 24,78. Учетно-издательских листов 26,11. Тираж 4000 экз. А 07540. Цена 1 р. 75 к. Заказ № 972.

Издательство «Мысль». Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, Красная ул., 1/3.